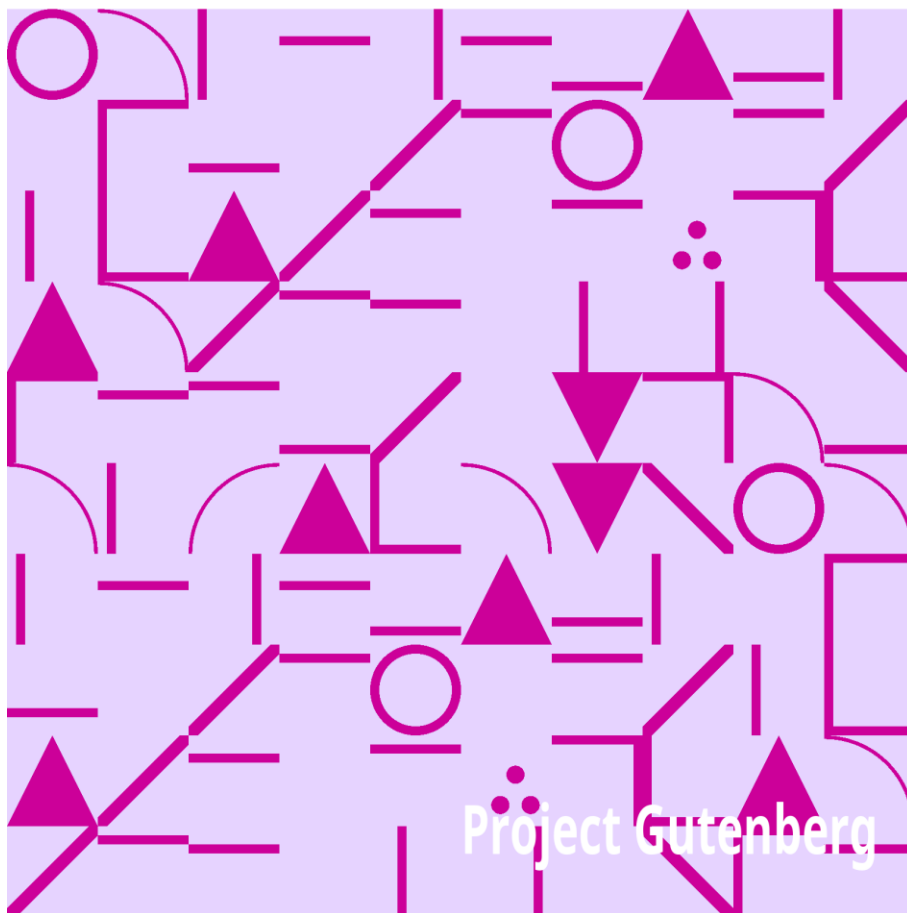

Колдовство Новой Англии, объясненное современным спиритизмом

Аллен Патнэм

**Witchcraft of New England Explained by
Modern Spiritualism**

Allen Putnam

The Project Gutenberg eBook of Witchcraft of New England Explained by Modern Spiritualism.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Колдовство Новой Англии, объясненное современным спиритизмом

Автор: Аллен Патнэм

Дата выхода: 3 июня 2011 [eBook #36312]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Брайаном Нессом и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK WITCHCRAFT OF NEW ENGLAND EXPLAINED BY MODERN SPIRITUALISM ***

КОЛДОВСТВО НОВОЙ АНГЛИИ, ОБЪЯСНЕННОЕ СОВРЕМЕННЫМ СПИРИТИЗМОМ.

BY ALLEN PUTNAM, Esq.,

АВТОР КНИГ "БИБЛЕЙСКИЕ ЧУДОТВОРЦЫ", "НЭТТИ, ДУХ", "МЕСМЕРИЗМ, СПИРИТИЗМ, КОЛДОВСТВО И ЧУДО", "АГАССИС И СПИРИТИЗМ" И ДР.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

БОСТОН:
COLBY AND RICH, PUBLISHERS,
9 Montgomery Place.
1881.

КОПИРАЙТ,
1880,
АЛЛЕН ПУТНАМ, эск.

Стереотипно отпечатано в Бостонской литейной мастерской,
No. 4 Pearl Street.

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие, стр. 9.-Ссылки, 14.-Пояснительная записка-определения, 15.

Мазер и Калеф, 25.- Рассказ Маргарет Рул, 26.- Определения колдовства, 29.- Поручение дьявола, 30.- На Маргарет напали призраки, 31.- Предложили книгу и ущипнули, 33.- Поели и увидели человека, способного утонуть, 34.-Поднял, и увидел белого духа, 35.-Рубился с Мазером, 37.-Посещали шпионы, 39.-Молились, и почувствовали запах серы, 40.-Фаулер обвиняет в делириуме, 41.-Доказательства Ависа, 44.-Калеф сбит с толку, 46.-Левитация Р. Х. Сквайрса, 46.

Коттон Мазер, 52.- Рассказ Хейвена о Мерси Шорт, 71.

Роберт Калеф, 73.

Томас Хатчинсон, 76.

С. У. Апхэм, 80.

Маргарет Джонс, 85.- Рассказ Уинтропа о ней, 87.- Рассказы Хатчинсона и Апхэма, 88.- Наши собственные, 89.- Дж. Опыт У. Кросби, 94.- Дух пророчества, 99.- Ребенок-дух, 100.- Материализация, 102.- Ньюберипортский мальчик-дух, 103.- Почему Маргарет казнили, 109.- Ошибочная вера, 114.- Случай Маргарет изолирован, 119.- Эпитафия, 121.

Энн Хиббинс, 122.- Письмо Бича, 123.- Рассказ Хатчинсона об Энн, 124.- Уфам, 126.- Ее завещание, 128.- Ее остроумие, 131.- Внутренний слух Денсмора, 135.- Гадание, 138.- Ее социальное положение, 140.- Помешанная, 130, 142.- Ее интуитивные способности, 143.- Ее озарение, 146.

Энн Коул, 147.- Рассказ Хатчинсона, 147.- Рассказ Уайтинга, 148.- Гринсмиты, 153.- Репрезентативные переживания, 154.

Элизабет Кнап, 157.- Как на нее повлияли, 158.- Давно привыкла видеть духов, 160.- Обвиняла мистера Уилларда, 162.- Случай спиритизма.

Семья Морзе, 167.- Физические проявления, 168.- Мальчик-моряк, 169.- Кaleb Пауэлл, 170.- Рассказ Хаззарда о Риде, 172.- Рассказ Мэтра о Джоне Стайлзе, 175.- Миссис Морзе обвиняется, 178.- Отчет Хейла, 182.- Свидетельство Морзе, 184.-2d do., 187.- Его характер, 190.- Ошибки историков, 193.- Чудеса в графстве Эссекс, 197.- Эльяким Фелпс, 198.

Семья Гудвин, 199.- Рассказ Хатчинсона, 201.- Характер детей, 207.- Дикая ирландка, 210.- Дело Филипа Смита, 211.- Рассказ Уфама, 213.- Утрата духом земного языка, 216.- Мать польщена, 217.- Вес девочки утроен, 219.- Личность матери защищена, 221.- Вывод Уфама

невероятен, 223.- Хатчинсон не растолковал, 224.- Справедливость к дьяволу, 227. Резюме, 229.

Салемское колдовство, 231.- Произошло в Дэнверсе, 231.- Кружок девушек, 233.- Их недостаток образования, 235.- Препятствия к их встрече, 236.- Возможности медиумов, 239.- Кухня в приюте, 240.- Припадки прекращаются поркой, 242.- Недостаток знаний у Уфама, 243.- Демонстрация зайца, 245.- Плач и предостережения Уфама, 246.-Ничего сверхъестественного, 249.-Позиция Уорли, 252.-Пострадавшие знали своих обидчиков, 254.- Имена пострадавших, 257.-Отчет мистера Пэрриса о приходе колдунов, 259.-Что произошло, 260.-Отчет Лоусона, 261.-Заколдованный пирог, 262.-Джон Индиан и Титуба, 263.-Участница и свидетельница Титуба, 267.

Титуба, 271.- Допрос, 271-297.- Краткое изложение ее показаний, 298.- Расхождения между Чивером и Корвином, 301.- Даты, установленные Корвином, 303.- Авторитет Титубы как излагателя, 308.- Извещение Калефа о ней, 309.- Ее признание, 312.- Ее несчастная судьба, 313.

Сара добрая, 313.-Почему она видна призрачно, 314.-Ее осмотр, 315.-Месмерическая сила, 318.-Люди, отсутствующие в форме, страдают, 320.-Не только ясновидение видит духов, 323.-Ее непостоянство, 324.-Ведьма, потому что не околдована, 325.-Ее невидимость, 325.-Н. Рассказ Б. Сторера о миссис Комптон, 326.- Показания Энн Патнэм, 331.- С. Пророческий взгляд Гуда, 335.

Доркас Гуд, 335.- Укусы зубами духов, 336.- Состояние мнения, допускающего ее арест, 338.- Представление Апхэма о возбуждении общественности, 339.- Любимые ведьмы в настоящее время, 342.

Сара Осберн, 342.- Видела призраков, 343.- Слышала голос, 345.

Марта Кори, 347.-Характер, посещение Патнэмом и Чивером, 348.-Оскорбление их визита, 348.-Подверглась суду, 352.-Рассказ Калефа и Апхэма о ней, 353.-Ее молитва, 354.

Джайлс Кори, 354.- Отказался признать вину, 355.- Был приговорен к смерти, 356.- Его героизм, 357.

Сестра Ребекка, 358.- Видела явление, 358.- Ее мать - ведьма, 360.- У нее были припадки, 361.- Смушение на суде, 362.- Сила воли, 363.- Элизабет Пэррис, 364.- Агассис, 365.- Не виновна, а потом виновна, 367.

Мэри Исти, 367.- Ее допрос, 368.- Характер ее суда, 370.- Ее прошение, 371.- Последний час, 373.

Сюзанна Мартин, 373.- Ее экзамен, 374.- Дьявол принял облик Сэмюэля, 374.- Р. Позиция П., 375.- Ее явление вызвало раздражение, 377.

Марта Кэрриер, 378.- Допрос, 378.- Ее дети ведьмы, как они страдали, и их признания, 381.

Джордж Берроуз, 390.- Обвинение, 391.- Мнения о нем, 392.- Явления его жен, 394.- Его подъемы, 399.- Дьявол-индеец, 402.- Чтение мыслей, 405.- Его восприимчивость и характер, 406.

Резюме, 408.- Количество казненных, 412.- Духи, доказавшие, что они были колдунами, 414.

Исповедники, 415.

Обвиняющие девушки, [420](#). - Признание Энн Путнам, [420](#).

Обвинители, [425](#).

Автор колдовства, [428](#).

Мотив, [432](#).

Местный и личный, [445](#).

Методы провидения, [451](#).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Колдовской дьявол христианства, [459](#).

Ограничения его власти, [464](#).

Завет с ним, [466](#).

Его защита, [467](#).

Демонология и некромантия, [468](#).

Библейская ведьма и колдовство, [470](#).

Ведьма и колдовство христианства, [471](#).

Дух, душа и психические силы, [472](#).

Два набора психических сил - Агассис, [476](#).

Марвел и спиритизм, [478](#).

Поклонение индейцев, [480](#).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

"Более благородная тенденция культуры - и, прежде всего, научной культуры - состоит в том, чтобы чтить мертвых, не пресмыкаясь перед ними; извлекать пользу из прошлого, не принося его в жертву настоящему" - Эдвард Б. Тайлор, *"Первобытная культура"*.

Большая часть истории колдовства Новой Англии, написанной с 1760 года, позорит мертвых, пышно обвиняя их в самозванстве, мошенничестве, злонамеренности, легковерии и увлеченности; приносит в жертву прошлые поступки, мотивы и характеры, скептически относясь к проницательности и мужественности отцов, бесхитростности их дочерей и правдивости древних записей. Передаваемые рассказы о некоторых явлениях подвергаются пренебрежению, по-видимому, потому, что факты, утверждаемые в них, не поддаются решению с помощью распространенной сегодня философии, которая отбрасывает некоторые агенты и силы, действовавшие в древности. Закономерная тенденция культуры была обращена вспять; то, что она должна была использовать и чтить, она занялась сокрытием и вымарыванием.

Исключение среди упомянутых писателей составляет автор следующей выдержки, который, будучи просто историком, а не сторонником какой-либо конкретной теории решения

проблемы колдовства, кажется, готов позволить приписать свои труды компетентным агентам.

"Что касается изложения фактов, то до сих пор не появилось более точного и правдивого рассказа об этой ужасной трагедии, чем повествование губернатора Хатчинсона. Его теория по этому вопросу - что это было полностью результатом мошенничества и обмана со стороны пострадавших детей - не будет общепринятой на сегодняшний день, и его аргументы по этому вопросу не будут считаться убедительными..... Существует тенденция проследить аналогию между явлениями, демонстрировавшимися тогда, и современными духовными проявлениями."-W. F. Poole, *Geneal. and Antiq. Register*, October, 1870.

При написании следующей работы ее автор руководствовался тенденцией, которую назвал Пул. Обзор области чудес был далеко не исчерпывающим - его цель не требовала очень обширных исследований. Достаточно было отдельных случаев, репрезентативных для общих проявлений и рассматриваемой темы. Цель состояла в том, чтобы найти в древних записях, а затем привести в них утверждения и значения, долгое время покоившиеся незамеченными под пылью более чем ста лет, а потому практически утраченные.

В ходе поисков внимание было обращено не только на явные деяния, но и на некоторые природные зачатки и их закономерное развитие в верования, побудившие добрых людей к совершению страшной трагедии.

Изучение подвальных стен - фундаментов распространенных популярных объяснений древних чудес - заставляет убедиться, что им не хватает ни широты, ни материалов, необходимых для устойчивости. Современные строители колдовской истории либо не смогли найти, либо сочли неуправляемыми любые имеющиеся в их распоряжении приспособления, а потому не стали пытаться обрабатывать огромное количество прочных исторических камней, которые доступны и могут быть использованы. Не имея их, эти современные люди позволили фантазии изготовить их для них, и они построили здание из ее хрупкого материала, который быстро распадается под химическим воздействием мирового здравого смысла.

Мы предложили здесь зарождающийся шаг к опровержению достаточности и справедливости одной из основных теорий, уже давно распространенной, для удовлетворительного объяснения очень многих хорошо доказанных чудесных фактов. Некоторые из них были представлены на страницах Хатчинсона, Апхэма и их последователей; и все же они либо вообще не , либо смутно или нелепо комментировались, либо обосновывались. Очень многие другие, и самые важные из всех, как основы и помощники для приемлемого и истинного решения целого, не видны там, где они должны были бы занимать видное место. Представление и правильное использование их могло бы привести к тому, что общественное сознание опрокинуло бы здания, которые с удовольствием возводят современные строители.

Наша цель - не писать историю, а дать новое объяснение старым событиям. Давно и широко распространенная теория о том, что колдовство в Новой Англии было исключительно результатом мирского мошенничества, самозванства, хитрости, уловки, злобы и тому подобного, никогда не отвечала разумным требованиям здравого смысла, который всегда требует, чтобы определенные агенты и силы были, вероятно, компетентны производить все те эффекты, которые им явно приписываются.

Люди, которые в древности подвергались страданиям, называемым в то время околдовыванием, и другие, через которых или от которых эти страдания якобы исходили,

теперь широко предполагаются как обладающие организацией, темпераментом и свойствами, которые делали их исключительно податливыми под воздействием субтильных сил, либо магнитных, магнетическими, месмерическими или психологическими, и которые, следовательно, иногда могли быть и становились мнимыми носителями знаний, чья чудесность указывала на таинственный источник, и мнимыми исполнителями действий, которые считались более чем естественными, и которые, на самом деле, были продуктами воли, не присущей проявляющимся формам. Особые силы, которые вызывали околдовывание и применяются сейчас, не действуют на других смертных, кроме особых сенситивов; и их действие на таких людей часто наиболее легко и эффективно проявляется благодаря помощи, получаемой от других подобных сенситивов. Выбор как предметов, так и инструментов издревле контролировался, да и сейчас контролируется общим законом. Стальные иглы и железные потолки выбираются не по свободной воле магнита, когда он заставляет их вскочить со своих мест и приклеиться к себе. Ими овладевает кажущаяся левитация, и невидимая сила уносит их туда, куда гравитация, их обычный держатель, их не пустит. Именно на стали, а не на свинце, на железе, а не на камне, магнит может совершать свои чудесные подъемы. Природные условия определяют выбор. Организмы, темпераменты, жидкости, твердые тела и всевозможные свойства в той или иной степени не похожи ни в одном из двух человеческих тел, и диапазон различий и вытекающих из них восприимчивостей очень широк. Психологический магнит в видимом или невидимом мире может иметь силу притягивать к себе определенные человеческие формы и использовать их в качестве своих инструментов, но при этом не обладать достаточной силой, чтобы оказывать ощутимое воздействие лишь на немногих из массы живых людей. Там, где его действие наиболее эффективно, он управляет движениями того, кого держит в своих объятиях, выводит человеческую форму из-под контроля духа, который обычно управляет ею, и через эту форму проявляет свои собственные силы и цели. Как предполагаемые околдованные, так и околдовывающие могли по отдельности принимать лишь незначительное, если вообще какое-либо, добровольное участие в проявлении тех удивительных явлений, которые им приписывались. Там, где используются физические органы, публика склонна считать эти действия намеренными поступками тех, чьими формами оперируют, в то время как воля тех, чьи формы зримо участвуют в чудесных делах, могла быть раньше, как и сейчас, не более чем невольным, а во многих случаях и бессознательным инструментом.

Страдающие - иными словами, заколдованные - могли действительно ощущать, - что они, несомненно, часто делали, - а также знать, что досады и мучения, которые они терпели, усиливались, если не порождались, эманациями, исходящими от конкретных лиц, которых они называли своими обидчиками; и эти обидчики могли не сознавать, что их собственные ауры исходят и действуют на страдальцев.

Главный неинтеллектуальный инструмент, используемый для создания чудес, спиритизма, некромантии и других родственных чудес, сейчас обычно называют психологической силой - силой, живущей в душе и исходящей от нее, от воли и эмоциональных частей живого существа; Это сила, с помощью которой некоторые люди управляют магической властью не только многими животными низших порядков, но и некоторыми восприимчивыми представителями своего собственного вида; эта сила глубоко укоренилась в нашем существе и может сопровождать человека, когда он покидает свое внешнее тело, и продолжать быть его в существовании за пределами настоящего.

Узурпирующие возможности этой силы были поразительно описаны прославленным Агассисом в его тщательно написанном отчете о собственных ощущениях и состоянии, когда

он находился в месмерическом трансе, наведенном на него преподобным Чонси Хейром Тауншендом. Великий естествоиспытатель - сильный человек как психически, так и физически - говорит, что он потерял всякую способность пользоваться своими конечностями - всякую способность даже *волевым усилием* двигать ими, и что его тело было вынуждено против его собственного сильнейшего возможного сопротивления шагать по комнате, повинаясь воле месмеризатора. Поскольку такая сила преодолела сильнейшее сопротивление гигантского Агассиса, можно с уверенностью утверждать, что менее крепкие люди в любую эпоху могли быть покорены и приведены в действие ею.- См. стр. 385 в книге *"Факты месмеризма", 2-е изд. London, 1844, by Rev. Chauncy Hare Townshend.*

Те, кого обвиняли в околдовывании других, были фонтанами, из которых невидимые разумные существа иногда черпали свойства, помогавшие им получать и сохранять контроль над теми, кого они околдовывали или использовали иным образом. Также из них, вероятно, иногда исходили нежелательные эманации, которые естественным образом притягивались к другим сенситивам, воспринимавшим их источник и объявлявшим его дьявольским, поскольку исходящий от него поток был раздражающим. Безличные природные силы в некоторой степени и временами, вероятно, определяли жертвы, которые были сожжены на колдовском алтаре.

Приведение свидетельств и доказательств из ранних исторических записей, что в производстве колдовства в Новой Англии главную роль играли другие агенты и силы, нежели те, которые обычно признают современные историки, вместе с изложением законных и веских предубеждений, исходящих из статей в вероучениях старого времени, выставит наших предков в гораздо лучшем свете, чем они предстают в последующей истории; укрепит ореол невинности некоторых их жен и дочерей, вокруг которых историки бросали оттенки, подходящие только для самых злодейских преступников; а также покажет печально ошибочные упущения, недостатки и софизмы некоторых людей, чьи труды во многом способствовали формированию существующих в мире ошибочных и суровых взглядов и оценок.

Некоторые оперативные, общемировые и повседневные явления нынешней эпохи, не поддающиеся учету и часто высмеиваемые адептами распространенных наук и философий, по-видимому, справедливо претендуют на всеобщее, откровенное и самое строгое рассмотрение. Даже если их презирают и осуждают люди, они, тем не менее, широко и наиболее эффективно работают на благо или во вред миру. Свидетельства их положительного существования огромны по количеству, и большая их часть исходит от свидетелей, чьи слова по любым обычным вопросам были бы абсолютно неопровержимы.

Более двадцати пяти лет назад таинственные удары по стенам и мебели в коттедже были отнесены к причинам, которые, будучи невидимыми и неосязаемыми, могли насчитать ДЕСЯТЬ. Мелочь, не правда ли? Нет; ведь ее учения и влияния широко распространились и эффективно работали. Они расширили область природы, как ее представлял себе человек, открыли перед ним новые области исследования и снабдили его огромным количеством новых взглядов и догадок, которые проникают в вероучения, философию, науку, объяснение истории и большинство вещей, относящихся к благосостоянию цивилизованного общества. Возможно, они действуют так эффективно, ведь они утверждали, что их, и их сила указывает на то, что так оно и есть, двигают вперед силы более могущественные, чем те, что подвластны воплощенным людям.

Рэпы, исполняемые невидимыми рэперами; поднятие столов, пианино и т. д. невидимыми подъемниками; музыка, льющаяся из роялей, гармоник и других инструментов, не имеющих

видимых манипуляторов; карандаши, пишущие разборчиво, поучительно, красноречиво, когда ни одна видимая рука не держит и не двигает их; левитация столов и человеческих форм; перенос книг и других предметов с одной стороны комнат на другую невидимыми носителями; руки из плоти, безнаказанно хватающие и удерживающие живые угли огня; поднятие человеческих форм с пола на потолок и удержание их там невидимыми существами; оттиски узнаваемых образов ушедших смертных на пластинах фотографов; представление движущихся и осязаемых рук и кистей там, где нет тела для их прикрепления; материализация целых форм ушедших, а также речь и движение вновь облаченных так точно, как при жизни, чтобы их отчетливо и безошибочно узнавали оставшиеся в живых родственники и знакомые; - эти и многие другие родственные им явления могут быть, и мы просим рассматривать их отдельно от всех устных или письменных сообщений духов, а также отдельно от характера, положения и привычек спиритуалистов. Такие представления, как только что было указано, могут рассматриваться как самостоятельный класс, заслуживающий внимания и самого пристального изучения со стороны приверженцев физических наук и всех логических умов. Даже если они появились из современного Назарета, неясность места их появления не является убедительным аргументом против их способности просвещать человека и расширять границы человеческого знания.

Когда в грядущие дни некое более совершенное и отточенное перо применит для решения колдовских чудес теорию, основанную на классах агентов, сил и т. д., которые сейчас развивают современные чудеса, ее пригодность и адекватность привлекут широкое внимание и получат всеобщее признание. Наша работа, конечно, будет далека от таких результатов, потому что тот, кто здесь пишет, не обладает никакими властными полномочиями, - никогда не имел особого вкуса к историческим и антикварным исследованиям, - в течение многих лет в прошлом обнаружил себя гораздо, очень гораздо, более склонным искать умственное и моральное богатство в наступающих, чем в отступивших временах, - обладает лишь умеренным мастерством и менее чем умеренной способностью к литературному творчеству, - провел большую часть взрослой жизни в занятиях, которые лишили его не только возможности читать исторические, литературные или научные книги, но и общаться с высококультурным обществом. Поэтому в его побелевших локонах и угасающих силах сознательно обнаруживается недостаток почти всех качеств, необходимых как для хорошего историка, так и для хорошего толкователя и прикладника любой теории, относящейся к глубоким и запутанным темам, связанным с оккультными агентами и силами.

Зачем же тогда писать? Возможно, в наших мотивах сильно тщеславие. Почти из глубины веков, насколько нам позволяет память, мы слышали из уст деда рассказы о том, что его дед и другие делали и страдали, когда колдовство бушевало в нашем родном приходе и грозило бедой тем, кто жил в доме, в котором мы родились и выросли. С самого детства эта тема никогда не была для нас новой. Мы с самого начала почувствовали и с тех пор всегда чувствовали, что здесь происходили дела, превышающие возможности смертных. Но кто мог быть их творцом, долгое время оставалось мрачной загадкой. Их действия делали их далеко не приятными объектами для созерцания. Как и большинство других местных жителей, мы раньше очень хотели, чтобы темная материя дремала в безвестности, и не желали привлекать внимание к ее аспектам и характеру.

Но не так в более поздние годы. Впрочем, большинство людей на месте сейчас, скорее всего, против его рассмотрения. Менее трех лет назад комитет по организации прихода был очень заинтересован в том, чтобы на праздновании двухсотлетия этой мрачной темы было уделено совсем немного внимания. Их желания и наши сильно расходились. То, что

вежливость не позволила им запретить, вежливость не позволила нам сделать в широком масштабе. Мы только что открыли эту тему, а теперь, в продолжение, скажем, что нам хотелось бы тогда, на месте его рождения, смыть с их самого печально известного ребенка много черной краски, в которую его окунул мир, и позволить им взглянуть на человека с более светлым цветом лица и более достойную личность, чем они считали этого прославленного уроженца. Мы напрасно надеемся, что, продолжая нашу речь, мы приведем факты и взгляды, которые представят салемское колдовство в новых и менее мрачных аспектах и развеют то, что кажется жителям тех мест, где оно происходило, "облаком тьмы". Помимо тщеславия, нами двигало определенное желание дать жителям Дэнверса и многим другим возможность узнать факты и истины, которые пока воспринимаются лишь немногими, и которые придают великой сцене колдовства характер, гораздо менее неблагоприятный для тех, кто в ней участвовал, чем тот, который был представлен предыдущими толкователями и широко принят публикой как правдоподобный. Учения спиритизма осветили те места, где колдовство было погружено в дремоту; и теперь становятся известны факты, свидетельствующие о благотворных результатах там, где раньше не было ничего, кроме пагубных. Возможно, желание показать, что спиритизм был просветляющей силой для нас и может стать таковой для других, занимает важное место среди наших мотивов.

Возможности для изучения проявлений духа появились на пути писателя более двадцати лет назад и повторяются довольно постоянно вплоть до настоящего времени. Давнее освобождение от тесной круговерти профессиональной жизни и размышлений и, как следствие, свобода жить и двигаться в относительной изоляции от раздражения и страха, которые вызывает известное или предполагаемое внимание к непопулярным и запретным вопросам, позволили ему быть более открытым, откровенным, настойчивым и внимательным наблюдателем этих чудесных произведений, чем большинство других людей, которые провели ранние годы в академических и студенческих залах. Не испытывая страха перед поношениями, инсинуациями, намеками или рычанием со стороны прихожан, пациентов или клиентов, он искал, находил и стремился использовать вдумчиво, критически и религиозно, обширные и разнообразные, часто очень благоприятные возможности для оценки силы и ценности предполагаемых свидетельств и доказательств того, что мы, все мы постоянно живем среди агентов, сил, условий, способностей, сил и восприимчивости, действующих на нас и наших соседей или живущих в них, которые обычное наблюдение и наука обычно не признают. Таким образом, по его мнению, были получены ключи к таким знаниям, которые обещают в недалеком будущем не только дать решение древнего колдовства, которое выдержит испытание временем и здравым смыслом, но и заставить физическую науку человека заключить в свои объятия агентов и силы, которые до сих пор ускользали от ее признания. Разнообразные явления спиритизма, колдовства и чуда *не выходят за рамки природы*.

Современный спиритизм, наполненный, как и все живое, свидетельствами и некоторыми разумными *доказательствами* будущей жизни, сегодня более эффективен для сохранения веры среди мыслящих людей в то, что их ожидает жизнь за гранью, чем все остальные действующие силы, которые человек может применить. Наука - да, передовая *наука*, основанная на наблюдаемых, доказанных и подтвержденных фактах спиритизма, древнего и современного, - единственная сила, способная остановить разрушающую надежду нашествие лысого материализма, который сейчас преследует по пятам физическую науку и либеральную культуру во всем просвещенном христианстве.

Восприятие более двадцати лет назад убедительных признаков того, что перед человеческими чувствами, рэпом, столовыми приборами и т. п. развивается острый интеллект, обладающий странной силой, - и этот интеллект, если к нему правильно обращаться, может стать полезным учителем, - побуждали автора как можно лучше использовать каждую возможность для расширения своего знакомства со странными посетителями, не сомневаясь, что в конце концов он получит достаточно, и даже более чем достаточно, чтобы с лихвой компенсировать потерю касты, благосклонности или репутации, к которой может привести его курс. Во время своих благонамеренных, затяжных и благоговейных поисков вдоль тусклых сумеречных границ страны духов он то и дело ловил проблески законов, сил, условий и агентов, которые земные существа - воплощенные и развоплощенные - могут, и в ограниченных масштабах, использовать совместно для взаимного общения и для взаимной помощи в деле улучшения, возвышения и блаженства - для социального, интеллектуального, морального и религиозного роста. Он имеет в виду *взаимную* помощь; ведь тем, кто освободился от плоти, помогает общение со смертными. Вознаграждение будет большим.

Его непосредственной темой является только колдовство; но свет, который он пытается пролить на него, проникает ниже всех осязаемых явлений, вплоть до вопроса, который лежит в основе всех других, относящихся к высшим интересам человека, а именно: *существует ли анимизм?* Или, другими словами, существует ли в природе, или в Боге, или где-либо еще одушевляющий принцип, который, имея индивидуализирующую связь с организованной материальной формой, сохранит свое сознание и индивидуальность после того, как эта связь будет разорвана? Кто, кроме видимых или слышимых духов, доказавших, что они таковы, может дать решительный ответ на этот судьбоносный вопрос? Кто, кроме них, может остановить продвижение и эффективно покарать ту растущую материалистическую веру, которая смеется и попирает все, кроме *демонстрации*, - демонстрации научной или разумной, - но сразу же и навсегда падает в обморок, когда сталкивается с ней? Человек не знает никого другого, кто мог бы это сделать.

Мир пока еще мало осознает реальную природу, силу и ценность спиритизма, а также свою собственную потребность в помощи, которую нельзя получить ни из какого другого осязаемого источника. В этом кроется не только милосердие и справедливость по отношению к нашим более отдаленным отцам и исправление их последующих комментаторов, которые могут быть приведены и применены в данной работе, но и ПРОВЕРКА выживания человека за пределами могилы.

Триста двенадцать лет говорят: не тратьте больше времени на общую подготовку к своим трудам, потому что с каждым годом усиливается опасность, что ваш погибающий внешний человек должен навсегда оставить недоделанным то, что он не успел сделать в ближайшее время. Ваши будущие "следы на песке времени" будут немногочисленны; поэтому сейчас начните двигаться в правильном направлении и, как можно лучше, обозначьте свой путь, чтобы таким образом дать некоторые указания будущим путникам, идущим к цели, к которой вы стремитесь, но не имеете сил достичь.

АЛЛЕН ПУТНАМ.

Бостон, 426 Дадли-стрит

ССЫЛКИ.

Основные работы, цитируемые и упоминаемые на следующих страницах, следующие.

Салемское колдовство, под редакцией С. П. Фаулера из Дэнверса; Х. П. Айвз и А. А. Смит, Салем, 1861. В этом издании приведены цитаты из Калефа и большинство цитат из Коттона Мазера. Ссылки даны на это издание.

Hutchinson's History of Massachusetts. Бостонское издание 1764 и 1767 годов.

Upham's History of Witchcraft and Salem Village. Бостон, Виггин и Лант, 1867.

Woodward's Historical Series, охватывающая Annals of Witchcraft in New England by Samuel G. Drake, снабжена цитатами из Дрейка.

Генеалогический и антикварный регистр Новой Англии, октябрь, 1870, с. 381, послужил источником выдержек из У. Ф. Пула.

ПОЯСНИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ.

Такая загадочная тема, как наша, требует для своего понимания некоторых общих знаний о вменяемых атрибутах и делах колдовского Дьявола, предполагаемых помощниках и препятствиях для его доступа в видимый мир; также о демонологии и некромантии, о библейском колдовстве и ведьмах, о колдовстве и ведьмах протестантского христианства, о духе, душе и психических силах, о чудесах, спиритизме, индейских культах и тому подобном. Поэтому мы написали краткие диссертации на эти темы, чтобы они составили вступительную главу. Но они несколько суховаты и, возможно, удержат многих читателей от менее напряженных для размышлений страниц дольше, чем позволит их удовольствие. Поэтому мы откладываем изложение того, что обычно помещается впереди, и в то же время советуем каждому, кто желает прочесть эту работу с максимальной пользой, обратиться сначала к нашему Приложению.

В виде определений, в конце диссертации, мы поместили краткое изложение некоторых прошлых концепций, намереваясь таким образом компактно обозначить особые точки зрения для объяснения колдовства, на которых по отдельности стояли некоторые из наших предшественников. Мы приводим его здесь.

Определения.

Библейское.

Дьявол, или Сатана. Любой противник или антагонист, видимый или невидимый.

Ведьма. Работник таинственных приобретений в обучении *ереси*.

Колдовство. Использование таинственных приобретений в обучении *ереси*.

По Коттону Мазеру.

Дьявол. Рожденный на небесах, падший, могущественный, злобный, но *зависящий от человеческой помощи*, чтобы воздействовать на физического человека или что-либо материальное.

Ведьма. *Заключивший договор с дьяволом.*

Колдовство. Помогать дьяволу или нанимать его для причинения вреда.

По Роберту Калефу.

Дьявол. Рожденный на небесах, падший, могущественный, злобный, но *не зависящий от человека* в действиях в этом мире.

Ведьма. Соблазнительница людей от поклонения Богу "*любим необычным знаком*".

Колдовство. "Оскорбление и поношение слова, дела или поклонения Богу, а также стремление *любим необычным знаком* совратить людей от поклонения Ему".

По Томасу Хатчинсону.

Дьявол. (Нет, как исполнитель колдовства).

Ведьма. (Женщина, обладающая "злобным прикосновением", или "сумасбродным нравом", или "бедная несчастная", или "прикованная к постели"; также "хитрое дитя".

Колдовство. Вызывать "боли", "тошноту" и т. д. Ругань, фокусы.

По К. У. Апхэму.

Дьявол. (Не имеет особого отношения к колдовству).

Ведьма. (*По смыслу.*) Объект, на который воздействует девушка или женщина, прошедшая обучение в школе для практики "в чудесах некромантии, магии и спиритизма".

Колдовство. Страдающий от проделок и злонамеренных целей девушек, обучавшихся магии.

От нас.

Дьявол. (Не имеет особого значения.)

Ведьма. Медиум или человек, чье тело иногда становится инструментом какого-то конечного, развоплощенного, разумного существа, или чей разум воспринимает знания в стране духов.

Колдовство. Проявление сверхъестественных знаний, сил и целей через заимствованную или узурпированную смертную форму; или озвучивание знаний, полученных через духовные органы чувств.

Наша цель - привести убедительные доказательства из первобытных записей об американских чудесах, что более низкие существа, чем дьявол Мазера и Калефа, и более могущественные, чем операторы, обозначенные Хатчинсоном и Апхэмом, были реальными исполнителями основных проявлений, которые известны как колдовство. Те, кого мы представим, были рождены на Земле, на этой или другой планете, ранее вышли из плотских оболочек, но получили контроль над физическими формами, принадлежащими воплощенным детям, женщинам и мужчинам, и приводили их в действие. Такие существа, вышедшие с Земли, столь же разнообразны по характеру и целям, как и выжившие на их родных планетах, столь же разнообразны, как и современные смертные. Их характер может варьироваться от темных дьяволов до светлых ангелов, они приходят и уходят и действуют с помощью естественных, хотя и оккультных, сил и процессов; они так же свободны в использовании этих сил, как мы - сил и орудий внешней природы. Многие из наших положений будут основаны на психологических способностях и восприимчивости, которые, как известно, далеко не всегда относятся к человеку; и мы можем не всегда оставаться в рамках вещей, достоверных на сегодняшний день, но все же никогда не будем сознательно идти дальше, чем нам позволят наблюдать или доверять факты. Если нам это удастся, мы покажем, что неразумный человек раньше с чистой совестью накладывал на некоторые события страшные проклятия, которые, если их правильно понять и использовать, могут стать радостными и богатыми благами для смертных.

КОЛДОВСТВО МАРВЕЛ-ВОРКЕРС.

Здесь будет уместно кратко рассказать о нескольких авторах, которым нынешняя эпоха обязана знанием большинства фактов и верований, которые будут представлены на следующих страницах. Их компетентность, черты характера и обстоятельства, вытекающие главным образом из их трудов, относящихся к колдовству, - все или почти все, что мы предлагаем изложить.

Двое из них, жившие во времена колдовства, третий - в прошлом веке, а четвертый - в наш век, а именно Коттон Мазер, Роберт Калеф, Томас Хатчинсон и Чарльз У. Апхэм, будут отдельно отмечены, поскольку их работы были особенно поучительными и наводящими на размышления и оказали большое влияние на формирование общественного мнения и выводов в отношении рассматриваемых нами таинственных вопросов. Каждый из вышеупомянутых авторов либо не использовал, либо не сумел использовать некоторый свет, который сейчас доступен для раскрытия содержания в запечатанных тайниках природы - свет, начинающий светить там, где долгое время царила тьма, и извлекать оттуда такие знания, которые обещают показать, что теории большинства толкователей колдовства были

такими, которые теперь могут и должны быть заменены более широкими, обоснованными и философскими.

Труды первых двух из названных выше авторов чрезвычайно важны, поскольку они очень четко раскрывают многие весьма действенные убеждения и методы, которые были распространены в то время, когда происходили заметные колдовские явления, но сейчас уже устарели. Мы, пожалуй, не можем сделать ничего лучше, чем сразу же представить этих двух борцов, Мазера и Калефа, в реальном конфликте по поводу последнего описанного случая одержимости семнадцатого века. Из этого случая вышел открытый конфликт, причем в те самые дни, когда подобные чудеса были живым явлением. Далее мы можем более подробно рассмотреть этих двух мужчин как *мужчин*. Здесь мы рассматриваем их как участников спора о явлениях, сопутствовавших Маргарет Рул в 1693 году; ее случай, последний в нашей истории, будет рассмотрен первым. Наши цитаты будут в основном взяты из предыдущих страниц книги "Салемское колдовство" под редакцией С. П. Фаулера.

МАЗЕР И КАЛЕФ.

В 1693 году Мазер написал рассказ о страданиях, которые 10 сентября того же года начала терпеть Маргарет Рул из Бостона, которой тогда было около семнадцати лет. Это произведение стало первым открытым выстрелом по распространенным в то время определениям колдовства, предполагаемому источнику силы, способной его производить, принятым методам борьбы с ним и обращению с людьми, которым инкриминировалось это преступление.

Роберт Калеф, назвавшийся городским торговцем, либо выслушал заявления, либо получил письменные, сделанные другими людьми, которые присутствовали вместе с Мазером около страдающей девушки в ее доме во время некоторых сцен, описанных последней, либо сам был их свидетелем. На основе полученных ранее сведений он изложил версию дела, которая опровергала рассказ священника и ставила под сомнение правильность некоторых его действий. Версия Калефа была довольно скудной, в ней не излагались все или даже основные факты дела, но указывалось, что в том, другом и третьем случае Мазер искажил или преувеличил, и что некоторые его собственные действия могли быть бестактными или неподобающими. Это заявление настолько возмутило Мазера, что он открыто назвал Калефа "худшим из лжецов", пригрозил ему судебным преследованием за клевету и фактически начал судебное разбирательство против него.

В последующем письме, от 29 сентября, Калеф почтительно попросил Мазера о личной беседе в присутствии двух свидетелей, чтобы они могли все обсудить и объяснить. Мазер выразил готовность выполнить просьбу, но медлил, пока 24 ноября Калеф не отправил второе письмо, в котором, сразу же поднявшись над сравнительно пустяковым вопросом о том, кто предоставил более точный и лучший отчет - он или Мазер, - затронул фундаментальные вопросы, касающиеся дьявола, колдовства и одержимости, и четко изложил некоторые моменты, которые, по его мнению, требовали обсуждения; ведь по ним он расходился с Мазером и, вероятно, с большинством людей, среди которых он жил. В большей части этого письма Калеф, или тот, кто его написал, проявил проницательный ум, ясное восприятие своих положений, твердую волю, а также сильное желание и цель усердно трудиться над

приобретением знаний, чтобы либо убедить себя в несостоятельности собственных позиций, либо лучше подготовиться к реформированию некоторых распространенных верований и практик. Библия была его журналом, а орудия, оружие или запасы из любого другого источника он считал незаконным использовать для определения, обнаружения или наказания колдовства. Склонившись перед Писанием в беспрекословном подчинении, он принял его как руководство и авторитет. В самом начале, откровенно и определенно заявив о своих убеждениях, он, явно по-мужски, попытался провести мужественную дискуссию.

На странице 62 он считает, что *"ведьмы существуют, потому что Писание ясно предусматривает их наказание"*. Единственное известное определение колдовства, которое, как ему казалось, основывалось на Писании и справедливо вытекало из него, - это *"злословие и поношение слова, дела или поклонения Богу, а также стремление каким-либо необычным знаком совратить с него"*. Он верил, *"что существуют одержимые, и что тела одержимых не только поражены, но и странно возбуждены, если не усовершенствованы их языки, чтобы предсказывать будущее; и почему бы не обвинить невинных в том, что они околдованы? имея притворство в гадании... этого разумно ожидать от того, кто является отцом лжи"*. Таким образом, этот нападавший на колдовство протестант не был против веры в то, что отец лжи иногда овладевает людьми, поражает их и вызывает в них странное возбуждение, а также управляет их языками, чтобы пророчествовать, обвинять невинных и притворяться прорицателем. Он протестовал против неписаного определения колдовства и против тех видов доказательств, правил и методов, используемых для его обнаружения, доказательства и наказания, которые заставляли его эпоху объявлять виновными и казнить многих, кто не мог быть признан виновным в этом преступлении, если придерживаться его писаного определения. Он не был неверующим ни в колдовство, ни в воздействие на людей неких невидимых существ в его время. И он, и Мазер верили в колдовство, изгоняемое сверхъестественными силами, но расходились во мнениях относительно того, что может быть, а что нет, а значит, и относительно степени распространенности подлинной вещи. Калеф, по-видимому, верил в *одержимость*, то есть в контроль со стороны духов определенного качества, но не желал признавать, что такой контроль является *колдовством*, как и многие люди того времени, хотя Мазер, возможно, не принадлежал к их числу *окончательно*.

Суть определения колдовства, данного Калефом, *сводилась к тому, чтобы совратить людей от поклонения Богу путем проявления необычных знаков*; в то время как Мазер говорил, что *соглашение с дьяволом делает человека ведьмой*, а совместные действия с ним в причинении вреда людям представляют собой колдовство. Первый требовал доказательств *совращения людей от поклонения Богу*, в то время как второй мог опираться на доказательства *видимого вреда людям*; поэтому Мазер находил случаи колдовства гораздо более многочисленными, чем требовал или хотел Калеф.

Другим практически важным вопросом, по которому они расходились, был непосредственный источник силы дьявола воздействовать на видимого человека и материю. Калеф утверждал, что *"только Всемогущий... может поручить ему причинить вред или уничтожить кого-либо"*; в то время как Мазер говорил: *"Я склонен думать, что дьяволы редко способны причинить нам вред в каких-либо наших внешних заботах без поручения наших братьев-червей..... Разрешение от Бога на то, чтобы дьявол спустился и ворвался в человечество, часто должно сопровождаться поручением от некоторых представителей самого человечества"*.

Оба они признают, что дьяволу было дано поручение от Бога. Но мы сомневаемся, что его поручение было более особенным, чем то, которое каждый сотворенный человек, как в

материальной, так и в духовной обители, по своей конституции имеет всегда, чтобы использовать все естественные законы или силы, которые ему присущи, и обстоятельства позволяют ему управлять ими. Часто используются слова, которые затушевывают правильный, если не предполагаемый, смысл. Поручение от Бога означает не более чем конституционную способность выполнять в определенные моменты времени определенные действия, когда условия и обстоятельства благоприятствуют управлению природными силами. То, что особые способности часто даруются смертным некими сверхъестественными существами, получатели которых склонны приписывать эти дары *всемогуществу*, очевидно, правда; хотя их возросшие способности - это всего лишь дары конечных невидимых существ.

Что такое колдовство и кто поручил его дьяволу - один ли Бог или Бог и человек вместе - вот два самых главных вопроса, по которым расходились мнения участников спора. Они соглашались, что дьявол совершает как колдовство, так и одержимость, но убеждения Калефа заставляли его рассматривать огромное количество случаев только как простую одержимость, которые Мазер мог, если считал нужным, рассматривать как колдовство; и он иногда, похоже, так и делал, когда его призывали публично действовать в связи с ними. Мазер дома и Мазер за границей не всегда были в гармонии.

Не ставя перед собой задачу полностью изложить дело Маргарет Рул ни здесь, ни в дальнейшем, мы свободно приведем многие фрагменты записей о ней, которые помогут показать ведущие позиции и черты, относящиеся к сторонам, скрестившим над ними интеллектуальные мечи.

Мазер утверждает, стр. 29, что "в день Господень, 10 сентября 1693 года, Маргарет Рул, после нескольких часов беспорядков в общественном собрании, впала в странные припадки, которые заставили ее друзей отнести ее домой, где ее припадки за несколько часов выросли в фигуру, которая убедила зрителей в том, что они были сверхъестественными. Несчастливая женщина, которая ранее была заключена в тюрьму по подозрению в колдовстве и которая часто исцеляла очень болезненные раны, ... за вечер до того, как Маргарет попала в беду, *очень жестоко обращалась с ней и угрожала ей*". Это краткое предшествующее обращение с ней человека, который "часто лечил очень болезненные раны", а потому, возможно, и за другие поступки, был обвинен в колдовстве, очень важно по своим психологическим показателям и достойно того, чтобы читатель запомнил его. Чудесное *исцеление болезненных ощущений*, то есть ее благодеяние, стало причиной ее заключения в тюрьму.

"На молодую женщину, - продолжает репортер, - напали восемь жестоких призраков, из которых, как ей казалось, она знала три или четыре". По приказу Мазера она старалась "не называть их имен", но в частном порядке рассказала ему о них; и он сказал, что "они представляют собой род несчастных, которые на протяжении многих лет подвергались *таким жестоким предположениям о колдовстве*, как, возможно, ни одно из существ, еще живущих на земле". Призраки, которых она видела, в некоторых случаях могли означать людей, которых она знала до их смерти, чьи духи теперь стали видимыми; но поскольку она называла имена живых людей, которых видела, очевидно, что она не считала своих мучителей *настоящими духами*, а лишь чучелами, изготовленными, представленными и оживленными дьяволом.

Психолог не упустит тот факт, что люди, чьи призраки были представлены здесь, были такими, которые ранее каким-то образом вызвали подозрение в том, что они ведьмы. В те времена было неосмотрительно "выкрикивать имена", поскольку было очень распространено убеждение, что дьявол может являть призраки тех, кто не заключил с ним

договор, и сам факт заявления колдуньи о том, что она видела призрак какого-либо человека, был для многих убедительным доказательством того, что этот человек заключил договор с лукавым, а значит, является ведьмой и должен быть предан смерти. Мазер предупредил девушку, чтобы она не называла имен в толпе, собравшейся вокруг ее кровати, "чтобы ни один хороший человек не пострадал от взрыва репутации". Ни Мазер, ни Калеф не отрицали способности дьявола вызывать явления *невинных* людей; ни один из них не доверял и не оправдывал использование призрачных свидетельств в целом, хотя в те дни так поступали очень многие люди. Мы хотим отметить следующее: рассказ Мазера согласуется с современными наблюдениями, указывая на то, что духи, явления или появления высоко медиумичных личностей наблюдаются чаще, чем невыразительных - если таковых нет, а мы считаем, что это так, - то класс, обычно представляемый таким образом: такие личности, то есть медиумичные, чаще других видят внутренним или ясновидящим взором. Этот факт заставляет предположить, что, вероятно, психологический закон, а не *выбор* дьявола или кого-либо еще, определяет, кто должен или может быть увиден в качестве призраков. Люди, которых видели в этом случае, ранее проявляли способности или действия, из-за которых их считали ведьмами. Вокруг большинства людей, которые в продолжении этих страниц будут показаны как призраки, околдовывающие и мучающие других, будут обнаружены признаки того, что они были очень похожи на тех, кого сегодня называют медиумами.

"Они вручили ей книгу и потребовали, чтобы она приложила к ней руку или хотя бы прикоснулась к ней рукой в знак того, что она стала слугой дьявола"; после ее отказа они приковали "ее к постели на шесть недель". Истинный ответ на вопрос, подписал ли обвиняемый книгу дьявола или нет, с нетерпением искали на всех процессах о колдовстве, потому что если такой подписи не было, то человек *мог* быть невиновен, а если была, то вина была уже совершена, и смерть была заслуженной.

"Иногда к девушке заглядывали коротышка и чернокожий мужчина, которого они (призраки) называли своим господином. Все они объявляли себя вассалами этого дьявола, ... и, повинаясь ему, ... жестоко щипали ее невидимыми руками, ... и черно-синие следы от щипков сразу же становились видны стоящим рядом. Время от времени ей причиняли страшные боли булавками, которые втыкали ей в шею, спину и руки..... У нее странным образом деформировались суставы, и ее бросало... в конвульсии". Такие вещи излагаются как факты, и они не оспаривались в день их появления - даже Робертом Калефом.

"С того момента, как Маргарет Рул впервые обнаружила, что ее официально осаждают призраки, и до девятого дня после этого, а именно с 10 по 18 сентября, она соблюдала полный пост, и все же по истечении девяти дней она была такой же свежей, такой же живой, такой же бодрой, как и до их начала; в течение всего этого времени... если ей приносили какую-нибудь еду, у нее сводило зубы, и она впадала во множество страданий; правда, один или два раза за все это время ее мучители разрешали ей проглотить полный рот чего-нибудь, что могло бы увеличить ее страдания, из которых ложка рома была самой значительной; но в остальном, как я уже сказал, ее пост до девятого дня был очень крайним и жестким".

Длительные посты без последующего истощения были характерны для медиумов во все века. Моисей, Илия, Иисус постились по сорок дней; многие медиумы в нашей среде часто поддерживаются в течение длительных периодов путем поглощения питательных веществ в их элементарном состоянии во внутренний или духовный организм, из того невидимого хранилища пищи, из которого деревья получают много пропитания, и откуда когда-то в Иудее появились хлебы и рыбы; из внутреннего таким образом питается внешний человек; по крайней мере, спириты утверждают, что таков процесс.

"Маргарет Рул однажды среди ночи горестно сетовала, что призраки угрожают утопить одного молодого человека по соседству, которого она назвала компании; впоследствии выяснилось, что в это самое время этот молодой человек, предварительно поднявшись на борт военного корабля, находившегося в гавани, из-за какого-то недовольства пытался доплыть до берега; и он утонул бы при этой попытке, если бы шлюпка не подоспела к нему. По расчетам, через минуту или две после того, как молодая женщина рассказала об утопленнике, молодой человек вышел на воду". Этот рассказ, если воспринимать его буквально, показывает, что она предвидела определенное приближающееся событие, знала человека, которому оно угрожало, и место, где оно произойдет, в то время как ни внешнее восприятие, ни воплощенные смертные не могли помочь ей в этом знании. Не сказано, что ни внешний, ни внутренний набор ее органов восприятия непосредственно ощутил опасность, надвигающуюся на молодого человека. С ее слов сообщается, что "призраки угрожали утопающему"; из этого, по-видимому, следует, что ее внутреннее чувство, либо слух, либо зрение, узнало либо о намерении духовных существ специально подвергнуть конкретного человека опасности, либо они видели надвигающуюся на него опасность и говорили об этом ей.

Это явление через внушаемую девушку осталось незамеченным Калефом; его молчание было равносильно признанию того, что основные факты, изложенные здесь, не были опровергнуты в его время.

"Однажды, - продолжает рассказчик, - ее мучители подтянули ее к потолку палаты и удерживали там перед многочисленной компанией зрителей, которым стоило большого труда спустить ее обратно". Это утверждение вполне определено и не нуждается в комментариях, но может получить дальнейшее внимание, когда мы приведем свидетельства других личных очевидцев, подтверждающих его истинность.

И снова Мазер говорит: "Заколдованные люди много говорили о белом духе, от которого они получали чудесную помощь, ... таким духом была Маргарет Рул, которую сейчас посетили. Она говорит, что никогда не видела его лица, но часто видела его яркие, сияющие и великолепные одежды; он стоял у ее постели, постоянно поддерживая и утешая ее, и советовал ей сохранять веру и надежду на Бога..... Он сказал ей, что Бог допустил ее несчастья для вечного и неизреченного блага ее собственной души и для блага многих других". Это был очень странный опыт, вытекающий из *делириума тременса*. Нам кажется, что это больше похоже на приток небесного мира из видения блаженных. Очевидно, что временами в мрачной ночи колдовства вспыхивал яркий свет.

Мазер изложил эти и некоторые другие весьма существенные факты, которые Калеф не стал рассматривать или опровергать в своей версии этих сцен. Не желая больше ничего выпытывать у Мазера, обратимся к рассказу Калефа. Он начинает письмо к Мазеру, в котором, ссылаясь на свое собственное предыдущее произведение, говорит: "Пишу *"из уст нескольких лиц"*, которые утверждают, что присутствовали с Маргарет Рул 13-го числа, ее ответы, поведение и т. д.". Таким образом, Калеф, вероятно, сам не был свидетелем описываемых им сцен, а получил свой рассказ из уст нескольких других лиц. Один из них, очевидно, написал, и Калеф, приняв это заявление, говорит: "Я нашел ее со здоровым лицом, примерно семнадцати лет от роду, лежащей очень тихо и говорящей очень мало". Вскоре пришли Мазеры (отец и сын, Инкреш и Коттон). Сын вскоре начал расспрашивать Маргарет и получать ответы. Их беседа была в основном банальной и не нуждается в цитировании, но некоторые моменты мы все же отметим.

Маргарет впала в припадок, и Коттон Мазер "приложил руку к ее лицу и носу, но, как он сказал, не почувствовал никакого дыхания. Тогда он погладил ее по лицу своей перчаткой, потер ей живот и попросил других сделать то же самое, и сказал, что это облегчило ее; затем она ожила". Вскоре она снова "забилась в судорогах", и ее снова стали растирать. "Маргарет Перд, служанка, помогала Мазеру растирать ее. Страдающая сердито сказала ей: "Не лезьте ко мне", - и поспешно убрала руку. Затем он на ее глазах стал разминать свои пальцы".

Такие вещи, надо полагать, были изложены верно, как наблюдаемые факты. Были ли эти поступки Мазера глупыми и бесполезными? Разные люди ответят на этот вопрос по-разному. В глазах большинства жителей Новой Англии сегодня они могут показаться таковыми. Отчасти они кажутся нам неразумными и вредными, хотя они были хорошо задуманы и частично привели к желаемому результату. Когда Мазер не почувствовал дыхания, он, естественно, решил привести легкие в движение и своими растираниями, вероятно, вскоре добился этого. Наблюдения многих современных людей научили их приветствовать временами остановку внешнего дыхания у хороших медиумов, считая это свидетельством свободного, но незаметного дыхания внутренних легких, которое поддерживает человека физически, в то время как дух бродит и отдыхает в стране духов. Да, *приветствовать* его, как наблюдатели за беспокойными больными приветствуют приход сна к страдальцам. Когда-то нам, вероятно, следовало действовать в подобных обстоятельствах так же, как Мазер; но теперь мы часто можем оставить такого пациента на некоторое время без внимания, даже если он бездыханен для нашего внешнего восприятия, из-за уверенности в том, что действия, подобные тем, что совершил Мазер, могут быть столь же неразумными, как и пробуждение больного сразу после начала сна. Его движения пальцами вокруг ее глаз могли произвести тот же эффект, то есть вывести ее из состояния *покоя* и радости, если внешнее дыхание было незаметным. Потирания и движения рук, однако, часто оказываются весьма полезными для устранения вредных влияний, когда очарованный осознает это внешне, как, вероятно, было во *втором* приступе, но, возможно, не в первом. Ведь во втором приступе она обнаружила разницу между влиянием на нее Мазера и мисс Перд; первое было приятным и желанным, второе - раздражающим и оскорбительным. Системы, достаточно чувствительные, чтобы обнаружить качества и влияние магнитных эманаций от всех человеческих существ, да, впрочем, и от всех животных и большинства минералов, которые вступают в контакт с собой, сильно успокаиваются, впитывая неосознанные свойства одних, и раздражаются от других, хотя их почтение, уважение или привязанность к каждому классу одинаковы. Качества эманаций в значительной степени не зависят ни от интеллектуального, ни от морального, ни от эмоционального состояния. Младенец или простак может быть лучшим из анодинов, в то время как культурный святой может быть раздражителем для чувствительного медиума.

"Он положил руку на одежду над ее грудью и сказал, что чувствует живое существо". Возможно, так оно и было. В наши дни мы слышим о таких представлениях, как подобие маленьких живых животных вокруг медиумов; но лично я не видел и не чувствовал такого.

"Вскоре после того, как они" (служители) "ушли, страдальца пожелала, чтобы женщины ушли, сказав, что общество *мужчин* не было для нее оскорбительным". Не всем известно, что магнетизм всех животных так же отчетливо мужской в одном из полов и женский в другом, как и любой из их органов, и что для очень чувствительных людей наступают времена и состояния, когда их собственный магнетизм жаждет пищи от магнетизма противоположных полов. Некоторые сенситивы ощущают действие более тонких законов и сил, чем те, которые мужчины обнаруживают в своем обычном состоянии".

"Она узнала, что по городу ходят слухи о том, что она не больна. И некоторые пришли к ней как шпионы; но в течение указанного времени" (их визита) "у нее не было припадка". Немногие антиспиритуалистические утверждения встречаются чаще, чем это; что проявления редко происходят в присутствии определенных лиц, считающихся особо компетентными в выявлении обмана и самозванства и посещающих медиумов с целью их разоблачения. Неверие в свое время стало препятствием для проявления многих чудес Иисусом из Назарета. Оно также сильно мешает их представлению сегодня; и, вероятно, могло бы мешать, если бы исходило от шпионов и потенциальных разоблачителей вокруг Маргарет Рул. Но "они не могут", возможно, часто говорят о духах, когда "они не хотят" более точно описывает факт. Как и в Альбионе в 1857 году, они будут проявляться перед репортерами, но не перед профессорами Гарварда. Они знают мысли каждого наблюдателя и часто рады укусить того, кто кусается; игривые плуты иногда находят удовольствие в том, чтобы ловить плутов. "Она не впала в ярость", когда присутствовали шпионы.

"Прислуга", 19 сентября, "сказала, что мистер М. не пойдет с ней на молитву, если в комнате будут люди, как они" (он и его отец) "сделали в ту ночь, когда он почувствовал *живое существо*". Петр издревле знал, что способствует действенной молитве, когда, находясь рядом с Доркас, которая тогда была очарована, казалось, до смерти, он "вывел всех посторонних, встал на колени и помолился". Мазер, несомненно, получил подобные знания; всемирный опыт и наблюдения учат, что тишина и гармония необходимы для произнесения удовлетворительной или очень полезной молитвы.

"Маргарет Перд и другие говорили, что чувствуют запах серы. Я и другие, - сказал информатор Калефа, - *сказали*, что не почувствовали никакого запаха". Формулировка оставляет сомнение, возможно, в том, что репортер и его "другие", хотя и почувствовали запах серы, недоуменно сказали, что *не почувствовали*, или в том, что они действительно не почувствовали его. Если они не учуяли запах статьи, то их естественным и откровенным заявлением было бы: "*Мы не учуяли*". Но формулировка такова: "*мы сказали*", что нет. Однако наша цитата была приведена не для того, чтобы высказать подобную критику, а как текст к следующему абзацу.

Духи иногда обладают способностью вызывать в обонятельных нервах многих людей именно те ощущения, которые вызывают многие знакомые запахи. Лично мы несколько раз освежались, ощущая аромат миндаля, когда дремали на диване в собственном кабинете, не видя рядом с собой ни одного человека, ни миндаля поблизости, ни мыслей о нем. Это случалось так же часто в зимнюю стужу, как и тогда, когда сад благоухал цветами. Вероятно, такие представления могут быть сделаны некоторым членам компании, в то время как другие в толпе будут их не замечать. Невосприятие человеком запаха, исходящего от духов, будь то сверху или снизу, приятного или неприятного, не означает, что на соседа, который говорит, что чувствует такой запах, действует только фантазия.

Вечером 13-го числа кто-то из присутствующих, по-видимому, не знакомый с ее привычками, задал либо конкретному человеку, либо всей компании такой вопрос. "Что она ест или пьет?". И из какого-то неназванного источника пришел такой ответ: "Она совсем не ест, но пьет *ром*". Ни вопрос, ни ответ не приписываются ни Мазеру, ни кому-то конкретному.

Мы удивлены тем, что С. П. Фаулер, умный, справедливый и милосердный редактор "Салемского колдовства", в примечании на странице 57 заявил, что "болезнь Маргарет Рул... была не более чем плохим случаем *трепета бреда*"; заявления, свидетельствующие о ее хорошем нраве и привычках до болезни, были прямо перед его редакторскими глазами на страницах, непосредственно предшествующих его заметке, и ничего не найдено, чтобы ее

опорочить, за исключением сообщения какого-то неизвестного органа о том, что она пьет ром. Высказывания в ее пользу и отсутствие таковых против нее в оригинальных записях убеждают нас в том, что вывод Фаулера был поспешным и необоснованным. Мазер утверждает, что "она родилась от трезвых и честных родителей"; также "подтверждается, что примерно за полгода до посещения она заметно *поправилась, проявив обнадеживающие симптомы нового создания*: она стала серьезно заботиться о вечном спасении своей души и *старалась избегать ловушек дурной компании*". Подобные привычки в течение шести предшествующих месяцев не были вероятными предшественниками *трепетания*; искушение Калефа обвинить плохой характер в воздержанности, если бы были факты, подтверждающие его, было, вероятно, очень сильным; но мы не нашли никаких доказательств того, что он так поступал. Один из его информаторов, сообщая о разговоре, который происходил вокруг нее, привел вопрос и ответ, а именно: "Что она ест или пьет? Ответ. Она совсем не ест, но пьет ром". Факт, изложенный самим Мазером, естественно, мог бы соблазнить любого острослова, склонного к шуткам, сказать игриво: "Она ничего не ест, но пьет ром". Он, Мазер, сообщает нам, что "раз, два или около того" ее "контролеры, к ее досаде или беде", позволили ей принять ложку рома. Что может быть обычнее того, чтобы обслуживающий персонал предлагал страдающему и агонизирующему человеку любой стимулятор или сердечное средство, оказавшееся под рукой? Ничего. Мы допускаем, что Маргарет действительно приняла "раз, два или около того" ложку рома; но ничто другое, что мы встречаем в рассказе о ней, не дает и тени основания для обвинения в *делириум-тремоне*. Если обвинение верно, то *трепетный бред* в этом случае творил чудеса, которые он не привык совершать; правильно сказать, лежа на кровати на берегу ночью, что опасность утонуть надвигается на конкретного молодого человека в гавани, было необычной операцией для этой болезни; и еще более необычным было то, что такая болезнь подняла тело, которым она питалась, в горизонтальном положении к потолку над головой, удерживала его там в течение нескольких минут и так крепко, что потребовалось несколько человек, чтобы снять его вниз. Указывают ли такие подвиги на происхождение от *delirium tremens*? Нет. Если назвать это *бредом*, то это не даст рационального объяснения чудесам, которые происходят с Маргарет. Ром - это название очень небезопасного проводника, и именно название, а не вещь, ввело аннотатора в заблуждение, заставив его сделать бесполезные, совершенно бесполезные выводы, помогающие объяснить такие явления, которыми он занимался.

Любую слабость, грех или преступление, которые не вменялись Маргарет Рул ее современниками, немилосердно безоговорочно вменять ей в вину сейчас, на том лишь основании, что в часы страданий она выпила несколько ложек рома; И особенно неуместно, когда, как в данном случае, это обвинение не помогает достичь той самой цели, ради которой только и следовало его выдвинуть, а именно - прояснить причину таких вещей, как то, как она почувствовала опасность, угрожавшую отсутствующему мужчине, и как или кем она была поднята и поддержана.

Мы не будем больше цитировать заявления двух сторон, Мазера и Калефа, сделанные до того, как они вступили в явный конфликт. Достаточно того, что Мазер сообщил несколько фактов, которые для большинства людей должны казаться поразительными - фактов, свидетельствующих о действиях, выходящих за рамки того, что могут совершить воплощенные люди. Чудесные факты, такие как ее предсказания об опасности, подстерегающей впечатлительного моряка, ее долгое пребывание в состоянии голодания, когда она была поднята невидимой силой к потолку над собой, и т. д., составляют важную часть рассказа Мазера о том, что он лично видел и знал. С другой стороны, Калеф, приняв рассказ неназванных свидетелей, опускает любые ссылки на важные факты в деле и

представляет, в основном, различные и относительно, если не абсолютно, пустяковые сопровождения. Мазер пожаловался на Калефа за упущения. На это Калеф ответил: "Моя разведка не дала мне ничего больше, я не мог вставить то, чего не знал". Поступки Мазеров, и особенно Коттона, гораздо больше, чем проявления через Маргарет, были подробно описаны Калефу, и это заставило его представить очень скудный и односторонний рукописный отчет об этом деле. Священнослужитель сразу же понял и почувствовал это, и вскоре направил своему оппоненту следующие показания под присягой

"Я свидетельствую, что видел, как Маргарет Рул в ее страданиях от невидимого мира была поднята со своей кровати, полностью невидимой силой, на большое расстояние в верхнюю часть комнаты, где она лежала. При таком подъеме ей не помогали ни руки, ни кисти, ни какая-либо другая часть тела, ни пятки, касавшиеся кровати, ни опора на что бы то ни было. И я видел, как ее поднимали, когда не только сильный человек навалился на нее всем своим весом, чтобы потянуть ее вниз, но и несколько других людей всеми силами пытались помешать ей подняться; и я полагаю, что несколько других людей засвидетельствуют это так же, как и я, когда их призовут к этому.

"Свидетельствую своей рукой,
"Сэмюэл Авис".

К существу вышеизложенного Роберт Эрл, Джон Уилкинс и Дэниел Уилкинс подписались под тем, что они могут свидетельствовать. Также Томас Торнтон и Уильям Хадсон засвидетельствовали, что видели, как Маргарет была поднята "невидимой силой... так, что коснулась пола чердака, при этом ни ее ноги, ни какая-либо другая часть ее тела не опирались ни на кровать, ни на какую-либо другую опору... и все это в течение значительного времени; мы оценили его в несколько минут" - с. 76.

Прежде чем представить комментарии торговца к подобным изложениям фактов, назовем еще раз особую причину, по которой мы обращаем пристальное внимание на двух писателей, Мазера и Калефа. Они были умными и внимательными современниками, оба, вероятно, находились в зрелом возрасте, поскольку Мазеру было около тридцати лет, а Калеф жил более двадцати пяти лет после начала своей полемики; оба, вероятно, были осведомлены об основных фактах, касающихся колдовства, даже во время или вскоре после их появления в семье Джона Гудвина из Бостона в 1688 году, в Салеме в 1692 году, а также вокруг Мерси Шорт и Маргарет Рул в Бостоне в 1693 году. Поэтому противоречивые труды этих двух людей, хорошо знакомых с происходящими в их время колдовскими событиями, но расходившихся во многих вопросах веры и политики, становятся, если их использовать в связке, нашим лучшим доступным источником для изучения того, что на самом деле происходило во многих колдовских сценах, какие верования были распространены тогда, какие виды доказательств для осуждения за колдовство были допустимы и какими правилами руководствовались суды. Ввиду их ценности как учителей по колдовству мы хотим, чтобы эти два человека, с их согласиями и разногласиями, были ясно поняты.

Торговец прислал священнику следующий комментарий по главному пункту, подтвержденному показаниями пяти или шести непроверенных свидетелей, а именно: поднятие девушки на верхнюю площадку комнаты невидимой силой: - "Полагаю, вы ожидаете, что я должен поднять девушку на верхнюю площадку комнаты.

"Полагаю, вы ожидаете, что я поверю в это, а если так, то единственное преимущество в том, что то, о чем так долго спорили протестанты и паписты, *являются ли чудеса прекрасными*, будет решено в пользу последних; это, насколько я могу судить, такое же настоящее чудо, как если бы железо плавало; и дьявол может творить такие чудеса".

Редко можно встретить заявление, более уничижительное в отношении искренности самого автора или более показательное в отношении его преданности предрассудкам. Калеф или кто-то из его коллег, рассматривая отход общества от толкования Священного Писания и отношения к колдовству, сканируя правила, установленные авторитетными авторами для его обнаружения, и, в целом, разбирая вероучения, широкие принципы и распространенные обычаи, орудовал четким, острым и сильным пером. Но факты Мазера притупили его острие и сбили с толку его силу. Посмотрите на метаморфозу логика: он, по сути, говорит своему оппоненту: "Если ваши факты верны, то католики превосходят нас в нашем споре с ними о продолжении чудес до сегодняшнего дня. Ваши факты, если это факты, - это чудеса, а мы, протестанты, ошибаемся. Поэтому я не буду их признавать: если они верны, то они "такое же великое чудо, как то, что железо плавает", и доказывают правоту католиков. Я их не признаю".

Какое чудо, которое может сотворить дьявол, он признал? Заставить ли железо плавать? Или отменить Правило Маргариты, как было обещано? Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что он хотел сказать, что дьявол мог поднять описанную девушку, которая, если бы он это сделал, совершила бы такое же великое чудо, как и Бог, когда заставил плавать острие топора, когда пророк бросил на него палку. И все же в наше время о подобной операции нельзя говорить, потому что это дало бы преимущество католикам над протестантами! Увы, если факты заставляют здравомыслящего человека отказаться от логических методов и прибегнуть к методам предрассудков! В данном случае факты Мазера полностью одурманили Калефа.

Мы не можем сомневаться - да и кто решится сомневаться? - что он должен был знать, насколько правдивы и достоверны свидетели Авис и его помощники; должен был знать обстоятельства, связанные с ними, и состояние общественного мнения по отношению к ним; и все же мы не замечаем никаких признаков того, что он хотя бы в мыслях пытался подвергнуть кого-либо из них сомнению. Он оставляет их совершенно незамеченными. Да, там, где даже легкий намек или скрытая инсинуация в каком-либо выражении, указывающем на легкоеверие или умственную слабость с их стороны, могли бы стать аргументом в пользу его взглядов, ничего подобного не появляется в его трудах. Он оставляет их без характеристики - оставляет их безымянными. И поскольку тот, кто, очевидно, должен был их знать, и знал также, как их в целом ценили, оставил их правдивость и компетентность совершенно неподтвержденными, когда импичмент был бы его естественным средством, если бы он был оправдан, - только ослепляющее, необдуманное, очень необдуманное предубеждение заставит кого-либо в настоящее время сомневаться в их справедливом притязании считаться правдивыми и компетентными свидетелями. Мазер рассказывал, что "однажды ее мучители подтянули ее к потолку палаты и держали там перед многочисленной компанией зрителей, которым стоило большого труда спустить ее обратно". Таково было опубликованное заявление ученого и способного человека, которого уважала значительная часть жителей Бостона, и чья недоверчивость не была настолько сильной, чтобы заставить его не доверять отчетливым свидетельствам собственных чувств. Поэтому, несмотря на то, что он подкреплен показаниями шести других свидетелей, многие современные люди считают его настолько легкоеверным, что его слова не имеют для них большого веса. Комментарии Калефа к этому случаю разрозненны, и мы не можем быть уверены в точности восприятия его смысла; но он, похоже, признает, что дьявол обладал достаточной силой, чтобы поднять девушку, и оставляет нам право сделать вывод о его вере в возможность ее применения. Нелогичное и путаное заявление этого в общем-то здравомыслящего человека - не последнее из чудес, сопутствующих колдовству. Он нарушил логику, пытаясь парировать силу фактов, в которых клялся.

Он не стал обвинять свидетелей. Отсутствие такой возможности в сложившихся обстоятельствах более убедительно свидетельствует в пользу буквальной и точной истинности утверждения Мазера и еще шести человек о том, что девочка была поднята с кровати невидимыми силами до потолка в верхней части комнаты, чем четкое согласие самого Калефа с тем, что они утверждали. Он не был *робким* защитником, и поскольку такой сильный и смелый человек, как он, находясь в таком положении, не пытался дискредитировать ни характер, ни компетентность сторонников Мазера, можно предположить, что собственное чувство справедливости Калефа и мнение жителей города считали их неподкупными. Девушка была поднята, как они и утверждали. То, что они заявили, заслуживает доверия.

Лично мы не обладаем недоверчивостью, сравнимой с недоверчивостью Мазера. Ибо, когда наши собственные чувства свидетельствуют нам спокойно и осознанно, при обстоятельствах, исключающих иллюзии и заблуждения, мы привыкли очень сильно доверять истинности и точности того, что они говорят; и в качестве иллюстрации отсутствия недоверия к тому, о чем свидетельствуют наши собственные чувства, или, если кто-то предпочитает другую терминологию, в качестве иллюстрации нашего легковерия, то есть нашей способности и готовности верить тому, что таким образом узнается, мы приводим следующий рассказ об одном из наших собственных интересных и поучительных опытов:...

Несколько лет назад, в возрасте от пятнадцати до двадцати лет, в одной из комнат резиденции Дэниела Фаррара, эск, Мы сцепили левую руку Роллина Х. Сквайрса с правой, заняли с ним позицию в центре большой комнаты, на расстоянии нескольких футов от других людей или предметов мебели, когда, сразу же после того, как он выключил газовый свет, его рука начала мягко и неуклонно тянуть нашу вверх, пока наша правая рука, сцепленная с его рукой, не вытянулась во всю длину над нашей головой. Затем мы переместили левую руку через грудь, и она соприкоснулась с ботинком молодого человека, стоявшим рядом с нами, и одновременно мы услышали скрежет под потолком, который находился на высоте не менее десяти футов от пола комнаты. Вскоре он начал спускаться так же осторожно, как и поднимался, и когда он достиг пола и зажег свет, мы увидели на потолке красную меловую метку длиной не менее трех футов над тем местом, на котором мы стояли вместе. До того, как свет погас, его там не было, поскольку вся присутствующая компания была предупреждена, что у него в руке будет мел, чтобы он мог дать всем присутствующим показания о том, что его подняли. Поэтому все мы внимательно наблюдали за потолком вплоть до погасания света.

Мы не испытываем никакого нежелания публиковать этот рассказ; мы не столько стремимся завоевать лавры скептика, сколько отчетливо изложить любые факты, относящиеся к оккультным силам природы, которые нам удалось узнать опытным путем. О, легковерие! Ты самый благотворный помощник в познании тонких законов и сил природы, особенно тех относительно оккультных, которые раскрывают тайны и оказывают непознанное действие на человека; законов и сил, которые ему полезно постичь и учитывать.

Едва ли история или опыт могут представить более яркий пример одурманивающего и обескураживающего влияния удивительных *фактов* на яркого, решительного, филантропичного человека, которого его верования и предрассудки лишили свободы и возможности дать волю разуму и логике, чем тот, что наблюдался в случае с Калефом. Факты - хозяева человека; восстание против них или пренебрежение их требованиями непременно приведет к унижению.

Калеф, сознавал он это или нет, находился в униженном психическом состоянии, когда его сильный ум, не отрицая подтвержденных фактов, указывал на нежелание признать веру в них, поскольку это разрешило бы давно оспариваемый вопрос в пользу стороны, в которую входил он сам. Казалось, факты его не смутили и озадачили, и он сказал, квазипризнавая их наличие: "Дьявол может творить такие чудеса".

Как то, что сказал Калеф, так и то, что он не сказал, убедительно свидетельствует о том, что Сэмюэл Авис и пять его помощников-свидетелей говорили "правду, и ничего, кроме правды". Слова или заявления людей, чьи личности не подвергались импичменту со стороны, оспаривающего их современника, должны быть приняты за правду теми, кто теперь не может ничего возразить против правдивости уст, из которых они исходили.

Если бы разум Калефа воспринял, что те, кого он и почти все другие тогда считали большим дьяволом и меньшими, - рожденными на небесах, но падшими, - на самом деле были тем, на что все ясновидящие, тогда и в последующие дни, говорили, что они похожи, и чем они себя выдавали, - то есть мужчинами и женщинами, изначально рожденными на земле, а затем освобожденные от земли духи, нуждающиеся в особом разрешении Всемогущего не более, чем человек в использовании сил внешней природы, - если бы он понял, что такие существа могут быть исполнителями всех чудесных колдовских дел, он стал бы свободен признать возможную твердость некоего католического основания; он мог бы поставить на нее хотя бы одну ногу, а сделав это, избавиться от небесного дьявола, которого, как он полагал, назначил Бог, но которого, по мнению Мазера, человек должен был помочь назначить Богу, прежде чем он сможет причинить вред человечеству; он мог бы сделать это свободно, потому что тогда он увидел бы возможность того, что другие, менее грозные или менее грозные агенты имеют силу творить чудеса, увидел бы, что такие агенты могли бы поднять Маргарет Рул, и таким образом сделал бы слова тех, кто описывал их чудесные дела, правдоподобными, и освободил бы себя от нападок Мазера в тех местах, где нападающий больше всего страдал от ударов.

В нападках на некоторые варварские верования и обычаи христианства Калеф преуспел и стал очень большим общественным благодетелем; но ему не удалось, если это вообще входило в его планы, опровергнуть положительные факты таких чудесных явлений, как описанные Мазером. Общая точность утверждений священнослужителя не ставится под сомнение писаниями торговца, хотя он и представлял самого человека в некоторых смехотворных аспектах и часто пытался это сделать, когда более глубокие знания о силах и агентах духа, чем он имел, могли бы научить его, что будущее время может улыбнуться улыбчивому и провоцирующему улыбки человеку.

КОТТОН МАТЕР.

Фазы, в которых труды Коттона Мазера представляют своего автора, настолько разнообразны, а оценка, которую давали ему последующие авторы, настолько различна, что трудно охарактеризовать его с точки зрения собственного удовлетворения. Он не был ни полностью святым, ни полностью грешником; не был ни безмерно мудр, ни безрассуден. Мы не очень охотно беремся обрисовать его характер. Но поскольку, помимо протоколов судебных заседаний, его перу принадлежит больше ценных и многочисленных фактов,

касающихся колдовства в Новой Англии в XVII веке, чем дошло до нас из-под пера любого другого человека, нам представляется необходимым прокомментировать его компетентность и благонадежность как наблюдателя и как репортера или регистратора фактов.

В зрелые годы он стал, вероятно, первым ученым и самым образованным человеком в провинции. Его ум был ярким, разносторонним и активным, и его применение к книгам, к требованиям его профессии, а также к образовательным, моральным, религиозным и политическим интересам общества было неустанным. Его внимание было привлечено к рассмотрению чудесных происшествий, когда он был совсем юным, и его записи о колдовстве были почти все написаны к тридцати годам. В 1689 году, когда ему было всего двадцать шесть, он опубликовал небольшую работу под названием "Памятные случаи, связанные с колдовством и одержимостью".

Он был личным свидетелем и внимательным наблюдателем в течение нескольких месяцев быстрого и продолжительного потока чудес, которые проявились через детей Джона Гудвина из Бостона в 1688 году, длинный отчет о которых он опубликовал довольно скоро после их появления. Четыре года спустя произошло Салемское колдовство, свидетелем трагических и мучительных событий которого стал этот бостонский священнослужитель. Он присутствовал в толпе вокруг виселицы, когда казнили нескольких жертв дьяволизма. И он незамедлительно предоставил подробный отчет о многом, что только что сильно взволновало и взбудоражило не только Салем и графство Эссекс, но и всю провинцию. В следующем, 1693 году, у него появилась возможность много общаться и внимательно наблюдать за двумя страдающими молодыми женщинами в Бостоне, Мерси Шорт и Маргарет Рул, чьи болезни считались колдовскими. Он записал свои наблюдения и поступки, связанные с этими двумя особами, и его рассказы доступны до сих пор, хотя есть свидетельства, делающие вероятным, что он никогда не готовил ни одну из записей для печати, и что обе они стали достоянием общественности без его санкции.

Как стало известно из предыдущего, Роберт Калеф, противник некоторых распространенных в то время верований и практик, связанных с колдовством, нашел средства, почетные или нет, что, возможно, спорно, чтобы представить миру рассказ Мазера о Маргарет Рул. Эта молодая женщина находилась под особым наблюдением Мазера в течение нескольких недель, пока на нее действовали оккультные агенты и силы; и он незамедлительно записал для ознакомления своих друзей отчет о том, что происходило вокруг нее.

Из вышесказанного очевидно, что прямо или косвенно очень многие факты и мнения, которые будут приведены по ходу нашей работы, будут получены из записей Мазера и будут опираться, по крайней мере частично, на его авторитет. Следовательно, его квалификация как наблюдателя, репортера и регистратора представляет собой вопрос не только интересный, но и важный.

Хотя Мазер был молод, когда его внимание привлекли сцены колдовства, он был образован и влиятелен. Вероятно, немногие другие люди в колониях были равны ему в этом отношении. Его обязанности священнослужителя и гражданина, а также его склонности заставляли его быть внимательным наблюдателем чудесных проявлений; очевидно, он был их любителем. И его записи показывают, что он был либо более внимательным наблюдателем мельчайших деталей происходящих событий такого рода, либо более охотно и тщательно описывал относящиеся к ним мелочи, полные важного значения для некоторых читателей сейчас, но, вероятно, бессмысленные для многих других, чем большинство его современников; хотя Лоусон, Хейл и Уиллард были хороши в уточнении и были более осторожными комментаторами, чем Мазер. Игнорирование какого-либо участия духов в колдовских сценах

ослепило историков XVIII и XIX веков, заметивших некоторые определенные достоинства в трудах Мазера.

Предположение более поздних комментаторов о том, что в случаях, засвидетельствованных и описанных Мазером, никогда не происходило никаких происшествий, для создания которых требовалось бы нечто большее, чем участие смертных, видимо, заставило их, сознательно или нет, приписать ему фантазию, легкое верие или другие не заслуживающие доверия качества. Многие вещи, которые при умеренном знакомстве с современными манипуляциями оккультных сил невидимыми интеллектами, навели бы их на мысль, что, возможно, и даже вероятно, его утверждения о фактах основаны на позитивных наблюдениях его собственных физических чувств и внешних чувств других наблюдателей. Сейчас в работе находится целый класс агентов, познание которых может однажды заставить смеяться чрезмерно мудрых смехотворцев над Коттоном Мазером. Этот ограниченный взгляд на реальные масштабы и разнообразие *естественных* разумных агентов, а также *естественных* законов и сил привел к тому, что они стали делать выводы, которые не соответствуют точности Мазера в тех местах, где большее знание о действии законов и сил, которым подчиняются и которые используют духи, дало бы им уверенность в естественности и вероятности почти или совсем всех фактов, изложенных в его повествовании о личных наблюдениях и опыте - мы не говорим о всепроникающей мудрости и ценности его комментариев и умозаключений, но о естественности и вытекающей из этого достоверности его *фактов*.

Там, где одинокие и несчастные старухи, а также хитрые и плутоватые девушки и несколько низких и злобных смертных обоих полов считаются фактическими авторами всех колдовских явлений, сообщения Мазера об этом классе происшествий являются оскорблением - это камень преткновения на пути к удовлетворительному решению. Пока его заявления остаются неподтвержденными, такие агенты, которым в последнее время вменяется в вину колдовство, некомпетентны в приписываемой им работе. Следовательно, этот автор должен быть дискредитирован; поэтому против его точности и благонадежности выдвигаются насмешки, поношения и издевательства. Некоторые современные комментаторы жестоко использовали это оружие против этого оригинального описателя сцен колдовства. С помощью инсинуаций его карикатуризировали и метаморфизировали до такой степени, что это кажется явно предвзятым. Самые светлые умы могут иногда не знать о некоторых существующих агентах и силах; хорошие люди могут быть фактическими, хотя и непреднамеренными виновниками больших бед, когда они изображают характеры некоторых предшественников, чьи слова кажутся экстравагантными тем, кто ограничивает естественных актеров и силы теми, с которыми давно знакомы внешние чувства и человеческая наука.

Недавнее чтение заставляет нас считать Мазера человеком, обладавшим более чем обычной эффективностью в получении информации и более чем обычной оперативностью в представлении своих приобретений публике. В его работах мы находим свидетельства того, что если он и не приобрел, то изложил как более подробные, так и более обширные знания о чудесных явлениях своего времени, чем любой другой человек, живший в то время в Америке, о котором мы имеем сведения. Часть его вероучения помогала ему быть откровенным в описании чудес. Его вера охватывала множество невидимых разумных агентов, как добрых, так и злых, перемещающихся туда-сюда среди людей, вечно ходящих по земле и влияющих на ее дела как "когда мы бодрствуем, так и когда спим". Поэтому он никогда не задавался вопросом, *возможно ли что-либо такое*, что его органы чувств или органы чувств других свидетелей, казалось, познали. Он не сомневался, что невидимые

силы, способные на все, окружают и его, и всех остальных людей. Единственный вопрос, который его интересовал, - произошла ли эта вещь? Если да, то следовало описать ее так, как она предстала перед глазами. Как это могло произойти - вопрос, на который он, как регистратор, не был призван ответить; и он не позволил ему изменить свою запись. Эта его слабость была чревата скрытой силой, которая становится благотворной в наши дни, открывая нам прежнее таинственное вторжение в общество именно таких *запредельных* и, казалось бы, неестественных выходов и поступков, не только одушевленных человеческих форм, но и безжизненной домашней утвари и украшений, свидетелями которых мы являемся. История по его словам повторяется и сегодня, а чудеса сегодняшнего дня подтверждают его утверждения. Мазер предоставил более широкую и качественную базу для суждения о реальных источниках, природе, характере и масштабах фактов колдовства, чем мы обычно получаем от других людей его времени. Чрезмерно осторожные свидетели и репортеры часто вводят в заблуждение очень многих, не рассказывая "всю правду".

Некоторые высказывания и поступки Мазера, о которых небрежно отзывался даже его современник Калеф, да и более поздние авторы, возможно, заслуживают более уважительного рассмотрения, чем обычно им уделяется. Мы имеем в виду его манипуляции с больными и другие подобные действия. Они указывают на то, что либо его наблюдения и забота о заколдованных людях, либо его интуиция давали ему намеки на существование естественных законов и особых условий, которые позволяют смертным ослабить то, что он считал - или, по крайней мере, говорил об этом как о том, - что дьявол держит в руках человеческие инструменты. Мы предполагаем, что у него были, по крайней мере, смутные догадки о том, что некоторые вещи, которые мы сейчас называем месмерическими пассажами и психологическими силами, могут быть применены им самим таким образом, чтобы помешать целям и силам одержимых духов. Мы готовы признать, что использование им рассветных знаний или внушений, в зависимости от того, что именно приводило его собственные руки в движение над одержимыми и побуждало его влиять на других, производило движения настолько неумелые, что они редко были очень эффективными; тем не менее мы видим, что он двигался в направлении более поздних открытий, которые сегодня позволяют многим смертным проявлять большую силу как для вызывания, так и для отмены контроля над людьми со стороны развоплощенных духов. Существуют незначительные признаки того, что Мазер получал какие-то знания или импульсы медиумистическим, импрессивным или интуитивным путем. Тот факт, что, хотя он много общался с Мерси Шорт и Маргарет Рул в месяцы их страданий в год, следующий за казнями в Салеме, он воздерживался от советов или содействия их преследованию или преследованию тех, кого они называли своими обидчиками, факты, что молитвы, и то, что единственными его средствами были молитвы, посты, манипуляции, продолжительная и неослабевающая доброта и внимание, и то, что обе девушки были возвращены в свое нормальное состояние, очень ясно говорит в пользу проницательности и филантропии Мазера по отношению к околдованным и околдовывающим в тот год.

Хотя мы склонны приписывать этому выдающемуся человеку все достоинства, на которые он справедливо претендует, мы далеки от того, чтобы считать его лишенным недостатков, слабостей и черт, способных вызвать улыбку на лице читателя. Мы не согласны со многими его понятиями, практиками и убеждениями; мы находим, что он часто руководствуется мотивами, которые мы не готовы одобрить. В то же время мы считаем, что многие современные критики выставляют его слабости, недостатки и смехотворные черты совершенно несоразмерно с теми замечаниями, которые они делали о его подлинных достоинствах, если таковые вообще были.

Мазер, очевидно, был тщеславен, самолюбив, гордился своим происхождением, жаждал благосклонности великих людей как в провинции, так и за ее пределами, и был амбициозен в отношении места и влияния. Но тщеславие и эгоизм не обязательно несовместимы ни с обширной образованностью, ни с большой активностью и благотельностью, ни с изложением фактов и истин в полном объеме, без преувеличений и искажений. Он писал поспешно - слишком поспешно и часто небрежно. Более тщательная проверка информации и утверждений, предоставленных ему другими людьми, и более осторожные высказывания, касающиеся его собственных наблюдений, опыта и мнений, сделали бы его гораздо более ценным историком, чем он стал. Мы признаем, что он был вольным и неметодичным писателем; но мы не находим доказательств того, что он часто, если вообще когда-либо, подменял факты вымыслами, делал ложные заявления или сильно преувеличивал. Мир обязан ему тем, что он сохранил и передал много ценной информации.

Оценка этим человеком себя и своей родословной часто проявляется в масштабах и манере, вызывающих улыбку. Возможно, его эгоизм был достаточно велик, чтобы дать ему скрытое представление о том, что высшие силы могут оказать не меньшую благосклонность двум его выдающимся дедам, преподобным Ричарду Мазеру и Джону Коттону. Ричарду Мазеру и Джону Коттону, его отцу, преподобному Инкризу Мазеру, президенту Гарвардского колледжа, и ему самому, сколько Небеса припасли для любого смертного; и если кто-то из четверых должен быть особо любим сверхъестественным разумом, то почему не он, в ком соединилась кровь трех других? Если какая-нибудь весьма почетная государственная должность была лишена своего местоблюстителя или если требовалось важное литературное общественное служение, кто был более компетентен для замещения одного или для исполнения другого, чем он сам? Он писал и для сэра Уильяма Фипса, и о нем, но не был избран президентом Гарвардского колледжа.

Даже вопиющий эгоизм не обязательно сочетается с правдой, добротой, милосердием, преданностью и большой пользой. При всех его недостатках мы считаем Мазера, по сравнению с большинством людей, очень эффективным, благонамеренным и полезным для окружающего его общества. Склонность к возвеличиванию себя и всего, что "я" выдвигает или с чем тесно связан, может быть в значительной степени обуздана и контролируется другими сильными наклонностями и удерживаться в границах истины. Жадность к одобрению и похвале со стороны лиц, занимающих высокое официальное положение, и всех остальных, чьи характеры, достижения или имущество давали им влияние в обществе, была, очевидно, очень сильна в Коттоне Мазере, и влияние этой жадности должно было побудить его не делать важных заявлений, которые не встретили бы всеобщего доверия со стороны его друзей и сограждан. Его рассказ о семье Гудвинов так же полон вещей, в которые трудно поверить, как и любая другая часть его сочинений; и все же, если бы он позволил себе сделать что-либо иное, кроме таких заявлений, которые получили бы готовое доверие многих врачей, священников, судей и других влиятельных и правдивых людей, которые были его товарищами и точно знали границы, за которые он не мог выйти на основании хорошо наблюдаемых фактов, он бы уменьшил свою славу и благосклонность публики; и он прекрасно знал это. Он был не тем человеком, чтобы подвергать риску собственную репутацию. Его слабости делают вероятным то, что он передал мало, если вообще что-то передал, касающееся этой семьи, чем Бостон в целом в то время считал, что в его среде только что произошло несчастье. Неразумно, недоброжелательно, несправедливо упускать из виду такие характеристики и обстоятельства, относящиеся к рассказчику, которые, естественно, удержат его речь в рамках достоверности. Стиль и манера Мазера, иногда достойные восхищения, очень часто вызывают смех, а в целом они рыхлые и непривлекательные. Но эти вопросы вкуса и лоска отличаются от его фактов и правдивости.

Плохие манеры, отсутствие такта, а также речь, действия и упущения, неподобающие джентльмену и божеству, - все это характерно для части обращения Мазера с Калефом. Были ли это его общие черты, мы не знаем; скорее всего, нет. Занятие кафедры, как мы знаем по личному опыту, может сделать проповедника чрезвычайно чувствительным к вопросам, касающимся его мнения по любым важным вопросам. Его привычка говорить неделю за неделей, год за годом там, где никто не задает вопросов и не оспаривает, вызывает крайнюю чувствительность в психике. Если Мазер был болен и переутомлен, он мог быть легко растерян, когда Калеф укорял его, возражая против его убеждений и скрыто насмехаясь над некоторыми его действиями. В своем рассказе о Мерси Шорт он упоминает о своем ослабленном здоровье и чрезмерных нагрузках.

К сожалению, как мы можем судить, для его посмертной репутации, Мазер был писарем съезда священнослужителей, которые собирались и намеренно давали советы судам и правительству относительно доказательств и процессов, которые могли бы быть надлежащим образом использованы на процессах по обвинению в колдовстве. Как писец, Мазер приводил мнения съезда в форму для публикации, если ранее не составлял свои собственные, и на собрании добивался их принятия. С тех пор как советы этого съезда стали широко известны как катастрофические по своим результатам, Мазер считается эффективным, если не самым эффективным из всех организаторов казней в Салеме. Мы серьезно сомневаемся в справедливости такого обвинения в его адрес и сомневаемся в том, что совет конвента подтолкнул к особому ходу действий, которого придерживались суды, хотя, возможно, отчасти и разрешил его. Этот совет рекомендовал "очень критическую и изысканную осторожность... *чтобы ничто не использовалось в качестве испытания для суда над подозреваемыми, в законности которого может усомниться народ Божий*". Пока все хорошо. На наш взгляд, это выглядит как предостережение избегать использования *призрачных доказательств*, как их тогда называли, и четкое заявление о том, что одних таких доказательств недостаточно для вынесения приговора; также это выглядит как предостережение против жестоких методов вымогательства признаний и уговоров. Но заключительный абзац их совета, состоящий из следующих слов, *возможно*, в значительной степени сводит на нет смягчающую силу всего, что ему предшествовало. "Мы не можем не смиренно рекомендовать правительству быстрое и энергичное преследование тех, кто оказался несносным, в соответствии с указаниями, данными в законах Божьих и здравых статутах английской нации, для обнаружения колдовства". Этот совет был дан 15 июня 1692 года, как раз тогда, когда пламя колдовства в деревне Салем стало тревожить все общество, когда десятки людей были арестованы по подозрению в колдовстве, а суды с тревогой пытались понять, как проводить свои процессы. Советы показались нам несколько двусмысленными: с одной стороны, они призывали к осторожности и снисходительности, а с другой - к энергичному и быстрому применению английских законов и обычаев о колдовстве, которые разрешали и подразумевали использование самых варварских процессов и допускали все мыслимые виды доказательств. Общее впечатление, произведенное на наш разум недавним чтением, таково: духовенство в целом было против того, чтобы полагаться на спектральные доказательства, и их советы были призваны создать такое впечатление; в то время как гражданские судьи в Салеме придерживались другого мнения, действовали в соответствии с ним и выносили приговоры на основании спектральных доказательств в случаях, когда никакие другие были недостижимы. Именно гражданские судьи, гораздо больше, чем духовенство, чьи мнения, воплощенные в жизнь, превзошли ужасы Виселицы. Поэтому мы возлагаем меньше вины на писаря конвенции и на саму конвенцию, чем это делают многие другие.

Хотя в молодежной среде наших дней широко распространено мнение, что Коттон Мазер был главным зачинщиком салемского колдовства, мы не находим никаких фактов, которые бы оправдывали веру в то, что какой-либо его поступок когда-либо имел такое намерение. Его главные известные нам действия, которые вообще связывают его с происходящим там, - это авторство только что упомянутого совета священника, его присутствие на повешении, когда казнили Проктора, Уилларда, Берроуза и других, когда он вслух сказал толпе, подстрекаемой пылким и трогательным обращением из уст обреченного Берроуза, "Даже дьявол может превратиться в ангела света", и предложил содержать пять или шесть страдальцев за свой счет в течение нескольких недель, если ему будет позволено лечить их по своему усмотрению - молитвой и постом, а также держать их в основном в уединении от общественного наблюдения.

Необъяснимое присутствие Пу на казни, как можно предположить, доказывает, что она была для него привлекательной - он с удовольствием присутствовал на ней. Но весьма рациональное предположение Пула выставляет Мазера перед нами в ином свете. С Проктором и другими людьми духовенство в Салеме и его окрестностях почти не обращалось, и, находясь в бостонской тюрьме в ожидании дня казни, они получали такое внимание от Мазера, что просили его присутствовать в качестве их духовного наставника в последний час их земной жизни. Заявления Мазера, которые его современники никогда не опровергали, сводятся к тому, что он никогда не присутствовал на суде по обвинению в колдовстве, что никто никогда не был привлечен к ответственности за это преступление по его инициативе, по его предложению или по его совету; что его голос и намеренное влияние всегда были против таких процессов. Он также сообщает нам, что предложил содержать пять или шесть салемских страдальцев в течение нескольких недель за свой счет, если они будут переданы под его особое попечение, чтобы он мог лечить их по собственным методам. Подобные факты, безусловно, указывают на то, что такой пылкий и деятельный человек, как он, всегда готовый принять участие в большинстве народных движений, не симпатизировал инициаторам жестоких и варварских процессов, которые проводились в Салеме. Если бы ему это нравилось, он бы обязательно присутствовал на судебных процессах. Факты спонтанно порождают предположение, что какой-то другой мотив, кроме любопытства стать свидетелем казней, привел его в Салем в то время, когда мы его там находим, и предположение Пула, что он отправился туда как утешитель и друг Проктора и Уилларда, разумно и, вероятно, верно. Если это так, то мотив его визита не только заслуживает одобрения, но и согласуется с его общими действиями в делах о колдовстве, которые находились под его особым наблюдением, и находится в явном антагонизме с мотивами, которые ему широко вменялись. Мы полагаем, однако, что, когда другие добивались осуждения и приговоров за колдовство, он выступал за исполнение того, что считал полезным законом.

Мы сожалеем, что он грубо нарушил чары, которые святая речь и молитва святых Берроузов наложили на толпу свидетелей. Но мы сомневаемся, что особое преступление, за которое Берроузу предстояло умереть, заставило Мазера называть его *дьяволом*. Берроуз, хотя и был проповедником, не был регулярно рукоположен, или, конечно, не в той степени, которая устраивала Мазера; кроме того, он был слишком независим от таинств религии и слишком свободным мыслителем, чтобы соответствовать вкусу пастора Северной церкви в Бостоне. Это, как мы думаем, было его большим оскорблением в глазах Мазера; и это заставило последнего сказать в отношении того, кто, возможно, был более богоподобен и хриstopодобен по духу, чем он сам: "Даже дьявол может превратиться в ангела света". Это

высказывание, при данных обстоятельствах, наносит вред Мазеру; однако оно не относится к колдовству, а к сектантству или фанатизму.

Гуманный Мазер и Мазер, *искавший славы*, представляют совершенно разные аспекты в их связях с колдовством. Если рассматривать его дела, в которых он был лидером и руководителем, как, например, дела Мерси Шорт и Маргарет Рул, то все было так устроено, что никто не был привлечен к допросу по подозрению в колдовстве, а слова и действия Мазера были направлены на то, чтобы предотвратить любое обвинение. Молитвы, посты, манипуляции, уединение и тишина - вот что он предпочитал использовать для того, чтобы закрыть дьяволу доступ к себе и отгородить его от человека. Это был *гуманный* Мазер, *практичный пастор* Мазер. Но когда суды и влиятельные и высокопоставленные люди применили, по их мнению, "законы Божьи и полезные уставы английской нации для выявления колдовства", жаждущий одобрения общественности не только воздержался от протеста против кровопролития, но и не имел достаточно скромности, чтобы удержаться от намека на то, что его собственные жертвы могли бы помочь в благотворной работе, которая была совершена; он осторожно дал миру знать, что *Мазер-младший* составил совет священнослужителей суду; написав отчет о судебных процессах в Салеме, он сказал: "Я буду радоваться, что Бог прославлен, если публикация этих процессов будет способствовать такой благочестивой благодарности Богу *за то, что правосудие так далеко свершилось среди нас*", как благочестиво выразились священнослужители в своем совете. Это был Мазер - искатель славы, церковник и подданный их величеств Уильяма и Марии. Мазер не был уравновешенным человеком. Последовательность во всем не была в нем заметна, однако он был последователен в своем обращении и ведении всех своих особых пациентов, а также в своих попытках донести до общественности, что сам может заслужить некоторую заслугу за убийственный курс, проводимый властями, чтобы остановить насилие лукавого.

С ранних лет и до конца жизни Мазер был непоколебимым верующим в великого дьявола-колдуна протестантского христианства, поддерживаемого бесчисленными сонмами более мелких, а также верил в его особое колдовство. Он полностью верил в такого вездесущего, активного и злобного дьявола, какого только мог придумать его собственный энергичный и экспансивный интеллект; верил в то, что дополнительные проявления болезненной силы, знания или страдания во внешнем мире производятся дьяволом, а также в то, что даже этот могучий злодей не способен причинять людям внешние страдания, разве что по призыву или с помощью какого-нибудь человеческого слуги, заключившего договор с его Черным Величеством. Горестные моменты веры этого человека заключались в том, что люди заключали с дьяволом особые договоры, в результате которых заключившие их смертные становились колдунами, то есть получали возможность повелевать всеми его силами, как и он своими; кроме того, только через таких заключивших договоры он мог причинять вред телам и внешнему имуществу людей. Поэтому, рассуждал он, всякий раз, когда проявляется дополнительное и необъяснимое вредоносное действие, поблизости от этого вредоносного проявления должен находиться некий заветник с дьяволом.

И все же, практически, Мазер не был расположен к тому, чтобы общественность узнала об этом заговорщике. Его выбор был таков: хранить в тайне имена заколдованных актеров, причинителей страданий, и стараться молитвами, постами, манипуляциями и т. д. облегчить участь несчастных страдальцев. Если бы его политика была принята обществом, если бы его примеру последовали все, в его поколении не было бы ни одной казни за колдовство.

Мы можем - и мы рады, что можем, - утверждать, что вера Мазера предполагала наличие неких иных невидимых существ, помимо злобных, которые имеют доступ к человеку. В этом отношении он, вероятно, отличался от большинства священнослужителей и членов церкви

своего времени, и, возможно, его вера в служение *добрых* ангелов делала его более снисходительным к страдающим и более терпеливым наблюдателем, чем большинство его современников. Его продолжительное внимание к Марте Гудвин, Мерси Шорт, Маргарет Рул и предложение позаботиться о пяти или шести Салемах, если ему будет позволено управлять ими, свидетельствуют о доброте, превосходящей обычную в его возрасте по отношению к тем, кто считался находящимся под "злой рукой". Однажды он написал так: "В нынешнем злом мире

"В нынешнем злом мире неудивительно, что злые ангелы более *разумны*, чем добрые. Тем не менее, совершенно точно, что *добрые* ангелы постоянно, без всякого осквернения, летают в нашей оскверненной атмосфере, *чтобы служить* на благо тех, кто является наследниками спасения..... И хотя ангельское служение обычно находится за завесой более видимых инструментов и их действий, иногда оно при чрезвычайных обстоятельствах становится более очевидным для чувства верующих".

Он не остался равнодушным и не упустил зафиксировать тот факт, что "зачарованные люди много говорили о *белом духе*, от которого они получали чудесную помощь..... Маргарет Рул часто видела его яркие, сияющие и славные одежды... и говорит, что он сказал ей, что Бог позволил ее несчастьям постигнуть ее для неизреченного и вечного блага ее собственной души и для блага многих других, а также для своей собственной бессмертной славы".

Когда предстает существо или существа столь славного облика, а их высказывания и влияние возвышают и благословляют, неразумно игнорировать их. Сами законы, позволяющие приходить низким и темным духам, естественны и могут быть использованы, в подходящих случаях и условиях, возвышенными и светлыми; поэтому мудрость призывает человека просить и готовить путь для визитов последнего класса.

Любезность С. Ф. Хейвена, эсквайра, опытного библиотекаря Американского антикварного общества, Вустер, штат Массачусетс, недавно позволила нам ознакомиться с давно утерянной и недавно обнаруженной рукописью, в которой почерком Коттона Мазера приводится рассказ о Мерси Шорт. По беглому прочтению современной рукописной копии рассказа Мазера мы можем судить, что у библиотекаря было достаточно оснований сообщить обществу, что случай Мерси Шорт был "похож на случай Маргарет Рул, но представлял *большой интерес и содержал больше подробностей*". Далее в своем отчете он отметил, что "следует помнить, что рассказ о Маргарет Рул был опубликован не самим Мазером, а его врагом Калефом, который каким-то образом завладел им". История Мерси Шорт, судя по приписке к ней, была распространена среди его друзей в частном порядке, но ничто не указывает на то, что Мазер когда-либо намеревался ее опубликовать" - *C. F. Haven's Report, 29 апреля 1874 года*.

Здравая справедливость требует от всех современных критиков помнить и учитывать тот факт, что рассказы Мазера о Мерси Шорт и Маргарет Рул никогда не были представлены публике им самим; что они никогда не подвергались его пересмотру и исправлению для печати. Из-за этого они, возможно, дошли до нас более живыми, с духом откровенности и искренности, и с большей детализацией мелких происшествий. Незученные записи, как правило, честны и по существу точны, даже если они омрачены свободой стиля и выражения, а также заявлениями о чудесах.

Согласно нашим взглядам, мы должны воздержаться от того, чтобы называть Калефа Мазера "врагом", как это сделал библиотекарь. Он был врагом *неписанных* определений колдовства и неоправданных судебных процессов против обвиняемых в нем; но не врагом самого Мазера, как мы читаем его цели и чувства. Он был врагом мнений, ярким и откровенным

представителем которых был Мазер, и чьи труды послужили провокационным поводом для атаки на катастрофические ошибки.

Мы верим, что в скором времени публика сможет увидеть в печати рассказ Мазера о Мерси Шорт. Этот рассказ, а также рассказ Маргарет Рул очень достоверно и, можно сказать, *прекрасно* показывают нам нрав Мазера, занимавшегося колдовством, весной и осенью года, следующего за памятным 1692 годом. Ничто тогда не склоняло его к путям, ведущим к человеческим жертвам. Условия, кажущиеся поступки и окружение этих двух девушек, очевидно, давали ему возможность и силу вызвать повторение страшных сцен Салема, в которых, как заблуждается современный мир, его душа находила удовольствие. Если бы эта душа любила кровь, она легко могла бы пустить ее в ход в 1693 году и найти, чем удовлетворить свой аппетит; но *она этого не сделала*.

Один из важных вопросов, который активно обсуждался во времена колдовства, и, возможно, самый важный из всех в практическом отношении, был на стороне Мазера и Калефа, и поэтому в их споре он не рассматривался. Речь идет о *достоверности "спектральных доказательств"*, то есть показаний, данных теми, кто, очевидно, воспринимал факты, о которых они свидетельствовали, находясь в состоянии одержимости, ясновидения или других аномальных явлений. Некоторые, многие способные и хорошие люди, утверждали, что такие показания, не подкрепленные никакими другими, могут оправдать обвинение в колдовстве, в то время как столько же, столь же способных и хороших людей, включая большинство духовенства, утверждали, что одних таких показаний недостаточно.

Другой спорный момент заключался в том, может ли сатана принимать облик невинного человека и в этом облике причинять вред телам и имуществу человечества. Тот же вопрос, отчасти, стоит и сегодня: можно ли использовать в процессах проявления духа кого-либо, кроме добровольных почитателей сатаны? Наши собеседники не расходились во мнениях - оба верили, что Сатана, тогдашний синоним *духов*, добрых или злых, может использовать невинных для осуществления своих целей.

В вопросе о том, обязан ли Сатана использовать какого-то смертного в соглашении с собой всякий раз, когда он причиняет вред другому смертному, они, как уже было показано, разошлись во мнениях: Мазер утверждал, что человеческое сотрудничество часто, если не всегда, необходимо для любого проявления колдовства. Но в 1698 году он отнес это к "ошибочным принципам". Мы не припоминаем других пунктов, по которым он изменил бы свое мнение, и не находим у него признаний в личных проступках, связанных с колдовством; похоже, у него не было причин ни для признания, ни для покаяния, если доброта, снисходительность и благожелательность к человеку не должны признаваться и раскрываться в них как в преступлениях.

РОБЕРТ КАЛЕФ.

Роберт Калеф, хотя, вероятно, и не опередил многих других в обнаружении и мысленном несогласии с публичными ошибками веры и практики в отношении колдовства, был первым,

кто проявил достаточно наглости, чтобы смело высказать свои собственные мысли и мысли многих других. Поддерживаемый и поддерживаемый, вероятно, сильными и учеными людьми, он стал для колдовства христианства, как Мартин Лютер для его римских верований и практик, смелым, откровенным *протестантом*. Каждый из них отваживался смело преодолевать сильные течения народных верований и практик, даже когда путь был сопряжен с опасностями. Каждый из них, вероятно, был подвижим и поддерживаем твердой уверенностью в том, что истина, право и справедливость на его стороне; у каждого хватило духу твердо и решительно стоять на выбранном им самым опасном и филантропическом посту; и каждый в значительной степени добился успеха. Лютер бросил вызов Папе и его приверженцам, требуя обосновать некоторые части их вероучения и практики, а Калеф сделал то же самое с Коттоном Мазером, как с ведущим провозгласителем и толкователем колдовского вероучения. Лютер и Калеф признавали, что многое в вероучении тех, с кем они спорили, было основано на Писании и до сих пор оставалось неприступным; но они видели, что к истинной вере и наставлениям Писания было приделано много недозволенных и вредных придатков, и каждый из них старался отделить истинное и хорошее от ложного и плохого, которое давно уже вкладывали в них потоки мнений и событий. Однако ни один из них не разглядел всех ошибок и пагубных практик, которые с тех пор стали заметны. Лютер, хотя и видел, или, по крайней мере, слышал, и ругал, и швырял свой чернильный рог в дьявола католицизма, не отбросил, а сохранил в своем протестантском вероучении и его, и колдовство в том виде, в каком они существовали в католической вере. Калеф признавал существование великого личного колдовского дьявола Мазера, имеющего сверхъестественное происхождение, огромную силу и вечно пылающую злобу, но считал его уполномоченным только Богом, а не колдунами-людьми, как тогда было принято считать, когда он проявлял свою силу через человека или на нем.

Мы сильно сомневаемся в том, что Калеф действительно был *автором* значительной части опубликованных им материалов, касающихся колдовства. Статьи, которые он время от времени публиковал, кажутся нам весьма разнообразными по стилю и достоинствам в плане учености и риторики. Об этом говорится в томе I. стр. 288, Mass. Hist. Soc. Records, что "материалы для своей работы Калефу предоставили мистер Брэттл из Кембриджа, его брат из Бостона и другие джентльмены, выступавшие против салемского процесса". Возможно, ему помогли - и мы предполагаем, что помогли, - облечь свои материалы в ту форму, в которой они предстали перед публикой. О самом человеке нам удалось узнать очень мало. Обычно его называют бостонским торговцем, но Мазер упоминает о нем как о "ткаче" и т. д.

Какими бы ни были его культура, род занятий, характер или социальное положение, он взял на себя ответственность за то, что ему вменяется в вину, и мы охотно оставляем неоспоримыми как его претензии на то, что был автором всего, на что он подписался, так и на то, что его называют бостонским *купцом*.

Калеф принялся за работу с глубокой серьезностью и, возможно, из сильного чувства долга перед Богом и людьми; он понимал, что отход от учений и требований Писания, принятие мнений, процессов экспертизы и видов доказательств, которые Писание не предписывает, стали причиной главных бед колдовства, и поэтому посвятил много времени работе по внесению больших и необходимых изменений в общественное мнение. Некоторое время он продолжал ясно и убедительно писать Мазеру; но, не получив от него четкого и удовлетворительного ответа на свои основные вопросы, после нескольких месяцев разбирательств обратился с письмом "ко всем служителям, будь то английским, французским или голландским" по этому вопросу; это общее обращение, однако, не принесло ответа. Затем он обратился к преподобному Сэмюэлю Уилларду, затем ко "всем

священнослужителям в Бостоне и его окрестностях"; после этого к преподобному Бенджамину Уодсворту; но его успехи в получении ответов были столь незначительны, что мы, видимо, можем применить к тем, у кого он искал информацию, следующие слова, которые он использовал в отношении некоторых, кто определил правила, по которым можно обнаружить колдовство, - а именно: "Возможно, сила преобладающего мнения, вместе с соответствующим образованием, может затмить их суждения". Его даты показывают, что его призывы опровергнуть или подтвердить его позицию продолжались в течение двух или трех лет, и что он был не просто или в основном противником Мазера, а искренним искателем света. В 1700 году собранная им переписка вместе со многими другими материалами из-под пера Мазера и других источников была опубликована на сайте в Лондоне под названием "Больше чудес невидимого мира", а Мазер ранее опубликовал "Чудеса невидимого мира".

Этот пронизательный, серьезный, неутомимый дух вскоре завоевал широкую общественную аудиторию, начал просвещать общественный разум и поворачивать его в новые русла мысли и исследований. Хотя он и не был отточенным, но в основном был внятными, логичными и сильным писателем и многое сделал для осуществления реформации, которой он посвятил свои силы.

Калеф был нравственным героем и мужественно выполнял благородную работу, сдерживая потоки убийственного фанатизма, ошибок и заблуждений и перекрывая каналы для их возвращения. Его место в исторической нише - во главе реформаторов колдовства, не отказников, а *реформаторов*.

ТОМАС ХАТЧИНСОН.

На протяжении почти ста лет, примерно с середины восемнадцатого до середины девятнадцатого века, американская общественность довольствовалась тем, что оставляла неподнятой скрывающую драпировку, которую историк Хатчинсон набросил на колдовство. Его трактовка этой темы правдоподобна и успокаивает беглых читателей, но поверхностна и неудовлетворительна для умов, которые проверяют компетентность агентов, чтобы произвести приписываемые им эффекты. Его взгляды были так широко приняты и так долго распространены, что мы должны считать его более влиятельным, чем любого другого писателя, в сокрытии гигантских конечностей, черт и операций того, что с разумом было настоящим монстром в глазах его зрителей. В нем некоторые предосудительные качества сочетались со многими восхитительными. В "Новой американской энциклопедии" Эпплтона говорится, что "Томас Хатчинсон родился в Бостоне в 1711 году, а умер в Брэмptonе, недалеко от Лондона, в 1780 году. Он окончил Гарвардский колледж в 1727 году. В 1752 году он стал судьей пробата, с 1749 по 1756 год был советником, с 1758 по 1771 год - вице-губернатором, а в 1760 году был назначен верховным судьей, занимая, таким образом, сразу четыре высоких поста. В спорах, приведших к революции, он встал на сторону британского правительства..... Он получил должность губернатора в 1771 году; и все его правление характеризовалось двуличием и скупой любовью к деньгам: он писал письма, которые никогда не отправлял, но которые показывал как доказательство своего рвения к свободам провинции, в то время как он советовал основать цитадель в Бостоне" и т.д.

История Массачусетса, написанная пером этого человека, обладает огромными достоинствами и представляет собой большую ценность. Эта работа и предоставление ему стольких высоких должностей свидетельствуют о том, что его способности, приобретения и деятельность были на высоком уровне. Его комментарии по вопросам, которые он обсуждал, и факты, которые он излагал, были в основном справедливыми и очень поучительными. Когда он понимал - а он, как правило, понимал - подлинное значение фактов, обосновывал их и придавал каждому должный вес, он был энергичным, ясным и ценным толкователем и проводником. Но когда он сталкивался с необычными фактами, которые не мог объяснить в согласии со своими предрассудками и выводами о том, где прекращается действие природных агентов и сил, он умел очень искусно держать в забвении наиболее характерные и значимые аспекты таких проблемных материалов. Та пагубная моральная слабость, которая позволяла ему писать письма, которые он никогда не отправлял, чтобы выставить их в качестве доказательства своей поддержки народного дела, возможно, также позволяла ему быть не слишком мужественным и откровенным, когда он сталкивался с определенным классом фактов, которые казались ему "более чем естественными". Вся тема колдовства была для него крапивной. Его перо очень часто проявляло раздражительность, беспокойство, а иногда и презрение, когда он характеризовал людей, обвиненных в этом преступлении; и в отношении таких людей он записал множество поспешных и неудовлетворительных мнений и выводов. Взглянув на вероятное и почти необходимое состояние общественного мнения и знаний о духовных силах и агентах в середине XVIII века, мы обнаружим серьезные трудности, стоящие на пути любого историка колдовства в то время, и будем снисходительны к его гипотезам и выводам, даже если они далеки от удовлетворительных.

Сильное напряжение, которому подверглось распространенное чудовищное вероучение о дьяволе, когда в 1692 году в деревне Салем были приведены в исполнение его требования, разрушило само это вероучение; и в 1767 году не было найдено никакой замены ему, под которой явления колдовства могли бы быть отнесены к компетентным авторам и силам. Раньше общественность считала, что либо Великий Дьявол и сочувствующие ему импы, либо воплощенные человеческие существа, заключившие с ним договор, должны быть авторами всех таинственных вредоносных действий на людей, поскольку никакие другие невидимые разумные агенты не признавались имеющими доступ к человеку. Поэтому все действия, считавшиеся колдовством, принадлежали дьяволу. Но во времена Хатчинсона вера в дьявола изменилась. Перестали утверждать, что Великий Дьявол использует заветных детей, женщин и мужчин в качестве единственных доступных ему орудий; сваливание всех таинственных дел на него и на него стало устаревшим обычаем. Его возрождение могло бы не встретить доброго приема в обществе; вероятно, оно было бы неприятно людям, которых трагический опыт не так давно научил не доверять и отречься от власти его Черного Величества над материальными вещами, а также сожалеть о том, что их отцы не сомневались в его силе и действиях над вещами временными и осязаемыми. Дьяволу приписывали больше, чем он совершал или был способен совершить. Размышления привели к убеждению, что существуют и другие посредники, кроме чисто сатанинских. И все же культура и наука тех времен были неспособны предоставить историку сколько-нибудь удовлетворительные доказательства того, что в человеческом обществе действовали какие-либо разумные субъекты, кроме дьявола и человека. Дьявол или человек, тот или другой, согласно существовавшим тогда представлениям, должен был совершать колдовство. Вопрос о том, дьявол ли это, рассматривался более семидесяти лет, и общественное мнение признало его невиновным. В чем же заключалась необходимость историка? Он был вынужден сделать воплощенные человеческие существа единственными исполнителями. Неудивительно, что эта необходимость заставляла его раздражаться, когда факты и

обстоятельства вытесняли из-под его пера намеки на то, что простые дети и старухи были компетентными и реальными авторами некоторых проявлений, которые, по мнению его собственного острого и философского интеллекта, казались "более , чем естественными". "Более чем естественными" в его понимании они, очевидно, и были. Отчетливое представление о том, что развоплощенные дети доброго *Бога*, равно как и дьявола, могут естественным образом перемещаться по земным путям и проявлять свои силы среди людей, позволило бы ему философски объяснить все загадки тех дней. Но "полнота времени" для этого еще не наступила.

С. У. АПХЭМ.

В 1867 году, всего через столетие после Хатчинсона, уважаемый Чарльз У. Апхэм из Салема, штат Массачусетс, опубликовал продуманную, отточенную, интересную и поучительную "Историю колдовства и деревни Салем". Соединение в одной работе двух таких тем, как местная история и общий обзор колдовства, было очень уместным и разумным в данном случае, поскольку деревня Салем, охватывавшая нынешний город Дэнверс и части других прилегающих городов, была местом самого масштабного и ужасного конфликта, который люди когда-либо вели в явном и прямом поединке с дьяволом на этом континенте, если не во всем мире. Своим рассказом он дал читателю возможность понять, какого рода и качества были мужчины, женщины и дети, среди которых бушевала эта битва.

История *деревни* и ее жителей, написанная Апхэмом, отличается подробностью, исчерпывающей полнотой, ясностью, красочностью и витиеватостью. Эта работа ясно показывает, что люди Деревни обладали физическими, умственными, моральными и религиозными силами, способностями, чертами характера, тренировками и привычками, которые должны были наделять их остротой восприятия, логической проницательностью, физической и моральной выносливостью и мужеством, и делали их такими же труднообузданными или одураченными новыми событиями, как и любых других людей в любом месте, как тогда, до того времени, так и после. Те же самые свойства делали их умными аналитиками своего вероучения, ясными наблюдателями его логических следствий, упорными держателями того, во что они верили, и бесстрашными приверженцами своей веры. Придерживаясь, как и все христианство, заблуждения и веры в то, что для выполнения сверхъестественных дел требуется некое человеческое существо, "заключившее завет с дьяволом", этот народ был готов и способен применить эту веру в праведной борьбе. Такой народ вряд ли принял бы шалости собственных детей за что-то сверхъестественное по происхождению. Подозревать их в таком легкомыслии или увлечении - значит ставить под сомнение истинность и точность той самой истории, благодаря которой они так ясно и полно известны нам.

Те же способности и знания, которые обеспечили столь яркую историю Деревни, конечно же, наложили свой отпечаток на страницы, посвященные "*Колдовству*". И результаты могли бы быть столь же приятными, как и в более внешней истории, если бы не упущение видеть и назначать причины духа там, где существовали эффекты духа, не заставило автора предположить, что тяжелые, эффективные пушечные ядра вылетают из поп-пушек, потому что он сам не видел пушек в арсеналах, которые сам не посещал, и не поверил бы никому на слово, что такие пушки были доступны.

Ради него самого мы склонны пожелать, чтобы наш личный друг признал, что после того, как он в ранней юности читал и публиковал "Лекции о колдовстве" и размышлял о его возбудителях и причинах, явления, подобные чудесным явлениям прежних дней, происходили в большом количестве по всей нашей земле, и что не менее известный человек, чем доктор Роберт Хейр, из Филадельфии, был в курсе того, что колдовство является одним из самых распространенных явлений в мире. Роберт Хейр из Филадельфии, корреспондент и коллега Фарадея, Силлимана и других представителей этого класса, с помощью жестких и точных процессов физической науки фактически *продемонстрировал*, что некая оккультная сила, движимая интеллектом, который мог понимать и выполнять словесные просьбы, неоднократно поднимала и опускала рычаги балок весов и заставляла тела весить больше или меньше их нормального веса по его мысленной просьбе. То же самое проделали доктор Лютер В. Белл и группа журналистов в 1857 году. Такие силы, если бы их принял во внимание этот историк, потребовали бы перестройки и значительных изменений его давно заветной теории объяснения и потребовали бы огромных затрат труда и мысли.

Легкость и сохранение давно заветных представлений соблазнительны для человека. Историком было проще игнорировать открытие, что природные законы или силы всегда позволяли невидимым агентам появляться среди нас, чьи действия человеческий мозг долго, но неудовлетворительно, пытался проследить до адекватных причин, - проще продолжать считать, что недостаточные причины, облеченные в сияющую риторику, могут ответить на вопрос еще некоторое время, - проще по-прежнему тешить себя мечтой, что маленькие девочки и юные мисс, в основном бесхитростные и послушные во все свои предыдущие дни, могли и стали, без профессионального обучения и внезапно, искусными в создании сложных схем и подвигов, соперничающих и даже превосходящих самые поразительные из высших легердемайн, жонглирования и театрального искусства вместе взятых, - легче вообразить, что эти девушки восставали против родительского, медицинского, министерского и дружеского авторитета, вели себя как грубияны и злодеи, мстительно переворачивали все вверх дном, в окружении людей с ясной головой, которых нелегко обмануть, - да, легче было сохранить все эти *смехотворные* предположения, чем отбросить любимую теорию и перестроить историю в соответствии с требованиями открытий, *которые другие* сделали раньше этого историка и с помощью которых он мог бы дать действительно философское и удовлетворительное решение всех чудес древнего колдовства. Влюбленность все еще живет на земле, ослепляя многие светлые глаза.

Мы не жалеем, что наш друг проигнорировал настоящих и компетентных авторов - более того, мы почти рады, что он так поступил; ведь в результате его курса многие важные части колдовства Новой Англии были представлены в очень ясном, понятном и привлекательном сочетании, помогли огромному количеству людей осознать ближайшую природу и масштабы странных вещей, творимых здесь издревле, и позволили здравому уму сделать довольно справедливую оценку природы таких сил, которые были необходимы любым агентам, которые должны были совершать подобные чудеса.

Мы с радостью признаем свою личную благодарность этому автору за такое изложение предмета, которое показывает его могущественное влияние на мудрых, сильных, спокойных, добрых и способных людей, которые были живыми свидетелями и актерами в его сценах; и показывает также, что здравый смысл инстинктивно почувствует, что действия, вменяемые нескольким неграмотным девушкам и мисс, были за пределами сил, которые природа своими обычными и известными процессами когда-либо даровала им. Философия, наука и здравый смысл требуют, чтобы причины были адекватными, чтобы произвести эффект,

который им приписывают. Истории колдовства не отвечают этим требованиям. Неудача, постигшая нас ранее, заставляет предпринять попытку представить агентов, чьи силы могли быть равны тем, что совершаются в колдовских сценах.

В ходе работы нам придется вплотную столкнуться со многими мнениями и процессами наших друзей. Но наша хватка, какой бы крепкой она ни была, никогда не будет вызвана недоброжелательностью или недостатком уважения к нему; целью будет раскрытие ошибок, спасение наших предков и их детей в семнадцатом веке из-под пагубных, необоснованных, ненужных, беспричинных обвинений в фатуме старших и дьявольской изобретательности младших, и позволить нынешнему и будущим векам оглянуться на них с уважением и симпатией.

Этот автор еще жив, и пусть он долго живет в комфорте и с пользой. Его биография не написана; здесь мы дадим краткое представление о нем, основываясь исключительно на воспоминаниях этого момента. Не менее пятидесяти лет назад мы знали его как студента Гарварда, затем, в течение многих лет, как уважаемого и успешного священнослужителя в Салеме, еще позже, на политических должностях, особенно в качестве члена Конгресса, и в течение многих последних лет, как студента и автора у себя дома. Он вызывал и вызывает наше глубокое уважение.

Ученый, ритор, статистик, беллетрист и драматург - все они гармонично сочетаются в нем, придают необыкновенное очарование его "Истории деревни Салем" и делают ее произведением, вызывающим широкий и неизменный интерес у публики. Открытие или испытание новых агентов, сил или фактов не является существенной частью специфической работы философа. В основном он имеет дело с фактами, которые известны и признаны. Пока человек не признает факт воздействия духа на людей и вещи в земной жизни, он не может философски признать, что силы духа когда-либо использовались в производстве какого-либо явления, но должен рассматривать все как чисто материальные или находящиеся в пределах обычных человеческих способностей. Поэтому мы можем, пожалуй, с полным основанием считать нашего друга философом; но должны добавить, что он либо не знает, либо игнорирует агентов и силы, которые породили многие колдовские явления, которые он пытался прояснить, и многие другие такого же характера, которые он не смог привести из более ранних записей; эти агенты и силы должны быть допущены к их фактической и полной связи с их собственными эффектами, прежде чем философия сможет предоставить справедливые, ясные и удовлетворительные решения их источника и природы.

МАРГАРЕТ ДЖОНС.

Великое эндемическое колдовство в деревне Салем в 1692 году широко приписывается добровольным действиям нескольких девушек и женщин, которым иногда приписывают, что они почерпнули много знаний из книг, традиций, странных историй и тому подобного, и таким образом получили подсказки и инструкции, благодаря которым они смогли придумать, и, действуя на доверчивость и увлеченность своего времени, устроить, и устроили, это великое и захватывающее представление, без сверхземной помощи. Так ли это? Изучение нескольких единичных случаев, предшествовавших этой знаменитой вспышке таинственных действий, может указать на настоятельную необходимость приписать многие колдовские

проявления причинам и силам, лежащим за пределами досягаемости обычных способностей человека, поскольку мы видим в них действие сил, которые он никогда не приобретал и не может приобрести, читая, слушая или обучаясь.

Хатчинсон говорит: "Большой шум, который произвело колдовство Новой Англии во всех английских владениях, был вызван скорее общей паникой, охватившей всех людей, и ожиданием того, что зараза распространится на все части страны, чем количеством казненных; в одном графстве Англии за короткий промежуток времени было предано смерти больше людей, чем пострадало в Новой Англии с момента первого поселения до настоящего времени. Прошло пятнадцать лет, прежде чем мы нашли хоть одно упоминание о колдовстве среди английских колонистов..... Первое подозрение в колдовстве среди англичан возникло примерно в 1645 году".

Мы приступаем к рассмотрению нескольких более ранних случаев и начнем с Маргарет Джонс.

Сохранилось краткое изложение доказательств, представленных против этой женщины, которая в 1648 году была судима, осуждена и казнена в Бостоне за преступление колдовства и стала, насколько нам известно, первой американской жертвой в плотской войне христианства с дьяволом. Неосознанно для себя, конечно, но все же фактически, она могла быть, как мы иногда думаем, первым американским мучеником *спиритизма*.

Основные сведения об этом деле, доступные в настоящее время, содержатся в дневнике губернатора Джона Уинтропа, который был одновременно губернатором колонии и главным судьей ее высшего суда в 1648 году и председательствовал на суде над Маргарет Джонс. Его положение на скамье подсудимых давало ему возможность и делало его обязанностью точно знать, что было обвинено, что засвидетельствовано и что доказано в деле. Характер этого регистратора - хороший залог для честного и откровенного заявления, насколько это возможно. В его записях говорится следующее.

"В 1648 году некая Маргарет Джонс из Чарльзтауна была обвинена и признана виновной в колдовстве, за что и была повешена. Улики против нее гласили, что она обладала таким зловредным прикосновением, что многие люди, мужчины, женщины и дети, которых она гладила или трогала с какой-либо симпатией или неудовольствием, или, и т.д., заболевали глухотой, или рвотой, или другими сильными болями или болезнями; что, занимаясь врачеванием, и ее лекарства были такими вещами, которые, по ее собственному признанию, были безвредны, как анис, ликеры, и т.д., но оказывали необычайно сильное действие; что она говорила тем, кто не хотел пользоваться ее лекарствами, что они никогда не будут исцелены, и, соответственно, их болезни и боли продолжались, с рецидивами против обычного хода и вне понимания всех врачей и хирургов; что вещи, которые она предсказывала, сбывались соответственно; другие вещи, о которых она могла рассказать, как тайные речи и т. д., о которых она не могла узнать обычным способом; в тюрьме, при ясном свете дня, у нее на руках, сидящей на полу, в одежде и т. д., видели маленького ребенка, который убежал от нее в другую комнату, и офицер, проследив за ним, исчез. Ребенка, похожего на , видели еще в двух местах, к которым она имела отношение; и одна служанка, которая видела его, заболела от него и была исцелена упомянутой Маргарет, которая использовала средства, чтобы быть использованной для этой цели."

Так много было записано Уинтропом в 1648 году. Но тот объем информации о Маргарет Джонс, который историческая селекция сочла нужным донести до общественности в 1764 году, стал очень мал, поскольку в последнюю дату Хатчинсон говорит (vol. i. p. 150): "Первый случай казни за колдовство, который я обнаружил, произошел в июне 1648 года. Маргарет

Джонс из Чарльзтауна была обвинена в колдовстве, признана виновной и казнена. Ее обвинили в том, что она обладала таким зловредным прикосновением, что если она в гневе возлагала руки на мужчину, женщину или ребенка, то они тут же заболевали глухотой, рвотой или другими болезнями, или же испытывали сильные боли".

Эти несколько резких строк составляют весь рассказ историка об этом случае. Он не дает ни малейшего намека на то, что женщину обвиняли в чем-то, кроме *злого прикосновения*; поэтому ему очень не хватает честного изложения фактов. Он оставляет незамеченными главные основания для справедливых умозаключений и выводов. Имел ли этот автор доступ к записям Уинтропа, мы не знаем. Но историк Апхэм имел, и он утверждает (vol. i. p. 453): "Единственным реальным обвинением, доказанным против Маргарет Джонс, было то, что она была успешным врачом, использующим только простые средства". *Единственное доказанное обвинение!* Что это может означать? Несомненно, было несколько других и гораздо более удивительных и значительных вещей, которые были так же ясно обвинены и "доказаны" против нее, как и ее успешное использование простых лекарств. Единственная вещь *доказана!* Если это было доказано, то тот же документ, который учит этому, также с такой же ясностью учит, что на ней было доказано еще пять или шесть других вещей; и большая часть этих других вещей была трудноразрешимой с точки зрения философии обоих историков, названных выше. Вернемся к рассказу Уинтропа и посмотрим, что было предъявлено.

1. Когда она манипулировала мужчиной, женщиной или ребенком, у объекта ее действий немедленно возникали тошнота, боль или болезнь.
2. Ее очень простые лекарства, а именно анисовое семя и ликеры, производили необычайно сильные эффекты.
3. Тем, кто не принимал ее лекарств, она говорила, что они никогда не исцелятся; и, соответственно, их болезни и боли продолжались, с рецидивами против обычного течения.
4. Предсказанное ею сбылось.
5. Она могла рассказывать о тайных речах, о которых не было возможности узнать обычным путем.
6. Когда она находилась в тюрьме, при ясном свете дня на ее руках был виден ... маленький ребенок, который при приближении офицера убежал и исчез.
7. Служанка, заболевшая при виде этого ребенка, "была вылечена упомянутой Маргарет, которая использовала для этого средства".

Единственное доказанное обвинение? Если было доказано, что "она успешно практиковала, используя только простые средства", то каждое из остальных шести обвинений столь же ясно доказывает ее успешную практику, причем тем же документом. Но некоторые из них труднее объяснить на саддукейских основаниях, и они остались незамеченными. Даже признанное чудо представлено в искаженном виде: оно так задрапировано, что говорит о том, что эта женщина была *успешным* врачом, в то время как в оригинале говорится, что ее снадобья производили необычайно *сильные* эффекты. Несомненно, она была в важном смысле "успешным врачом, использующим только простые средства". Но в свидетельских показаниях говорится не об этом. Историческое свидетельство гласит, что ее снадобья производили "*жесткие эффекты*". Ее судьба учит, что действие ее снадобий считалось дьявольским. Передается ли эта мысль, когда ее называют успешным врачом? Нет.

Случай этой женщины гораздо более поучителен, чем считали прежние толкователи; и поскольку в его разнообразных чертах и аспектах представлено множество интересных моментов, мы остановимся на нем подробнее.

В ее истории нет ничего, что противоречило бы предположению, что она и ее муж, возможно, принадлежавшие к среднему слою общества или ниже его, зарабатывали на жизнь в окружении здравомыслящих, мудрых, выносливых, трудолюбивых людей, которые прожили двадцать лет в окрестностях устья Чарльза без какого-либо поразительного колдовства среди них, или каких-либо учителей этого искусства, или искусных соратников в его практике. Что-то побуждало ее возлагать руки и давать простые лекарства страждущим, больным или раненым. Откуда этот импульс? Вряд ли можно предположить, что она изучала медицину. Возможно, она была сиделкой - очень вероятно, что так и было - и, возможно, осознала свою способность облегчать страдания и болезни, а ее соседи знали, что она готова практиковать искусство врачевания. Очевидно, они привыкли подчиняться ее манипуляциям и медицинскому лечению довольно часто, и в конце концов были поражены чрезвычайной эффективностью ее рук и порой жестоким действием ее простых лекарств.

Эффект от ее трудов был настолько необычным, что у соседей возникли подозрения, что ее помощницей стала некая несносная *особа снизу*, и поэтому ее арестовали по подозрению в колдовстве.

Каких людей могли вызвать в суд для дачи показаний о ней, когда было выдвинуто такое обвинение? Ее беспорядочные пациенты? Нет. Только те из них, кто испытывал или мог поклясться, что испытывал страдания или раздражение под ее лечением. Искать будут только вред, а не пользу, которую она принесла. Потребуется больше морального мужества и силы, чем обычно, чтобы побудить тех, кого не вызывали и кто ничего, кроме хорошего, не мог сказать о ее деятельности, попытаться встать на свидетельскую трибуну, где предполагается, что колдовство является преступлением. Все показания, которые были получены или даны, несомненно, должны были свидетельствовать против нее; и все же до нас дошло, что заболевшая служанка "была излечена упомянутой Маргарет, которая использовала средства, которые должны были быть использованы для этой цели". Благодеяние, как и "убийство, иногда вырывается наружу".

Различные силы, проявившиеся через нее, достойны отдельного рассмотрения.

1. *Когда она манипулировала мужчиной, женщиной или ребенком, у объекта ее воздействия немедленно возникали тошнота, боль или болезнь.* Это единственное преступление, которое Хатчинсон, по-видимому, считает ее виновной; это единственное, которое он ставит в заслугу ее преследователям, и таким образом он оставляет их в большом долгу перед человечеством. Если свидетельства не были в основном чистой выдумкой, то из ее рук исходила необычайная эффективность, и, по-видимому, во многих случаях; поскольку в отчете говорится, что воздействие было одинаковым на мужчин, женщин и детей, это указывает на то, что она была обширным оператором.

Месмер тогда еще не сделал своих открытий. Но силы всегда находились в живых формах, которые он обнаружил и научился вызывать и контролировать. Система Маргарет Джонс могла быть очень мощной магнитной батареей, управляемой иногда ее собственной волей, иногда движимой и дающей проход безличным магнитным силам, а иногда и используемой тем интеллектом вне человека, который, по словам Агассиса и Броун-Секара (см. Приложение), может действовать через его организм. Как усиление, так и ослабление болей, болезней и силы лекарств являются достоверными результатами ее манипуляций.

Как уже говорилось, только те части первобытного документа, которые касаются эффективности ее рук и ее простых средств, вызвали комментарии историков; они также не смогли изложить и десятой доли того значения, которое было заложено в том немногом, что они попытались раскрыть. Такое действие рук и очень простых лекарств на системы мужчин, женщин и детей нельзя удовлетворительно объяснить ни приписыванием его, как это делали одни, гневу оперирующей женщины, ни, как это делали другие, обычным действиям простых лекарств. Такие причины никогда не могли привести к последствиям, способным настолько взволновать интеллигентное и стойкое общество, чтобы заставить его обвинить эту практику в дьяволизме и добиваться ее казни. Подразумеваемая инфантильность и доверчивость поколения, которое могло быть возбуждено к такому варварству столь незначительными причинами, является самым порочащим обвинением в мудром, мужественном и человеческом отношении к нашим предкам. Наши толкователи колдовства, как мы полагаем, позволили себе принести в жертву очень многое, что было светлым и благородным в прошлом, на алтарь ложного предположения, что современные ученые или, по крайней мере, их собственные мудрые исторические интеллекты исследовали все глубины широкой природы и положительно установили, что нигде не может существовать сил, посредством которых сверхъестественные действия могут быть законно доведены до сведения человека. Заслуги отцов затмеваются, чтобы высокомерие детей могло быть названо Мудростью.

Многие люди, не отличающиеся умом, признают, что однажды дух вышел из человека "и прыгнул" на семерых сыновей-экзорцистов некоего Сцевы, "и одолел их, и победил их, так что они бежали из того дома нагие и израненные". Разум, который верит этой записи, должен быть в состоянии признать, что, возможно, духи могли издать силу через руки таких, как Маргарет Джонс, которая вызывала боли, тошноту и болезни у тех, к кому прикасались медиумы, если духи желали таких результатов. Не было беспрецедентным событием, если через нее некая невидимая сила истязала тела тех, кто, будучи шпионами, врагами, подражателями или соперниками, искал наложения ее рук; не было новостью, что мучительные ощущения должны возникать, когда магнетизмы оператора и объекта были как щелочь и кислота друг для друга; не было новостью, что ее собственный дух обиды за обиды, полученные или предвиденные, действовал таким образом. Но и благосклонность часто может побудить ее или духа через нее произвести *бурные эффекты* вначале, если только наши врачи не прописывают эметики и катарсические средства по недоброте или злему умыслу.

Прочтите следующее заявление, которое я только что записал из уст соседа, которого я хорошо знаю почти десять лет и чья правдивость столь же полна, как и правдивость любого другого человека из всего круга моих знакомых:...

"Осенью 1869 года одна женщина из Южного Бостона, знавшая меня, посоветовала одному из своих соседей, заболевшему лихорадкой, послать за мной и получить лечение моими руками. Муж пациентки, крепкий механик, мало верил в эффективность "возложения рук". Тем не менее любопытство или какие-то другие мотивы побудили его и еще троих мужчин наблюдать за моими действиями и их эффектом. Они стали свидетелями очень сильных сокращений мышц больной женщины и многих спазматических движений ее конечностей. Когда я перестал воздействовать на свою пациентку, ее муж сказал: "Как вы думаете, вы можете воздействовать *на меня* таким же образом? Я ответил: "Не знаю - скорее всего, нет; но если вы хотите, чтобы я попробовал, я попробую". 'Yes,' said he, 'try.' Тогда садитесь, сэр, в кресло, где сидела ваша жена. Он так и сделал, и я некоторое время действовал без ощутимого эффекта, но вскоре был вынужден сказать ему: "Ударьте меня по небольшой

части спины", - одновременно поставив спину так, чтобы он мог нанести ей честный, сильный удар, который он ни в коем случае не хотел наносить. После первого удара я воскликнул: "Сильнее! После второго - *"Сильнее!"*. После третьего он мгновенно забился в судорогах, его руки сжались на груди, мышцы на них сильно увеличились, напряглись и не слушались его воли, и он жадно умолял: "Спустите меня! Спустите меня! Спустите меня!", а другие мужчины, больная жена и я смеялись до изнеможения. У меня не было ни воли, ни желания добиваться таких результатов".

Дж. В. Кросби".

"Бостон, 30 апреля 1874 г."

2. Свидетельство показывает, что *очень простые лекарства, такие как анисовое семя и ликеры, вызывали у нее необычайно сильные эффекты*. Это заслуживает доверия. Во времена Павла необыкновенные эффекты производили намагниченные носовые платки, а сегодня даже чистая вода, помещенная под руки некоторых своеобразных медиумов или под кончики их пальцев, иногда поглощает или заставляет проявиться лекарственные свойства вина, ипекаки или других желаемых веществ; и такие медиумы часто являются очень "успешными практиками, использующими только простые средства". Действие того, что они вводят, не обязательно должно быть психологическим в правильном смысле этого слова: то есть пациент не должен быть информирован или подозревать, что вода лечит таким образом; хотя люди, на которых это действие очень ощутимо, вероятно, должны быть конституционально медиумичны. Благодаря личному наблюдению мы узнали, что вода может быть так обработана невидимым настоем из невидимого источника, что она становится похожей на вкус и действует как ипекака или вино, в соответствии со свойствами, которые некий невидимый разум, для которого потребности прозрачны, и который может заболеть или освежиться по своему желанию, собрал из атмосферы или в другом месте и влил в эту воду. Когда общественная бдительность пробудила подозрения вокруг этой женщины, не исключено, что многие люди, воинственно настроенные по отношению к дьяволу, стремились проверить ее силы, и что некоторые из них (восприимчивые) почувствовали или выпили то, что вызвало "глухоту, или рвоту, или другие боли или болезни" - не исключено, что на некоторых из них ее снадобья оказали *"сильное воздействие"*. Люди, пострадавшие таким образом, составили бы почти весь класс, из которого были бы отобраны свидетели на ее суде. Если бы она, как правило, вызывала только боли и болезни, ее практика вскоре сократилась бы до нуля, и она жила бы дальше, не досаждая. "Успешный практикующий", просто как таковой, никогда не был бы привлечен к суду.

Апхэм обнаружил в деле тот существенный факт, что ее простые средства были настолько эффективны, что сделали ее успешным врачом; да; но была ли просто успешная медицинская практика главной причиной, по которой ее соседи обвинили в дьяволизме? Какой успех в облегчении страданий, присущих плоти, мог бы вызвать общественную месть? Сколько благодеяний нужно было совершить, чтобы общественные настроения осудили их автора? Могут ли только такие способности и средства, которые обычно и привычно используются, позволить женщине достичь такого успеха в лечении болезней, заживлении ран и облегчении болей, чтобы побудить разумное и религиозное сообщество арестовать и судить ее за смертельное преступление против благополучия общества? Никогда. Заметил ли историк, что сам приписывает жителям Чарльзтауна зверский дьяволизм, когда заставил своих читателей сделать вывод, что они преследовали одну из них до бесславной смерти только потому, что "она успешно практиковала, используя только простые средства"? Видел он это или нет, но его объяснение заставило соседей лишить жизни эту женщину за те добрые дела, которые она совершала среди них. Очень хотелось бы иметь какую-то теорию

объяснения, которая избавит нас от необходимости соглашаться с беспричинными обвинениями в проницательности и чувствах справедливости, относящихся к нашему происхождению в массе. Маргарет Джонс была очень успешным *медиумом-целителем*, и поэтому ее работы были тайнами.

Обратив внимание на два единственных обвинения в этом деле, которые историки сочли достойными уточнения или имели смелость привести, и увидев, что Хатчинсон приписывает ее преследования ее собственному гневу, вытекающему через ее руки, а Апхэм - ее огромному успеху в качестве целителя, мы просто отметим тот факт, что первый историк обычно указывает на постоянное опасение, что те, кого *преследовали* за данное преступление, были стороной, которую следовало винить; в то время как второй, чаще всего, возлагает главную вину на *преследователей*. В данном случае первый историк делает ее гнев - черту, достойную порицания, - в то время как второй делает ее благодеяние - похвальную характеристику - главной побудительной причиной ее осуждения и казни.

Мы переходим к рассмотрению других первоначальных обвинений, более трудных для правдоподобного решения в рамках гипотез Хатчинсона и Апхэма, чем гнев и успешная медицинская практика; обвинений, не поддающихся никакой философии, которой придерживались эти толкователи.

3. *"Она говорила тем, кто не хотел пользоваться ее врачеванием, что они никогда не исцелятся; и, соответственно, их болезни и повреждения продолжались; с рецидивами против обычного хода"* и т. д. В наше время очень распространено ясновидение, или - что более широко и поучительно - распространено медиумизм, когда медиумы *чувствуют* и уверены, что существующая тенденция болезни пациента скоро закончится смертью, если ее не остановить каким-то особым лекарственным средством, часто духовным, или тем, что лечат духи, о котором обычные врачи не знают, не прописывают и не могут получить. Свидетельства, которые приводит судья Уинтроп, показывают, что *"болезни и повреждения"* тех, кто отказывался принимать ее рецепты, не только оставались неизлеченными, но претерпевали такие изменения и рецидивы, которые врачи и хирурги не могли понять. Поскольку все это происходило в соответствии с ее предсказаниями, мы видим убедительное доказательство того, что женщина обладала необыкновенной способностью *предчувствовать* грядущие результаты. То, что она предсказывала конкретные события, столь же очевидно, как и то, что ее прикосновение было злокачественным, а ее практика - успешной. О ее чудесном предвидении, которое было одной из ее выдающихся способностей, историки не рассказали. Их философия, основанная только на тех материалах, которые признаны физическими науками, была слишком узкой, чтобы охватить оккультные природные агенты и силы, с помощью которых такие способности предвидения могут быть привлечены или проявлены через некоторые человеческие организмы и привести к чудесным результатам. Поэтому эти толкователи позволили таким фактам оставаться нетронутыми в редко посещаемых шкафах, где они уже давно покоятся.

4. *То, что она предсказала, сбылось.* То есть события подтвердили ее предсказания и тем самым доказали, что она обладала чудесными пророческими способностями. Если предположить, что ее подтвержденные предсказания были лишь искусными или удачными догадками, будет ли такое предположение справедливым по отношению к людям, которые, будучи живыми свидетелями на месте событий, могли знать, что именно она предсказывала, и знать, с какой точностью они исполнились, и все же считали их подлинными пророчествами? Ее обвинители могли знать факты, в то время как мы, в большинстве своем, должны быть в неведении относительно них. Мы не можем обоснованно отрицать, что непосредственные наблюдатели действительно заметили проявление у нее подлинных

пророческих способностей. Некоторые смертные иногда могут пророчествовать; как в древние пророческие и апостольские времена, так и в наш век, многие люди были и остаются известными в этом. Вечные законы или силы приводят некоторых смертных к уверенному знанию грядущих событий. Этому учат и история, и возвращающиеся души.

"Дух пророчества имеет свой источник в бесконечной истине и является такой же частью бесконечного закона, как и любое другое проявление жизни; поэтому он имеет мудрую и мощную защиту; и те, кто пользуется этим духом пророчества, *в силу способа и манеры своего физического и духовного сложения*, если им посчастливилось поместить себя в гармоничные отношения с законом, не терпят неудач в пророчестве. Но если, как это часто бывает, они, к сожалению, находятся в негармоничных отношениях с законом, они должны, по необходимости, частично, если не полностью, потерпеть неудачу. Верно говорят, что "грядущие события отбрасывают свои тени". *Эти тени (?) в действительности являются частями событий*; эти тени имеют приоритет над материальным рождением всех событий, как они понимаются смертными; они являются основой того, что вы получаете, и переживают то, что вы получаете; они являются бесконечной частью. Итак, есть некоторые люди *такого склада*, что они воспринимают эти тени (?) и могут судить о том, что они предсказывают, так же точно, как ученый астроном может судить о затмении" - *Дух, профессор Александр М. Фишер, Йель. Знамя Света, 30 января 1875 г.*

5. *"Она могла рассказывать о тайных речах, о которых не могла узнать обычным путем"*. Временами она была яснослышающей или одной из тех сенситивов, чьи духовные органы чувств временами настолько расходятся с материальными, что она испытывала практическое уничтожение пространства и грубой материи, что позволяло ей, как и всем незамутненным духам, практически присутствовать и слушать любого человека в любом месте, к которому она по какой-либо причине была привлечена и с которым она вступала в контакт. Состояния, позволяющие осознавать мысли и слова отсутствующих в теле, сегодня ежедневно встречаются у мужчин, женщин и детей, а значит, были возможны и у Маргарет Джонс в 1648 году и в предшествующие годы. В письме капитана Денсмора, помещенном на одной из следующих страниц этой работы, будет показано, что в недавнем прошлом он обладал способностью слышать голоса живых людей, чьи тела находились на большом расстоянии от слушателя.

6. *"Находясь в тюрьме при ясном дневном свете, она увидела на руках... маленького ребенка... который при приближении офицера убежал и исчез"*. Исчез; это слово намекает на то, что это был призрачный или духовный ребенок - возможно, ее собственный умерший ребенок. Кем он был замечен? Офицеру тюрьмы, а значит, человеку, который вряд ли был бы ее единомышленником в попытке самозванства. Но не только он; горничная также видела малыша, и от этого зрелища ей стало плохо; это свидетельствует против ее соучастия в трюке. За то, что свидетельства о подобных происшествиях давались в суде, ручается Уинтроп, и с ними должны были ознакомиться или, несомненно, должны были ознакомиться последующие историки. Их ловкость в том, чтобы оставлять определенные категории фактов в неясности, почти соперничает с хитростью агентов, которым они приписывают происхождение и производство колдовских проявлений.

Видимое присутствие этого мимолетного ребенка очень ясно показывает, что миссис Джонс была наделена некоторыми из редких и исключительных свойств медиумизма - что она обладала теми особыми элементами, среди которых духи могли облачаться в такие материализованные оболочки, что материальные глаза могли их различить. Ангелы,

выглядевшие и действовавшие как люди (Быт. xviii.), видели Авраам и Лот. Одного видели (Суд. xiii.) Маноах и его жена. Другого - Товия, сын Товита (Апок.); еще одного - ученики, шедшие в Эммаус (Иоанн xx.); других - тысячи людей в разные эпохи и у разных народов, спорадически. В наши дни сообщения об отчетливом восприятии материализованных духов в присутствии миссис Эндрюс в Моравии, штат Нью-Йорк, доктора Слейда из Нью-Йорка и многих других поступают почти еженедельно, и они хорошо засвидетельствованы. В этих современных случаях, как правило, делаются какие-то специальные, хотя и простые, предварительные приготовления, чтобы облегчить такие проявления; но мы можем очень обоснованно сомневаться, что миссис Джонс прибегала к чему-то подобному, потому что, находясь в тюрьме по обвинению в ужасном преступлении колдовства, можно предположить, что у нее не было ни средств, ни возможности командовать материальными приборами, чтобы помочь подлинному проявлению духа или создать оптическую иллюзию для ее хранителей.

Смертный. "Как материализуются духи?"

Дух. "Вы должны знать, что атмосфера полна частиц материи. Все, что есть в человеческом теле, также находится в атмосфере в виде мелких частиц. Темнота делает эти частицы более спокойными и, следовательно, легче управляемыми духами. У духа есть волевая точка или центр, который является искрой Божественной природы. Когда состояние атмосферы, среды и круга соответствует требованиям, дух проявляет эту силу воли и, в соответствии с естественным законом, *притягивает к своей духовной форме* плавающие в воздухе частицы, и они конденсируются на духовной форме или теле и проникают в него, чтобы материализовать его, превращая в кости, мышцы, кожу, волосы - каждую часть, и делая тело духа на время твердым, осязаемым. Воздух содержит огромное количество материи, которую духи могут использовать для материализации. Однако обычно мы не материализуем кровь..... Нам приходится черпать часть вещества для материализации из медиума, он является своего рода резервуаром, где мы концентрируем наши запасы, и черпать из него гораздо труднее, когда он находится на расстоянии, поэтому мы держимся рядом с ним." - Spirit. Disc., как сообщает Г. А. Буддингтон. Знамя Света, 6 февраля 1875 года.

В ежедневной газете "Бостон Пост" корреспондент из Ньюберипорта 13 января 1873 года сообщил о случае, представляющем большой интерес и имеющем большое значение. В нем рассказывается о том, как мальчик-дух несколько раз среди бела дня показывался в окне между подъездом и школьным классом группе детей и их учителю, а также о том, как он периодически в течение нескольких месяцев создавал над ними тревожный шум на недостроенном чердаке. Мисс Перкинс, учительница, рассказывает: "Это маленький мальчик лет одиннадцати, с бледным лицом и самым печальным и милым ртом, который она когда-либо видела в своей жизни, бесстрашно смотрящий в ее лицо из пары голубых глаз. Он отступил в угол. Она последовала за ним, и как раз в тот момент, когда она собиралась положить на него руку, он исчез. Дверь не открывалась, но его не было". В рассказе говорится, что мисс Перкинс, "хотя и не спиритуалистка, убеждена, что все это" (шум) "вызвано сверхъестественными силами, и считает, что явление, которое она видела, было настоящим призраком".

Редактор "Спрингфилдской республики", вероятно, проконсультировался с учительницей этой школы, мисс Люси А. Перкинс, относительно правильности вышеизложенного и, возможно, других рассказов, которые стали достоянием общественности, поскольку она написала ему, и он опубликовал следующее:- "Рассказ, который вы мне прислали, верен.

"Рассказ, который вы мне прислали, верен, за некоторыми исключениями. Когда я впервые увидела мальчика, он был одет в *коричневый* костюм, отделанный тесьмой и пуговицами того же цвета. Когда я протянул руку вперед, чтобы схватить его, он показался мне не мальчиком, а испариной, или, как я могу это описать, похожим на тонкое облачко, рассеивающееся по комнате; тем не менее он казался мальчиком. В некоторых бостонских газетах пишут, что я упал в обморок; это не так. Я знал, где нахожусь и что делаю, так же хорошо, как знаю, что пишу".

"Однажды я послал мальчика повесить кисти. Он пробыл там около пяти минут. После того как он занял свое место, в дверь комнаты, где висели кисти, трижды постучали. Он сказал: "Мисс Перкинс, могу я выйти и посмотреть, кто там?" Я сказала ему: "Да, и оставьте дверь школьного кабинета открытой". Он так и сделал, и когда он открыл дверь в комнату для уборки (я сидела так, чтобы все видеть), все щетки, как длинные, так и короткие, посыпались с гвоздей, на которых они висели; некоторые ударили его по плечам, а метла - прямо по макушке. Пылесборник, висевший на гвозде на некотором расстоянии от щеток, с грохотом рухнул на пол. Он встал на ручку, потом на нижний край, и так продолжалось до тех пор, пока он не вошел в школьный класс, а потом его поставили к перегородке так же аккуратно, как если бы я сам это сделал. Как только я поднимал форточку, черный шар, похожий на пушечное ядро, начинал кататься по чердаку и издавать такой шум, что я вынужден был опускать форточку. Однажды в комнате стало тихо, насколько это вообще возможно, и вдруг кто-то с чердака позвал: "Папа Пайк!". Папа подумал, что я говорю, и спросил "Что?". Я ответил ему: "Ты можешь сказать свой урок?"

"С тех пор как произошел этот случай с мальчиком, чердак был заперт; замки и ключи, однако, бесполезны, так как по лестнице много ходят, а иногда и бьют молотком и забивают гвозди. Время от времени звуки, как будто кто-то ходит, спускаются по чердаку, проходят через вход, открывают наружную дверь и отсутствуют, возможно, минут десять; после того как снова становится тихо, дверь открывается, и он, она или оно поднимается по лестнице..... Я не спиритуалист; никогда не посещал спиритические сеансы, более того, никогда не имел ничего общего с человеком такого убеждения и никогда не видел никаких проявлений. Почему что-то подобное должно происходить там, где я нахожусь, я не могу объяснить".

Этот случай, когда учительница и два ее ученика одновременно видели духа среди бела дня, день за днем и неделя за неделей, убедительно доказывает, что "природа вещей" позволяет допустить, что свидетельство, касающееся духовного ребенка в тюрьме, может быть буквально правдивым. В настоящее время часто проявляются законы и силы, которые позволяют наблюдать присутствие духов.

Сильная жажда утешения, сочувствия и поддержки в темный и тяжелый час, а также другие причины могли привлечь ангельского ребенка - своего или другого - в объятия Маргарет Джонс, история которой свидетельствует о ее особой восприимчивости и медиумических свойствах; и с ее помощью материализация духа могла быть осуществлена.

7. Заболевшая служанка "была вылечена упомянутой Маргарет, которая использовала для этого средства". Доброта и умение успешно исцелять больных, даже когда общество держало ее в камере для преступников, висят над ее головой как светлое облако и говорят о чем-то хорошем в ней - говорят о возможном источнике чего-то отличного от злокачественного прикосновения - да, о "подлинно успешной медицинской практике".

Мы мало что знаем о ее характере; в записанных свидетельствах нет ни одного подлога. Ее особые способности, несомненно, проистекали из своеобразных врожденных образований и связей между ее внешним и внутренним организмами и мало зависели от

интеллектуальных или моральных качеств. Ни ее собственная святость, ни какая-либо другая общая сила не позволяли ей ни усиливать, ни ослаблять болезненные ощущения. Кто был более заметен в ее характере - грешник или святой, - наш курс и взгляды не имеют повода для размышлений.

В комментариях Уинтропа говорится, что "ее поведение на суде было очень несдержанным; она пресловуто лгала и обрушивалась с яростью на присяжных и свидетелей;... в таком же расстройстве она и умерла". Он не приводит никаких подробностей и, следовательно, не дает оснований судить о том, что какие-то из ее высказываний, которые показались ему ложными, не могли показаться правдивыми нам, находящимся на другой точке наблюдения. Очень многие совершенно правдивые высказывания, сделанные медиумами в наши дни в связи с их произвольным и даже бессознательным изложением действий и слов, приписываемых им, были бы сочтены ложью всеми обычными толкователями, не знающими о той роли, которую часто играют те высшие психические силы, которые, как недавно обнаружили наши ведущие ученые, находятся на службе не нашего собственного интеллекта. Возможно, она солгала; возможно, она была правдива, но ее неправильно поняли. Несомненно, в ее поведении прослеживалась несдержанность. Но это может быть вызвано различными мотивами. Любой энергичный человек, сознательно невинный в инкриминируемом ему преступлении и обладающий лишь умеренной силой самоконтроля и умеренной интеллектуальной выносливостью, скорее всего, стал бы изливать теплые слова и категорично и решительно отрицать обвинения в неправоте. Преследуемая невинность лишь немногим менее вероятно - если вообще менее вероятно, чем плохое настроение или "смута", - вызовет то, что может показаться "наездом на присяжных и свидетелей". Ни грубые выражения, ни "несдержанное поведение" не обязательно унижают чей-либо преобладающий нрав или характер, если они срываются с уст и конечностей того, чьи деяния истолковываются настолько превратно, что благодеяния воспринимаются как дьяволизм, а благотельные дела влекут за собой позорную смерть для их автора.

Возможно, слова из ее уст и поведение, казалось бы, вызванное ее эмоциями, были проявлениями мыслей и побуждений какого-то иного разума, нежели она сама. Если это так, то самые язвительные упреки в ее преследовании и жажде ее крови могли бы густо и тяжело падать на слух слабоумных присяжных и ослепленных свидетелей. Наблюдательность не раз подмечала самые потрясающие потоки обличений в адрес слепых поводырей через органы речи, не контролируемые их предполагаемым владельцем. Феликс - не последний человек, который дрожал под ударами вдохновения. Высказывание через ее форму другим интеллектом глубокого чувства несправедливости, которое она получила, могло заставить ее казаться такой же безумной в глазах Уинтропа, как и ученые и сильные высказывания Павла в глазах Феста.

Доказательства, представленные на суде, показывают, что Маргарет Джонс правильно предсказывала течение болезней в организме тех, кто отказывался от ее рецептов, что она предсказывала другие "вещи, которые сбывались соответственно", что она узнавала смысл разговоров отсутствующих или уединенных людей, что дух ребенка становился видимым в ее ауре и что заболевшая служанка была вылечена ее приборами. Все эти чудесные проявления были так же четко и достоверно зафиксированы на сохранившихся бумагах, как и те, менее редкие, которые были приведены в качестве достоверных примеров. Такое замалчивание самых важных вещей, касающихся человека, который, насколько известно, первым по эту сторону Атлантики был казнен за колдовство, несправедливо по отношению к культуре и философии, которые должны быть снабжены всеми известными фактами; несправедливо по отношению к отцам, чье полное основание для ее преследования и казни

должно быть изложено, прежде чем можно будет составить справедливое суждение об их поступках; И несправедливо по отношению к ней, чьи трансцендентные силы и эффективные труды по исцелению больных могли стать главной причиной того, что умы, заблуждающиеся в ложных и неистовых верованиях в дьявола, были вынуждены варварски уничтожить ту, кто была и могла оставаться их благодетельницей.

Она была естественным проводником из внутреннего мира во внешний, через который, возможно, безличная сила иногда могла заставить сверхъестественное знание и силу войти в ее внешнее существо; через который, опять же, ее собственная воля могла всасывать их, а в другое время невидимые люди могли вводить их из своих обителей и даже сами приходить, чтобы помочь ей в их применении. Ей не было предъявлено никаких обвинений, кроме того, что казалось и считалось сверхчеловеческими способностями.

Сила, сформировавшая ее изначально, вживила и развила в ее организме необычные способности к лечению физических болезней, к чтению будущего и слышанию далекого. Нет ни доказательств, ни оснований для предположения, что она когда-либо была ученицей преподавателей медицинской науки или жонглирования, или что она принадлежала к какому-либо месмерически развивающемуся кругу. Ее действия не могли быть простым подражанием тому, что она видела у других, читала или слышала о том, как это делается. У нее не было ни учителей, ни единомышленников, которые были бы видимы и осязаемы. Действительно, кто из людей мог научить или помочь ей правильно пророчествовать, слышать далекое или воплощать духовное дитя? Ни один, ни один. Подобные проявления были лишь естественным развитием ее врожденных способностей, когда на них воздействовали силы духа или агенты, или и те и другие. Читатель спрашивает, как можно объяснить эти проявления через нашу первую мученицу, если исходить из гипотезы, что колдовство - это не что иное, как гистрионные трюки резвых и хитрых детей, либо по отдельности, либо в сочетании с гениальностью и злобой старух. Такие агенты, без помощи из невидимого мира, были явно некомпетентны спроецировать на человеческий взгляд некоторые явления, которые сопровождали этого вызывающего ужас провидца, слушателя, целителя и обладателя свойств материализовывать форму духа, чтобы сделать ее видимой.

Какие факты или соображения могли побудить гуманную, разумную, добродетельную и религиозную общину, в которой она жила, искать жизнь такой женщины, подвизавшейся, возможно, в скромной сфере, но, в основном, творившей добрые дела? Этот вопрос поднимает сложную и трудную проблему: как примирить кажущуюся глупость и бесчеловечность наших отцов с их очевидным умом и человечностью?

Если предположить, что показания, данные в суде, верны - а почему бы и нет, - то проявления через Маргарет Джонс и вокруг нее явно указывали на проявление в ней каких-то способностей, которыми не обладают тела и обычные умственные способности воплощенных человеческих существ. Что же тогда? Должно быть, какая-то невидимая сила помогла ей. Какая невидимая сила? Да, *какая* невидимая сила? Опыт, как он тогда трактовался, религиозные верования, как они тогда понимались, наука и философия, как они тогда существовали, - все сходилось к одному и тому же ответу: *дьявол*. Этот вывод из очевидных фактов был неизбежен. Дьявол помог ей. Что дальше? Дьявол не мог помочь никому, кто ранее не заключил с ним договор, а этой женщине он, несомненно, помог. Следовательно, она заключила с ним завет и, заключив его, стала *ведьмой*. Закон Божий, который обязывает христиан, гласит: "Не позволяй жить ведьме". Так видели и рассуждали наши предки. Шаги от фактов к выводам были немногочисленными, короткими и простыми. Слабые умы *могли* их пройти, а сильные *должны были* это сделать или отказаться от своих верований на всю жизнь. Настал решающий час. Не верить и пренебрегать своей верой или

подавить свою человечность, одно или другое, - такова была жесткая альтернатива, представленная сильным, добрым людям. Нужно пожертвовать своим заветным верованием или Маргарет Джонс, тем или иным. Чем? Ясные головы и привязанности всей жизни крепко ухватились за вероучение и решили его спасти. Они позволили Логике сделать свои жесткие выводы и изложить их в качестве правил для индивидуальных и общественных действий. Сочувствие пало ниц перед господствующей верой, и человек подавил все мятежные эмоции. Призыв и закон Божий, считали тогда христиане, превыше сочувствия. Подчиняясь тому, что они считали волей и призывом Небес, они говорили: "Долой человечность! Вверх, Богом данная Вера, вверх, в своем величии и могуществе! Сердце должно следовать за Тобой". Их ужасное и судорожное *"Кредо дьявола"* было главным источником обескураживающей и жестокой силы, которая заставляла разумных и добрых людей красить нашу землю невинной кровью, и притом "с чистой совестью".

Посмотрите внимательно на их позицию. Вера всех веков и народов считала, что события, которые кажутся результатом сверхъестественных сил, производятся развоплощенными интеллектами. Протестантское христианство широко распространило мнение, что никакие невидимые существа, кроме их Великого чудовищного дьявола, созданного монахами (см. Приложение), и его послушных слуг, не могут каким-либо образом воздействовать на тела и имущество людей. И никто из них не мог действовать во внешнем мире иначе, чем через смертных, добровольно заключивших с ним завет, или с их помощью. Заключив такой договор, человек становился открытой дверью, через которую его страшное величество или любой его имп мог беспрепятственно войти во внешний мир и излить свою злобу на всю округу вокруг места своего входа. Ее дела доказывали интеллекту того времени, что эта Маргарет заключила завет, позволив ему войти и сотрудничать с ней. Что же делать? Для жителей Чарльзтауна было очевидно, что через нее великий невидимый клоповник нашел вход и бродит среди них. Каков же был их долг? Они должны незамедлительно запретить ему вход. Для этого они арестовали, судили, осудили и казнили христианского предателя, который обеспечил их великому врагу вход в христианскую крепость. Могли ли твердые, истинные люди, придерживающиеся распространенных в то время убеждений, поступить иначе?

Эта пленница предстала перед судьей, присяжными и публикой, каждый из которых придерживался общепринятого тогда во всем протестантском христианстве вероучения, изложенного в нашем Приложении. Свидетели клялись, что она точно предсказывала последствия лечения и другие события; что она слышала речи людей, находящихся на большом расстоянии от нее; что в ее присутствии видели призрачного ребенка; что ее руки и простыни творили чудеса, - так как же присяжные могли избежать убеждения, что ей помогал дьявол? В этом деле не было никаких призрачных свидетельств; внешние органы чувств многих людей познали ее сверхъестественные способности. Характер показаний был безупречным, а их смысл - ясным и убедительным. Распространенная вера настоятельно требовала, чтобы вердикт был *обвинительным*. Ясная, сильная вера того времени, в ком бы она ни соединялась с доброй совестью и мужеством, прилагала могучую силу, чтобы убедить доброго гражданина и хорошего человека, что высокий долг призывает его облачиться в небесные доспехи и сражаться за уничтожение этой приспешницы и пособницы дьявола, даже подавляя в своем сердце более добрые чувства. Она была *ведьмой*, а значит, должна умереть. Был ли это *заблуждающийся* суд, представляющий *заблуждающийся* народ, который приговорил Маргарет Джонс "болтаться на виселице"? Без сомнения, так оно и было. Заблуждение привело не только наших отцов, но и все христианство к позорному кровопролитию. Само колдовство, в целом, сейчас большинством людей считается

"темным заблуждением". Но какие из человеческих способностей это заблуждение околдовало, одурманило и сделало кровожадными?

Были ли внешние чувства целой общины настолько расстроены, что характер и размеры разумных действий воспринимались совершенно неправильно? Нет. Обстоятельства, в которых жили первые колонисты, несомненно, были так же хорошо приспособлены к тому, чтобы обострить, дисциплинировать и придать надежность внешним чувствам, как и те, что ждут их потомков в нынешнем веке. Что бы ни видели глаза, слышали уши или чувствовали осязание в 1648 году, тогда это доносилось до сознания так же точно, как те же органы чувств могут донести это до наших дней. Колдовские явления не были выдумкой заблуждающихся чувств.

Неужели это заблуждение овладело теми умственными способностями, которые облачают в слова и сообщают о том, что узнали органы чувств, и так сильно их исказило, что они даже под присягой излагают искаженные и преувеличенные факты, свидетелями которых были органы чувств? Мы думаем, что нет. Недоверие к правдивости и разборчивости древних неизвестных свидетелей, основанное главным образом на удивительности фактов, в знании которых они поклялись, не является основанием, которое ни честность, ни справедливость могут счесть достаточным для обвинения в том, что их показания были ложными. Где скрывается хоть что-то, указывающее на то, что свидетели в этом деле заявили что-то, что не было по существу правдой? Если где-нибудь, то, вероятно, в современной неверии в то, что духи когда-либо сотрудничали с людьми или действовали на них. Если придет время - а сейчас есть признаки того, что оно близко, - когда культурный мир узнает, что *наука* невольно порождает заблуждения, не обнаруживая и не принимая во внимание существование определенных оккультных агентов и сил, которые играют важную роль в природе и человеческом обществе, тогда во всем просвещенном мире может возобладать значительно измененное мнение относительно истинности свидетельств, вызванных во времена колдовства. Признаки сегодняшнего дня заставляют благоразумно, доброжелательно и справедливо предположить, что древние *свидетели* были столь же правдивы и разборчивы, как и современные прояснители отдаленных событий.

Неужели способности присяжных и судей понимать точность, силу и тенденцию свидетельских показаний, а также логически выводить заключения из доказанных фактов были настолько заблуждены, что весь суд, не задумываясь, выносил приговор либо на основании ложных показаний, либо нелогично? Кандор должен с сомнением ответить "да" - особенно в деле, где на скамье подсудимых сидел такой человек, как губернатор Уинтроп. Возможно, он и его коллеги по суду были свободны от каких-либо заблуждений, которые ослабляли или извращали их способность к дискриминации или логическим выводам из фактов, как и любой другой суд, выносивший решения с их времен. Однако абсолютная жестокость и несправедливость их вердикта и приговора указывают на заблуждение некоторых способностей; но не чувств; не способности говорить правду и "ничего, кроме правды"; не способности отбирать доказательства и логически рассуждать - не этих.

Их способности принимать, хранить, удерживать и повиноваться унаследованной Вере были *заблуждениями*. Как и все христианство, осужденные ведьмы были введены в заблуждение, чтобы принять или, по крайней мере, сохранить ложное вероучение о дьяволе. В то время общественные настроения в большинстве стран на европейском континенте, а также в Старой и Новой Англии требовали неукоснительного исполнения всех законов, которые породило и занесло в своды законов это ложное, творящее зло вероучение. Такие законы были просты и императивны; и присяжные, и судьи, подавив чувства, должны были подчиниться логике - осудить и вынести приговор. Никаким другим способом они не могли

быть верны своим убеждениям о долге перед окружающим обществом или перед Богом. Да, завезенная из монастыря Вера, неестественная, ошибочная и более чем варварская, вводила добрых и хороших людей в заблуждение, заставляя их чувствовать, что они должны подавить сочувствие, игнорировать нежные порывы, смирить свои сердца и, куда бы ни призывал голос Божий, идти вперед в суровой, мучительной решимости отбросить помогающего дьяволу работника, каким бы хорошим и достойным он ни казался внешне, туда, где злой человек не сможет причинить им и им зло через этого смертельного союзника. Таково было логичное и суровое требование старого заблуждения и душераздирающего вероучения.

Удивляемся ли мы в наши дни, как такая чудовищная вера могла когда-либо закрепиться и удержаться в любой ясной голове, соединенной с добрым сердцем? Семена веры зарождаются в человеческом мозгу, когда он еще слишком молод, чтобы понять или даже попытаться проверить природу и качество того, что на него обрушивается. Во что бы ни верили церковь и общество, во что бы они ни верили на протяжении долгого времени, они постоянно забрасывают в открывающиеся умы свои семена, которые тут же прорастают в них. Оно пускает корни глубоко в девственную почву, энергично растет там и становится плодом той же старой веры в течение той самой ранней части жизни, когда младенческие способности к сомнению, анализу и рассуждению едва ли способны усомниться в правильности или совершенстве того, что затем выросло и созрело в тесном союзе с ними. Право и пригодность веры определять долг и обязанность ребенка исполнять его требования обычно признаются всеми остальными способностями. Чем истиннее и лучше человек, тем увереннее он будет исполнять свою веру в соответствии с ее логическими требованиями, даже если, подобно Аврааму, ему придется положить на жертвенный алтарь самое дорогое, поднять нож и нервно вонзить его в сердце собственного ребенка, если только какой-то голос свыше, более сильный, чем прежняя вера, не прикажет ему удержаться. Мало кто, кроме сильных и истинных мужчин, сознающих себя воинами небесного воинства, решительно направился бы к живым и стреляющим пушкам дьявола, намереваясь уничтожить их; ведь их уничтожение было инстинктом и неотделимо от страданий, причиняемых соседям и друзьям-христианам. На это способны только экстремисты. Никто, находящийся на полпути между мерзкими демонами и людьми с высокой верой в Бога, добровольно не пошел бы на это испытание.

Мы не считаем, что все активные обвинители и осудители ведьм руководствовались вполне определенными убеждениями и высокими принципами. Когда народное неистовство сильно разгорается в каком-либо направлении, бездумные, беспринципные, жестокие и злобные люди присоединяются к нему, и некоторые из них часто становятся заметными и бессердечными агентами, вносящими смуту и исполняющими общественные постановления. Тем не менее почти все выдающиеся люди Европы и Америки - ведущие богословы, юристы и гражданские лица, люди культуры и влияния - верили, что колдовство и дьявол-колдун существуют и что ведьмы должны быть обнаружены и наказаны в соответствии с процессами и законами, которые тогда считались применимыми в таких случаях. Поэтому масса людей, какими бы невежественными, легкомысленными или опрометчивыми они ни были, обнаруживая и наказывая ведьм, лишь торопились добиться своего грубыми и быстрыми методами, не более того, что должны были сделать в конечном итоге ученые, более организованные и терпеливые люди, руководствуясь твердым убеждением в необходимости выполнения долга. Добрая воля и добросовестное отношение к общественному благу побуждали и поддерживали всех этих "крепких мужчин Бостона" и его окрестностей, которые были настоящими костями, сухожилиями и мышцами, приведшими кажущегося помощника дьявола на виселицу.

Вопрос о том, помогали ли этой впечатляющей и раскрепощенной женщине в ее чудесных операциях невидимые *разумные существа*, может быть спорным. Не исключено, что силы, не подчиняющиеся никакой другой воле, кроме ее собственной, да и то не всегда, могли передаваться от нее к другим людям, что приносило облегчение одним и сильные мучения другим. Лекарства ее простейших могли быть в основном естественным поглощением элементов, живущих в ее системе или естественным образом привлекаемых в эту своеобразную систему и через нее. Ее правильные представления о будущем действии лекарств, прописанных ею самой или другими, а также о будущем течении и результате болезней, возможно, были получены ее собственными внутренними способностями, когда она частично и на время отсоединялась от своих внешних способностей и получала знания из скрытого царства причин. Временами она также могла быть настолько свободным духом, что могла своими собственными ощущениями точно предчувствовать грядущие события и слышать слова далеких собеседников. Мы воздерживаемся от отрицания возможности того, что такие ауры находились в ее теле, исходили из него и окружали его, что дух-ребенок, входящий в них, был с помощью естественных безличных сил сделан видимым для внешней оптики. Возможно, в этом случае не было никакого явления, которое можно было бы назвать *духовным*, за исключением самого *появления* ребенка - не его видимости, а именно *появления*. Если там был ребенок, значит, там был дух, и это был случай спиритизма. Все это возможно; но мы спрашиваем, вероятно ли, что все произведения, кажущиеся ее творениями, были произведены слепыми природными силами и исключительно ее собственной волей и силами? На это наш собственный ответ - категорическое НЕТ. Присутствие ребенка придает этому ответу силу. Если к ней пришел один дух, то могли прийти и другие.

В старых записях почти или совсем нет информации, касающейся интеллекта, характера и социального положения Маргарет Джонс. Она была женой Томаса Джонса, который вскоре после ее казни отправился на корабле на Барбадос. Мы не нашли никаких сведений о том, что у них были дети, и ничего, что указывало бы на его возраст, род занятий или положение в обществе. Мы видим, что она занималась врачеванием, но в каком возрасте и при каких обстоятельствах - неизвестно.

Банкер-Хилл и прилегающие к нему склоны и низины тесно связаны с ранними этапами двух американских конфликтов за свободу. Там жил и оттуда был доставлен в тюрьму и на виселицу первый американский мученик в войне, окончанием которой, завершившейся сорок четыре года спустя в деревне Салем, стало психическое освобождение христианства от заблуждений и рабства более чем дикому вероучению. Правда, агрессивные хозяева - обвинители в колдовстве - были невежественны и не подозревали о далеко идущих целях божества, которое определяло их цели, которое наблюдало и управляло их слепым насилием и заставляло их, все неосознанно и непредусмотрительно, смертельно ранить чудовищную породу, чьи требования они рабски и слепо выполняли, тем самым, сами того не ведая, обеспечивая себе, своим детям и всем будущим христианам новую свободу и новые стимулы для независимых рассуждений и выводов по всем вопросам, как демонологическим, так и теологическим. В Салеме с потревоженного и охваченного ужасом христианства был сброшен многовековой кошмар, и каждый страдающий от судорог мог отныне дышать свободнее и начать процессы восстановления и расширения.

Случай Маргарет Джонс является единичным. Он не имеет никакой связи ни с одним из предшествующих или последующих. Тем не менее, он возник в месте обитания сил и операторов, незримо действующих на внешний мир, среди которых зародились все подлинные колдовство, чудо и спиритизм.

Ее случай следует отнести к числу чудесных, хотя доказательство природы и характера ее преступления, ошибочно названного так, не сопровождалось абсурдом и жестокостью, которые присущи многим делам, где принимаются спектральные доказательства и используются варварские процессы для выбивания признания обвинения. Как процесс по делу о колдовстве, она была исключительно невосприимчива к современным представлениям о приличиях. Все показания были основаны на опыте и наблюдениях с помощью внешних органов чувств и были бы приемлемы в любом суде и в любую эпоху. Сверхъестественные способности или восприимчивость обвиняемой были четко доказаны. Поэтому чудовищное вероучение, которое тогда ослепляло и тиранизировало все умы, лишило ее жизни на законных основаниях. Хорошие люди, гуманные люди, не могли поступить иначе, как объявить ее виновной перед законом и перед тем вероучением, которое породило этот закон. Прежде чем осуждать или даже порицать тех, кто ее осудил, давайте сделаем паузу для размышлений.

"Вероучение иногда остается за пределами разума, инкрустируя и окаменяя его против всех других влияний, обращенных к высшим частям нашей природы, проявляя свою силу, не позволяя проникнуть внутрь никакому свежему и живому убеждению" - Джон Стюарт Милль.

Перефразируем: "Благороднейшая тенденция, которая проявляется в том, чтобы не допустить никаких свежих и живых убеждений.

"Более благородная тенденция культуры, и прежде всего научной культуры, состоит в том, чтобы чтить мертвых, не пресмыкаясь перед ними, - извлекать пользу из прошлого, не принося его в жертву настоящему".

Первые колонисты старого государства залива заслуживают высокого уважения и восхищения; все благородные чувства сходятся в том, чтобы почтить их. Культура и просвещение нарушат свое высокое призвание, если будут обманывать этот народ, прежде чем обратятся мыслью на два столетия назад, изучат привнесенные верования, распространенные здесь в то время, проследят за обстоятельствами, существовавшими тогда, и проникнутся чувствами и взглядами, которые в то время были непоколебимы. Сделав это, пусть они спокойно определяют, куда ведет долг правдивых, ясно мыслящих, сильных, мужественных и благочестивых людей в вопросах колдовства. Многие старые убеждения могут быть отброшены; многие ошибки и заблуждения прошлого должны быть отвергнуты. Мы не призваны пресмыкаться перед нашими предками; но стыдно, стыдно нам будет, если мы заклеим их вопиющей "доверчивостью и увлеченностью", только или главным образом потому, что их органы чувств воспринимали и описывали события, которые мы не можем объяснить, если наделим их ясным, проницательным и уравновешенным интеллектом для сообщения о фактах, которые они наблюдали. Они были нашими ровесниками по большинству хороших качеств и способностей и заслуживают нашего восхищения.

Если бы нам было известно место, где покоится прах талантливого врача Чарльзтауна, мы могли бы пожелать установить там скромный памятник со следующей надписью

В ПАМЯТЬ

ОФ

МАРГАРЕТ ДЖОНС,

первой американской мученицы спиритизма:

Которая была повешена в Бостоне,

15 июня 1648 года,

Потому что Бог дал ей такую организацию и восприимчивость.

что благотворные оккультные Силы, успешно используя ее
как инструмент в лечении
человеческих болезней,
так возбудили беспокойство дьяволобоязненных людей,
что, не зная, что они делают,
они воскликнули,
Распни ее! Распни ее!

АНН ХИББИНС.

Далее мы обратимся к одной из тех, кто вращался в высшем кругу бостонского общества, - пожилой даме, отличавшейся остроумием, культурой, высокими связями в обществе и дружбой со многими самыми выдающимися и добродетельными людьми своего времени. Насколько известно, ее случай колдовства весьма скуден и сопровождается меньшим разнообразием и масштабом поразительных явлений, чем большинство других; но он хорошо показывает силу веры в колдовство и сдвиги историков в объяснении его единственного чудесного явления, на которое намекает история.

Хатчинсон пишет: "Самым примечательным событием в колонии в 1655 [1656 ?] году был суд и осуждение миссис Энн Хиббинс за колдовство. Ее муж, умерший в 1654 году, был агентом колонии в Англии, несколько лет одним из помощников и известным торговцем в городе Бостон; но потери во второй половине его жизни уменьшили его имущество и усилили природную слабость нрава его жены, которая сделала ее буйной и ссорящейся, подвергла ее церковному порицанию и в конце концов сделала ее настолько одиозной для ее соседей, что некоторые из них обвинили ее в колдовстве. Присяжные признали ее виновной, но магистраты отказались принять вердикт, и дело дошло до общего суда, где народные волнения возобладали над ней, и несчастная старуха была осуждена и казнена. На ее теле искали соски, а в сундуках и ящиках - кукол, изображения и т. д.; но нет никаких сведений о том, что что-то подобное было найдено. Мистер Бич, священник на Ямайке, в письме к доктору Инкризу Мэзеру в 1684 году пишет: "Вы, наверное, помните, что я иногда рассказывал; ваш знаменитый мистер Нортон однажды сказал за собственным столом перед пастором мистером Уилсоном, пресвитером Пенном, мной с женой и т. д., которые имели честь быть его гостями, что одна из жен ваших магистратов, как я помню, была повешена как ведьма только за то, что обладала большим умом, чем ее соседи. Это было его собственное выражение; она, как он объяснил, по несчастью догадалась, что двое ее преследователей, которых она видела разговаривающими на улице, говорили о ней, что, оказавшись правдой, стоило ей жизни, несмотря на все, что он мог сделать для обратного, как он сам нам сказал".

"С ней произошло то же, что и с Жанной д'Арк во Франции. Кто-то считал ее святой, кто-то - ведьмой, а кто-то отмечал торжественные знаки Провидения, наложенные на тех, кто был готов осудить ее и заклеить других на том же основании подобным упреком".

Автор этих строк родился через пятьдесят пять лет после казни миссис Хиббинс, а его рассказ о ней был опубликован только в 1764 году, то есть через сто восемь лет после ее смерти. Возможно, в юности он общался с пожилыми людьми, жившими во время суда и казни этой женщины, и мог получить от них сведения о ее нраве и характере. Но если это и так, то его информаторы на протяжении более полувека, пока он не стал достаточно взрослым, чтобы быть разумным слушателем, жили среди людей, которые стыдились того, как они и их отцы относились к предполагаемым ведьмам. Стыдясь и поддаваясь почти всеобщей склонности людей делать свои собственные вменяемые ошибки и преступления как можно более незначительными, ничтожными и извинительными, ничто не могло быть более естественным, чем общая склонность очернять страдальцев, руководствуясь ошибочным, хотя и распространенным представлением о том, что порочность преследуемых оправдывает неправоту преследователей.

Получил ли Хатчинсон в юности из какого-то источника особые умственные предрасположенности, склонявшие его считать всех, кто пострадал за колдовство, ссорящимися и порочными, сейчас выяснить невозможно; но из его эпитетов очевидно, что его склонность позволяла ему с готовностью применять к таким людям выражения весьма решительного уничтожения. О некой Мэри Оливер он отзывается как о "бедняжке", о миссис Хиббинс - как о "несчастной старухе", а также указывает на "природную суматошность ее нрава, которая делает ее буйной и ссорящейся". Он подразумевает, что эти черты характера были основанием и суммой обвинений и доказательств ее колдовства, и делает все это, не приводя ни малейших доказательств того, что она обладала таким нравом, была *буйной* или *ссорилась*. Его утверждения кажутся порождением либо ослепляющего презрения, либо заблуждения, - да, *заблуждения*, - ибо, несомненно, ясноглазая фантазия должна была предвидеть, что последующие века никогда не поверят, что высший суд колонии сочтет природную вспыльчивость и, как следствие, буйство удовлетворительным доказательством явного договора с дьяволом, а потому наказуемым смертью. Недостаточность и вероятная неточность его причин для обвинения и осуждения этого человека будут более ясно показаны далее, и в основном в выдержках из более позднего историка.

Письмо мистера Бича, процитированное Хатчинсоном, дает четкое указание на то, что миссис Хиббинс была наделена способностями, которые в гораздо большей степени способствовали тому, что в ее возрасте считалось колдовством, чем любой плохой характер и распущенность. У нее было "больше ума, чем у ее соседей"; она "по несчастью догадалась, что двое ее преследователей, которых она видела разговаривающими на улице, говорили о ней, что, оказавшись правдой, стоило ей жизни". Здесь можно с большой долей вероятности предположить, что эта дама, как и Маргарет Джонс, обладала способностью понимать разговор далеких собеседников или улавливать мысли отсутствующих людей, с которыми она общалась. Подобными способностями обладают и пользуются в наши дни многие люди, наделенные конституциональными задатками, которые раньше считались дьявольскими приобретениями, а потом были признаками колдовства - доказательствами связи с сатаной.

"С ней, - говорит Хатчинсон, - произошло то же, что и с Жанной д'Арк во Франции. Одни считали ее святой, другие - ведьмой". В этих словах историк сам дает повод усомниться в справедливости приписывания ей взбалмошного нрава и привычной ссороустойчивости. Ибо кто в любом обществе будет считать *святым* человека, который в той или иной степени проявлял столь оскорбительные качества, как он ей приписывает? Конечно, никто. И все же он утверждает, что очень многие причисляли миссис Хиббинс именно к таким людям. Несомненно, среди ее защитников был "ваш знаменитый мистер Нортон", очень выдающийся, проникательный и способный священник в Бостоне. О ней было сказано

достаточно, чтобы Хатчинсон признал, что публика здесь разделилась в суждениях относительно ее характера, как раньше во Франции относительно Жанны д'Арк, Орлеанской девы, которая слышала и слушалась голосов из невидимого мира.

Суровый нрав и ссоры не были основанием для того, чтобы какая-то часть народа причислила ее к лику *святых*. Историк опровергает свою собственную позицию. Более поздний искатель причин ее судьбы осознал и очень четко указал на неточность и очевидную недостаточность оснований и причин, по которым Хатчинсон предстал перед судом и осудил миссис Хиббинс, но при этом стал приводить другие, не менее неадекватные и неправдоподобные. Он пишет следующее, том i. p. 422, *Hist. of Witchcraft*:-

"Хотя это едва ли стоит считать достаточным объяснением дела, - невозможно поверить, что даже в то время человека могли осудить и казнить только из-за "вздорного нрава", - оно не согласуется с фактами, известными нам из архивов. Она не могла оказаться в столь стесненных обстоятельствах, чтобы произвести столь экстраординарное воздействие на свой характер, ведь она оставила хорошее поместье..... Единственный ключ к тому, чтобы найти доказательства обвинения в колдовстве, которое довело эту недавно понесшую утрату вдову до столь жестокой и позорной смерти, содержится в письме, написанном священнослужителем с Ямайки Инкризу Мазеру" (цитата выше). "Нет ничего более естественного, - добавляет Апхэм, - чем предположить, что, зная собеседников, наблюдая их манеру поведения, учитывая их активное сотрудничество в разжигании против нее волнения, которое было тогда главной темой, они говорили о ней. Но, в слепом увлечении того времени, это считалось доказательством того, что она обладала, *с помощью дьявола*, сверхъестественной проницательностью - точно так же, как, сорок лет спустя, подобные доказательства были приведены с показательным эффектом против Джорджа Берроуза..... Правда в том, что язык клеветы был выпущен на волю, и клевета, распространяемая безрассудными сплетниками, стала настолько велика, преувеличена и приняла такие размеры, что позволила ее очернителям подвергнуть ее порицанию церкви, и это подбодрило их кричать против нее как о ведьме".

Некоторые из наших цитат приведены не только для того, чтобы показать враждебность, недостатки и чрезмерные поступки самих историков, но и для того, чтобы прояснить общую тему колдовства. Со страниц работы, из которой взята приведенная выше выдержка, мы узнаем, что миссис Хиббинс была сестрой Ричарда Беллингема, заместителя губернатора провинции во время суда над ней, и что ее высокочтимый муж оставил ей наследство, которое ставило ее гораздо выше бедности. Можно с уверенностью предположить, что ее социальное и материальное положение было весьма респектабельным. Апхэм замечает и убедительно комментирует неадекватность оснований, на которых Хатчинсон пытался объяснить ее осуждение и казнь. Этот ранний историк на многих своих страницах убеждал или, по крайней мере, стремился убедить своих читателей в том, что все особые и тревожные явления колдовства имеют исключительно мирское происхождение, и что все они порождены нравом, хитростью, самозванством, обманом и тому подобным. Это убеждение сделало его несколько нетерпеливым по отношению ко всему делу, неспособным тщательно проанализировать все факты перед ним или держать свои умозаключения в честной и широкой гармонии с ними. Это сделало его необдуманно суровым. Не указывая ни тени причины, по которой он так поступает, он называет эту вдову одного из самых уважаемых бостонских купцов и общественных деятелей, эту сестру заместителя губернатора провинции, эту женщину, обладающую большим умом, чем ее соседи, эту женщину, с которой дружил выдающийся министр Джон Нортон, эту женщину, не живущую в бедности, эту женщину, которую он должен был знать, в самом низком состоянии, даже когда она была

осуждена в тюрьму и обречена на виселицу, в этой тяжелой ситуации просила и получала дружеские услуги шести или восьми ведущих людей города и, следовательно, предположительно пользовалась их уважением - такую женщину Хатчинсон незаслуженно называет "жалкой старухой";" и тем самым выдает беспечного и бессердечного историка тех, кто попал под запрет за колдовство.

Апхэм, обратившись к документам о завещаниях и найдя завещание миссис Хиббинс, составленное через несколько дней после вынесения ей смертного приговора, может представить ее в ином свете. Его комментарии о ней, как она раскрывается в завещании и его кодификациях, таковы, vol. i. p. 425:-

"Весь тон и манера этих документов свидетельствуют о том, что она обладала разумом, способным подняться над силой зла, страданий и самой смерти. Они свидетельствуют о спокойствии и безмятежности ее духа. Распоряжение ее имуществом свидетельствует о здравом смысле, добрых чувствах и деловых способностях, соответствующих случаю. В тексте завещания нет ни одного слова, ни одного слога, ни одного выражения, которые бы хоть в малейшей степени касались или были окрашены ее особым положением. В кодициле есть следующее предложение: "Я желаю, чтобы все мои надсмотрщики проявили такое уважение к моему мертвому телу, чтобы оно было достойно погребено и, если это возможно, рядом с моим покойным мужем".

Прочтение и изучение ее завещания и приложений к нему побудило позднейшего историка говорить об Энн Хиббинс как об "этой недавно понесшей утрату вдове" - фраза гораздо более приятная и, похоже, гораздо более справедливая в применении к ней, чем "несчастливая старая женщина". В этом завещании она указывает в качестве надзирателей и управляющих своим имуществом капитана Томаса Кларка, лейтенанта Эдварда Хатчинсона, лейтенанта Уильяма Хадсона, прапорщика Джошуа Скоттоу и корнета Питера Оливера; также в кодициле она говорит: "Я искренне желаю, чтобы мои любящие друзья, капитан Джонсон и Эдвард Роусон, были добавлены к остальным из упомянутых джентльменов в качестве надзирателей по моему завещанию". Апхэм, изложив вышеизложенное, говорит: "Вряд ли можно сомневаться в том, что эти люди - а все они были видными гражданами - были известны ей как ее друзья". Да, предположение очень справедливо, оно равносильно почти положительному доказательству, что многие из видных и лучших людей города были ее друзьями. Судя по всему, ее светская прогулка проходила вдали от пурлиуса обычного мирского дьяволизма и биллингсгейта. Вульгарные люди видели, что она стоит за пределами их досягаемости, и не обращали на нее внимания. Только респектабельные и влиятельные люди могли прикоснуться к ней, чтобы нанести ей существенный вред.

Мы благодарим позднего историка за то, что он представил эту гонимую женщину в таком свете, который показывает, что она могла быть равна по всем хорошим качествам лучшим из своих гонителей. Но его причины ее преследования и осуждения едва ли более адекватны и правдоподобны, чем у Хатчинсона. Мы приписываем ему способности выдумщика, и он использовал их, когда сказал: "Правда в том, что язык клеветы был распушен на нее". Бывший историк приписал Маргарет Джонс и Энн Хиббинс по отдельности определенные оскорбительные поступки или черты характера, которые, по его мнению, и послужили причиной общественной мести. Он считал самих страдальцев исполнителями невыносимых злодеяний. Но его преемник считает преступлением, за которое пострадала миссис Джонс, ее благодеяние, а причиной смерти миссис Хиббинс - зарождение и произнесение клеветы в обществе. Предыдущий автор был снисходителен к общественности и суров к обвиняемым женщинам. Поздний автор был добр к женщинам, но, по необходимости, крайне неприязненно относился к основной массе людей; ведь он заставляет общественность

вешать одного за ее успешную медицинскую практику с использованием только простых средств, а другого - за клевету, которую сам же на нее и вылил.

Его обвинение в клевете вымышлено. Он не приводит никаких доказательств того, что леди была оклеветана, и мы нигде их не встретили. А если бы это было правдой, то так же "невозможно поверить, что даже в то время человека могли осудить и казнить только за то, что он был *оклеветан*", как и в то, что с ним могли поступить таким образом исключительно из-за "вздорного нрава".

Гораздо более вероятная причина преследования миссис Хиббинс, чем та, на которую опирается любой из историков, скрывается в словах "знаменитого мистера Нортон", где говорится, что она, "обладая большим умом, чем ее соседи, по несчастью догадалась, что двое ее преследователей, которых она видела разговаривающими на улице, говорили о ней, что, оказавшись правдой, стоило ей жизни". Апхэм, комментируя это, говорит: "Не было ничего более естественного, чем предположить, что она, зная собеседников, наблюдая их манеру поведения, учитывая их активное сотрудничество в разжигании волнения против нее, которое было тогда всепоглощающей темой, что они говорили о ней". Откуда и как опытный ритор узнал, что эти двое преследователей были активными сотоварищами или что они в какой-то степени были заинтересованы в *"разжигании"* волнения против нее? Откуда *известно*, что их манеры выражали какую-то конкретную тему разговора? Откуда *известно*, что она или ее дело были в то время всепоглощающей темой? Он выдвигает предположения, как будто это исторические факты. Ни одна древняя запись не подтверждает их; ни одна из тех, что нам встречались, не содержит их. Он не мог знать, что они правдивы. Это вполне разумные вымыслы; но мы должны сомневаться, что они известны или могут быть известны как *факты*. Они были бы приятными дополнениями, если бы не имели тенденции вводить в заблуждение и ослеплять; они были бы красотой, а не недостатками, если бы признавалась правильность и достаточность лежащей в их основе теории или предположения. Но это не так. Здравый смысл не может с этим согласиться. Бостон не был ни достаточно глуп, ни достаточно злобен, чтобы породить и поддерживать *клевету* такого количества и качества, которая заставила бы одну из его остроумных и высокопоставленных дам бесславно умереть на виселице - никогда, никогда. Ни нрав самой женщины, ни совокупность подлости и злобы, когда-либо существовавших в упорядоченном и религиозном городе Бостона, не могут быть признаны главной причиной казни этой женщины. Ее собственное *остроумие* было исторической и, если определить и проиллюстрировать его, может показаться настоящей причиной.

О том, получала ли миссис Хиббинс в тот раз и могла ли привыкнуть получать знания не обычным для человека способом, а в такой степени и такого рода, что это предполагало наличие у нее способностей, превосходящих или отличных от способностей к гаданию, можно судить по взглядам на ее высказывания, которые были приняты теми, кто их слышал. Их преследование ее до смерти говорит о том, какими были эти взгляды. Справедливо ли и полно использовали историки ту небольшую историческую базу, которая сохранилась, для выяснения состояния и характера общественных чувств среди соседей этой женщины? Мы думаем, что нет. Ее ум, истинный краеугольный камень, не стал основой для их объяснений.

Когда она увидела двух известных преследователей, беседующих между собой, обстоятельства могли помочь или не помочь правильно угадать тему их разговора. Но, по предположению Апхэма, эти люди уже были известны ей как ее преследователи. Поэтому до этого времени должно было произойти что-то, что вызвало ее преследование. Эти люди названы "двумя ее гонителями", что намекает на то, что их у нее уже могло быть больше двух, и допускает предположение, что их у нее могло быть очень много, как до, так и в то самое

время, когда она сделала конкретное *предположение*, точность которого была так правдоподобно прокомментирована. Что-то, предшествовавшее этой догадке, настроило некоторых против нее. Да, если доверять предположению Апхэма, что-то уже создало "возбуждение против нее, которое в то время было всеохватывающей темой". Причину предшествующего и уже существующего возбуждения в то время, когда она высказала *эту* догадку, Хатчинсон и Апхэм, похоже, не искали. Или, если они искали это, *самое важное, связанное с делом и необходимое для его удовлетворительного выяснения*, они не нашли ничего, что они решились бы опубликовать. Упущение в освещении причины общественного волнения, *предшествовавшего догадке*, делает предыдущую историю весьма неудовлетворительной. В настоящее время забрезжил свет, который может позволить искателю в темных шкафах прошлого обнаружить там смыслы, которые не смогли найти прежние исследователи. Никаких новых, позитивных, внятных исторических утверждений, объясняющих этот случай, мы не увидели. Мы ограничены теми же самыми узкими предпосылками, на которых стояли предыдущие исследователи, но мы находим иное значение тех же самых фактов, чем то, которое раскрывали предыдущие исследователи.

Мы присоединяемся к мнению Апхэма, утверждающего, что "*единственная зацепка*, которую мы имеем для доказательства *обвинения в колдовстве*, приведшего эту недавно понесшую утрату вдову к столь жестокой и позорной смерти, содержится в письме, написанном священнослужителем на Ямайке Инкризу Мазеру в 1684 году". В этом письме, которое уже цитировалось, ей приписывается больше *остроумия*, чем другим; остроумия, или проницательности, благодаря которой она правильно почувствовала разговор, происходящий между двумя ее преследователями. Такова полная сумма прямых исторических свидетельств. И что же в них заложено? Является ли это вспыльчивостью? Нет. Клевета? Нет; но *остроумие* - да. Само по себе, без объяснений, это остроумие, возможно, мало что значит; и все же в интерпретации ее печальной судьбы оно может очень многое. Оно наводит на мысль, граничащую с уверенностью, что она была наделена способностями, которые проницательный мистер Нортон назвал "*остроумием*", но которые, однако, были таковы, что позволяли получать точные знания столь удивительным образом, что заставляли предположить, что они были получены путем столь же оккультного процесса, как тот, посредством которого Иисус постигал частные рассуждения книжников и фарисеев - похитителей и гонителей Его Самого.

В наши дни, когда почти ежедневно наблюдатели сталкиваются с работой способностей у ограниченного числа мужчин и женщин, позволяющих им иногда читать тайные мысли и слышать тайные и тихие высказывания некоторых людей, находящихся далеко от них, - это письмо с Ямайки дает достаточно оснований предполагать, что миссис Хиббинс могла обладать такими способностями. Хиббинс могла обладать подобными способностями, и что их проявление испугало, встревожило и почти привело в бешенство общество, в котором подобные способности считались доказательством того, что их обладательница заключила договор с Лукавым и получила свои удивительные знания от него. В народе, придерживавшемся такой веры в дьявола, как колонисты в 1656 году, проявление таких способностей призывало всех богобоязненных и истинных людей избавить мир от такого приспешника дьявола, каким, как оказалось, была миссис Хиббинс.

Образец света, который сейчас доступен, сияет из следующего письма, и его лучи сливаются с лучами лампы, которая направляет наши стопы, пока мы движемся вперед, чтобы проследить вероятный смысл, достижимый путем следования единственному историческому ключу к тем способностям миссис Хиббинс, обладание которыми и их использование представляло собой смертное преступление:...

"№ 1085 Вашингтон-стрит, Бостон,
"23 сентября 1873 года.

"Аллен Путнам, эсквайр, Роксбери.

"Дорогой друг: Вы просите предоставить информацию о том, как слышать *внутренним* ухом разговоры мужчин и женщин на расстоянии многих миль. Я всегда обладал этой способностью в поразительной степени. В свое время, когда я строил пароход в Южном Иллинойсе, при особых обстоятельствах, я часто слышал, как мужчины говорили: "У этого человека нет денег, чтобы построить судно; он мошенник; и мне жаль тех бедняг, которые работают на него". Это случилось вскоре после того, как я приступил к ее строительству; и хотя я не хотел этого слышать и изо всех сил старался этого не делать, все же я слышал их, казалось, более отчетливо, чем если бы они находились рядом со мной. Однажды, когда я уже не видел выхода из затруднительного положения, я услышал, как мистер Каттинг, строивший в нескольких милях выше по реке, сказал своему бригадиру: "Интересно, понимает ли мистер Кимбалл, что его лес пропадет? (После того как ситуация изменилась в мою пользу, и в городе стало известно, что я регулярно плачу своим людям, я услышал замечание: "Этот человек - самый немногословный из всех, о ком я когда-либо слышал" и т. д.)."

Автор письма не уточняет, что в этих двух случаях ораторы находились слишком далеко, чтобы его внешний слух мог услышать их голоса, однако именно так он утверждал, когда ранее изложил мне эти факты; и именно это он имел в виду в письме, остальная часть которого приводится ниже

"Однажды в Цинциннати, хотя и в трех милях отсюда, я услышал, как моя хозяйка сказала своей дочери, после того как я прожил у них неделю: "Мне не нравится этот человек - он *не* в порядке"; и далее она рассказала свои впечатления, каким она меня считает, которые нет необходимости повторять. Поначалу я был возмущен, забыв на время, что нахожусь в трех милях от них. В конце концов я решил ничего не говорить об этом, когда возвращался домой вечером, как я думал сначала, иначе они могли бы подумать, что я в чем-то не прав, поскольку они оба были членами церкви М. Е.. Но, вернувшись домой, при удобном случае я слово в слово рассказал дочери, что сказала обо мне ее мать, а также ее ответ матери после того, как она (мать) закончила меня ругать, а именно: "Что ты имеешь в виду?" и ответ матери на ее восклицание: "Я имею в виду именно то, что говорю". Я попросил дочь ничего не говорить матери, так как это не принесет пользы. Но на следующий день мать снова заговорила обо мне в таком же тоне, когда дочь не смогла устоять перед искушением и сказала ей, чтобы она была осторожна в своих словах, а затем пересказала ей мои слова. Мать была поражена и через мгновение сказала: "Он - дьявол". Я оказался в таком положении, что услышал ответ матери. Вечером я рассказал об этом дочери. Если бы у меня возникла мысль, что мать испытывает ко мне такие чувства, я мог бы списать это на работу собственного разума. Но поскольку я считал, что у них диаметрально противоположное мнение, я пришел к выводу, что это еще один случай внутреннего слуха.

"Итак, если вы можете использовать этот случай или его часть, , то всегда пожалуйста. Если вам нужны другие случаи, я могу предоставить их множество.

"С наилучшими пожеланиями я остаюсь,
"D. K. Денсмор".

Автор этих строк, беседа со мной в моем собственном кабинете, случайно обронил слово, намекающее на то, что его внутреннее ухо иногда воспринимает высказывания воплощенных мужчин и женщин, которые в то время находились далеко от него. В ответ на мое желание узнать, так ли это на самом деле, он подробно описал ряд случаев, когда у него был подобный опыт; затем я попросил его кратко изложить мне на бумаге один или два из них. Эта просьба вскоре привела к появлению вышеупомянутого письма.

Значительно большая часть жизни капитана Денсмора, которая носила ярко выраженный образовательный характер, прошла в рубках и каютах китобойных судов, а не в школе на берегу, и он, возможно, ожидал, что я, по крайней мере частично, реконструирую его предложения, прежде чем представить их в печати. Но такие факты, с которыми сталкивался его опыт, должны были сопровождаться духом осознанного знания и истины, пронизывающим его собственный лексикон. Его язык достаточно ясен, чтобы передать его смысл, и обладает силой, которую ухудшит любое значительное изменение. Этот дух делает риторику и грамматику второстепенными в изложении фактов и опыта, которые показывают, что в некоторых воплощенных человеческих существах существует способность получать впечатления, основанные на интеллекте, способами и при обстоятельствах, о которых школьники и учителя мира не знают, но должны знать и получать инструкции. Поэтому читателю было позволено увидеть своими словами заявление того, кто иногда слышал своими внутренними или духовными чувствами точные слова говорящих, которые находились за много миль от него, и таким образом было показано, что миссис Хиббинс, благодаря обладанию природными способностями, хотя и такого рода, но редко развитыми, могла быть чем-то очень отличным от простого искусного угадывателя. Предположение о том, что ей помогали духи, не является необходимым для удовлетворительного объяснения способа, с помощью которого она могла прямо и мгновенно узнавать, что произносятся далеко отсутствующие. Ее собственные способности, независимо от особой помощи или обучения духов, могли позволить ей слышать с совершенной отчетливостью то, что было бы совершенно неслышно для смертных в их обычном состоянии. Соизмеряя чудо ее знаний с безумием, которое она произвела в обществе, и с ужасной гибелью, которую она навлекла на себя, мы рассматриваем ее проявления "остроумия" как отток знаний, полученных с помощью ее собственных внутренних или духовных органов восприятия - либо с помощью духов, либо без них.

Комментируя то, что он принял за факт, а именно, что миссис Хиббинс сделала правильную догадку, и только *догадку*, Апхэм говорит, что "в слепом увлечении того времени это считалось доказательством того, что она обладала, с помощью дьявола, сверхъестественной проницательностью". Таким образом, он предположил, что масса людей в Бостоне находилась под влиянием такого увлечения, которое могло заставить их поверить в то, что для успешного *гадания* необходима помощь дьявола! Возможно, они и были увлечены, но их увлечение не действовало в этом направлении. Их чувства и суждения для определения сил, необходимых для производства материальных или ментальных эффектов, могли, если верить истории, быть такими острыми, какими не обладал ни один народ, а их общая мудрость и бережливость указывают на то, что так оно и было. Зачем же, таким образом, поспешно клеймить их имбецильностью, неспособностью к справедливой, с точки зрения здравого смысла, оценке достаточности причин для производства наблюдаемых эффектов? Делать это неблагородно, несправедливо и не соответствует их действиям. Возможно, дело было в их свободе от увлечения; возможно, именно острота и точность их представлений о количестве и качестве причин, необходимых для приобретения знаний, которые открывали ее высказывания, порождали и поддерживали враждебность к миссис Хиббинс. Ее точность в прочтении фактов, тайных и происходящих на расстоянии,

возможно, во многих случаях настолько превосходила то, что обычный опыт или наука могли приписать удаче или умению угадывать, что мало кто мог избежать вывода о том, что она получала сверхъестественную помощь.

Все сверхъестественное тогда считалось дьявольским. После того как против нее было поднято общественное волнение, очень удачная догадка, возможно, и стала бы доказательством того, что ее автором был дьявол, но только после того, как волнение приобрело обескураживающую силу. Какие-то необычные высказывания или поступки этой дамы, очевидно, должны были предшествовать общественному фурору, иначе он никогда бы не разразился. Характер и обстоятельства дела указывают на почти полную уверенность в том, что окружающие ее люди, находясь в обычном спокойствии, должны были стать свидетелями ее высказываний или поступков, которые "казались им более чем естественными" - которые поражали, выбивались из привычного хода вещей и легко отличались от предположений: ведь без чего-то подобного волнения никогда бы не начались. Что послужило началом общественного ужаса перед ней - самый важный вопрос в этом деле. Волнение возникло не беспричинно. Удачная догадка не была большой новинкой и диковинкой в спокойные времена. Тогда ее нельзя было рассматривать как дьявольскую. Для того чтобы правильная *догадка* стала ужасающей, необходимы были недоумения, вызванные предшествующими причинами. Волнение могло превратить догадку в дьявольское знание, но догадка не могла породить, хотя и усиливала, жаждающее крови волнение. Откуда же взялось это волнение - такое волнение, при котором точная догадка обязательно становится порождением дьявольского прозрения?

Миссис Хиббинс жила среди *элиты* провинции, люди которой отличались несомненной проницательностью в вопросах как частного, так и общественного бизнеса, а также, вероятно, обладали столь же высокими моральными и религиозными принципами, какие преобладали в любом другом обществе на земном шаре. Как уже говорилось, Ричард Беллингем, один из выдающихся людей страны и в то время заместитель губернатора провинции, был ее братом; она была вдовой одного из самых уважаемых граждан города, и ей приписывают, что она обладала большим умом, чем ее соседи. Поэтому мы ищем причину, способную возбудить общественное негодование против женщины с блестящим интеллектом, занимающей высокое положение в обществе и находящейся под защитой близкого родства с властью имущими. Причина должна была быть какой-то странной. *Умение гадать* было слишком обычным и естественным, и оно не соответствует требованиям.

Мы все единодушно называем людей 1656 года увлеченными колдовством. Но повлияло ли это увлечение на них настолько, что привело к тупости их внешних чувств и интеллектуальной способности различать природу, характер и силу свидетельств и доказательств? Или, с другой стороны, не проявилось ли оно почти исключительно в том, что они приняли и упорно сохраняли чудовищные пункты своего колдовского вероучения? Что? Признайте утвердительный ответ на первую часть вопроса - признайте, что чувства и разум были обмануты внешними проявлениями, - и вы превратите этих благородных предков в группу болванов, бессердечных и кровожадных, лишаящих жизни потому, что у них не хватало ума ясно понять значение наблюдаемых внешних фактов или увидеть смысл и силу свидетельств. Признайте второе, а именно, что их вероучение было отцом их увлечения, и вы сможете смотреть на них как на группу, обладающую ясным восприятием точного значения и логических результатов всего христианского вероучения о дьяволизме, и непоколебимой целью бороться за Бога и Христа против дьявола. Демонологически они были инфантильны, как и весь просвещенный мир; и все же для внимательного наблюдения за внешними фактами, для справедливой оценки адекватности причины для получения наблюдаемого

эффекта, для определения справедливого значения любого хорошо наблюдаемого факта, для разборчивого применения доказательств в соответствии с правилами их вероучений как в сторону Бога, так и в сторону дьявола, нет причин, почему они не были равны любому другому сообществу в любом месте. Их увлечение было связано не с практической, а с теоретической стороной. Оно было дьявольским, а не человеческим *непосредственно*, хотя через вероучение оно стало человеческим.

Понимая скудость и неправдоподобность решения Хатчинсона, Апхэм, игнорируя, как он утверждал, единственный имеющийся у нас исторический "ключ" к правильному решению, который вел прямо к остроумию самой женщины, с удовольствием нашел возбуждающую причину ее преследований не в *ней самой*, а в других людях, и догматично заявил: "*Правда* в том, что язык клеветы был распушен против нее". Такое предположение - а это смелое предположение, даже если оно соответствует фактам, - не отвечает, совершенно не отвечает справедливым требованиям нашего здравого смысла. Что запустило, расширило и усилило этот язык, если он действительно виляет? Если его высказывания *были клеветническими*, то они представляли собой смесь *лжи* и *злобы*. Какую *ложь* можно было или можно было сфабриковать против такой женщины, природу которой не смогла бы распознать обычная проницательность тогдашнего общества? Какая *ложь*, которую не отказалось бы повторить против нее правдивое общество того времени? Какая злоба против этой дамы с высокими связями могла настолько пропитать общество, чтобы вызвать общественные настроения, которые требовали и добивались ее жизни? Жители Бостона были не настолько злы, чтобы позволить *лжи* и *злобе* торжествовать в своем высшем суде. Нужно было что-то иное, чем *клевета*, чтобы пробудить и поддержать народный шум против этой женщины и заставить суд вынести ей смертный приговор. Мы наделили Апхэма способностями беллетриста, и он воспользовался ими, заявив, что "*правда* в том, что язык клеветы был отпущен на волю". "*Правда* в том, что" ни он, ни кто-либо другой из нас сегодня не знает, была ли эта женщина оклеветана или нет. Возможно, так и было, но это лишь предположение, и его не стоит выдавать за *истину*. Для последующих трагических результатов было необходимо нечто большее, чем клевета в ее крайних проявлениях и дополнениях.

Мы снова возвращаемся к единственной исторической причине волнений против этой дамы, а именно к намеку Нортон на то, что она обладала таким чудесным остроумием в угадывании, которое, по мнению Апхэма, окружающие считали "*доказательством того, что она с помощью дьявола обладала сверхъестественной проницательностью*". Этот намек открывает дверь, за которой можно найти более адекватную и философскую причину ее осуждения и порицания, чем та, что была до сих пор. Так как многие люди сейчас обладают, она тоже могла обладать конституциональными способностями, которые иногда позволяли ей *чувствовать*, понимать и излагать факты и истины, которые невозможно было познать обычными человеческими способами. Допустим лишь, что она могла обладать интуитивными способностями, читая мысли других людей или чувствуя на расстоянии дух звуков, и все загадки, связанные с ней, разгаданы. Бодрствующие, зоркие, добрые люди могли видеть в ней проявление таких способностей, которые были явными, отчетливыми и, вне всякого сомнения, необычными, да, сверхъестественными. Что же тогда? По логике тогдашней христианской веры, ее учителем должен быть дьявол, а она - его заветной служанкой. Такая помощница сатаны, каким бы высоким ни был ее характер или положение, должна быть лишена силы работать на него. Если она несколько раз повторяла очень удивительные откровения, такие как раскрытие тайных мыслей и частных разговоров других и далеких людей, то что могли сделать люди, верные своему Богу и своему вероисповеданию, кроме как потребовать ее казни? Ничего, ничего меньше. Их увлеченная, но искренняя вера в дьявола явно и с могучей силой требовала ее крови. И не потому, что в

ней было что-то нечисто, не из-за лжи, не из-за злобы к ней, не из-за языка клеветы, а из-за фактов, неоспоримых фактов, донесенных через нее, которые язык правды мог бы с готовностью опубликовать и переиздать по всему городу. Беда, убийственные импульсы проистекали из *вероучения*, особенно из тех его частей, которые делали все таинственные и тревожные проявления дьявольскими по своему источнику и учили, что дьявол не может действовать через людей, кроме тех, кто добровольно заключил договор о служении ему. Те, кто заключил с ним завет, должны умереть. Миссис Хиббинс родилась с медиумическими способностями, и за то, что она законно использовала их, вера ее времени добросовестно лишила ее жизни.

Сердце радуется, когда находишь точку зрения, которая законно допускает, что миссис Хиббинс была яркой, утонченной, высокого тона и самой достойной леди; и в то же время уменьшает черноту тучи, которая долгое время висела над ее судьями и палачами. Они не были ни настолько слабыми и злыми, чтобы обречь человека на смерть из-за вспыльчивости, ни настолько злодейскими, чтобы оклеветать жизнь леди. Суровая религиозная приверженность и применение искренней, хотя и заблуждающейся *веры*, делали их палачами всех тех, кто проявлял способности, которые в тусклом свете их философии и науки казались сверхъестественными. Их слабость заключалась в такой сильной вере, которая могла, а в чрезвычайных ситуациях должна была, отбросить более добрые чувства их сердец. Их великой немощью, которая в то время была общей для всего христианства, было исключительно увлечение *дьяволом*.

Мы обвиняем наших предков в *увлечении*. Люди во все века и народы, несомненно, подвергались ее влиянию. Возможно, каждый отдельный мужчина и каждая женщина в большей или меньшей степени подвержены этому влиянию. Каждый в отношении некоторых вещей может действовать без своего обычного здравого смысла и вопреки велениям разума. Жители Бостона, очевидно, были лишены возможности из-за своего увлечения дьяволом понять, что миссис Хиббинс могла получить необычные дары от какого-то другого дарителя, а не от великого злого дьявола. И разве *невозможно*, чтобы под влиянием увлеченности ее недавний историк сначала отверг историческое остроумие, заменив его выдуманной клеветой, как причину возбуждения против нее, а затем выдал свою замену за *истину*; хотя здравый смысл и здравая философия с первого взгляда видят, во-первых, что это всего лишь предположение, а во-вторых, что оно совершенно неадекватно для получения тех эффектов, для объяснения которых оно было сфабриковано? Поступая так, *он*, похоже, действовал без обычного здравого смысла и вопреки велению просвещенного разума - он был увлечен.

Оба вышеупомянутых историка фактически предположили, что здесь никогда не происходило никаких явлений, ни психических, ни физических, которые не были бы вызваны агентами, силами и способностями чисто мирского характера. Поэтому факты истории неизбежно подталкивали их к подразумеваемому, а зачастую и явному утверждению, что целые сообщества решительных, широко мыслящих, энергичных людей были обладателями внешних чувств, которые были жалкими и сверхразумными, обладателями огромного общего легковерия, восприятия и суждений, ужасно искаженных и неполноценных в целом, за исключением лишь нескольких их девушек и старух, которые проявляли хитрость и коварство в высшей степени, извлекая выгоду из слабостей своих старших и лучших. Установив колья, за которые природа и естественные силы не должны выходить под угрозой исторического признания, все, что не объясняется силами, признанными в пределах этих колов, объясняется мудрым восклицанием: "Но это было время большого легковерия" или "В слепом увлечении того времени" все было так и так. Мы готовы признать существование большого легковерия и безрассудства как в древности, так и сейчас, но не готовы допустить,

что факты видения того, чего не видели другие люди, и знание о существовании и частичном действии некоторых сил в природе, на которые некоторые люди не обращали внимания, являются доказательством "большого легковерия" или "слепого безрассудства". Если бы поздний историк был свободен от всякого увлечения, он мог бы узнать из проходящих событий, что миссис Хиббинс, вероятно, временами была, по сути, освобожденным духом, слышащим то, что Сведенборг называет "cogitatio loquens" - говорящая мысль, и что повторение того, что она таким образом узнала, лишило ее жизни.

Это не был случай необходимого сотрудничества с духом, а, возможно, лишь необычное освобождение внутренних воспринимающих способностей. Поскольку она была сильно озарена, ее блеск был признан дьявольским, а значит, должен быть погашен.

ЭНН КОУЛ.

Проявления, сильно отличающиеся от тех, что были замечены в предыдущих случаях, наблюдались в присутствии девушки из Коннектикута по имени Энн Коул. Американская история колдовства не передала ни одного внятного рассказа об использовании человеческих органов речи интеллектом, чуждым законному владельцу используемого вокала, до случая, описанного Хатчинсоном в следующем отрывке. История Энн Коул включает в себя все, что мы знаем о Гринсмитах, муже и жене, упомянутых в ней, которые были казнены за колдовство.

"В 1662 году в Хартфорде, штат Коннектикут, некая Энн Коул, молодая женщина, которая жила по соседству с голландской семьей и, несомненно, выучила кое-что из языка, была предположительно одержима демонами, которые иногда говорили на голландском, иногда на английском, а иногда на языке, которого никто не понимал, и которые проводили совещания друг с другом. Несколько священников, присутствовавших на конференции, записали ее ход, а также имена нескольких человек, упомянутых в ходе конференции как действующие лица или принимавшие в ней участие; в частности, женщины, находившейся в то время в тюрьме по подозрению в колдовстве, некой Гринсмит, которая при допросе призналась и, казалось, была удивлена открытием. Она призналась, что вместе с остальными была знакома с демоном, который познал ее в плотских утехах; и хотя она не заключила официального договора, но обещала быть готовой по его зову и должна была веселиться на Рождество, когда должно было быть подписано соглашение. За это признание она была казнена, и еще двое из компании были осуждены в то же время". Хатчинсон также приписывает дневнику Гоффа утверждение, что "после того как одну из ведьм повесили, служанка поправилась".

Был передан еще один рассказ о случае с этой Энн, предоставленный очевидцем и лично слушавшим ее, когда она находилась в трансе. Автор этого рассказа быстро записал, но впоследствии потерял протоколы того, что услышал из ее уст, и примерно через двадцать лет после этого записал свои воспоминания о проявлениях и передал следующий рассказ Инкризу Мазеру: "Anno 1662.

"Anno 1662. С этой Энн Коул (жившей в семье своего отца) начались странные приступы, во время которых она (или, скорее, дьявол, как можно судить, пользуясь ее губами) вела беседу в течение значительного времени. Суть его сводилась к следующему: компания знакомых лукавого (которые были названы в разговоре, перешедшем от нее) придумывала, как осуществить свои злые замыслы против некоторых, и особенно против нее; упоминались различные способы, которые они предпримут для этого, например, что они будут страдать от ее тела, портить ее имя, препятствовать ее браку и т. д. Заключение было таково: "Запутаем ее язык; пусть она больше не рассказывает сказок"... Разговор перешел на голландский тон, ... и в нем был дан рассказ о некоторых несчастьях, постигших многих, среди прочих молодая голландка ... которая умела говорить очень мало, встретила большое горе, как щипки ее рук в темноте, и т.д. Благоразумный мистер Стоун, находившийся рядом, когда проходил последний разговор, заявил, что, по его мнению, невозможно, чтобы человек, не знакомый с голландским языком (а Энн Коул вовсе не была знакома), так точно подражал голландскому тону в произношении английского языка..... Много раз она совершала чрезвычайно бурные телодвижения, вплоть до опасности для своей жизни... и очень часто она и еще две женщины, у которых тоже были странные припадки, вносили большой беспорядок в общественное богослужение..... Следствием этого было то, что одна из тех, кто был представлен в качестве действующего лица в вышеупомянутых рассуждениях (развратная, невежественная, значительно пожилая женщина), будучи заключенной в тюрьму по подозрению в колдовстве, суд послал за мистером Хейнсом и мной, чтобы прочесть то, что мы написали..... Она немедленно и свободно призналась в том, что это правда: (что она и другие лица, названные в разговоре) были знакомы с дьяволом. Когда ее спросили, заключила ли она с ним прямой договор, она ответила, что нет, только как обещала пойти с ним, когда он позовет (что она, соответственно, делала несколько раз)..... Кроме всего прочего, она призналась, что дьявол часто пользовался ее телом с большим кажущимся (но на самом деле ужасным, адским) удовольствием. Все это, вместе с сопутствующими доказательствами, привело женщину и ее мужа к смерти как знакомых дьявола..... После этой казни... у доброй женщины утихли печали, которые продолжались несколько лет, и она до сих пор сохраняет свою целостность".

"Энн Коул была дочерью Джона Коула, благочестивого человека среди нас. Она была человеком, которого считали благочестивым, вела себя с приятной смесью смирения и веры во время очень тяжелых страданий, признаваясь (как она делала много раз), что *она ничего не знала* о тех вещах, которые были сказаны ей, но что ее язык был усовершенствован, чтобы выразить то, что никогда не было в ее уме." - Джон Уайтинг - Инкресу Мазеру. Февраль 1682 года.

Источник информации Хатчинсона неизвестен. Преподобный мистер Уайтинг из Хартфорда был очевидцем и свидетелем того, о чем он рассказывает, и поэтому является лучшим авторитетом. В этих двух рассказах очевидны большие расхождения. Через сто лет после ее смерти историк сказал, что Энн, несомненно, выучила голландский язык. Но лучший авторитет, поскольку он принадлежит тому, кто видел и бороду молодой женщины, когда она была под контролем, и продолжал узнавать о ней в течение двадцати лет после этого, говорит, что она "совсем не была знакома" с этим языком. Первый говорит, что "предполагаемые демоны" говорили через нее иногда по-английски, иногда по-голландски; второй же "считает", что говорил только дьявол, и подразумевает, что язык всегда был английским, хотя тональность иногда была очень точно голландской. Дьявол был "осужден" за то, что разглашал злые цели "компании своих знакомых" по отношению к определенным человеческим существам. Здесь проявляется общая для всех описателей колдовских сцен склонность приписывать самому великому дьяволу все, что извлекается из царства тайн.

Внимательное прочтение этих двух рассказов вызывает предположение, что Хатчинсон, возможно, черпал свои факты в основном из письма Уайтинга и при этом не учитывал и не придерживался представленных в нем мнений о том, кто же на самом деле говорил устами Энн Коул. Уайтинг утверждает, что "она, или, скорее, *дьявол*, как можно судить, пользуясь ее устами, провела беседу", в которой несколько живых людей были названы знакомыми лукавого и замышляющими зло против некоторых из их соседей, и особенно против самой Энн. Этот личный наблюдатель утверждает, что "она, или, скорее, *дьявол*", описала миссис Гринсмит и ее помощников и раскрыла их злые замыслы в отношении Энн и других смертных. Но историк сильно исказил суть дела; он пишет, что "предполагалось, что она была одержима демонами, которые иногда говорили на голландском, а иногда на английском", и что люди, которые вели записи (мистер Уайтинг, мистер Хейнс и мистер Стоун), упомянули имена нескольких человек "как *актеров или участников конференции, ... особенно одного Гринсмита*". Неверно, совершенно неверно: эти смертные были предметом разговора; это были не ораторы, а люди, о которых говорилось. Таким образом, Хатчинсон превратил некоторых ничтожных смертных в таких демонов, которые приняли человеческий облик и через него, на разных языках, вели диалог, в котором открыто рассказывали смертным о своих зловредных целях и о том, каким смертным они намеревались навредить. Глупый. Уайтинг заставляет дьявола на разных тонах и в разных образах произносить имена воплощенных преступников, рассказывать о вреде, который они причинили, и еще о большем, который они собираются причинить. Разумно. Дьявол или его псевдоним часто выступает в роли детектива и осведомителя; в данном случае ему удалось довести миссис Гринсмит до признания.

Возможно, и только возможно, этот дьявол был всего лишь наплывом аур, которые нашли вход во внутреннее восприятие Энн, затормозили ее внешнее сознание и внешние чувства и позволили ее внутренним чувствам ощутить и выразить мысли и цели некоторых низких и развратных медиумических личностей по соседству, чьи внутренние сущности она, как относительно свободный дух, могла тщательно прочесть. Оккультные интеллекты иногда управляют физическими органами, в то время как сознание смертного не в состоянии воспринять ни действия, ни волю, побуждающую их.

Из рассказа о ее жизни становится ясно, что Энн, будучи женщиной, не имела никакого отношения к низменному и развратному, но, будучи медиумом, была вынуждена, либо по замыслу, либо по действию бессознательных природных сил, раскрывать низменность и разврат других. По-видимому, она пережила вход в абсолютное бессознательное состояние, так что на время стала буквально инструментом - не более самодействующим, а значит, и не более ответственным, чем ручка, карандаш или говорящая труба. Такое же состояние, как у нее, испытывают многие люди в наши дни.

Некоторые высказывания, произнесенные ее устами, когда она была околдована, были успешно использованы в суде либо как доказательства, либо как помощь для получения доказательств того, что некоторые другие люди в ее окружении были в союзе с сатаной - были подручными дьявола. Представление в суде обвинений, прозвучавших из ее голосовых органов, заставило женщину, которую в то время судили за колдовство, признать, что обвинения были правдивыми, и она и ее муж были осуждены и казнены.

К подобным способам получения ключей, по которым можно проследить преступления до их авторов, широко прибегают и сейчас, и часто с успехом; но заявления одержимых и ясновидящих не приводятся в суде, да и не должны, потому что наш мир еще не достиг надежных навыков проверки их точности; да и высокодуховные и заслуживающие доверия

духи часто готовы подвергать виновных смертным наказанию со стороны трибуналов и палачей этого мира.

Насколько новое оглашение их имен и некоторые из их практик способствовали осуждению Гринсмитов, мужа и жены, и способствовали ли вообще, можно только догадываться. Но то, что либо какие-то влияния исходили от них и действовали на Энн, либо то, что какие-то влияния исходили от Энн и действовали на них, либо то, что происходило взаимное влияние друг на друга, - это лишь справедливый вывод из вышеизложенного, сделанный в связи с той сноской Хатчинсона, которая приписана к "Дневнику Гоффа, убийцы" и гласит следующее: "После того как одну из ведьм повесили, служанка поправилась". Не было найдено никаких упоминаний о болезни Энн, за исключением странных *припадков*, в которых она использовалась в качестве рупора для странного обитателя или обитателей ее формы. Ее *выздоровление* может означать не более чем прекращение припадков или навязчивых идей. То, что они должны прекратиться после казни человека или людей, с которыми она находилась в неприятном и некомфортном общении, возможно, является естественным результатом действия универсальных законов. Возможно, черновики из ее системы были сделаны не ее собственными силами, которые помогли невидимым существам воздействовать на осужденных гринсмитов во благо или во вред. Повод для такого использования ее элементов или свойств мог прекратиться, как только виселица закончила свою работу. Припадки прекратились, возможно, только потому, что прекратились призывы особых свойств от нее. "После того как одну из ведьм повесили, служанка поправилась". Казнь одного человека и восстановление здоровья другого рассматривались Гоффом как причина и следствие.

Признание женщины Гринсмит в том, что ее знакомый использовал ее форму, - как бы ни был печален для нас и для читателя этот отдельный факт, - было решающей причиной, побудившей нас привести в пример Энн Коул. От старухи Гринсмит мы получаем древнее указание, параллельное многим не востребуемым современным, что поразительные возможности находятся в пределах действия сил, взаимодействующих между царствами материи и духа, которые, возможно, могут быть использованы как для возвышения, так и для унижения человеческой расы. Многие факты человеческого опыта, о которых сегодня говорят шепотом, указывают на то, что старуха, возможно, правдиво рассказала о своих личных переживаниях. Если деградация и фатум допускают утечку некоторых важных фактов человеческого опыта, которые сознательные сосуды здравомыслия и деликатности сохраняют в себе и скрывают от оскверняющего мир знания, этот мир, тем не менее, может иметь право на намеки на существование оккультных, хотя и редко ощутимо действующих сил и разрешений природы, через единственные каналы, которые позволили им вылиться для свободного наблюдения мира. Факт, произошедший с женщиной Гринсмит, можно считать показательным для многих других подобных случаев.

Я знаю одного человека, который однажды посетил супружескую пару, оба из которых были интеллигентны и утонченны, оба имели хороший характер, а муж был весьма уважаемым представителем одной из известных профессий. Эта пара за своим обеденным столом, где они и посетитель были единственными обитателями комнаты, в один голос заявили, что однажды, когда они только что закончили полуденную трапезу и сидели за столом напротив друг друга, стул дамы, на котором она сидела, был отодвинут какой-то невидимой силой, и тут же она, осязаемая, но невидимая, была снята со своего места, положена на ковер и там испытала все ощущения реального и приятного брачного соития. Пока она находилась в таком положении и испытывала такие ощущения, ее муж оставался по другую сторону стола,

и они вдвоем были единственными облаченными в плоть людьми в комнате. Одна опытная и правдивая дама пережила подобный опыт, когда ее сознание и все ее умственные способности были в полной боевой готовности. Природа таит в себе поразительные возможности. Возможно, в грядущие времена человеческая раса будет быстро и широко совершенствоваться благодаря целенаправленным вливаниям сверхъестественных элементов в зародыши плода.

До нас не дошло ни одного свидетельства, и мы не предполагаем, что подобные опыты когда-либо будут иметь место при физическом зачатии; Однако время от времени появляются проблески доказательств того, что сверхъестественные существа могут и действительно вливают некоторые из своих собственных свойств в самый костный мозг некоторых восприимчивых смертных любого пола или обоих одновременно и совместно, чтобы изменить физические системы таким образом и в такой степени, что их потомство получает в самый момент зачатия такие свойства, которые впоследствии будут делать их либо лучше, либо хуже из-за вливаний через родителей интеллектов, чье присутствие и действия ускользают от восприятия нашими внешними чувствами. Возможно, как самые благодетельные, так и самые злобные представители нашей расы - как те, чьи моральные оттенки наиболее ярко освещают, так и те, чьи тени наиболее черны на страницах истории, - были зачаты, когда сверхъестественные существа держали родителей либо под сильным психологическим контролем, либо в глубоком бессознательном трансе.

Мать грубого, похотливого и кровожадного Самсона посетил дух, "очень страшный".

Мать Иисуса посетил светлый и славный Гавриил, и ее окутала аномально звучащая, полезная или святая аура.

Вдали от Чарльзтауна и Бостона, где жили и встретили свою судьбу две женщины, о которых шла речь на предыдущих страницах, Энн Коул была *бессознательным* рупором, через который невидимые существа вели диалоги, частично на языках или, по крайней мере, на тонах, которые она никогда не изучала. Проявления через нее не были подражанием ни одному из известных ранее на этом континенте, насколько можно судить по истории. Ее предполагаемые поступки не были похожи на те, за которые в Массачусетсе повесили двух ее дочерей.

От кого исходили тона, если не слова, языков, которые эта одержимая девушка никогда не изучала? От кого исходило то, о чем она "ничего не знала"? И особенно кто "усовершенствовал ее язык, чтобы она могла выразить то, что никогда не приходило ей в голову"? Любое удовлетворительное объяснение колдовства должно четко указывать и допускать действие некой силы, компетентной для всех подобных представлений; силы, управляемой и контролируемой интеллектом. Факты в этом деле были изложены, личным свидетелем многих из них, который писал в то время, когда не находился в состоянии возбуждения или галлюцинаций, которые могли бы вызвать их новизну, но через двадцать лет после их появления, когда их регистратор должен был быть, и, без сомнения, был, спокоен и осторожен, и когда, кроме того, хороший характер самой девушки был подтвержден добрым христианским поведением в течение двадцати лет после чудес, проявившихся через ее органы. Если история достойна прочтения, то губы Энн Коул использовались не ее собственным интеллектом, "чтобы выразить то, что никогда не было у нее в голове". Либо воплощенные разумные существа - Гринсмиты и их помощники, чьи тела не присутствовали вместе с ней, - использовали ее голосовые органы, как это следует из рассказа Хатчинсона, либо демоны-духи, как предполагал Уайтинг, говорили через ее форму.

ЭЛИЗАБЕТ КНАП.

В Гротоне, штат Массачусетс, в 1671 году Элизабет Кнап подверглась более необычному нападению, чем большинство других людей того века, которых считали заколдованными. Сохранилось исключительно хорошее свидетельство о ней, написанное преподобным Сэмюэлем Уиллардом, священником в Гротоне, в самом расцвете сил. За двенадцать лет до этого он окончил Гарвардский колледж, после чего стал священником в Старой Южной церкви в Бостоне и несколько лет возглавлял Гарвардский колледж. Девушка, о которой идет речь, была его ученицей, жила в его семье во время предыдущей части ее болезни и находилась под его наблюдением до ее окончания. Его возможности наблюдать за развитием болезни, безусловно, были очень хорошими, и он сделал журналистский отчет о ее этапах и ходе под многими конкретными датами с 30 октября 1671 года по 15 января 1672 года, то есть в течение одиннадцати недель или более. Он был внимательным наблюдателем и пристально расспрашивал девушку, а также осторожным и умным летописцем.

Поначалу она была подвержена необычным душевным настроениям и бурным физическим действиям, которые проявлялись довольно постепенно, выражаясь в заметных странностях поведения, которым она, когда ее расспрашивали, почти не давала объяснений. Сначала появились странные, внезапные крики, странные изменения лица. Вскоре за ними последовали восклицания: "О, моя нога!", которую она растирала; "О, моя грудь!", и она растирала ее, казалось, от боли. Ее дыхание прерывалось. Она видела странного человека в подвале, когда ее спутники не могли его разглядеть. Она кричала ему: "Что за радость, старик?". Затем начались припадки, во время которых она то кричала: "Деньги, деньги!", предлагаемые ей в качестве побуждения к послушанию, то: "Грех и страдание!" - в качестве угрозы наказания за отказ подчиниться желаниям ее странного посетителя. Она сказала, что ей явился дьявол и что она видела его время от времени в течение трех лет. Он часто разговаривал с ней и убеждал заключить с ним завет, на что она ответила отказом. 26 ноября шесть человек с трудом удерживали ее. Врач, который около четырех недель считал болезнь естественной и лечил ее, теперь объявил ее дьявольской. Она лаяла, как собака, блеяла, как теленок, и временами казалось, что ее душат. В конце концов появились отчетливые звуки. "Ворчливый, низкий, хорошо слышимый голос сказал самому мистеру Уилларду: "Вы большой негодяй, большой негодяй"; при этом "ее голосовые органы не двигались". Голос был воспринят как голос самого Сатаны, а его автор ответил: "Я не Сатана, я красивый черный мальчик, это моя красивая девочка, я здесь уже давно". "Когда он сказал мне (мистер Уиллард): "О, ты, черный негодяй, я не люблю тебя", я ответил: "По милости Божьей я ненавижу тебя". Он ответил: "Лучше бы ты любил меня". Сила, проявленная девушкой, по словам писателя и свидетеля, "превосходит силу диссимуляции, а действия конвульсий совершенно противоположны этим действиям". Во время всех своих страданий "она не теряла ни тела, ни сил". Речь исходила от нее без движения органов речи. Также "мы заметили, что, когда она говорила, ее горло грозно раздувалось, по крайней мере, до размеров кулака". По ее словам, она "видела больше дьяволов, чем кто-либо из людей в мире".

Никакие сопутствующие жертвы жизни не усилили интерес к этому гротонскому случаю, и он не занял заметного места среди колдовских событий. Тем не менее по некоторым пунктам

оно более поучительно, чем почти любое другое из них. Впервые в колониальной истории мы встречаем утверждение, что человек, выступающий в заимствованной или узурпированной форме, раскрыл, *кто* он такой.

Мистер Уиллард, которому была доверена эта девушка и в чьей семье она жила, был убежден, что ее устами говорит не сама девушка, а какое-то другое существо, и в соответствии с необходимым выводом из общей веры своего времени обратился к неизвестному, предположив, что это действительно *Дьявол*. Обращенное к нему существо быстро ответило: "Я не *Сатана*, я симпатичный черный мальчик".

Девушка сказала, что привыкла видеть своего посетителя в течение трех предыдущих лет, и что она видела больше дьяволов, чем кто-либо из людей в мире. Ее представления о правильном применении слов, очевидно, были столь же свободными, как и распространенные в то время в обществе, которые считали любого посетителя-духа дьяволом или дьяволицей. Сегодня наблюдатель за такими существами, которых она видела, назвал бы их духами. Когда она увидела и окликнула какого-то человека, невидимого для ее спутников, сказав: "Как дела, старик?", она ясно дала понять, что существо, которого она окликнула, было не больше и не меньше, чем старик, и он, судя по ее обращению к нему, ни в коем случае не был строгим или отталкивающим; и все же он, несомненно, был одним из тех, кого она или тот, кто записал ее слова, привык называть *дьяволами*. Нет никаких признаков того, что она когда-либо видела какую-то особо огромную, порочную, злобную личность, или что она когда-либо намеревалась обозначить восприятие такой личности.

Похоже, цели и настроение собеседника мистера Уилларда были скорее игривыми и доброжелательными, чем угрюмыми и сатанинскими. Временно перевоплотившиеся духи часто склонны улыбаться, глядя на вытянутые лица и укоризненные мысли, которые их появление вызывает у людей, не привыкших к беседам с ними. "Ты великий негодяй, великий негодяй" и "лучше бы ты меня любил" вряд ли можно считать несвоевременными или неуместными высказываниями живого мальчика, какого бы оттенка он ни был, который, будучи принят за дьявола, естественно подтрунивал над степенным священнослужителем, чье вероисповедание заставляло его считать такого посетителя князем зла. Он сказал искренне и в лучшем духе, чем священник: "Лучше бы вам любить меня, чем ненавидеть".

Справедливость требует, чтобы все люди считали рассказ любого человека о себе правдивым, пока не появится причина не доверять ему. Ни одно слово или поступок, приписываемый этому симпатичному чернокожему мальчику, который сказал, что он не Сатана, не заставляет сомневаться в точности его утверждения. Недоверие к нему, если оно возникнет, будет, скорее всего, порождением предрассудков в сочетании с незнанием методов духов, открывающих пути к познанию человека и побуждающих его искать общения с предшествующими родственниками, обладающими большим опытом и, как следствие, большей мудростью, чем свойственно любому обитателю земных форм. Наши инкрустации невежества и предрассудков противостоят любому мягкому воздействию и поддаются лишь ударам кувалды.

Ощущения, состояния и различные силы, сопутствовавшие Элизабет Кнап, были явно необычными. Подробный журналистский рассказ о них от проницательного, осторожного, правдивого и культурного человека - от одного из заслуживающих доверия людей своего поколения - требует доверия. Он утверждает, что сила ее тела была "выше силы диссимуляции", что "шесть человек едва могли удержать ее" и что "действия были противоположны конвульсиям".

Еще один момент: в течение одиннадцати недель таких грубых подвигов "она не теряла ни тела, ни сил". Коттон Мазер рассказывает о некоторых людях, которые так сохранили после подобных пыток, что "по окончании одного месяца страданий они были в состоянии перенести еще один". Подобное сохранение плоти и сил, несмотря на голодание и чрезмерную активность, часто случается сегодня с медиумами, особенно на ранних стадиях их доминирования над невидимками.

Речь исходила от нее без движения голосовых органов. Это может относиться к простому чревовещанию; но мистер Уиллард также говорит, что "мы заметили, что, когда голос говорил, ее горло сильно раздувалось, по крайней мере, до размеров кулака". Чревовещание обычно не имеет такого дополнения. Более того, священник был убежден, что эти слова были вызваны не ее волей.

Опыт этой девушки изобилует свидетельствами того, что ее духовные способности восприятия были настолько освобождены от помех со стороны внешнего тела, что она могла сознательно видеть, слышать и общаться с духами, и что ее физическая система была подчинена их контролю для речи в различных формах и способах, а также для странных и насильственных действий ее конечностей.

В тех частях повествования, которые мы не скопировали, из ее уст прозвучало обвинение в том, что сам мистер Уиллард и некоторые другие благочестивые люди из его прихода были ее мучителями. Это было сказано Самуилу самым поразительным образом, как в древности Давиду: *"Ты - человек"*; ведь в те времена было принято считать, что дьявол не имеет права обвинять благочестивых людей, не может обвинять никого, кроме виновных, в том, что они способствуют проявлениям колдовства. Если это заявление было правдой, мистер Уиллард и другие хорошие люди, согласно вере некоторых в то время, были в завете с дьяволом. Это был страшный момент, когда такое обвинение в адрес доброго священнослужителя прозвучало из уст его измученного ученика. Он, как и другой обвиняемый, прибег к молитве; и мы можем легко представить, что прошения к небесам поднялись из самых глубин истинных и искренних душ и в присутствии девушки вырвались наружу с такой психологической силой, что ослабили власть любого духа, владеющего ее формой, и позволили ей полностью овладеть всеми своими нормальными способностями и контролировать их.

Этот объект контроля духов сохранял сознание во время своих вхождений или в те моменты, когда его тело подчинялось чужой воле, как это делают многие медиумы в настоящее время. Следовательно, она в большей или меньшей степени знала, что говорят или делают ее органы и конечности, кто бы ими ни управлял. Будучи молодой, она вряд ли могла быть компетентной, чтобы осознать и запомнить широкое разделение своей индивидуальной ответственности за то, что было сделано другими, и за то, что было сделано ею самой, посредством использования своих собственных физических способностей. Естественно - почти необходимо, - чтобы она сама себя осуждала за то, что через нее совершалось то, что доставляло страдания и муки ее друзьям, хотя она не оказывала добровольного содействия этим действиям и не имела возможности предотвратить их совершение.

Мы предполагаем, что ее утверждение было правдой, что мистер Уиллард и другие обвиняемые были, хотя и бессознательно, сделаны помощниками контролеров его ученицы; правдой, что она чувствовала исходящие от них эманации. Спустя двадцать лет после этого "страдающая" жительница деревни Салем стала взывать к этому же человеку как к одному из своих страдальцев. А почему? Вероятно, потому, что в нем были заложены конституциональные свойства, которые духи могли использовать в качестве

вспомогательных средств для околдовывания или контроля над медиумическими личностями. Законы, управляющие обнаружением мучителей заколдованных, будут более подробно рассмотрены в последующих частях нашей работы. Результаты показывают, что система Сэмюэля Уилларда обладала либо материальными, либо психическими свойствами, либо и тем, и другим, что подвергало его обвинениям в околдовывании некоторых сенситивов, чьи проницательные способности могли отследить до их источника любые завораживающие силы, которые входили в их собственные системы и эффективно на них действовали.

В своем обычном нраве и колдовском суждении Хатчинсон объявил страдания Элизабет Кнап "мошенничеством, самозванством и чревоуважением"! Тень Сэмюэля Уилларда! Как вы теперь смотрите и как мы, смертные, будем смотреть на человека, который через девяносто лет после вас, бросив взгляд назад, в темные покои далекого прошлого, признал себя легковверным болваном и простаком, неспособным за одиннадцать недель пристального изучения и бдительного наблюдения определить, что источник чудесных явлений, проявлявшихся в вашем собственном доме, на ваших же внимательных глазах, был исключительно мирским? Присмотревшись к этим явлениям, когда они лежали без движения и были наполовину погребены под пылью, которую на них набросили девяносто полных лет, Хатчинсон с первого взгляда убедился, что это не что иное, как мошенничество, самозванство и чревоуважение. Вы, преподобный сэр, сначала сомневались в их сверхъестественном источнике, но изучение и обдуманное размышление над ними в течение нескольких недель убедило вас в несостоятельности ваших сомнений; вы, очевидно, были лишены такого легковверия, которое позволило Хатчинсону очень быстро прийти к убеждению, что ваша Елизавета была всего лишь актером мошенничества и самозванства. Увы, Сэмюэл Уиллард, увы, не оправдалась ваша проницательность!

Апхэм не рассказывает ни об Энн Коул, ни об Элизабет Кнап, хотя они, безусловно, были лучшими американскими прототипами девушек, обученных магии в Салемской деревне, чьи интриги и подвиги он подробно описывает. Он утверждает, что создатели и исполнители колдовства учились, замыслили и практиковались в "кругу" и таким образом узнали, как и с помощью чего его зарожать и осуществлять. Все известные обстоятельства указывают на то, что ни у Энн Коул, ни у Элизабет Кнап не было ни видимых учителей, ни соучастников их чудесных действий. Поэтому, если бы историк привел эти два случая - хорошие примеры исполнителей в Салеме, - возможно, его спросили бы, кто обучал этих изолированных исполнителей за двадцать и тридцать лет до того, как была основана некромантическая семинария, в которой можно было бы преподавать и изучать искусство магии, некромантии и спиритизма. Существовало ли где-нибудь ранее подобное учебное заведение? Если нет, то спрашивается, был ли какой-либо кружок, подобный тому, что существовал в Салеме, необходимым условием - *непременным условием* - для приобретения компетенции в искусной практике колдовства или действий, называемых в старину колдовством? Разве природные способности не могут иногда быть достаточной квалификацией для того, чтобы допустить развитие через свою форму очень больших чудес? Если нет, то спорадические выступления в Хартфорде и Гротоне трудно объяснить.

Приход одного духа к Элизабет Кнап и использование им ее органов речи для ведения диалога с преподобным Сэмюэлем Уиллардом четко описаны этим заслуживающим доверия летописцем. Также, по его словам, девушка видела огромное количество подобных существ - да, больше, чем все присутствующие когда-либо видели людей в своей жизни. Вот, несомненно, очень убедительное свидетельство того, что в 1671-2 годах в тихом внутреннем городке Гротон действие духов оказывало ощутимое влияние на людей и среди них.

Как следует относиться к подобным фактам и свидетельствам из такого источника? Следует ли оставить их без внимания и упоминания, как это сделал один искушенный историк? Должны ли они быть названы отрезками "мошенничества и самозванства", как это сделал другой? Или же авторы, пишущие на эту тему, должны по-мужски позволить фактам проявиться и говорить за себя, а также оставить вне подозрений проницательность и правдивость своего образцового летописца, пока с помощью фактов и справедливых выводов из них они не сделают вероятным, что Сэмюэл Уиллард был рабом такого заблуждения, которое лишило его возможности рассуждать с обычной точностью о том, что его внешние чувства воспринимали день за днем и неделю за неделей? Уклонение историка колдовства Новой Англии от явного внимания к обдуманному и тщательно сделанным выводам Уилларда из фактов, происходивших в его присутствии, является не только сокрытием важной информации, но и, возможно, намеком либо на то, что сам Уиллард был ненадежным свидетелем, либо на свидетеля с другой стороны вопроса, чьи показания могли бы доставить неприятности. Щедрая кровь вскипает от упрёка, когда хваленое просвещение либо игнорирует, либо подтасовывает самых компетентных и надежных передатчиков чудесных фактов, когда это облегчает командованию простор для установки современных фантазий в нишах, где по праву обосновались древние факты.

По свидетельству Сэмюэла Уилларда, Элизабет Кнап видела множество духов, с некоторыми из них грубо обращалась и разговаривала, а один сказал, что он *не Сатана*, а симпатичный чернокожий мальчик. Это был случай проявления духа.

СЕМЬЯ МОРЗЕ.

В конце 1679 года в той части старого Ньюбери, штат Массачусетс, где сейчас находится Ньюберипорт, произошло множество поразительных проделок, которые сегодня называют физическими проявлениями. В основном они происходили в доме Уильяма Морса, пожилого человека, который вместе со своей женой, которой тогда было шестьдесят пять лет, и их маленьким внуком Джоном Стайлзом составлял всю семью.

Изучение записей этого дела позволило нам предположить, что миссис Морс, маленький мальчик Джон и молодой моряк Калев Пауэлл, который часто бывал в доме Морса, были ярко выраженными медиумами и что их системы либо обеспечивали, либо использовались для удержания инструментальных элементов и сил, которые духи использовали для придания кажущейся жизненной силы, воли, самонаводящихся и движущих сил андиронам, горшкам, чайникам, подносам, подставкам и многим другим орудиям и предметам.

Красота и привлекательность редко украшают фундамент даже очень элегантных и полезных сооружений. Рабочие, копающие траншеи под фундамент и укладывающие в них камни, часто представляют собой грубые существа в домашней одежде, от которых утонченные и чувствительные люди часто отворачиваются, как только позволяют вежливость и учтивость. И все же, хотя грубые, грубые и неприглядные материалы идут на фундамент, а столь же грубые рабочие укладывают его, характер и качество используемых материалов и выполняемой работы заслуживают внимания любого, чей долг, интерес или удовольствие побуждают его с приблизительной точностью оценить ценность и перспективную полезность строения, которое будет на нем покоиться.

Ощутимые, слышимые, видимые шалости, кажущиеся волевыми действиями безжизненного дерева и железа, возможно, имели место в семнадцатом, потому что они распространены в девятнадцатом веке. Такие проделки являются основой аргументов, доказывающих жизнь после смерти. Стол, стул или железо, проявляющие все обычные признаки внутренней жизненной силы, сознания, интеллекта, волевых действий, а также обладающие животными чувствами и способностями, свидетельствуют о том, что на них действует некий невидимый разум, более убедительно, чем уста самого мудрого и правдивого человека в мире могут свидетельствовать о любом факте, который кажется сверхъестественным. Витализированное дерево или железо говорит так, "как никогда не говорил человек"; да, так, как никогда не может говорить человек, если он не получает специальной помощи извне видимого мира; оно обращается непосредственно к внешним чувствам человека; оно доверяет свои учения самым надежным и самым достоверным средствам передачи фактов и истин внутреннему разуму. Часто высмеиваемые, нелепые, презируемые выходки домашней мебели - это знаки, подаваемые человеку оккультными операторами, чья позиция, видение и способности понимания позволяют им использовать некоторые естественные законы и силы для воздействия на человека и его интересы, которые человеческие ученые никогда четко не познавали, которые школьники не включают в свою философию, и поэтому культурный мир в целом не смог дать рациональные и удовлетворительные объяснения многим чудесам, которые океан тайн часто поднимает на свою поверхность, где они становятся воспринимаемыми человеческими чувствами.

Современный разум очень широко оценивает достоверность свидетельств о фактах колдовства, подобно тому, как это сделала добрая женщина в отношении своего "мальчика-моряка". Вернувшись домой после плавания вокруг Надежды, он вскоре начал описывать увиденное и рассказал о летающих рыбах. "Хватит, хватит, сынок, - сказала мать, - не говори так; люди не могут в это поверить, ведь у рыб нет крыльев, и они не могут летать". "Хорошо, мама, - ответил Джек, - я обойдусь без рыбы и расскажу, что случилось в Красном море. Когда мы бросили там якорь, мы вытащили на его дно несколько спиц и фелюг от колес фараоновой колесницы". "Ну вот, - ответила мать, - теперь можно и рассказать; мы можем в это поверить, потому что *это написано в Библии*".

Подобным образом многие люди склонны оценивать достоверность свидетелей по соответствию того, о чем они свидетельствуют, общим знаниям, наблюдениям и опыту, накопленному в мире. Такой подход обычно очень хорош. Но заложенное в нем правило применимо не во всех случаях. Настоящие летающие рыбы существуют, несмотря на то, что мать считает их лишь выдумкой живого воображения своего дикого мальчика. Факты колдовства могли быть реальными; многие свидетели, которые о них рассказывали, могли быть правдивыми и точными описателями, несмотря на недоверие некоторых историков, чья философия слишком узка, чтобы охватить многие факты, которые существуют.

Странные проявления в доме Морзе, как мы уже говорили, почти все были такими, которые сегодня называются *физическими*; то есть такими, которые проявляются либо на материи, не контролируемой разумом смертного, либо с ее помощью. Лишь немногие внятные высказывания или сообщения, приписываемые невидимым разумным существам, способствовали тому оцепенению, которое было вызвано в Ньюбери. Этот случай очень сильно отличается от всех ранее описанных как по объектам, на которые непосредственно оказывалось таинственное воздействие, так и по задействованным человеческим органам. Он требует длительного и пристального внимания. Мы должны перенести на наши страницы многочисленные и длинные выдержки из старых записей; иначе мы не сможем с желаемой

ясностью и авторитетом показать множественность и характер этих чудесных произведений, а также их вероятные источники и авторов.

Сам мистер Морзе, насколько можно судить, избежал подозрений в соучастии или попустительстве странным деяниям. Похоже, он вышел из печи без запаха серы. Кaleb Пауэлл, молодой моряк, помощник на каком-то судне, но в то время находившийся на берегу, был первым человеком, которому предъявили законное обвинение в этом деле. Он был привлечен к суду по просьбе и на основании показаний самого мистера Морзе. Некоторые особенности и привычки, приписываемые Пауэллу, были таковы, что, естественно, заставляли следить за ним, если там, где он находился, происходили странные вещи. В "Анналах колдовства, историческая серия Вудворда", № VIII. с. 142, говорится, что Пауэлл "претендовал на знания в оккультных науках, и что с помощью этих знаний он мог обнаружить колдовство, происходившее в то время в доме мистера Морзе". Танцы с кастрюлями и чайниками, поклоны стульям и т.д. возобновились с большей силой, чем когда-либо, когда Пауэлл пришел туда "обнаружить колдовство".

Апхэм, т. I, с. 440, говорит, что Пауэлл, "решив выяснить, что все это значит, и положить этому конец, если сможет, отправился в дом и вскоре убедился, что причиной всех бед был плутоватый внук..... Не исключено, что в иностранных портах он был свидетелем выставок некромантии и месмеризма, которые в разных формах и под разными названиями практиковались всегда. Возможно, он мог *похвастаться тем, что сам является медиумом*, ученым и адептом мистического искусства, способным читать и предсказывать "действия духов". Во всяком случае, когда стало известно, что он с первого взгляда приписал мальчику причину бед, и что они прекратились, когда он увел его из дома, утвердилось мнение, что он был волшебником..... Его астрономия, астрология и *спиритизм* привели его к опасности для жизни".

Нет ничего необычного в том, что даже мудрые люди пишут гораздо мудрее, чем знают. Если Пауэлл правильно "с первого взгляда... определил, что причиной несчастья был мальчик", то, вероятно, становится *фактом*, а не просто *хвастовством*, что он был "сам медиумом", что он был "волшебником" или знающим волшебником, и что его "спиритизм", точнее, его медиумические способности, "привели его в опасность для жизни". Один из авторитетов утверждает, что игра "возобновлялась с большей силой, чем когда-либо", когда он входил в дом. По какой-то причине ему очень скоро предъявили обвинение в колдовстве, но не осудили.

Мы почти не сомневаемся, что его оптика видела, как мальчик показывал фокусы, и поэтому можем поверить, что он обвинил Джона из лучших побуждений; точно так же, как ясновидящий, которого вскоре заметили, обвинил медиума Рида. Пауэлл, вероятно, видел мальчика, совершавшего проделки. Но какими глазами? Внешними или внутренними - материальными или духовными? И какого мальчика он видел? Внешнего или внутреннего - мальчика материального или духовного? В доказательство того, что наши объяснения поступков Пауэлла не будут ни новинкой, ни просто фантазией, а также с целью распространения знаний о весьма важных фактах, приведем следующие выдержки из поучительной и интересной брошюры "Медиумы и медиумизм" Томаса Р. Хазарда: Wm. White & Co., Boston, 1873.

"Однажды я видел, как Рид" (известный медиум для физических проявлений) "пострадал от внезапного появления света на одном из своих кругов в Бостоне, на котором он, как обычно, был надежно связан комитетом, выбранным аудиторией, и крепко пристегнут к своему креслу. Проявления проходили в обычном порядке и продолжались гармонично, пока не

начались индейские военные песни и танцы. Представление было очень захватывающим, и песня, и танец стали настолько буйными и неистовыми, что, хотя мы находились в трехэтажной задней комнате, я опасался, что не только временная платформа может провалиться, но и внимание полиции может быть привлечено шуму. Рядом со мной сидела мисс Ф., прекрасный ясновидящий медиум, которая искренне описывала некоторым своим друзьям сцену, разыгравшуюся на платформе. Она заявила, что два могучих индейца стояли рядом с Ридом и что именно он исполнил чудесный танец..... Таким образом, один из лучших "медиумов темного круга в Соединенных Штатах" был не только доказан как "самозванец", но и схвачен в самом акте своего обмана..... Из всего, что происходило перед нами, было слишком очевидно, что Рид был самозванцем; ведь "мисс Ф. ясновидяще видела, как он показывал фокусы, которые выдавал за духовные"... Но теперь... отметьте продолжение и обратите внимание на то, как легко ошибаются те, у кого рвение опережает знания; и насколько верно, что как духовные вещи можно различить только духовным глазом, а материальные - только материальным, так и духовный глаз может (при обычных обстоятельствах) различить только духовные вещи, как материальный глаз может различить только материальные вещи".

"Похоже, что рядом с платформой была установлена самосветящаяся горелка, у которой стоял опытный человек с газового завода с газовым краном в руке, готовый в любой момент включить свет. Этот человек находился на расстоянии слышимости от мисс Ф, и, должно быть, услышал ее слова;... Он резко повернул кран, и в одно мгновение все стало светлым, и, конечно же, медиум был *обнажен* - он сидел, крепко связанный в своем кресле, с каждым узлом, таким же совершенным, как и при первом завязывании, но в предсмертном состоянии от воздействия огромного шока, которому подверглась его нервная система из-за внезапного возвращения необычного объема элементов, которые были извлечены из его физического тела, чтобы обеспечить материальную одежду для его собственного *двойника* или какого-то другого духовного создания, исполнявшего изнурительные военные песни и танцы на платформе; также маловероятно, что мисс Ф. никогда не видела *материального* тела Рида в течение всего того времени, когда она *ясновидящая* видела его..... Достаточно сказать, что страдающий медиум был освобожден от своих уз, как только это стало возможным, но только по истечении трех или четырех минут, ... после чего, благодаря применению восстанавливающих средств, Рид был постепенно оживлен и возвращен к своему нормальному разуму и состоянию".

Такое изложение прямых личных наблюдений, исходящее из-под пера пожилого, но все еще энергичного джентльмена с достаточным материальным достатком, более чем средней культуры, с острым восприятием, тщательными и критическими наблюдениями, который провел много лет в "испытании духов" и оспаривал силу и качество свидетельств в их пользу на каждом шагу, - который ненавидит праведной и открытой ненавистью фальшь, мошенничество, самозванство, угнетение или лицемерие, где бы и в чем бы они ни проявлялись, - имеет право на доверие и дает важные указания на некоторые случайные методы работы духов с медиумами и вокруг них. От такого свидетеля мы узнаем, что, когда конечности медиума были крепко связаны, и он утверждал, что сидит, связанный по рукам и ногам, на сцене в комнате, которую только что затемнили, присутствовавшая там женщина-ясновидящая видела, как он освободился и энергично двигался по сцене, делая "такие вещи, как прыжки вверх и вниз", как Пауэлл видел действия мальчика Морзе. Внутренним зрением ясновидящая видела танцующего Рида - видела либо его совершенное подобие, сформированное с помощью особых свойств, извлеченных из его системы, либо самого Рида, практически тогда развоплощенного и нерожденного духа. Она, несомненно, видела, что именно так и было, и видела, как сущностный человек Рид раскрепостился и затанцевал

самым энергичным образом. Однако вспышка света, внезапно включившаяся в тот момент, позволила всем внешним глазам увидеть внешнюю форму Рида, сидящего на стуле в полной неподвижности.

Этот случай учит, что свойства, извлеченные из маленького мальчика Джона Стайлза и воплощенные в его форме, могли, благодаря внутреннему зрению Пауэлла, быть замечены играющими с кастрюлями и чайниками, в то время как ни сознание, ни воля, ни физические мышцы мальчика не имели ни малейшего отношения к антикварным изделиям. Факты, свидетельствующие о такой восприимчивости человеческого организма, какая проявилась в случае с Ридом, слишком значительны и важны для любого ученого, философа или историка, чтобы игнорировать их, пока он претендует на роль или, по сути, может быть мудрым и полезным толкователем очень многих записей о древних чудесах.

На странице 392, том ii, книги Мазера "Magnalia", изд. Нью-Хейвен, 1820 г., приводится рассказ об этом случае, где говорится, что...

"Маленький мальчик, принадлежавший семье, был главным страдальцем в этих издевательствах; его швыряли с такой скоростью, что боялись, как бы ему не выбили мозги: *они не находили возможным удержать его.....* Мужчина взял его, чтобы удержать на стуле; но стул упал в танце, и оба они были очень близки к тому, чтобы быть брошенными в огонь.

"Эти и еще тысяча подобных неприятностей постигли мальчика дома, и его перевезли жить за границу к врачу. Там он вел себя спокойно; но, вернувшись домой, он вдруг закричал, что его укололи в спину, где, как ни странно, торчала *трехзубая вилка*, принадлежавшая доктору, которую видели в его доме после *отъезда* мальчика. После этого его обидчики нашли его *и у доктора*, где, снова закричав, что его укололи в спину, они обнаружили, что в него воткнуто *железное веретено*.

"Его стащили с кровати и бросили под нее; в спину ему один за другим воткнули все ножи, принадлежавшие дому, которые зрители вытащили; только один из них, как показалось зрителям, вышел изо рта. Бедного мальчика несколько раз бросали в огонь и с большим трудом уберегли от ожогов. Долгое время он лаял, как собака, кудахтал, как курица, и не мог говорить разумно. Его язык вытаскивали изо рта; но когда он смог восстановить его настолько, что смог говорить, он пожаловался, что *человек по имени П-л явился к нему как причина всего*.

"Муж и его жена, взяв мальчика к себе в постель... сильно щипали и вытаскивали из кровати..... Но прежде чем *дьявол* был закован в цепи, невидимая рука, которая творила все эти вещи, стала приобретать удивительную *видимость*. Им часто казалось, что они чувствуют руку, которая их царапает, но они ее не видели; а когда им казалось, что они ее схватили, она давала им ускользнуть.

"Однажды *кулак*, бьющий человека, был виден, но они не могли ухватить его. В конце концов им явственно показалось привидение *ребенка из Блэкамура*. Голос запел: *мечь! мечь! мечь! мечь сладка*. В ужасе люди воззвали к Богу, после чего последовала заунывная нота, несколько раз произносившая такие слова: "*Увы! Увы! Мы больше не стучим, мы больше не стучим!*" И на этом все закончилось".

Ни в одном другом запомнившемся рассказе этот мальчик не говорит ничего подобного. Мазер сообщает, что, выйдя из одной из сцен пыток настолько, что обрел дар речи, "он жаловался, что человек по имени П-л явился к нему как причина всего". Это заявление раскрывает факт, заслуживающий внимания. Между маленьким Джоном и Пауэллом была

борьба "титка за титку". Каждый из них считал другого средоточием излучаемой силы, вызывающей колдовство. Чувствительный мальчик, вероятно, видел и чувствовал своими внутренними способностями, что свойства и силы, исходящие от Пауэлла, применяются к странно движущимся объектам, а также к его собственным страданиям. Пауэлл тоже, благодаря своим внутренним ощущениям, мог узнать то же самое по отношению к мальчику. Вероятно, оба были правы в своих представлениях и утверждениях. Мистер Морс подозревал Пауэлла и жаловался на него. Это говорит в пользу того, чтобы считать Джона меньшим центром приложения силы в данном случае.

Кулак был виден, но его не удалось схватить, как это обычно бывает с конечностями духов. Наконец "ребенок из Блэкамура", возможно, брат "симпатичного черного мальчика" Элизабет Кнап, был виден - и не только виден, но и слышен. Если это был дух индийского или африканского ребенка, сочувствующего своей расе, которого научили смотреть на белых как на угнетателей, *месть*, естественно, будет *сладкой* для него или для группы таких детей. Серьезная, искренняя молитва может психологически разрушить их хватку и побудить их сказать: "Мы больше не стучим".

Хотя Пауэлл, когда его судили, избежал осуждения, все же, сказал суд, "он дал такие основания для подозрений в работе дьявола, что мы не можем его оправдать"; поэтому судьи взыскали с него расходы, связанные с преследованием *самого себя*. Такова была практика справедливости в те дни.

Не сумев убедительно доказать, что матросский мальчишка-харум был дьявольским проводником поразительных событий, происходивших среди них, добрые жители Ньюбери, естественно, принялись выяснять, кто еще был тем каналом, через который его рыцарское величество изливал злобу. Кто, кроме Пауэлла, из присутствовавших на манифестации, скорее всего, заключил договор с лукавым? Все взгляды инстинктивно обращались к месту, где происходили злодеяния, и к людям, которые обычно находились рядом с ними, когда и где происходили представления. Обитатели выставочного дома, мистер Морс, миссис Морс и их внук Джон Стайлз, естественно, стали бы объектом пристального внимания и тщательного изучения. Их черты характера, привычки и происхождение были бы полностью обсуждены; почти наверняка один из троих должен быть виновен; и кто из них, скорее всего, является орудием дьявола? Результат показывает, что выбор пал на миссис Морс. Но почему именно она? Характер у нее был хороший - она была религиозной и благотельной. *Но-но...*

Mrs. Jane Sewall-Woodward's "Hist. Series", No. VIII. p. 281 - свидетельствовала и говорила: "Вм. Морс, будучи у меня дома... несколько лет назад,... начал по собственной воле говорить, что его жену считают *ведьмой*; но он удивлялся, что она может быть одновременно исцеляющей и разрушающей *ведьмой*, и приводил такой пример. Жена Томаса Уэллса, когда подошло время родов, не захотела (по ходатайству сестры, в доме которой она находилась) послать за доброй женой Морс, хотя та была ближайшей соседкой, и долгое время продолжала рожать и не могла родить; но когда они увидели женщину в таком состоянии и без всякой надежды на роды, решили послать за упомянутой Г. Морс, и тогда То. Уэллс отправился к ней и попросил ее прийти; та поначалу отнекивалась, мол, не хочет, раз за ней не послали раньше. То. Уэллс сказал, что пришел бы раньше, но сестра не позволила ему; так что, наконец, она пошла, и вскоре после ее прихода женщина родила".

Таким образом, за несколько лет до суда над миссис Морс мистер Морс в доме миссис Сьюолл добровольно "заявил, что его жену считают *ведьмой*"; он удивился ее благосклонности, а затем привел в пример ее поступки в случае с миссис Уэллс как

доказательство ее доброты. Рассказы о ней позволяют предположить, что миссис Морс иногда выступала в роли повивальной бабки, и ясно показывают, что некоторые люди ранее называли ее ведьмой. Неудивительно, что некоторые женщины возражали против того, чтобы впускать ее в свой дом, опасаясь, что она будет пускать серу; в то время как другие, которые раньше находили ее помощь очень эффективной, обращались к ней в часы боли или болезни. Самое важное, что миссис Морс за несколько лет до того, как в ее доме начались волнения, *подозревали в колдовстве*. Почему? Мы не знаем точно. Но то, что она была акушеркой, чья деятельность в большей или меньшей степени была связана с общей медицинской практикой, наводит на мысль, что ее "простые средства" или ее руки иногда производили столь необычные эффекты, что заставляли людей предполагать, что дьявол должен быть ее помощником; точно так же, по тем же причинам, более чем за тридцать лет до этого, его считали сотрудничающим с Маргарет Джонс. Естественно, напрашивается предположение, что она была медиумом и что ее интуиция и магнетизм, если не более того, позволяли и позволяли ей совершать чудесные исцеления. Именно в жилище такой женщины и в квартирах, пропитанных ее эманациями, в течение многих недель невидимые существа часто устраивали шумные, грубые и пугающие развлечения; именно в доме той, кого *раньше считали ведьмой*.

Указание на то, что еще до чудес, происходивших в ее доме, ее подозревали в проявлении способностей к восприятию, превышающих человеческие; подозревали в проявлении "остроумия" особого рода, стоившего жизни Энн Хиббинс, содержится в следующих показаниях Маргарет Мирак, которая свидетельствовала об этом, Woodward's "Hist. Series", No. VIII. p. 287: - "Из Писпаты пришло письмо.

"Из Писпатаки пришло письмо от мистера То. Виггенса. Мы попросили мистера Виггенса прочитать письмо, и он пошел своей дорогой; я обещала скрыть письмо после того, как оно будет прочитано моему мужу и мне, и мы оба скрыли его; тем не менее, через несколько дней после этого Гуде Морс встретила меня, похлопала по спине и сказала: "Я благодарю вас за то, что вы прислали такой ответ на письмо". Я тут же спросил ее, что за письмо? Почему, сказала она, вы не получили такое письмо от такого-то человека в такое-то время? Вскоре я пришла домой и расспросила об этом своего мужа. Мой муж сказал: что? Она ведьма или хитрая женщина? После этого мы проверили нашу семью, и они сказали, что ничего не знают об этом письме".

Обладание миссис Морс их тайной было настолько необъяснимым, что муж в изумлении спросил: "Она ведьма или хитрая женщина?". Вопрос подразумевает, что мужчине казалось настолько необычным, что она должна была знать письмо и ответ на него, что любой способ, с помощью которого она могла бы его получить, казался не под силу смертным. Должно быть, ей помогло либо колдовство, либо сверхъестественная хитрость. На вопрос той же миссис Мирак, как она узнала об этом, миссис Морс, по словам свидетеля, "ответила, что не может сказать". Это говорит о том, что ум человека настолько обусловлен, как у многих медиумов, что знание приходит к нему, а он не знает, откуда и как, и, буквально, *не может* сказать, откуда оно пришло. Это позволяет предположить, что она обладала медиумической восприимчивостью, а проявления таких способностей указывают на то, что она получала сверхъестественную помощь. Единственным предполагаемым источником такой помощи в тот день был дьявол. Очевидно, она "чувствовала знание в своих костях", как это делала остроумная негритянка в "Ухаживании министра" миссис Стоу.

Хотя миссис Морс судили и осудили за колдовство, приговор так и не был приведен в исполнение. Когда она ехала из тюрьмы Ипсвича в Бостон на суд, она, в частности, сказала,

что "ее обвиняли в колдовстве, но она была чиста от него, как Бог на небе". Сказав это, она, вероятно, говорила не более чем точную правду.

Судя по всему, она была хорошей женщиной. Откровенный и в целом осторожный преподобный мистер Хейл из Беверли писал, что "ее муж, которого все, кто его знал, считали искренним и понимающим христианином, попросил нескольких соседей-служителей, среди которых был и я, побеседовать с его женой, что мы и сделали; ее беседа *была очень христианской*, и она по-прежнему утверждала свою невиновность в том, что ей вменялось в вину". Этот допрос состоялся после ее освобождения из тюрьмы. Пожилая пара вышла из сурового испытания с достаточно яркими характерами, чтобы заслужить доверие и уважение добрых людей в свое время, и может заслужить его в последующие века.

Нет никаких признаков того, что мальчик из дома, Джон Стайлз, которого Пауэлл обвинил в великом злодействе, подозревался в этом кем-либо из многочисленных свидетелей странных событий. Эти свидетели гораздо лучше разбирались в том, от кого исходили чудеса, чем любой человек в наши дни; и того, кого они оставили без вины виноватым, объяснителям этого дела в наше время явно несправедливо, равно как и глупо, выставлять виновником и исполнителем всего того, что так взволновало, огорчило и подвергло опасности жизни тех, кто приютил, накормил и заботился о нем. Современные историки, однако, виновны в этой большой ошибке.

Недавно было заявлено (Woodward's "Hist. Series", No. VIII. p. 141), что "о том, что побудило его взяться за мучения своих дедов и прадедов, пока ничего не известно". Отсюда вытекает главный вопрос: "Занимался ли он их мучениями? На этот вопрос можно с уверенностью сказать, что в обнаруженных до сих пор первобытных записях нет упоминаний о том, что он это делал. Нет никаких свидетельств того, что кто-то, кроме Калеба Пауэлла (того самого быстрого свидетеля), подозревал его в подобных действиях. Там, где записи столь обширны и полны, как в данном случае, отсутствие упоминаний о других обвинителях мальчика является убедительным доказательством того, что он не был явным затейником или исполнителем шалостей и безобразий. Цитированный выше писатель также говорит: "Как долго юный негодяй продолжал досаждать... не известно". Не похоже и на то, что он когда-либо начинал или сознательно участвовал в чем-либо подобном. Только внешне, и то лишь для ясновидящего Калеба Пауэлла и для глаз современных комментаторов, этот мальчик был виноват.

Апхэм, следуя примеру колдуна Пауэлла, невежественно рассматривает то, что было сделано с помощью мистического использования свойств мальчика, как добровольные действия мальчика. И, считая мальчика великим мошенником и автором всех великих бед, он говорит (vol. i. p. 448): "Его дерзкие действия продолжались до последнего". Мы рассматриваем это утверждение как "дерзкую" клевету на невинного юношу.

В этом деле Морзе мы решили представить мнимых и предполагаемых актеров, прежде чем дать описание особых сцен, в которых история делает их заметными, потому что знание возраста, характера и способностей главных предполагаемых исполнителей великой трагедии или полутрагедии Ньюбери будет полезно, если не необходимо, для любого обоснованного вывода о том, был ли кто-то из них ведущим интеллектуалом, который вывел ее на сцену, а также контролировал и управлял ее очевидными актерами, и, если был, то кто из них? Если ни один из них, то кто-то другой был там менеджером. Наша поучительная цитата из Хаззарда раскрывает случайное действие агентов и сил, которые даже сегодня не признаются обществом в целом, и поэтому мы хотели, чтобы она была прочитана перед фактами, которые она очень помогает объяснить. Теперь можно представить читателям, чье

терпение выдержало этот длинный пролог, факты дела, изложенные самим Уильямом Морсом и подтвержденные под присягой как им, так и его женой.

"Свидетельство Уильяма Морса, который вместе с женой, которой около шестидесяти пяти лет, утверждает, что в четверг вечером, в двадцать седьмой день ноября, мы услышали сильный шум в доме, стук по доскам дома и, как нам показалось, бросание камней в дом. Тогда я и жена выглянули наружу и никого не увидели, и мальчик все это время был с нами; но в нас бросали камни и палки, так что мы были вынуждены снова уйти в дом. После этого мы легли спать, и мальчик с нами; и тут на крыше дома раздался такой же шум.

"2. В ту же ночь, около полуночи, когда мы легли спать, дверь была заперта, мы услышали, как большой боров в доме хрюкает и шумит, как нам показалось, желая выбраться наружу; и чтобы нас не потревожили во сне, я поднялся, чтобы выпустить его, и нашел борова в доме, а дверь незапертой: дверь была крепко заперта, когда мы легли спать".

"3. На следующее утро в дымоходе висела палка со звеньями, они были сброшены со своего места, мы снова повесили их, и они снова были сброшены вниз, а некоторые попали в огонь".

"4. На следующую ночь у меня в окне лежало большое шило, и мы видели, как оно упало из дымохода в пепел у огня".

"5. После этого я попросил мальчика положить то же шило в шкаф, что мы и сделали, а дверцу закрыли: это же шило снова спустилось в трубу на наших глазах, и я сам поднял его. В ту же ночь мы увидели, как маленькая индейская корзинка, которая раньше стояла на чердаке, снова спустилась в дымоход. Я взял ту же корзину и положил в нее кусок кирпича, и корзина с кирпичом исчезла, и в третий раз спустилась с кирпичом, и в четвертый раз поднялась, и снова спустилась без кирпича; и кирпич снова спустился через некоторое время.

"6. На следующий день, в субботу, камни, палки и куски кирпича посыпались вниз, так что мы не могли спокойно позавтракать; в то же время посыпались и огненные палки.

"7. В тот день, после полудня, у меня четыре раза отнимали нитки и спускали их в дымоход; опять пропали шило и пика; опять отняли кожу и спустили в дымоход; опять отняли гвозди, которые были в крышке ели, и спустили в дымоход. В ту же ночь, когда дверь была заперта, немного раньше дня, услышав, что в доме завелся боров, я поднялся и увидел, что боров мой. Я выпустил его на волю.

"8. На следующий день, в субботу, в дымоход попало много камней, и палок, и кусков кирпича: в понедельник, когда мистер Ричардсон и мой брат были там, они увидели, что рама моего коровника очень прочная. Я послал своего мальчика, чтобы он отпугнул птиц от мяса моих свиней: он подошел к коровнику, и тот упал, а мой мальчик заплакал от боли, причиненной падением. После обеда горшки, висевшие над огнем, так сильно бились один о другой, что мы опустили один, чтобы они не разбились вдребезги. Я видел, как андирон прыгнул в кастрюлю, потанцевал и выпрыгнул; снова прыгнул и потанцевал, снова выпрыгнул, запрыгнул на стол и там остался; и моя жена видела андирон на столе: также я видел, как кастрюля перевернулась и сбросила всю воду. Опять мы видели, как поднос с шерстью прыгал вверх и вниз, и выбрасывал шерсть, и так много раз, и никто не вмешивался в это. Снова ванна с обручем слетела сама с себя, и ванна перевернулась, и никто к ней не подошел. Опять шерстяное колесо перевернулось, встало на конец, и на него поставили лопату: Степ. Гринлиф видел это, и я, и моя жена. Опять мои инструменты для веревки упали на землю, прежде чем мой мальчик успел их взять, когда за ними послали; и то же самое с

гвоздями упало с чердака на землю, и никого рядом не было. Опять же, когда моя жена и мальчик застилали постель, сундук открывался и закрывался; постельное белье не могло лечь на кровать, но снова слетало".

Беспорядки начались в четверг вечером, 27 ноября; 3 декабря, через шесть дней после их начала (см. Upham, vol. i. p. 439), на Пауэлла подал жалобу в магистрат Уильям Морс "за подозрение в соучастии с дьяволом". Пауэлл явился на слушание через пять дней, 8-го числа, и процитированные выше показания были, либо тогда, либо во время жалобы 3-го числа, представлены Джо. Вудбриджем, *комиссаром*. Таким образом, факты произошли так недавно, что были свежи в памяти свидетеля; а его подозрения в отношении Пауэлла дают основания утверждать, что в серии Вудворда говорится, что когда Пауэлл пришел в дом, кастрюли, чайники и стулья "возобновили" свою работу "с большей энергией, чем когда-либо". Присутствие Пауэлла было полезно для представления. Но все свидетельство Морзе не включено в предыдущее. Сохранились

"Дальнейшие показания Уильяма Морзе и его жены", а именно

"Мы видели, как кила с хлебом перевернулась на меня и ударила меня, причем никто не находился рядом с ней, и так перевернулась. Я видел, как в доме стоял стул, и никого рядом не было. Он часто наклонялся ко мне и снова поднимался. Моя жена также находилась в палате, и дверь палаты с силой разлетелась, никого не было рядом. Жена моя пошла стелить постель, и она двигалась туда-сюда, никого не было рядом. Я также видел, как железный клин и лопата вылетали из палаты на мою жену, *но не ударили ее*. Когда жена моя пошла в погреб, то барабан, стоявший в доме, опрокинул дверь погреба; а когда его подняли, то дверь опять с силой полетела вниз. Двери моего сарая четыре раза распахивались, не знаю как. Я, собираясь закрыть дверь своего сарая, искал засов - мальчик был со мной - когда я это делал, засов, вылетев из воздуха, упал рядом со мной.

"И снова: Кaleb Пауэлл вошел, как было сказано выше, и, видя, что мы очень пали духом от ощущения нашей великой беды, начал оплакивать наше состояние и сказал, что он встревожен нашими несчастьями, и сказал, что он видел этого мальчика, и приблизился к нам с большим состраданием: "Бедный старик, бедная старуха! Этот мальчик - причина вашего горя, ибо он совершил эти поступки и заставил свою добрую старую бабушку прослыть ведьмой". "Тогда, - сказал я, - как же он мог совершить все это? Он сказал: "Пусть не все, но большинство из них; ведь этот мальчик - молодой негодяй, мерзкий негодяй. Я наблюдал за ним и видел, как он совершает поступки, поднимаясь и опускаясь". Кaleb Пауэлл также сказал, что разбирается в астрологии и астрономии и знает, как действуют духи, одни в одной стране, другие в другой; и, глядя на мальчика, сказал: "Ты, молодой негодяй, так рано начинаешь. Гудмен Морс, если вы согласитесь отдать мне этого мальчика, я обещаю, что вы будете избавлены от любых неприятностей такого рода, пока он будет со мной". Поначалу я и моя жена очень не хотели, но, часто уговаривая меня, пока он не сказал мне, куда и в какую компанию он должен пойти, я все же согласился, и это было еще до прихода Джо. Барсук приехал; и с тех пор, как мы дали обещание в понедельник вечером, до сегодняшнего дня, то есть до пятницы после полудня, мы избавлены от всяких неприятностей подобного рода. Затем мы услышали сильный шум в другой комнате, часто, но, приглядевшись, ничего не увидели; но, заглянув в комнату, мы увидели доску, подвешенную к прессу. Затем мы, находясь у огня, сидели в кресле, и мое кресло часто не стояло на месте, а готово было отбросить меня назад. После этого с моей головы трижды чуть не сняли шапку. Снова сильный удар по голове, и моя кошка отпрыгнула от меня в угол дымохода. Вскоре после этого кошка бросилась на мою жену. Мы увидели, что кошка наша; мы вывели ее из дома и закрыли дверь. Вскоре кошка была брошена в дом. Мы легли спать. Вдруг - моя жена

лежала со мной в постели, лампа горела рядом - кошка снова бросилась на нас пять раз, спрыгнув на пол; в один из этих раз на кровать была брошена красная жилетка, и кошка завернулась в нее. Снова лампа, стоявшая возле нас на сундуке, - мы сказали, что она должна стоять и догорать; но она была выбита, и все масло вытекло, и мы остались в темноте. Снова - великий голос, долгое время очень страшный. Снова утром большой камень, весом в шесть фунтов, переместился с места на место; мы видели его. Две ложки упали со стола, а затем упал и сам стол. И когда я задумал писать, от меня спрятали мой чернильный рожок, который я нашел накрытым тряпкой, а перо совсем пропало. Я сделал новое перо; и пока я писал, один колос кукурузы ударил меня по лицу, и в меня бросили огонь, палки и камни, и перо мое принесли мне. Пока я писал новым пером, у меня отняли чернильный рожок; и, не зная, как писать дальше, мы заглянули под стол и нашли его там; так я снова смог писать. Снова моя жена, с которой сняли шляпу, сидела у огня рядом со мной, стол был почти опрокинут. Снова мои очки, сброшенные со стола и брошенные почти в огонь и мной, и женой, и мальчиком. Снова - моя книга со всеми моими счетами, брошенная в огонь, и сгорела бы сейчас, если бы я ее не поднял. Снова - доски, снятые с кадки и поставленные вертикально сами по себе; и моя бумага, что я мог сделать, с трудом сохранилась, пока я писал эту историю, и вещи, брошенные в меня во время письма. Вскоре, прежде чем я успел вытереть написанное, мормутская шляпа протерла его; но я так держался, что она испачкала лишь часть текста. Мы с женой, сильно опасаясь, что я не смогу сохранить ее для общественного пользования, сочли за лучшее положить ее в Библию, и в ту ночь она лежала в целостности и сохранности. На следующий день я снова положил ее туда же, но утром ее там не оказалось - сумка висела пустой, а после ее нашли только в коробке. И снова - пока я писал сегодня утром, я был вынужден больше не писать, настолько я был встревожен множеством вещей, постоянно бросаемых мне в глаза".

Таков рассказ очевидца, имевшего столько возможностей получить наглядную демонстрацию совершаемых действий, сколько можно себе представить. Видел ли он, слышал и чувствовал все то, о чем свидетельствует? Оставил ли он запись ряда фактов или только выдумки, которые он выдавал за факты? Был ли он верным и правдивым свидетелем или нет? Кем и чем он был? Пожилой сапожник, прошедший через жестокое испытание колдовством и вышедший из него с незапятнанным характером; человек, которого "все, кто его знал, считали искренним и понимающим христианином". Сильные слова в его пользу, прозвучавшие из уст такого надежного писаря, как преподобный мистер Хейл, в тот момент, когда обстоятельства побуждали его быть осторожным и точным в выражениях, ясно указывают на то, что свидетельство Морса, вероятно, было правдивым и разборчивым. "Искренний и понимающий христианин". Какие качества *априори* дают больше шансов на правильное свидетельство, чем искренность и здравое понимание? Когда они сочетаются, их высказывания требуют очень уважительного внимания со стороны любого, кто стремится узнать положительные факты, относящиеся к человеческому опыту. История его и его семьи в течение тех десяти или одиннадцати дней и ночей, когда они были окутаны водами тайны, неприятностей и страха, не дает никаких признаков того, что разум мистера Морзе когда-либо уступал свою нормальную и справедливую власть над его действиями или словами - никаких признаков того, что он был ослеплен каким-либо чрезмерным или обескураживающим волнением или энтузиазмом. Тот факт, что он сам написал своей рукой, причем в самый разгар поразительных явлений, от которых волосы вставали дыбом, рассказ о событиях, в котором четко, доходчивым и часто кратким языком указаны даты, происшествия и переживания, сопровождаемые соответствующими уточнениями обстоятельств, которые проясняют характер всей сцены, свидетельствует о прямолинейном, правдивом, не преувеличивающем разуме, контролирующем себя и идущем напролом в честном изложении событий, свидетелем которых он был на самом деле. Наши древние

записи содержат мало свидетельств, которые демонстрируют более четкие или сильные внутренние доказательства точности и надежности, чем свидетельства Уильяма Морзе. Форма, язык и тон его рассказа говорят в пользу его ума, проницательности и достоверности; настолько, что, принимая во внимание весь его характер, мы не можем представить себе никаких возражений против доверия к его рассказу, за исключением тех, которые можно извлечь из характера и вида фактов, в которых он поклялся. Но ни их природа, ни их источник его, *как свидетеля*, не волновали; и его здравый *смысл*, понимая это, удерживал его от высказывания каких-либо предположений или намеков на то, кто на самом деле был автором его сильных раздражений. Мужчина понимал свое положение свидетеля, сохранял разум во главе всего этого страшного шторма и подозревал и обвинял не маленького мальчика, а Пауэлла. Очевидно, что его собственные чувства, не затуманенные туманом беспричинного волнения, были свидетелями изложенных им фактов, и он знал, что они имели место. Его показания правдивы.

Как можно объяснить появление таких фактов, а точнее, *кто* их произвел? Историки утверждают, что это сделал маленький мальчик Джон. Но как он мог это сделать? Если бы головы историков, творящих историю в тиши кабинета, были так же ясны и свободны от ослепляющего действия предрешенных выводов, как голова мистера Морзе, когда он писал, и над его головой летали ракеты, их разум, как и его разум, спросил бы свидетеля Пауэлла: "Как все это *мог* сделать он, мальчик? И трусливый свидетель ответил бы им в девятнадцатом веке так же, как Морзе в семнадцатом: "Хотя, возможно, он сделал не *все*, но большинство из них". Он бы отступил перед историками, как отступил перед более глубоким "пониманием" мистера Морзе. По здравому размышлению, мальчик был неспособен выполнить и десятую часть того, что ему приписывали. Никто, кроме Пауэлла, не обвинял его. Возраст мальчика не указан. Известно, что он не привлекался в качестве свидетеля, и Пауэлл говорит ему: "Ты, молодой негодяй, так рано начал". Эти факты, а также отсутствие каких-либо слов, сказанных им кому-либо, за исключением одного случая, естественно приводят к выводу, что он был довольно молод, и, возможно, также, что он был явно неактивен. Ни в юношеском, ни в мужском возрасте ни один исполнитель, ни множество мужчин не смогли бы совершить с помощью ненаблюдаемых процессов и сил все то, что, как утверждается, было совершено в доме Уильяма Морзе и вокруг него.

Любое указание на его источник, которое утверждает, что зло исходило в первую очередь из головы маленького Джона Стайлза, по необходимости ставит под сомнение способности мистера Морзе к восприятию и наблюдению, а также ценность его показаний. По крайней мере, косвенно это обвиняет его в большой ошибке, когда он заподозрил Пауэлла, а не маленького Джона. По гипотезе современных историков, степенный старик - "понимающий христианин" - был просто болтуном, или почти болтуном; ведь маленький мальчик не был способен на многое. Он так мало мог сделать в одиночку, что, будь он главным затейником и исполнителем, мистер Морс не смог бы с обычной остротой отличить обычное от чудесного, или же он был вопиющим выдумщиком и самозванцем. Гораздо, гораздо лучше было бы и для него самого, и для его читателей, если бы преподаватель истории признавал и основывал свои умозаключения на фактах, хорошо подтвержденных, и искал агентов и силы, адекватные для проявления тех результатов, которые были получены. История была бы гораздо лучше, если бы основывалась на широком понимании существующих агентов и сил, на твердой основе природы вещей, достаточно широкой, чтобы лежать в основе всех древних чудес, и допускала бы приписывание их авторам, чьи врожденные способности могли бы довести их до отчетливого познания человеческими чувствами, чем это может, когда он безжалостно сокращает размеры фактов, принижает их справедливое значение и ставит под сомнение достоверность тех, кто торжественно засвидетельствовал истинность

описаний, дошедших до нас от прежних поколений! Лучше, гораздо лучше было бы почтить память отцов, не подрывая и не опрокидывая их сильные силы и добрые черты характера, и извращенно низвести их положительные знания, полученные с помощью органов чувств, на более низкий уровень, на котором современные спекуляции получают убеждения! Склонность к вольным и многократным инсинуациям и утверждениям, что лучшие люди и сообщества древности были инфантильными, легковверными, заблуждающимися, одурманенными, потому что некоторые их высказывания и поступки не поддаются объяснению нашими теориями и философиями, не подобает великодушному и филантропическому духу. Честная игра требует откровенного признания того, что в древности имели место гигантские факты, - факты настолько огромные, что их невозможно растянуть во всю длину на ложе современной науки и философии или завернуть в узкие одеяла, которые сейчас в моде, - факты настолько огромные, что их невозможно протиснуть через узкие входные двери некоторых современных психических палат. Неужели огромные размеры, не позволяющие им войти в современные жилища, доказывают, что их существование всего лишь сказка? Конечно, нет. Проницательность и правдивость наших предшественников были здоровыми и хорошими. Они фиксировали факты. Позор тем, кто стыдится признать, что равные им по остроте ума и точности изложения, возможно, в давние времена были свидетелями подлинных явлений, которые оправдывали их описания. Клеймить эти события как продукты мошенничества, легковверия и увлечения, потому что только современные ограничения возможностей и сил природы делают их необъяснимыми как факты, - позорно.

Ньюбери в 1679-80 годах, очевидно, посещали и беспокоили великаны. Считать, что самые большие из них были детьми маленького Джона Стайлза, не только крайне фарсово, но и обязательно, пусть и косвенно, порочит доброго Уильяма Морса, этого "искреннего и понимающего христианина", а также его столь же добрую жену, которые прошли через суровые испытания колдовских сцен и преследований и вышли оттуда незапятнанными, - поносит их, обвиняя в неспособности наблюдать и описывать со средней ясностью и точностью события, происходившие на их глазах, - неспособности дать правдивый и не преувеличенный отчет о том, что они видели.

Каждое чувство справедливости требует найти язык, чтобы обличить насмешки, которые чрезмерно мудрые историки колдовства бросают на чувства, умственные и моральные состояния наблюдателей и описателей великих чудес былых дней. Неистовый выводок гарпий прилагательных, которых история насылает на жизненные силы хороших персонажей, отличающихся правдивостью и разборчивостью, должен быть вынужден разжать свои когти и вернуться обратно в гнездо, где они вылупились.

Предполагая, как показывают истории всех народов во все века и страны, и как демонстрируют многие испытанные современные работники, что некие развоплощенные, невидимые интеллекты могут временами либо изгонять из человеческого тела, либо откладывать в долгий ящик, либо непреодолимо контролировать умственные, аффективные и моральные силы некоторых впечатлительных человеческих существ, а также использовать все их физические структуры и нервные элементы в качестве инструментов; Предполагая, далее, что такие невидимые работники могли быть фактическими авторами многих поразительных явлений, которые предыдущие страницы представили читателю, и что миссис Морс, Калеб Пауэлл и др. Морзе, Калеб Пауэлл и мальчик - каждый из них был медиумом, способствовавшим совершению чудес - если допустить это, то близость этих нескольких людей к местам, где появлялись чудеса, подвергла бы их всех строгому наблюдению, а их движения или положения, вероятно, временами указывали бы внешним

чувствам, что они каким-то образом были актерами в этой *кутерье*. Очевидно, они были бессознательными вместилищами использованных сил и, как таковые, были вовлечены в производство великого злодеяния. Вполне правдоподобно, да, вполне вероятно, что Пауэлл действительно видел маленького мальчика, исполняющего важную роль; но Пауэлл, который тогда видел, был практически духом, видя форму духа, во всем похожую на мальчика, но движимую, заряженную энергией и управляемую, незаметно для внешнего зрения, развоплощенными духами. В то самое время, когда все внешние наблюдатели видели внешнего мальчика, стоящего по комнате в тишине и покое или неподвижно сидящего в углу, духовное зрение могло видеть, как его подобие используется для проникновения кажущейся жизни, движущих сил и желания оживленной джиги и веселого времяпрепровождения в целом ряду домашней утвари и принадлежностей. Когда мертвое дерево и железо, когда кожа и шерсть, когда колбаса и хлеб, когда железный клин и лопата обретают ноги, и руки, и крылья, - когда такие вещи становятся предметами кажущейся жизни, причем жизни сильной, и самонаводящимися действиями, - они проповедуют с силой, которой не может похвастаться ни один человеческий язык. Никакое красноречие из его обычных источников не может сравниться с ними по силе убеждения. Они говорят: "Невидимый разум движет нами" - "Невидимый разум движет нами", и каждый самообладающий и логичный слушатель отвечает: "Аминь".

Все вещи имеют свое применение. Этот случай, когда духи проявляли свою силу в основном на грубой, безжизненной материи и грубых животных, показывает более убедительно, если это возможно, факт существования сверхземных агентов, чем эффективные руки, простота и ясные видения Маргарет Джонс, "остроумие" или яснослышание Энн Хиббинс, голландские тона и бессознательные высказывания Энн Коул, искажения Элизабет Кнап и слова симпатичного черного мальчика. Жизнь и самодействие в мертвом дереве и железе - явления слишком поразительные и многозначительные, чтобы их можно было с умом замалчивать или игнорировать.

Графство Эссекс было театром нескольких выставок поразительных чудес. Представления, подробно описанные в этой главе, несомненно, вызвали страх и нарушили покой в Ньюбери и близлежащих городах. Кроме того, недавно учительнице и ее ученикам в Ньюберипорте явился мальчик, что вызвало немалое беспокойство в этом месте. В первом десятилетии нынешнего века знаменитая Молл Питчер, которая, как говорит Апхэм, *"получила свои таинственные дары по наследству"*, ее дед практиковал их прежде в Марблхедде", занималась гаданием и родственными искусствами у основания Высокой скалы в Линне, где "она читала будущее, и прослеживала то, что для простых смертных было тайнами настоящего или прошлого...." настолько успешно, или, по крайней мере, настолько печально известно, что "ее имя повсеместно стало общим названием гадалок". В этом графстве также столкнулись с тайнами и ужасами салецкого колдовства. Но едва ли какое-либо другое событие на этой территории кажется более насыщенным элементами невероятности, чем утверждение салецкого историка о том, что маленький Джон Стайлз был *добросовестным* автором розыгрышей в доме Уильяма Морса. Никто из современников мальчика, за исключением впечатлительного и своенравного Пауэлла, похоже, никогда не подозревал, что малыш - великан-изгой. Как же слепы были глаза всех остальных представителей того поколения! Ибо теперь исторический глаз, оглядываясь назад сквозь туман восьмисот лет и двадцати миль к северу, совершенно точно видит *дерзость* и поступок, которые все живые глаза, бдительные и бдительные на месте и в то время, были неспособны обнаружить. Мир прогрессирует; развивается новое ясновидение - ясновидение, которое видит то, чего никогда не было, а именно: маленького Джона Стайлза как проектировщика и сознательного исполнителя сверхчеловеческих дел.

Очень многие современные сцены соперничают с древней сценой в Ньюбери по грубости проявлений и трудности понимания целей и характеров исполнителей. Пожалуй, ни одна из них не заслуживает большего внимания и не является более поучительной, чем продолжительная сцена, которая произошла в резиденции преподобного Элякима Фелпса, доктора философии, в Стратфорде, штат Коннектикут, в 1850 году. В книге "Современный спиритизм, его факты и фанатизм" Э. В. Капрона (Bela Marsh, Boston, 1855), стр. 132, начинается очень ясный и достоверный рассказ об этом случае, занимающий почти сорок страниц. Характер и положение доктора Фелпса, который предоставил Капрону свои факты и чье разрешение было получено на их публикацию, делают упомянутый рассказ достойным внимательного прочтения. Несколько лет назад мы имели честь беседовать с доктором Фелпсом на тему спиритизма, и его подробные рассказы о выступлениях духов в его присутствии подготовили нас к тому, чтобы считать, что он передал своим потомкам свойства, которые очень помогли в создании "Приоткрытых врат".

СЕМЬЯ ГУДВИНОВ.

В семье Джона Гудвина из Бостона в 1688 году четверо детей, все маленькие, одновременно либо сильно заболели, либо с дьявольским остервенением принялись разыгрывать шалости и фокусы. Что? Подробный отчет о том, что было либо навязано им другими существами, либо придумано и разыграно ими самими, был быстро составлен Коттоном Мазером, который был наблюдателем многих из этих чудес во время их совершения.

Пул в "Генеалогическом и антикварном регистре", октябрь, 1870, пишет, что этими детьми были "Марта, 13 лет; Джон, 11; Мерси, 7; Бенджамин, 5". Дрейк в "Анналах колдовства" пишет, что это были "Натаниэль, родившийся в 1672 году; Марта, 1674; Джон, 1677; и Мерси, 1681". По его словам, их возраст в 1688 году составлял 16, 14, 11 и 7 лет соответственно. Эти два утверждения совпадают в отношении Марты, Джона и Мерси, но в одном из них четвертым является мальчик 5 лет по имени Бенджамин, а в другом четвертым - мальчик 16 лет по имени Натаниэль. Мы не искали данных, которые могли бы подтвердить или исправить утверждение того или иного автора. То, что они были молоды, - это все, что требуется для нашей цели.

Спустя более семидесяти лет после событий в семье Гудвинов и проявлений в Салеме Хатчинсон сказал: "В наши дни некоторые люди, возможно, лишь немногие, считают, что вопрос о том, находились ли *обвиняемые* или *страдальцы* под сверхъестественной или дьявольской властью, скорее, чем о том, были ли страдальцы под телесными расстройствами или вообще виновны в мошенничестве и самозванстве". Процитировав вышеизложенное, Пул делает следующий разумный вопрос и комментарий. "Зачем делать альтернативу? И обвинители, и обвиняемые, как правило, не страдали *телесными расстройствами*, но обладали *особой восприимчивостью, естественно вытекающей из их особых организмов и темпераментов*, и, вероятно, были столь же свободны от мошенничества и самозванства и столь же сильно пристрастны к ним, как и средний представитель общества, в котором они жили".

Если мы правильно читаем Хатчинсона, он заявил, что несколько человек, даже в его время, верили в то, что ранее имели место "сверхъестественные или дьявольские" воздействия, но сомневались, были ли эти воздействия на обвинителей или на обвиняемых; в то время как, по его мнению, все должны отказаться от веры во что-либо сверхъестественное или дьявольское в этом деле, и стремиться только определить, были ли странные явления частично результатом *телесных расстройств*, или же это были исключительно мошенничество и самозванство. Мы думаем, что он сам не делал различий между обвинителями и обвиняемыми, но освобождал оба класса от сверхъестественных влияний и задавался лишь вопросом, является ли колдовство частично следствием плохого здоровья или полностью результатом мошенничества. Так это или нет, но комментарий Пула уместен, поучителен и ценен. Оно согласуется с мнением, которое данная работа призвана проиллюстрировать. Мы повторяем и принимаем его слова и говорим, что "и обвинители, и обвиняемые, как правило, были обладателями не телесной болезни, а особых восприимчивостей, естественно вытекающих из их организмов и темпераментов", и в целом по характеру были наравне со своими соседями.

Хатчинсон рассказывает о семье, которую мы рассматриваем, следующее:- "В 1687 или 1688 году начались болезни.

"В 1687 или 1688 году начался случай, более тревожный, чем все предшествующие. Четверо детей Джона Гудвина, человека серьезного, с хорошей печенью, жившего в северной части Бостона, по общему мнению, были околдованы. Я часто слышал, как люди, жившие по соседству, рассказывали о том, какой большой переполох это вызвало. Все дети отличались сообразительностью, получили религиозное воспитание и, как считалось, были лишены коварства. Самой старшей была девочка лет тринадцати-четырнадцати. Она обвинила прачку в том, что та забрала часть семейного белья. Мать прачки была из диких ирландцев, с дурным характером, и грубо выговаривала девочке; вскоре после этого с ней начались припадки, в которых, как говорили, было что-то дьявольское. Одна из ее сестер и два брата последовали ее примеру и, как говорят, мучились в одних и тех же частях тела в одно и то же время, хотя содержались в разных квартирах и не знали о жалобах друг друга. Говорят, что одна или две вещи были весьма примечательны: все их жалобы были днем, и они спокойно спали всю ночь: они были поражены при виде Катехизиса Ассамблеи, Молока для младенцев Коттона и некоторых других хороших книг, но могли читать Оксфордские шутки, книги папистов и квакеров, а также Общую молитву без всякого труда. Возможно ли, чтобы человеческий разум был способен на столь сильные предрассудки, чтобы сразу не возникло подозрение в обмане? Но привязанность к способам и формам в религии имела такую силу, что некоторые из этих обстоятельств, кажется, скорее подтверждали доверие к детям. Иногда они становились глухими, затем немыми, затем слепыми; а иногда на них находили все эти расстройства вместе. Их языки то втягивались в горло, то вытягивались на подбородке. Их челюсти, шеи, плечи, локти и все суставы казались вывихнутыми, и они издавали самые жалобные вопли о сожжениях, о том, что их режут ножами, бьют и т. д., и следы ран были видны впоследствии. Служители Бостона и Чарльзтауна провели день поста и молитвы в доме, где произошло несчастье; после этого младший ребенок больше не жаловался. Остальные упорствовали, и тогда вмешались магистраты, и старуха была задержана; но при допросе она не признавалась и не отрицала, и, как оказалось, была расстроена в своих чувствах. По заключению врачей, что она в здравом уме, ее казнили, объявив, что после ее смерти дети не получают облегчения. После этого старшая была отдана в семью священника, где сначала вела себя прилично, но через некоторое время внезапно впала в припадок. Рассказ о ее болезни напечатан; некоторые вещи упоминаются как необычные, которым каждый день учат кувыркающихся, другие кажутся более чем

естественными; но это было время большого легковерия. Дети вернулись к своему обычному поведению, дожили до зрелого возраста, исповедовали религию, и страдание, которому они подвергались, они публично объявили одним из мотивов этого. Одну из них я знал много лет спустя. У нее был характер очень добродетельной женщины, и она никогда не признавалась в обмане при заключении сделки".

Этот историк родился более чем через двадцать лет после "великого потрясения", которое вызвало дело Гудвина, и, следовательно, это, должно быть, были пожилые люди, которые рассказали ему о том, что лично помнили о нем, и повторили ему свои смягченные воспоминания о прошлом. От таких людей он, вероятно, услышал множество подробностей и получил общие впечатления, которые стали одним из источников, откуда он черпал материалы для своей истории, по крайней мере, для своих комментариев; кроме того, мнения, распространенные в то время вокруг него, помогали ему судить, когда он читал рассказ Мазера. Он не выразил прямо никаких сомнений в происхождении таких фактов, какие представлены в записях, но на протяжении всего своего повествования намекал, что мошенничество, действующее на легковерие, породило и произвело на свет весь этот выводок чудес. Он оставил нам факты и заявил, что дети "все отличались изобретательностью нравов". Вероятно, он имел в виду, что они были необычайно умны или сообразительны. Историк добавляет, что они "получили религиозное воспитание, и считалось, что в них нет коварства". Эти моменты представляют интерес как с точки зрения того, на чем основывалось общественное мнение о фактах во время их появления, так и с точки зрения того, на что следует обратить внимание современникам, когда они пытаются определить вероятность того, были ли подобные чудеса произведены добровольно только воплощенными актерами или же силой, оказанной на смертные формы и через них волевыми усилиями, исходящими из неосязаемых источников.

Что говорят процитированные высказывания о конституционных способностях и приобретенных навыках этих детей, позволяющих целенаправленно совершать приписываемые им подвиги? Готовая сообразительность, энергичность или то, что подразумевается под "изобретательностью нрава", была очень хорошей основой для любого рода выступлений; но характер поступков, которые могут исходить из этой основы в данном случае, будет определяться другими качествами. Религиозное воспитание и свобода от коварства не являются вероятными стимулами ни для вопиющего обмана, ни для длительного и озорного самозванства. Замечание Хатчинсона о том, что "некоторые вещи упоминаются как необычные, которым кувыркаяющиеся ежедневно обучаются", несомненно, верно; но он добавляет, что "другие кажутся более чем естественными". Да, это так. И именно их мир желает видеть в роли компетентных исполнителей. Как же историк объясняет, что эти люди кажутся "более чем естественными"? Только догматическим замечанием, что "это было время большого легковерия". А что, если так оно и было? Могло ли легковерие в общественном сознании позволить необученным детям превзойти жонглеров, трюкачей и самых эффективных развратников и фокусников разного рода в их специальных профессиях? Что имел в виду историк, утверждая о *легковерии* в качестве объяснения фактов, которые он привел и оставил без прямого опровержения или какой-либо попытки такового? Намекал ли он на то, что вера в реальное происшествие таких фактов, хотя и засвидетельствованных в течение многих месяцев физическими чувствами множества людей, утверждала легковерие? Если так, то он вкладывал в слово "*легковерие*" недопустимый смысл.

Хотел ли он сказать, что легковерие заставляло органы чувств наших отцов видеть, слышать и чувствовать ошибочно, так что они свидетельствовали менее точно, чем органы чувств того поколения, в котором он жил? Возможно, так оно и было; но на каких рациональных

основаниях он мог это сделать? Никаких, насколько мы можем судить. Было ли прежнее поколение менее правдивым, чем его собственное? Скорее всего, нет. Обладало ли оно меньшей проницательностью, чем его собственное? Мы не можем найти никаких доказательств этого. Были ли его чувства менее надежными? Скорее всего, нет. Была ли его вера в показания собственных органов чувств доказательством его *легковерия*? Нет. Было ли ясное изложение того, что видели его органы чувств, доказательством его легковерия? Для историка это, похоже, было так, но для нас - нет. Отцы рассказывали о том, что были свидетелями вещей, которые, если они происходили, казались "более чем естественными". Что тогда? Доказывает ли это, что описанные ими вещи не происходили, и тем самым доказывает, что поколение отцов в целом было либо болванами, либо лжецами? Нет. Выходит, историк был вынужден признать, что достоверные свидетельства о происходивших вокруг детей Гудвина фактах, которые казались более чем естественными, должны быть признаны; и все же он не мог объяснить эти факты; он был умственно озадачен, не поддавался на уговоры и мог только сказать: "Это было время большого легковерия". Это ничего не объясняет, но заставляет нас подозревать его автора в такой легкомыслии, что он подозревал, что целая линия предков в последующих поколениях была фатальной и преувеличенной, поскольку она постоянно описывала и клялась в происшествиях, которые противоречили его собственным теоретическим пределам достоверных вещей. Легковерие, заставлявшее его считать себя лучшим знатоком и судьей того, что происходило в предыдущие века, чем те, кто жил в прошлом и был очевидцем того, что происходило тогда, побуждало перо этого историка колдовства приписывать чудеса других дней причинам или условиям, абсолютно неспособным их произвести.

Мы можем быть снисходительны к Хатчинсону, потому что он жил и писал, когда маятник веры, недавно вырванный из тревожной хватки колдовства и позволенный качнуться обратно в сторону крайнего саддукейства, еще не приобрел законного движения под действием месмеризма, спиритизма, психологии и других регулирующих сил. Протиестественный дьявол колдовства умер от удара, полученного им в Салемской деревне в 1692 году, и долгое время после этого между людьми и обитателями духовных миров, казалось, не было никаких сношений; частично человек забывал, что существуют духи, и сомневался, действовали ли они когда-либо открыто среди людей. Вероятно, Хатчинсон никогда не задумывался над тем, не простираются ли силы и царства природы гораздо выше, ниже и за пределы осязаемой материи, - простираются за пределы того, что познают внешние органы чувств человека, или того, куда проникла его естественная наука. Его мысли, возможно, никогда не были направлены на то, чтобы узнать, существуют ли в природе возможности для месмерических и разнообразных психологических операций, а также на то, могут ли при возможных условиях невидимые разумные существа обладать и контролировать некоторые особые физические формы человека. Не имея не только знаний, но и обстоятельств, которые могли бы естественным образом породить предположение, что как добрые, так и злые духи могут иногда свободно приходить на землю и творить чудеса на ее внешней поверхности и среди ее живых обитателей, Хатчинсон, загнанный в угол и озадаченный поиском адекватной причины для фактов, которые он считал необходимым изложить, мог лишь доверчиво сказать, квазиобъясняя их: "*Это было время большого легковерия*"!

Его подразумеваемая позиция, согласно которой все произведения были не более чем естественными действиями и страданиями детей, возвеличиваемыми и делаемыми грозными благодаря народному легковерию, не дает удовлетворительного раскрытия природы и происхождения таких фактов, которые он сам представляет и оставляет неопровержимыми.

Каков был характер самих детей Гудвина? Они были умными, религиозно образованными и свободными от коварства. Из рассказа видно, что четверо *таких* детей, внезапно, без предварительной подготовки к этому, сначала все объединяются, а трое из них долгое время совместно продолжают курс самого мучительного навязывания своей собственной семье, врачам, священникам, судьям и соседям; также то, что навязывание проявляется в поразительных физических подвигах и одновременных, одинаковых признаках и жалобах на страдания, даже если страдальцы находятся в разных квартирах. Если бы, возможно, они могли по собственной воле и силе выполнять эти трюки, то как бы это не соответствовало их предполагаемым чертам и возрасту! Как немыслимо, чтобы четверо таких детей, от мальчика шестнадцати лет до девочки семи лет или от девочки тринадцати лет до мальчика пяти лет, сговорились и трое из них тщательно, эффективно и долго сотрудничали в добровольном и целенаправленном производстве таких бед и несчастий, какие были здесь! Без сомнения, возникли *подозрения* в мошенничестве. Но факты вскоре поставили дело за грань возможного мошенничества, которое могли бы совершить такие дети или любые воплощенные человеческие существа. Без предшествующей практики и совместного обучения успешная попытка самих детей совершить то, что было сделано через них, просто невероятно. Нет никаких намеков на то, что они когда-либо практиковались в подготовке. Если бы они это делали, то, видимо, их отец, "могильщик и хороший печник", должен был знать об этом и руководствоваться этим знанием в суждениях и обращении со своими детьми. Кто сомневается, что было бы позорно обвинить или заподозрить этого человека, а также его друзей и врачей в таком легкомыслии *при первых приступах*, что они не могли справедливо и здраво судить о том, на какую природу причин указывали их действия и страдания?

"О, звездоглазая Фэнси, ты забрела туда,
Чтоб вернуть нам весть о "*снисхожденьи*"?"

Вглядитесь в обстоятельства этого дела еще внимательнее. Смышленая девушка "с большим умом, религиозным образованием и без коварства" *только что вышла из-под яростных ударов дикого ирландского языка*, когда она начала - что? свои забавы? свой курс мошенничества и самозванства? Был ли это момент *игры*? Было ли это время для общего настроения, которое могло бы побудить целую семью бесхитростных маленьких детей спонтанно и мгновенно объединиться для коварного и мучительного навязывания родственникам и друзьям? Когда она падала в припадке *от такой причины*, было ли это подходящим временем для ее смышленного брата, чтобы безрассудно усилить семейное волнение, подражая движениям и тонам страдальца? Было ли это состоянием, при котором двое младших присоединялись к старшим в лукавых дополнениях к окружающим их бедам? Нет, конечно же, нет.

"Возможно ли, - спрашивает историк, - чтобы человеческий разум был способен на столь сильные предрассудки, чтобы подозрение в обмане не возникло сразу?" Мы отвечаем за него и говорим: нет, категорически нет. Такое подозрение должно было возникнуть. И мы в свою очередь спрашиваем: возможно ли, чтобы разум историка был способен на столь сильные предрассудки, как подозрение, что такая семья, как он описал, в таком положении, в каком он ее создал, была абсолютно неспособна практиковать мошенничество и навязывание, компетентное для результатов, которые, как он указывает, были достигнуты? Да, его разум не смог воспринять такое подозрение, а значит, выявил свои собственные ослепляющие предрассудки. Скептицизм в одном направлении породил у него легкое верие в другом, как это происходит со многими в наши дни.

Четверо детей "могильщика" были одновременно подвергнуты мучительным пыткам и истязаниям, причем в одних и тех же частях тела, хотя некоторые из них находились в разных квартирах и не знали о жалобах друг друга. Таковы предполагаемые и неоспоримые факты. Жителям Бостона два или три года назад было позволено увидеть, и мы видели, как более четырех, да, восемь или десять мальчиков, незнакомых оператору, и в основном друг другу, добровольно вышли на сцену, где через несколько минут, после того как двое или трое из дюжины попросили покинуть сцену, все остальные были вынуждены двигаться, действовать и страдать точно и одновременно, многие из них часто стояли спина к спине, и никто из них не смотрел на другого. Все это происходило под воздействием ментальной, магнетической или психологической силы профессора Кэдвелла.

Если предположить (а почему бы и нет?), что дикая ирландка обладала сильными психологическими способностями; что Марта Гудвин легко поддавалась психологическому контролю; что ее братья и сестра тоже были такими и что все они от природы сочувствовали друг другу, то мы увидим, что даже если все рассказанное буквально правда, не произошло ничего большего, чем укладывается в рамки тех психологических сил, которые в последние годы проявлялись воплощенными и, можно добавить, развоплощенными умами. Если в гневе старуха заставила или нашла связь между своей собственной сферой или аурой и аурой Марты Гудвин, был открыт путь для введения микробов страдания в систему девочки и в системы других людей, находящихся с ней в контакте. Был открыт путь, по которому мучитель мог, хотя и отсутствуя, посылать ребёнку уродливые желания, которые продолжали бы мучить её до тех пор, пока старая женщина сохраняла бы эти желания активными, как, возможно, она делала во многие часы бодрствования. В рассказе говорится: *"Одна или две вещи были очень примечательны. Все их жалобы проходили днем, и они спокойно спали всю ночь"*. Когда старуха спала, и ее обида утихала, дети тоже спали.

Проход, открытый таким образом, чтобы в него мог войти один человек, обычно позволяет и другим, подобным ему. Там, где входила и одерживала верх покоряющая сила воли старухи, то же самое могли делать ее сочувствующие и многие другие духи; они могли заставить внешние формы детей либо принять, либо отвергнуть, по желанию контролера, любые книги или разделы литературы, которые предлагались для прочтения. Католические духи или любые другие духи, любящие немного повеселиться, могли бы с удовольствием поработать над тем, чтобы поразить Коттона Мазера и ему подобных, демонстрируя предпочтения, антагонистические его собственным праведникам.

Случай с Филипом Смитом, очень умным, работоспособным и уважаемым жителем Хэдли, штат Массачусетс, демонстрирует аналогичные явления. Мы не будем подробно рассматривать этот случай. Он произошел в 1685 году и очень поучителен. Будучи больным, чувствительным, ясновидящим и тоскующим, "он высказал тяжелое подозрение", что одна старая миссис Вебстер, *которую когда-то судили за колдовство*, а также обиженная некоторыми официальными действиями Смита, "произвела на него впечатление с помощью чар". Его "подозрения" и страдания подтолкнули молодых людей в городе к тому, чтобы "три или четыре раза" пойти и доставить этой старухе беспокойство. Дрейк в книге Вудворда "Hist. Series", No. VIII. p. 179, приводит следующий рассказ: "Достоверный историк утверждает, что молодые злоумышленники пришли к ней в дом, вытащили ее и повесили, пока она почти не умерла. Затем они расчленили ее, некоторое время катали по снегу, а потом закопали в нем, оставив, как они полагали, умирать. Но чудом она выжила после этого варварства. Еще более чудесным было то, что больному мужчине стало значительно легче в то время, когда беспомощная старуха подвергалась такому зверскому издевательствам". Мазер в своем рассказе (ib. p. 177) говорит: "Все время, пока они ее беспокоили, он был

спокоен и спал как усталый человек". Все это возможно и не является невероятным. Мужчина, очевидно, был очень восприимчив к психологическим воздействиям и мог отследить ощущаемые вредоносные силы до их источника. Она, несомненно, была беспокойной и странной старухой, ведь ее судили за колдовство, и, вероятно, она была прирожденным психологом. Пока грубое обращение заставляло ее звонить, сидеть дома и концентрировать все свои мысли и силы на самообороне и защите, от нее не исходило никаких эманаций к больному, который после этого погружался в спокойный сон.

Одну из этих Гудвин, говорит Хатчинсон, "я знал много лет спустя. У нее был характер очень трезвой, добродетельной женщины, и она никогда не признавала обмана в этой сделке". Вероятно, мошенничества не было. Эта трезвая, добродетельная женщина, заинтересованная сторона, через много лет после этого исповедовала религию, продолжала долго жить полезной и уважаемой жизнью и никогда не признавалась в мошенничестве. Вероятность того, что она никогда не совершала никаких действий, близка к уверенности.

А как обстояли дела с остальными? "Они вернулись к своему обычному поведению, дожили до зрелого возраста и исповедовали религию". Посмотрите на это дело. Четыре бесхитростные, смысленные младшие сестры и братья, проживавшие вместе под присмотром отца, в мгновение ока бросаются в глаза всему городу, в котором они жили, и кажутся такими ловкими и умелыми плутами, каких еще не знали, и все они одинаково компетентны в своих ролях. Несколько месяцев они не перестают удивлять город, а затем все возвращаются к прежнему поведению, вырастают и живут христианской жизнью среди свидетелей их странных поступков и никогда не признаются в обмане. А было ли *мошенничество*? Только чрезмерно доверчивые люди, уверенные в своих способностях к гаданию, поверят, что это было так.

В процессе наблюдения за этими детьми, за теми раздражениями и страданиями, которые они переносили, выяснилось, что, когда их не было дома, они были в значительной степени свободны от особых бед; поэтому были приняты меры для их проживания в другом месте, и, вероятно, не для всех вместе в одной семье. Мы узнаем, что девочка Марта стала жить в семье Коттона Мазера через несколько недель после начала великого потрясения. И утверждается, что в течение некоторого времени ее необычное поведение не проявлялось; однако впоследствии припадки и выходки проявились в изобилии, даже под крышей священнослужителя, боровшегося с дьяволом. Некоторые высказывания и поступки, которые она совершала во время проживания там, свидетельствовали о более веселых и причудливых мотивах, чем те проявления, которые описал Хатчинсон.

Обращаясь к гораздо более позднему историку, мы приводим следующую цитату из Апхэма:...

"Один из детей, похоже, обладал гением, едва ли уступающим гению самого мастера Берка; не было такой роли или страсти, которую она не могла бы сыграть. Она жаловалась, что старая ирландка завязала на ее шее невидимую петлю и душит ее; при этом цвет лица и черты мгновенно принимали различные оттенки и сильные искажения, естественные для человека, оказавшегося в таком затруднительном положении. Она заявила бы, что к одной из ее конечностей пристегнута невидимая цепь, и захромала бы, как будто так и было на самом деле. Она говорила, что находится в печи; пот капал с ее лица, и она производила впечатление зажаренной; затем она кричала, что на нее льют холодную воду, и вся ее фигура дрожала и тряслась. Она притворялась, что злой дух явился к ней в виде невидимой лошади; она скакала галопом, рысью, обходила комнаты и подъезды с таким восхитительным подражанием, что наблюдатель едва ли мог поверить, что под ней нет лошади, которая несет

ее на себе. Она поднималась по лестнице именно с такой прытью и прытью, какую демонстрирует человек верхом на лошади".

Таков общий обзор ее подвигов в изложении этого историка. Верит ли он, что подобные вещи действительно совершались ею или с ее помощью? Верит ли он, что таковы были буквальные факты даже внешне? Насколько мы можем судить, он нигде, пока не подведет итог, не обвиняет в мошенничестве с одной стороны или в такой легковереии с другой, которое заставляет свидетелей фальсифицировать внешние проявления. Он, похоже, признает факты *кажущимися* и приписывает их исключительно хитрости и искусной игре девушки. "Она *притворилась*, что злой [?] дух пришел к ней". Было ли это только ее *притворством*? Кто знает? Зачем говорить "*притворилась*"? Была ли она настолько щедра, чтобы приписать другому человеку, да еще и "злому духу", помощь, которую она не получала? Привыкли ли опытные фокусники отрекаться от своих способностей удивлять? И уж тем более они никогда не заявляют спонтанно, что им помогает дьявол или какой-нибудь злой дух? Мы думаем, что нет. И все же утверждается, что Марта Гудвин собственными устами заявила, что некий невидимый дух действует через нее или помогает ей совершать чудесные подвиги. Зачем называть это *притворством* и делать ее лгуньей? Почему бы не поверить в слова этой религиозно образованной девушки?

Историк говорит, что, пока она жила у Мазера, "хитрое и изобретательное дитя" - обратите внимание на прилагательные современного толкователя, применяемые им к той, кого ранние записи относят к тем, кто "был религиозно образован и считался *бесхитростным*", - "хитрое и изобретательное дитя", говорит он, "похоже, получало огромное удовольствие от того, что ставило в тупик и разыгрывало свои уловки перед ученым человеком. Однажды он захотел сказать в ее присутствии что-то третьему лицу, чего, по его мнению, она не должна была понять. Она была достаточно проницательна, чтобы *догадаться*" (зачем говорить "*догадаться*"?) "о том, что он сказал. Он был поражен. Затем он попробовал говорить по-гречески, и она добилась такого же успеха. Затем он заговорил на иврите; она мгновенно уловила его смысл. Он прибег к индийскому языку, но она притворилась, что не знает его". Таковы факты, выведенные из рассказа Мазера Апхэмом и изложенные последним, и которые он пытается объяснить предположением, что собственные *догадки* девушки позволили ей понять смысл предложений, произнесенных на языках, которых она не знала. Нет сомнения, что она была способной, но не компетентной во всем этом. Фантазия и воображение напрасно расправляют крылья, когда поднимаются с почвы фактов и улетают в страну догадок и притворства, думая принести оттуда истинное решение такого чуда. Девушка призналась, что с ней был дух и что он помог ей. Это объясняет всю операцию. После полного отделения от тела каждый человеческий разум утрачивает всякое знание земного языка, не имея для него дальнейшего применения, потому что разум тогда попадает в условия, в которых мысли любого другого духа, на каком бы языке он ни говорил, могут быть прочитаны с первого взгляда. На каком бы языке ни говорил Мазер, он был бы понятен любому развоплощенному духу. Ибо не слова, а мысль, независимо от ее формы, можно было прочесть. Она *притворилась*, что не знает индейского языка. Возможно, так оно и было; но, скорее всего, это было не *притворство*. Маловероятно, что сама девушка как таковая была знакома с каким-либо другим языком, кроме английского; любой покойный дух, управлявший ею, не знал ни одного земного языка, да и не нуждался в этом, поскольку мысли без одежды были ему понятны. Плутуватый ум за кулисами - а такой мог разыграть в пасторате немало трюков - мог по своему усмотрению беспокоить, удивлять или сбивать с толку преподобного полиглота, представляясь то понимающим, то не понимающим, в зависимости от собственных прихотей или переменчивого настроения, когда пьеса переходила с шага на шаг. Попытка Мазера скрыть от девушки смысл его слов вполне могла

бы позабавить читающий мысли интеллект, таившийся тогда в органах девушки и управлявший ими, и столь же естественно побудить его немного поиграть в вилание. Марта не *строила никаких догадок* и не *притворялась*; она затихла, в то время как другие глаза смотрели сквозь ее глаза и видели, что находится внутри жернова.

Мы уже говорили, что каждый смертный, уходя из этой жизни, попадает в условия, где человеческий язык не только не нужен, но и непригоден; поэтому нас могут спросить, как возвратившиеся духи могут говорить с нами на нашем языке, который им больше не подвластен. Они измеримо изменяют или возвращают свои условия, когда вновь соединяются со смертной формой; тогда они возвращаются туда, где земной язык необходим, и где существуют подходящие инструменты для возрождения знания и использования такого языка. Они, однако, не соединяются со своими прежними формами, и не часто с формами, которые они могут использовать так же хорошо, как свои собственные; во многих, очень многих случаях те, кто в своих собственных формах отличался отточенной дикцией и пылким красноречием, либо получают такой слабый контроль, либо получают такой расшатанный или такой жесткий голосовой аппарат, что они не могут сделать никакого заметного приближения к своим прежним произведениям. Перевоплощенный дух - это несколько мистическое существо, наполовину дух, наполовину человек, и как дух он может читать мысли человека, и как человек может пользоваться человеческим языком.

Лесь иногда изливалась на служителя устами Марты с пышностью, свидетельствующей о том, что она исходила от какого-то уединенного ваггишного духа, забавлявшегося тем, что щекотал тщеславие эгоистичного черного плаща, гораздо больше, чем от бесхитростной мисс, разговаривавшей со своим последовательным служителем.

Особую сцену описывает Мазер: "Стоял открытый кабинет одного человека.

"Там стоял открытый кабинет одного из членов семьи, и, войдя в него, она сразу же встала на ноги и закричала: "Они ушли! Они ушли! Они говорят, что не могут. Бог не позволит им прийти сюда!", добавив причину, которую хозяин кабинета счел скорее доброй, чем правдивой; и она сразу же пришла в себя, так что вся ее речь и походка изменились в лучшую сторону, став трезвыми".

Вполне вероятно, что Мазер был тогда кем-то жестоко обманут. Наблюдения, а также информация, полученная иным путем, делают очевидным, что одним из существенных условий психологического контроля является то, что магнетизм или аура контролирующего разума должны быть в это время в массе своих действующих качеств и сил сильнее или положительнее, чем сферы, ауры или эманации любого другого человека, среди которых контроль должен быть либо взят, либо удержан. Предположим, что атмосфера, стены и мебель этого кабинета были заряжены эманациями энергичного Мазера, который присутствовал в тот момент, и, следовательно, его собственный ореол излучался там и поддерживал окружающую обстановку полностью заряженной собой. Физические, а также внешние ментальные и эмоциональные излучения от него могли быть настолько отталкивающими для магнетизма, относящегося к духам любого морального качества, что ни один гость из невидимых сфер не смог бы противостоять этому отталкиванию. При таком положении вещей прощальное восклицание последнего оставшегося вполне могло бы звучать так: "Они ушли; Бог не позволит им прийти сюда!" Такое заявление полностью соответствовало бы наиболее распространенному в наши дни использованию языка духами, ибо они привыкли говорить, что Бог не позволяет им делать то или иное, когда, согласно их собственному часто повторяемому объяснению, они имеют в виду лишь то, что силы природы противостоят им или контролируют их. Бог и силы природы для них, как правило,

означают одну и ту же всепобеждающую силу - силы Бога, как и он сам, называются его именем теми, кто читает его действия с более чем смертельной точностью.

"Вскоре она совершенно пришла в себя, так что весь ее облик и походка изменились в сторону величайшей трезвости". Да, это естественно; ведь Марта Гудвин сама возобновила контроль над своим телом и вновь стала религиозно образованной и бесхитростной девушкой, какой она и была на самом деле, как только узурпаторы покинули ее законные владения. До тех пор пока над ее формой доминировал чужой разум, ее существование было либо пустым для нее самой, либо, если она осознавала себя, то была бессильна.

Апхэм учит, что однажды, по словам Мазера, когда люди пытались поднять эту девушку по лестнице, "демоны вырывали ее из рук людей и *делали ее тяжелее*, чем, возможно, в три раза". Верил ли сам историк, процитировавший эти слова и выдавший их за точное описание фактов, что они таковыми являются? Верил ли он, что *демоны* действовали в ней, удерживали ее и делали ее в три раза тяжелее, чем она обычно была? Такие вещи он приводил как *факты*, и было бы приятно узнать, верил ли он, что девушка сама была этими демонами и своими действиями сделала собственное тело в три раза тяжелее, чем его могло бы сделать обычное тяготение. Имели ли место такие наблюдаемые эффекты, как описал Мазер? Вероятно, да, и процесс их учета историком подразумевает, что благодаря собственной хитрости, изобретательности и гистрионному мастерству ребенок сделал себя в три раза тяжелее, чем был на самом деле. Если эти утверждения не были, по его мнению, фактами, почему он позволил им остаться неучтенными в своем резюме дел, совершенных его "хитрым и изобретательным ребенком"? Возможно, он полагал, что современные читатели, как и он сам, не знают о множестве случаев, когда нынешнее поколение проверило и доказало с помощью лучших весов Фэрбенкса, что духи увеличивают или уменьшают вес материальных субстанций по своему желанию, причем в такой же, а иногда и в большей степени, чем это якобы сделали демоны или Марта Гудвин в вышеупомянутом случае. Возможно, он полагал, что читающий мир в целом столь же невежественен и предвзят, как и он сам, в этом вопросе, и что очищающиеся и открывающиеся глаза мира будут продолжать видеть, как и его зачарованные глаза, только неправду в фактах Мазера. Это было печальное упущение. Свет спиритизма (см. д-р Хейр, д-р Лютер В. Белл, Уильям Крукс, Альфред Р. Уоллес и многие другие) уже обосновал факты, доказывающие, что в природе заложены силы, с помощью которых невидимые агенты могут по своему желанию производить левитацию или увеличение веса материальных объектов. Поэтому такое действие могло быть оказано на тело Марты Гудвин. Да, теперь мы можем *рационально* полагать, что среди людей времен колдовства было слишком много проницательности и правды, а среди бесхитростных детей того времени - слишком мало коварства, чтобы допустить, что вымыслы и риторика еще долго будут порочить наших предков за то, что они записали правдивые рассказы о том, что происходило между ними.

Мазер утверждает, что эта девочка временами свистела, кричала и другими способами мешала ему во время семейных молитв. Апхэм говорит: "Она била его, Мазер, кулаком и пыталась пнуть" - вероятно, имея в виду, что пыталась и ударить, и пнуть, поскольку, добавляет он, "ее рука или нога всегда отшатывалась, когда находилась в дюйме или двух от его тела; таким образом, создавалось впечатление, что вокруг его священной персоны находится невидимый почтовый плащ, небесного нрава и защищенный от нападок дьявола". Эта "*идея*" больше похожа на ребенка, родившегося в голове историка, чем на подарок Мазера. Заявление последнего о том, что ее рука или нога всегда отдергивается, когда она находится в дюйме или двух от его тела, вряд ли оправдывает небрежный намек, который, кажется, прилагается к нему. Но незнание многих действующих законов, сил и агентов,

относящихся к предмету, обсуждаемому современным историком, позволяет ему иногда становиться такой же заманчивой мишенью для насмешек, какой оказался Мазер. Не предполагая, что Мазер считал, что естественные законы вызывают отталкивание между материей, оживленной и перемещаемой развоплощенным духом, и материей в ее нормальных условиях, мы можем утверждать, что обширные наблюдения привели к выводу, что если не существует взаимопонимания или, по крайней мере, отсутствия отталкивания между сферой духа, использующего заимствованную руку или ногу, и сферой нормального человека, на которого направлено воздействие, естественный закон запрещает их контакт. Уильям Морзе сделал такое наблюдение, которое заставило его сказать в своих показаниях, что "клин и лопата, летящие на его жену, *не касались ее*". Сильные и быстрые приближения рук и ног под контролем невидимок к телам окружающих свидетелей и чудесные остановки этих движущихся конечностей, так что контакта не происходит, встречаются очень часто. Очень многие украшения салона и домашняя утварь, твердые и мягкие, легкие и тяжелые, нередко приводятся духами в быстрое движение взад-вперед и крест-накрест, беспорядочно над и среди толпы людей в комнате, и все же мало кто когда-либо ударяется, а те немногие чувствительные люди, которые находятся в контакте с исполнителями и вносят вклад в их аппарат, если и ударяются, то никогда не получают травм. Характер защитного плаща Мазера был таким же небесным, как и у всех остальных человеческих плащей, которые мастер-оружейник в безграничной мастерской природы выковывает и изготавливает для защиты каждого человеческого ребенка, отправляемого на битву с жизнью в грубой плоти и костях. Не его собственная святость, но либо антипатия природы, либо терпение духа спасли Мазера от ударов, и историк, возможно, ошибся, когда намекнул, что божество думает иначе; ибо этот человек, как бы ни были его шаги и как бы ни было мало его продвижение, приблизился к справедливому пониманию и изложению нашего колдовства ближе, чем любой другой американец, писавший на эту тему, до тех пор, пока не была опубликована "История колдовства".

Этой девушке приписывают множество других проделок, не менее удивительных, чем те, что уже были представлены; но о них можно не упоминать, потому что общий характер операций вокруг нее - это все, что мы хотим показать в этой работе. Однако мы должны дать читателю возможность ознакомиться с заключительными комментариями историка по этому делу. Он говорит

"В анналах гистрионного искусства нет ничего более иллюстрирующего бесконечную многогранность человеческих способностей, как физических, так и умственных, и удивительную степень, до которой хитрость, изобретательность, быстрота выдумки и присутствие ума могут быть культивированы даже в очень молодых людях, чем такие случаи, как только что описанный. Поначалу кажется невероятным, что простой ребенок мог осуществить столь сложное мошенничество и самозванство, как это сделала девочка, чьи достижения были увековечены знаменитым автором "Магналии"."

Мы рады отметить откровенное и четкое признание автора в том, что его собственное решение *поначалу* кажется невероятным. Почему он вставил фразу "поначалу", требует объяснения, которого он не дает. Он не пытается показать, почему *первый* кажущийся вариант не должен быть постоянным. Она постоянна. Оно будет оставаться постоянным до конца времен. *Невероятно* и навсегда останется *невероятным*, что девочка Гудвин сама совершила все те подвиги, которые, как доказывают факты, были совершены через ее организм. Если ее тело было органом всех тех представлений, которые ей явно приписывают, то она не была их автором, а лишь каналом для возникновения многих из них. Можно ли

считать, что она была компетентна во всем, что ей приписывали? Невероятно. Невероятно не только *вначале*, но и в дальнейшем, вплоть до последних событий.

Изобретательная фантазия, плетя над этим делом ослепительную паутину риторики, могла ввести в заблуждение глаза, наблюдавшие за ткацким станком, и заставить их различить другие кажущиеся образы, кроме первых; но такое заблуждение никогда не станет эпидемией.

Хатчинсон, обычно презрительно относившийся ко всему, что имело хоть какой-то запах колдовства, теперь перечитает, где он говорит о семье, в которую входила эта Марта, что "все они были религиозно воспитаны и, как считалось, не лукавили;... они вернулись к своему обычному поведению, дожили до зрелого возраста, исповедовали религию..... Одну из них я знал много лет спустя. У нее был характер очень трезвой, добродетельной женщины, и она никогда не признавала обмана в этой сделке". Таково свидетельство человека, чьи взгляды и чувства, очевидно, склоняли его, насколько это возможно, считать все колдовские дела продуктом самозванства и мошенничества; и поэтому он вряд ли мог приписать этой семье какие-либо хорошие качества, которыми они не обладали широко и хорошо известны. Он говорил о них так, как было сказано выше, и воздерживался от прямого обвинения их в мошенничестве. Он, правда, намекал на мошенничество, но, вероятно, не имел никаких исторических или традиционных свидетельств о нем и сознавал, что если бы мошенничество было заявлено и даже доказано, то оно не соответствовало бы делу во всех его частях, особенно в тех, которые "казались более чем естественными". Не найдя решения, он мог лишь сказать: "Это было время великого легковерия"! В одном важном отношении у него было больше возможностей для правильного суждения об этом деле, чем можно получить в наши дни. Он слушал разговоры многих людей, живших в то время, когда это произошло, и все же воздержался от прямого обвинения в мошенничестве или самозванстве. Он также намекнул, что такие причины, даже если бы они были указаны, были бы недостаточными, поскольку некоторые из сделок "казались более чем естественными".

Позднейший историк, не ограниченный необходимостью двигаться в согласии со знаниями и убеждениями современников тех Гудвинов и отказавшись от исторических оснований, дающих сверхъестественные средства для разгадки происходивших актов, наполнявших город и колонию тревогой, углубился в состав человека, и вообразил, что обнаружил в нем огромные способности к легковерию, мошенничеству, самозванству, увлечению, спонтанным вспышкам высочайших и более чем высочайших подвигов театрального искусства, к самовозрастающему устроению личного веса, к птичьим полетам, к конским выходкам, к самовозгоранию, самовозгоранию, самовозгоранию, постижению никогда не изученных языков и т. д.с.; ему казалось, что он обнаружил, как одна маленькая девочка, "религиозно образованная и, как считалось, не имеющая коварства", может до восхищения исполнять каждую из этих многочисленных вещей, "кажущихся более чем естественными", и с восхитительной точностью имитировать самые поразительные подвиги, причем такие, которые раньше всегда считались требующими сил развоплощенного разума. Это было поразительное открытие. Но сейчас наступили времена великого легковерия, и в увлечении этими днями сформировалась умственная оптика, которая, оглядываясь назад почти на двести лет, видит самых ярких, энергичных и зорких людей Бостона - "солидных людей Бостона" - видит их твердыми и доверчивыми, а также видит среди них трех или четырех маленьких детей, ярких и религиозно образованных, но злобных и ловких, как сам дьявол. Какой контраст между стариками и молодыми! Был ли когда-нибудь день, когда мудрейшие взрослые Бостона были в большинстве своем тупицами, которых легко обмануть, а те из детей, которые обладали "большой изобретательностью нрава", превращались в

дьявольских поджигателей и поджигали город сернистым огнем? Увы! Один современный глаз обладает достаточной проницательностью, чтобы убедить своего владельца в том, что такой день когда-то был. Этот глаз, "благодаря чему-то", кажется, "одарен сверхъестественной проницательностью"; конечно, он обладает очень необычным задним зрением.

Предоставьте детям Гудвина все естественные человеческие способности, которые воображение может придумать и воплотить, а также дайте им искусное обучение и длительную практику, которой, вероятно, у них не было, и даже тогда невозможно, чтобы они, находясь в разных комнатах, добровольно и намеренно действовали и, похоже, страдали, точно и одновременно, как они якобы делали, и как они, естественно, должны были бы делать, если бы все они находились под психологическим влиянием единого разума обиженной дикой ирландки и контролировались ею, потому что тогда одни и те же психические импульсы привели бы их всех в движение, как машины, и одновременно.

После их разлуки девушка в доме мистера Мазера никогда не смогла бы в одиночку совершить то, что ей приписывают. Внутренние свидетельства повествования о событиях, которые там происходили, в сочетании со здравым смыслом признают фарсовым - именно *фарсовым* - рассматривать эту девушку как инициатора и исполнителя всех дел и шалостей, которые, как утверждает история, происходили через ее физический организм и, следовательно, для внешних глаз казались продуктами ее собственной воли. Природа, качество и масштабы этих представлений указывают на порождающие силы, отличные от тех, которыми обладала эта девушка, и превосходящие их; они указывают именно на такие силы, которые ушедшие духи сейчас проявляют вокруг нас в живых человеческих формах.

Не только поначалу, но *и постоянно* кажется невероятным, "что простой ребенок мог осуществить столь сложное мошенничество и самозванство, как это было сделано" через "маленькую девочку, чьи достижения были увековечены знаменитым автором "Магналии""; поэтому мир требует и еще получит более простое, более рациональное и более удовлетворительное решение этого и подобных случаев; Решение, которое позволит включить все удивительные подвиги колдовства в рамки сил, которые конечные человеческие существа, видимые и невидимые в сочетании, могли в прошлом и могут сейчас так применить, чтобы совершить все чудеса мира без помощи одного Великого Дьявола, мошенничества или самозванства. Ни один из них никогда не должен иметь никакого отношения или соучастия в подобных делах. Записи говорят о том, что в присутствии Коттона Мазера действовали другие, более достойные и более компетентные актеры, чем простые дети.

И хотя справедливость требует, чтобы мы воздали Великому Унынию по заслугам, она также позволяет нам сорвать с его соболиных бровей все незаслуженные венки, которые Коттон Мазер и другие доверчиво возложили на них. Оно также и особенно требует, чтобы мы сорвали со светлой головы бесхитростной Марты Гудвин этот значок *мошенничества и самозванства* - эту эмблему дьявольщины, - которым *современное заблуждение* наиболее жестоко и вместе с тем наиболее художественно обвело храмы, кажущиеся достойными *почетного венца* чистого мученика.

РЕТРОСПЕКЦИЯ.

Из числа колдовских дел, происходивших с 1648 по 1688 год, мы приводим шесть случаев, которые дают представление о некоторых явлениях, очень похожих на те, что сейчас называют проявлениями духов. Эффективное прикосновение Маргарет Джонс из

Чарльзтауна, необычайная действенность ее рук и простых лекарств, ее пророческие способности, острота слуха и материализация духа-ребенка на ее руках привели ее на виселицу в 1648 году. Энн Хиббинс из Бостона, по-видимому, из-за остроты слуха, была повешена в 1656 году. Энн Коул из Хартфорда, штат Коннектикут, в 1662 году "усовершенствовала" свои голосовые органы, чтобы произносить мысли, которые никогда не приходили ей в голову, и некоторые из произнесенных через нее слов способствовали осуждению и последующей казни двух Гринсмитов, мужа и жены. В Гротоне в 1671 году дух, управляющий формой Элизабет Кнап, заявил, что он "красивый черный мальчик, а не Сатана". В Ньюбери, в 1679 году, в помещении Уильяма Морса началась дикая пляска кастрюль, чайников, андионов и вообще всякой всячины. А в Бостоне в 1688 году издевательства над детьми Гудвина привели к казни миссис Гловер, "одной из диких ирландцев".

Случаи, разбросанные во времени и пространстве, половина из которых ограничивается одним действующим лицом или страдальцем, и каждый из них сильно отличается от других по многим своим характерным признакам, не могут быть удовлетворительно приписаны приобретенному мастерству в легердемане, гистрионском искусстве, магии или некромантии, без помощи живых мертвецов.

Дикую ирландку, чей грубый язык быстро сопровождался искажениями и страданиями детей Гудвина, звали Гловер. Калеф называет ее "презираемой, сумасшедшей, нездоровой старухой - ирландской римской католичкой". Общественность считала, что она совершила преступление против этой семьи, арестовала ее за это, получила на суде некоторые свидетельства того, что она имела дело с невидимыми существами, объявила ее виновной в колдовстве и повесила. Она, несомненно, оставила за собой право действовать напрямую или через других людей в отношении объектов своего негодования даже после того, как виселица сделает свое максимальное дело над ней самой. Ведь сказано, что "на казни она сказала, что детям не будет легче от ее смерти... и... трое детей продолжали находиться в печи, как и прежде, и она стала в семь раз жарче, чем была, и их бедствия продолжались до тех пор, пока они не стали лаять друг на друга, как собаки, а потом мурлыкать, как многие кошки; они жаловались, что находятся в раскаленной печи, и потели и пыхтели, как будто так и было на самом деле. А потом они говорили, что на них плеснули холодной водой, от чего они очень сильно дрожали. Они жаловались, что их жарят на невидимом вертеле, а затем, что их головы прибиты к полу, и им не под силу оторвать их от него" - "Анналы колдовства", с. 185.

Эти факты были почерпнуты из рассказа Коттона Мазера; они дошли до нас от того, чье влияние и труды, как утверждается, наиболее сильно провоцировали казни за колдовство. Возможно, некоторые из них и стали таковыми. Но представленный им на сайте важный факт и его подтверждение на собственном опыте, что дух казненного психолога может вернуться из-за виселицы, является сокрушительным аргументом против разумности отстранения ее или кого-либо еще с целью прекращения околдовывания. Освобождение духа увеличивает его силы для воздействия на оставшихся в живых смертных. Факты Мазера утверждали, что.

САЛЕМСКОЕ КОЛДОВСТВО.

Всемирно известное и знаменательное проявление необычайных явлений, известное всему миру как *Салемское колдовство*, зародилось и в основном проявлялось в местечке, которое тогда называлось Салемской деревней - территории, отличной от *самого Салема и охватывающей* нынешний город Дэнверс, а также части Беверли, Уэнхема, Топсфилда и Миддлтона, в графстве Эссекс и штате Массачусетс.

Там, в семье преподобного Сэмюэля Пэрриса, священника в деревне, 29 февраля 1692 года, таинственные причины вызвали странные болезни у двух молодых девушек в течение шести предшествующих недель, что вызвало большую общественную тревогу и такое душевное волнение, что гражданские власти были призваны уделить этому вопросу официальное внимание.

Истинное происхождение и реальные авторы и исполнители этой трагедии - один из главных объектов нашего настоящего исследования. Мы не ставим перед собой задачу изложить *полную* историю, но тщательно проанализировать и проверить гипотезы других авторов, а также дать решение проблемы происхождения и определения действующих лиц и эффектов этой трагедии, отличное от распространенных современных. Апхэм, Дрейк и Фаулер сходятся в основных положениях. Все они предположили, что агентами и силами, которые произвели эти чудесные операции, были едва ли, если вообще что-то было, кроме десяти или двенадцати респектабельных девушек, от девяти до двадцати лет, вместе с несколькими замужними женщинами и несколькими мужчинами, добровольно осуществляющими и проявляющими только свои собственные отклоняющиеся конституционные способности и силы, в исполнении трюков, навязываний и злодейств; и не иначе, как с плачевными результатами. Их позиции мы считаем открытыми для достойной атаки, и мы рассчитываем ниспровергнуть многое, что было возведено на них, используя факты, изобилующие в первобытных записях свидетельств, данных на процессах по колдовству, в качестве нашего главного инструментария. Три названных выше толкователя во многом опирались на утверждения о том, что девушки и женщины, о которых шла речь выше, незадолго до странной вспышки ужасов в деревне имели обыкновение собираться *в кружок* и на своих собраниях готовились к эффективному и успешному исполнению того, что вскоре после этого произошло с ними. Как мы знаем и свободно признаемся, наши исследования записей, относящихся к салемскому колдовству, не были полностью исчерпаны; и все же мы много читали, но так и не смогли найти ни одного упоминания о таком круге до его упоминания в нынешнем веке.

Апхэм утверждает (т. ii. с. 2 и 386), что "в течение примерно двух месяцев они" (некоторые девушки и женщины) "имели привычку собираться вместе и проводить долгие зимние вечера *в доме мистера Пэрриса*, занимаясь гаданием, жонглированием и магией".

Дрейк говорит ("Анналы колдовства", с. 189), что "эти женщины устраивали частые собрания или собирали, как это сейчас принято называть, клуб, который назывался кругом. *Как часто они проводили эти собрания, не указано*; но вскоре было установлено, что они собирались, чтобы испытать проекты, совершить или произвести сверхчеловеческие действия".

Фаулер отмечает в книге "Серия Вудворда" (том iii. стр. 204 и 205), что "Мэри Уоррен, одна из самых жестоких обвинительниц, жила с Джоном Проктором", который, "не выдержав собраний девушек, составлявших этот круг", и т. д., сказал: "На собрании этого кружка, в котором участвовала Мэри Уоррен, она была в состоянии выжить". "Именно на собрании

этого кружка из восьми девушек с целью занятий пальмирой и гаданием мы обнаруживаем зародыш или первое начало заблуждения".

Позиция каждого из этих писателей сводится к тому, что обвиняемые девушки на собраниях кружка, которые они проводили, готовились к тем ролям, которые они впоследствии исполняли, и, как говорит Фаулер, "весь их курс, как видно из их показаний, раскрывает много злокачественного".

Апхэм рассказал нам, что эти собрания проходили "в доме мистера Парриса" и что они происходили в течение "примерно двух месяцев... зимой 1691 и 1692 годов". Дрейк не нашел никаких сведений о том, "как часто они проводили эти собрания", а Фаулер находит в них "зародыш... заблуждения". Мы не нашли ни одного упоминания об этом круге в более древних записях и отчетах, и ни один из названных авторов не упоминает источник своей информации. Эти люди, двое из которых являются нашими личными знакомыми и друзьями, не стали бы утверждать ничего, что они не считали бы правдой. Поэтому мы не станем опровергать их утверждения. Тем не менее, мы имеем честь сомневаться, что неопределенное количество собраний в течение двух зимних месяцев, проведенных в собственном доме священника под бдительным присмотром мистера Пэрриса, могло дать этим девушкам возможность многому научиться в тех искусствах, которые не получили бы одобрения преподобного хозяина дома. Не многому они могли научиться на своих немногочисленных собраниях в течение двух месяцев в антихристианских искусствах "пальмии... и гадания"; не многому они могли достичь, чтобы "стать" своими добровольными усилиями "экспертами в чудесах некромантии, магии и спиритизма".

Общая цель всех заявленных собраний "в доме мистера Пэрриса", естественно и почти обязательно, одобрялась им; и, судя по его характеру, можно предположить, что он не был ни добродушным лентяем, который позволяет другим идти своим путем, пусть и нехорошим, ни рассеянным человеком, которого дети или даже умные взрослые могли легко и многократно обмануть и одурачить. Вероятность того, что такой человек, как он, допустил бы неоднократные собрания под своей крышей с целью приобретения знаний и навыков в запретных искусствах, кажется слишком малой. Каковы бы ни были их основания для этого, авторы, на которых ссылаются, подразумевают, что члены кружка девушек и мисс, собираясь, как утверждается, "в доме мистера Пэрриса", очень быстро подготовились к тому, чтобы стать не только самыми эффективными актерами долговременной диссимуляции, самозванства, хитрости, дьявольского обмана и огненной злобы, но и добросовестными составителями и успешными исполнителями чрезвычайно сложных, глубоких и широких планов адских злодеяний против родителей, соседей и всей страны.

Мудрые головы и большие силы, чем те, которыми обладали эти девочки, проявлялись в тех действиях, которые они, казалось, совершали. В литературном смысле они были некультурны; но, несомненно, они подвергались такому хорошему домашнему, социальному, нравственному и религиозному воспитанию и примеру, какие только существуют в обществе. О литературных недостатках девочек свидетельствуют следующие выдержки: - Дрейк говорит: "В целом они были некультурными.

Дрейк пишет: "В целом они были очень невежественны, так как из восьми только две могли написать свои имена. Таковы были героини, которые привели в движение ту потрясающую трагедию, закончившуюся кровью и гибелью". В томе I. стр. 486 Апхэм говорит: "Как эти юные деревенские девушки, некоторые из которых были совсем детьми, а большинство и вовсе неграмотными, могли до такой степени ознакомиться с подобными фантазиями, поистине удивительно..... В Салемском колдовском процессе суеверие средневековья воплотилось в

реальные действия. Все его экстравагантности, нелепости и чудовищности проявились в применении к человеческому опыту".

Такова, согласно их собственным уступкам, слабость агентов, которым историки приписывают представления, кажущиеся сверхчеловеческими, и требующие для их производства интеллекта и сил, превосходящих те, что часто наблюдались в любом обществе. Несмотря на врожденную и непреодолимую неспособность таких людей добровольно придумывать и исполнять то, что им приписывается, эти женщины были искренне представлены как фактические и почти импровизированные разработчики и исполнители столь сложной и эффективной схемы причинения мучений и страданий огромному количеству человеческих существ, какая редко встречалась в анналах расы. Если допустить, что они, благодаря частым встречам в пасторате, стали способны создавать и контролировать разрушительное чудовище, логово и кормовую базу которого находилось в деревне Салем, то можно с уверенностью предположить, что эти встречи якобы проводились ради какой-то благородной цели. Возможно, собрания с какой-то целью и проводились там и тогда, где, по предположению историков, они происходили. Но если это так, то наша привилегия - допустить возможность того, что этими собраниями воспользовались невидимые разумные существа какого-то уровня, чтобы превратить в искусных медиумов тех членов круга, которые по своей конституции были внушаемы и управляемы духами; и если это так, то собрания могли привести к результатам, сильно отличающимся от тех, которые предполагали либо сами участники, либо хозяин дома, в котором они собирались.

В своей общей истории деревни Салем, вводной к истории ее колдовства, Апхэм, указывая географическое положение нескольких мест жительства, а также их отношения и положение в домашней жизни, дает достаточно оснований для очень сильного предположения, что частое посещение спортивных встреч в пасторате должно было быть настолько неудобным и обременительным для некоторых из этих девушек, что они не стали бы посещать их много раз за короткий промежуток времени в два месяца. Энн Патнэм, чувствительная девочка двенадцати лет, и Мерси Льюис, служанка, или "горничная", в семье отца Энн, две самые эффективные ученицы этой некромантической школы, жили вместе в доме, расположенном не менее чем в двух с половиной милях в северо-западном направлении от указанного места собраний. Элизабет Хаббард, важная участница, жила примерно на таком же расстоянии, по другой дороге на восток. По другой дороге и так же далеко, на юго-востоке, жила Сара Черчилль; и так же далеко, на юге, находился дом Мэри Уоррен; и две последние должны были идти разными дорогами, пройдя лишь чуть больше половины пути домой. Каждая из этих пяти была очень заметна среди мнимых обвинителей и настоящих "страдальцев". За исключением Энн Патнэм, каждая из них была достаточно взрослой, чтобы быть эффективной помощницей в домашних делах, и каждая, если не считать Элизабет Хаббард, - а такое исключение вряд ли необходимо, поскольку, хотя она и племянница его жены, она упоминается как "служанка" доктора Григгса, что, вероятно, подразумевает, что она получала вознаграждение за оказанные услуги, - за исключением Энн Патнэм, каждая из них была "не на службе".

Какова, таким образом, вероятность того, что эти пять девушек с большой частотой или регулярностью отправлялись и возвращались домой с откровенно спортивных или некромантических встреч *в пасторате*? Каждой из них пришлось бы преодолеть не менее пяти-шести миль, идя и возвращаясь, в основном по разным маршрутам, в самые короткие зимние дни, по одиночным и кривым дорогам, через мили темных лесов, по зимним снегам и среди морозного воздуха. Какова вероятность того, что такие люди, находящиеся в таком

положении, захотят или получают разрешение от родителей и работодателей часто и регулярно посещать подобные встречи? Небольшая - очень небольшая - потому что и природные, и бытовые препятствия должны были быть велики. Были ли в распоряжении таких девушек лошади, транспортные средства и водители, или даже седельные лошади, чтобы регулярно ездить на такие встречи и обратно? Часто ли такие особы, если они физически сильны и достаточно мужественны, чтобы ходить пешком, были избавлены своими работодателями от необходимости тратить долгие зимние вечера и еще два часа на дорогу, чтобы заниматься "гаданием, некромантией и магией"? Подобные вопросы сами собой напрашиваются на отрицательный ответ. Частое посещение занятий такими членами кружка было практически невозможным. Если они и узнавали много нового на тех немногих собраниях, которые обстоятельства позволяли им посещать в течение двух месяцев, то это были очень способные ученики. То, что они очень сильно изменились и развились в определенных направлениях в результате периодических встреч, очень правдоподобно.

Мы должны признать его вероятную правильность, если бы историк сделал предположение, что два раба-индейца на кухне мистера Пэрриса, Джон Индиан, - это были те самые рабы-индейцы. Пэрриса, Джон Индиан и его жена Титуба, часто развлекали себя и всех молодых людей или других посетителей, которые грелись в уютном свете и тепле от пылающих поленьев в огромном камине Новой Англии холодным зимним вечером, повторяя истории о привидениях и магические предания и совершая любые подвиги в гадании или других мистических делах, которые они могли продемонстрировать или которые могли произойти через них. То, что маленькие девочки, Элизабет, дочь мистера Пэрриса, и Эбигейл Уильямс, его племянница, привыкли проводить холодные зимние вечера в теплой кухне собственного дома, очень достоверно. Мэри Уолкат и Сюзанна Шелдон, жившие по соседству, возможно, часто заглядывали к ним. Но большинство тех, чье поразительное мастерство в исполнении того, для чего, по словам Дрейка, собирался кружок, а именно "для совершения или производства сверхчеловеческих действий", и для *обучения*, как сказал бы Апхэм, как проявить "суеверие средних веков... воплощенное в реальном действии", - *большинство* этих девушек, очевидно, должны были иметь лишь очень ограниченные возможности для обучения и практики в пасторали. Не исключено, что каждая из них периодически присутствовала на кухне в течение двух месяцев той зимы; что каждая из них была пропитана аурами этого места и его обитателей, как видимых, так и невидимых; что физическая и психическая почва каждой из них была там размягчена, а также засеяна семенами, которые принесли нежданные плоды в течение следующих весны и лета.

Медиумистические способности - это врожденные особенности, в значительной степени наследственные и почти всегда поддающиеся особым условиям и окружению для заметного развития. Царь Саул стал пророком, то есть медиумом, только когда встречался, общался и впитывал эманации пророков или медиумов. Посланники, которых он посылал к пророкам, по прибытии на место назначения поддавались новым и развивающимся влияниям и сами внезапно становились пророками. Латентные зародыши спиритуалистических способностей, если их пронизывают ускоряющие ауры, которые часто исходят от позитивных медиумов, часто разворачиваются в медиумизм, так же естественно, как определённые элементы, достигая латентных зародышей во многих человеческих системах, разворачивают их в корь или коклюш; или так же естественно, как прослушивание будоражающей душу музыки заряжает энергией латентные способности многих, на кого действуют её напряжения, и помогает таким людям стать лучшими музыкантами, чем прежде.

Кухня пасторали - то место, где гнездились Джон Индиан и его жена Титуба, - возможно, была той зимой немного Дельфосом или немного Горой Хорреб, то есть местом, где развивающиеся питательные вещества медиумических микробов были собраны в необычном изобилии и действовали нежданно. Мы не только готовы допустить, но и считаем вероятным, что любые восприимчивые люди, которые оказывались в присутствии Джона и Титубы в их особой комнате, могли впитать в себя нежданные и незамеченные свойства, способствовавшие превращению таких посетителей в орудия или инструменты, с помощью которых подлинные авторы салемского колдовства вывели свою работу на публичную сцену и привели ее в исполнение. Подавляя серьезные сомнения в том, что в указанное время проводились регулярные собрания, мы готовы допустить, что время от времени происходили более или менее масштабные сборища, на которых гадание, некромантия, магия или спиритизм становились предметом спортивного или серьезного внимания, а результаты покажут, кто управлял видимыми исполнителями во время упражнений или развлечений.

Апхэм прекрасно риторически и красноречиво пытается показать, что, поскольку они, как он утверждает, проводили ряд собраний для изучения и практики мистических искусств, эти деревенские, неграмотные девушки таким образом и таким образом квалифицировали себя, чтобы придумывать и осуществлять по собственному желанию и благодаря своим гистрионским и злонамеренным способностям, вся та могущественная схема или план, которые его предшественник и он сам возложили на них, не отвечают, совершенно не отвечают справедливым требованиям здравого смысла, который жестко требует наличия сил и агентов, адекватных по своей природе и условиям, чтобы произвести все эффекты, которые им приписывают.

Фаулер, похоже, сделал вывод из некоторых заявлений, приписываемых Проктору, что тот угрожал пойти и заставить Мэри Уоррен покинуть круг. Мы не считаем это так.

Утром 25 марта, то есть на следующее утро после допроса Ребекки Нерс, Джон Проктор сказал, что "идет за своим нефритом" (Мэри Уоррен); "он оставил ее там" (в деревне) "прошлой ночью, и скорее отдал бы 40 центов, чем позволил ей подняться". То есть, очевидно, он скорее отдал бы эту сумму, чем позволил бы ей присутствовать при осмотре миссис Нерс; ибо, продолжал он, "если бы их оставили в покое, старшая, мы бы все быстро стали дьяволами и ведьмами; их скорее надо было бы отвести к столбу для порки; но он принес бы свой нефрит домой и вытолкнул бы из нее дьявола, ...крича, повесить их, повесить их". И еще добавил, что когда у нее впервые начались припадки, он держал ее у колеса и грозил выпороть, и тогда у нее больше не было припадков до следующего дня" (когда) "он уходил, и тогда у нее снова должны были начаться припадки" и т. д. - Woodward's Series, vol. i. p. 63.

Из вышесказанного очевидно, что Проктор возражал против присутствия своей нефриты на допросе обвиняемого - против ее присутствия в суде, а не в кружке, который, по мнению Апхэма, должен был прекратить свои собрания по крайней мере за месяц до 25 марта. И все же С. П. Фаулер утверждает (Woodward's Series, vol. iii. p. 204), что "Проктор, выбившись из терпения *встречам девушек, составлявших этот кружок*, однажды сказал, что собирается в деревню, чтобы привести домой Мэри Уоррен, нефрит". Большинство читателей сделают вывод из такого заявления, что Проктор предлагал забрать девушку из "кружка"; но заявление, из которого аннотатор почерпнул информацию, в сочетании с его датой, ясно показывает, что угрозы привести нефрит домой и выпороть ее были сделаны после собраний кружка и в то время, когда девушки использовались в качестве свидетелей перед следственными судьями. Терпение решительного человека испытывали не собрания *кружка*,

а показания девушек в суде, которые грозили сделать всех людей "дьяволами и ведьмами на скорую руку".

То, что Проктор остановил *припадок*, угрожая выпороть девушку, говорит о том, что припадки были в значительной степени контролируемы чьей-то волей. Это может быть верно в отношении почти всех болезней и недугов тела, но, вероятно, не в такой степени, как в большинстве других видов, когда припадки навязываются волей, не имеющей естественного союза с возбужденным телом. Под влиянием угроз девушка, естественно, будет бороться за то, чтобы полностью овладеть всеми своими силами и способностями, и эти усилия приведут ее собственные элементы в такое смятение, что на какое-то время никакая чужая воля не сможет контролировать ее форму. Угрозы, лекарства определенного типа и многие другие средства могут на время сделать почти любую систему медиума неконтролируемой духами. Спокойствие, как душевное, так и телесное, а также темнота, которая менее позитивна и разрушительна, чем свет, при воздействии на инструменты, созданные и используемые духами, очень помогают контролировать заимствованные формы.

В некоторых своих комментариях (vol. ii. p. 434) Апхам писал более мудро, чем, кажется, знал сам. Слова из его пера гласят, что "одним из источников заблуждения 1692 года было незнание многих естественных законов, которые были открыты современной наукой. С тех пор было накоплено огромное количество знаний по этим вопросам". Правда, правда, правда. И если бы автор этого заявления был знаком с важными частями этого "огромного количества" новых "знаний", он сам, как и те, кто лучше разбирается в определенном классе современных открытий, увидел бы и почувствовал совершенное ребячество своей попытки сделать этих деревенских девушек сознательными организаторами, порочными и злобными актерами всей огромной, сложной и ужасающей трагедии салемского колдовства.

Он мог знать, когда писал, он должен был знать, что доктор Роберт Хейр из Филадельфии, выдающийся ученый с широким кругозором, в 1855 году опубликовал миру строго научную *демонстрацию* того, что некий невидимый агент, достаточно умный, чтобы понимать и выполнять словесные просьбы, неоднократно двигал руки весов-балок вопреки обычному действию гравитации. Наука, там и тогда, открыла существование некоего естественного закона или законов, которые позволяют невидимым и бестелесным разумным существам при определенных условиях оказывать воздействие на материю с силой и в масштабах, которые человек может измерить в фунтах авоирдупуа. Это единственное достижение современной науки учит мудрости освобождения кажущихся дьявольскими и озорными детей от обвинений в том, что они воплощенные дьяволы, пока мы не выясним, не могли ли некоторые существа с большей силой и другими склонностями узурпировать контроль над юными и податливыми человеческими формами и через них проявлять планы и шалости, которые зародились в сверхъестественных мозгах и были осуществлены с помощью таких сил, которыми могут манипулировать не ниже развоплощенных интеллектов.

Очевидно, что тот, кто знал, что наука сделала недавние открытия, позволял себе оставаться в неведении относительно того, что для него, как историка колдовства, было наиболее актуальными и важными частями недавно полученных знаний; в неведении относительно тех частей, которые были наиболее тесно связаны с философским решением тайн, пронизывающих историю, которую он разрабатывал. Его слепота к тому, что наука - да, точная физическая наука с ее жесткими процессами взвешивания и измерения - положительно *продемонстрировала*, говорит о его недостатках и указывает на нефилософскую позицию любого историка или критика чудес света, который со дня Хара игнорирует свет, излучаемый его демонстрацией, и продолжает брести во тьме, которую использование этого света могло бы рассеять. Включите в каталог природных агентов и сил

все те, чье существование и действие наука, примененная доктором Хейром двадцать лет назад, а также мистером Крукс и другими в Англии совсем недавно, подкрепленная наблюдениями и тестами тысяч менее эрудированных *людей, продемонстрировала*, и тогда все поводы смотреть на наших отцов как на тупиц, а на их дочерей как на искусных дьяволиц, сразу же исчезнут. Два века назад земля Новой Англии не была населена в основном болванами; а даже если бы это было так, их потомство не было бы ни обезьянами, ни гиенами.

Поскольку работа доктора Хейра, озаглавленная "Спиритизм, продемонстрированный с научной точки зрения", может быть недоступна многим читателям, мы приводим его описание одного показательного процесса со страницы 49, а именно

"Доска, длиной около четырех футов, опирается на стержень, как на точку опоры, примерно в одном футе от одного конца, и, конечно, в трех футах от другого, который подвешен на пружинных весах. Стеклянная ваза диаметром около девяти дюймов и высотой пять дюймов с ручкой, за которую она держалась, при переворачивании вставлялась в отверстие, сделанное в доске на расстоянии шести дюймов от точки опоры. Таким образом, ваза покоилась на доске горлышком вверх. Клетка из проволоочной сетки, используемая для защиты сахара от мух, была устроена известным способом таким образом, чтобы скользить вверх или вниз по двум железным стержням, по одному с каждой стороны подставки, поддерживающей точку опоры. С помощью этих приспособлений он опускался в вазу до полутора сантиметров от дна, в то время как неполноценность его размеров не позволяла ему приблизиться к пристеночным стенкам вазы на расстояние сантиметра. Вода была налита в вазу так, чтобы она поднималась в клетку до полутора дюймов от края. Известный медиум (Гордон) был побужден погрузить свои руки, сцепленные вместе, на дно клетки, держа их совершенно неподвижными. Как только эти условия были достигнуты, к аппарату никто, кроме описанного медиума, не прикасался, я призвал на помощь своих друзей-духов. На конец доски, прикрепленной к весам, неоднократно оказывалась направленная вниз сила, равная почти трем фунтам веса;... расстояние крючка весов от точки опоры, на которой поворачивалась доска, было в шесть раз больше, чем клетка, в которой находились руки. Следовательно, должна была быть приложена сила в $3 \times 6 = 18$ фунтов".

Вышеупомянутый эксперимент был проведен в собственной лаборатории доктора Хейра, в присутствии и под пристальным вниманием Джона М. Кеннеди, эсквайра, и был выполнен с особой тщательностью, поскольку профессор Генри только что расценил подобный результат, полученный ранее, как невероятный. На странице III в книге приведена схема, иллюстрирующая аппарат доктора Хейра. Этот экспериментатор, которого Альфред Р. Уоллес называет передовым химиком Америки, потратил много лет на создание и использование в качестве ученого различных приборов для проверки присутствия и действия тонких сил в природе, и он был компетентен знать и знал так хорошо, как никто другой из великого сонма ученых, когда результаты были получены с положительной уверенностью. Он *доказал*, что некая невидимая и разумная сила движет лучом его весов вопреки действию гравитации. Вышеупомянутая демонстрация, сопровождаемая многими другими доказательствами воздействия духа на материю через медиумов, была опубликована за двенадцать лет до того, как Апхам выпустил свою работу. Поэтому он либо не знал, либо игнорировал поздние открытия науки, которые имели революционную применимость к тем самым теориям, которые он излагал.

Красноречиво описав печальные результаты колдовства, этот автор говорит (vol. ii. p. 427): "Пусть эти результаты навсегда останутся заметными, маяками-памятниками, предостерегающими нас и грядущие поколения от суеверий в любой форме и всех

легковерных и тщетных попыток проникнуть за законные пределы человеческого знания". Если когда-либо и была *"легковерная и тщетная попытка"* проникнуть за законные границы человеческого знания", то она была предпринята тем, кто пытался установить, что зорким, энергичным, здравомыслящим, добродетельным, религиозным мужчинам Массачусетса в XVII веке не хватало здравого смысла и что их маленькие девочки соперничали в злобе с самим Сатаной. Наиболее серьезно мы задаемся вопросом, являются ли силы, которые могут быть измерены и измерялись с помощью осязаемых весов, "за пределами законных границ человеческого знания?". Мы спрашиваем, существуют ли где-нибудь во Вселенной границы, за которыми человек может незаконно искать агентов и силы, которые привычно или время от времени законно воздействуют на него в этой земной жизни?

Вышеприведенная цитата наводит на другой вопрос. Разве позитивное знание о том, что в царстве природы существуют невидимые агенты и силы, которые могут законно проявлять явления, когда-то считавшиеся колдовством, не переведет эти явления из области суеверий или преступлений в область науки или благодеяний? Несомненно, это так. И, следовательно, как можно эффективнее обезлюдить область суеверий, чем вывести ее обитателей и колонизировать их на землях знаний и науки? Должны ли мы последовать совету историка и продолжать оставлять то, что невежество называет хобгоблинами и призраками, окутанным ужасающим туманом, и тем самым помогать им оставаться для грядущих поколений такими же ужасными существами, какими они были для поколений прошлых? Или же мы, с другой стороны, сейчас, пока опыт и наука показывают, что такая работа осуществима, будем продвигать открытия вперед, пока не найдем законы и не узнаем условия, позволяющие приблизить к нам развоплощенных существ, а также разрешающие самые благотворные взаимные действия между ними и нами, как только знакомство, уверенность, спокойствие и взаимное доверие сделают их доступ легким? Что же нам делать? Что будет наиболее научным? Какой из них наиболее благосклонен к Богу и дружелюбен к человеку? Что? Незнание или знание сил и обитателей природы - большее благо? Что? Прочь невежество там, где можно получить знания.

Мы предпочитаем узнавать о вселенной и ее обитателях столько, сколько Бог дает нам сил и возможностей для этого; не боясь Его порицания, но надеясь заслужить Его одобрение. Когда человек узнает, что выходцы из причудливых царств страны духов - это всего лишь эмансипированные дети Земли, возвращающиеся в свои прежние дома, крик о том, что приходят дьяволы, теряет всякую поразительную силу. Вера и даже знание иногда говорят: "Это мои друзья и близкие, и те, кто меня любит, находятся в окружении хозяев, и я сделаю все возможное, чтобы облегчить их более разумный подход; протяну им руку дружбы и помощи".

Только суеверие и невежество дрожат и прячутся перед гостями, пришедшими из невидимых царств; знание же стоит на месте и встречает их с радостью и приветствием.

"Законные границы знания"! Где они? Конечно, не в той области, где знание может вытеснить невежество и вытекающие из него суеверия.

Возможно, лишь немногие, кто доверяет существенной точности передаваемых фактов о колдовстве, не согласятся с очевидным смыслом слов Хатчинсона о том, что "некоторые из них кажутся более чем естественными", то есть, как мы полагаем, он имел в виду, что для их производства, похоже, требовалось нечто, выходящее за рамки признанных способностей воплощенных человеческих существ. Однако, несмотря на такую видимость, он пытался заставить другие умы поверить в то, что в их проявлении участвовали мошенничество и злой умысел, действующие на доверчивость, иными словами, коварные и злобные воплощенные

человеческие существа, и никто другой. Апхам и Дрейк не только последовали примеру Хатчинсона, исключив невидимых агентов, но и не признали, что некоторые факты *кажутся* более чем естественными. Они слепо воображают, что находят в человеческих умах и сердцах резидента, кажущегося блестящим и добрым, способности к хитрости, злобе и могуществу, которые срывают с чела сатаны все лавры, которые мир присвоил ему за его мнимую доблесть на колдовских полях сражений. Как представитель человеческой расы, мы протестуем против подобной клеветы на наших сородичей, воплощенных людей, ни один из которых, пока жил здесь, внизу, никогда не плавился в огне, достаточно горячем, чтобы вызвать из своих внутренностей некоторые силы, которые действовали через их формы - силы, которые, по общему выражению, хотя и не в абсолютном факте, были "более чем естественными". О страшно загадочных событиях долгое время говорили и сейчас часто говорят, что они порождены существами или, по крайней мере, одним особым существом, скрывающимся где-то далеко за пределами природы. Но каждый тайник даже Старого Ника находится где-то в этих пределах, и даже он никогда и нигде не может действовать иначе, чем подчиняясь законам природы. Как далеко вверх, вниз, вокруг простираются и действуют природные силы и агенты? Если существует фиксированный предел, ограничивающий сферу действия природы, то где он? Когда жизнь покидает тело человека, являются ли силы, которые продолжают действовать на его невидимый дух, независимо от того, продолжает ли он быть или перестает быть сознательной индивидуальностью, - являются ли силы, которые затем действуют на него и переносят его в соответствующее положение в сферах духа, *природными* силами, или же это другие силы?

Когда человек вырывается из своей грубой и вялой оболочки и становится - как учит повторное появление многих представителей расы - освобожденным духом, он не вырывается из царства природы и не переходит туда, где природные субстанции и силы перестают поддерживать и действовать на него. Слово "сверхъестественный", как и его эквивалент, "более чем естественный", часто вводит в заблуждение; оно склонно порождать предположение, что природа *заканчивается* там, где человек перестает воспринимать ее внешними чувствами. Однако, как мы считаем, абсолютно все существа, включая даже Бога, и все вещи являются частью природы, так что слово "сверхъестественный" едва ли может найти место для жесткого, безоговорочного применения. Здесь нет возражений против его обычного применения, если оно не используется для передачи идеи о том, что вещи, к которым оно применяется, являются работой разума, находящегося вне контроля и ограничений универсальных законов или сил; если оно не подразумевает, что эти работы являются тем, что в теологии называется чудесами, то есть действиями, "противоречащими установленному ходу вещей". Такие действия, вероятно, никогда не происходили и не могут произойти. Высшие и непризнанные законы используются всякий раз, когда известные законы мешают своим результатам, как, например, когда магнит поднимает сталь вверх вопреки гравитации: гравитация работает с такой же устойчивостью и силой, как и прежде, в то время как магнит с силой тянет против нее. Уравновешивающая магнитная сила не действует "вопреки установленному ходу вещей", а просто выполняет свои функции в полной гармонии с этим ходом; так и со всеми таинственными событиями в огромной Вселенной. Все движется, повинаясь закону; все события являются результатом действия универсальных сил, ни одна из которых никогда не нарушается и не приостанавливается, хотя иногда некоторые из них сдерживаются другими и противодействующими силами от проявления своих обычных результатов.

Все чудеса древнего и современного спиритизма могли иметь место, и все же ни одно из них не было, по сути, "более чем естественным", как бы ни привыкли считать их некоторые умы. Возьмите психические силы как естественные инструменты, возьмите как воплощенные, так

и развоплощенные разумные существа, обладающие навыками и силой для управления такими силами, и вместе с ними возьмите также других людей, обладающих особой восприимчивостью к психическим воздействиям, и тогда в ваших представлениях будет достаточно естественных средств для производства всех чудес, когда-либо описанных в истории человечества, и все они могли быть произведены без какой-либо помощи или препятствий со стороны Бога или дьявола, чем мы все получаем в обычных действиях повседневной жизни. Добавьте сюда то, что подразумевается под магнетизмом, или месмеризмом, или психологией, или психизмом, или любым другим термином, выражающим действие на человека и внутри него, которое позволяет либо его собственному духу-чувствам, либо силам какого-то внешнего интеллекта играть в нем независимо от внешних или физических чувств владельца и превосходить их, и тогда мы получим подходящий и адекватный инструмент, с помощью которого конечный разум может законно производить все чудеса, которые когда-либо наблюдали человеческие глаза. Профессор Кромвель Ф. Варлей, один из самых выдающихся английских электриков, сказал, выступая перед комитетом Лондонского диалектического общества: "Я считаю, что месмерический транс и духовный транс производятся одинаковыми средствами, и я считаю, что месмерические и духовные силы - это одно и то же. Они оба являются действием духа, и разница между духовным и месмерическим трансом, как я полагаю, заключается в следующем: в месмерическом трансе воля, которая подавляет пациента или входит в него, находится в человеческом теле; в духовном трансе воля, которая подавляет пациента, не находится в человеческом теле".

Позиция, занятая мистером Варли, чьи наблюдения были сделаны в основном в его собственном домашнем кругу, и чьи профессиональные занятия заставили его быть постоянным и тщательным наблюдателем природы, свойств и действий тонких сил, заслуживает большого уважения. Его точка зрения, вероятно, согласуется с выводами большинства умов, тщательно изучавших проявления месмеризма и спиритизма. Эти два изма, согласно некоторым взглядам на них, по сути, едины по своей природе, причем последний является бабочкой или мотыльком, появившимся из первого. Бабочка и мотылек - это одно и то же существо, находящееся на разных стадиях развития. Множество человеческих существ, поднявшихся и поднимающихся от низших ступеней развития к высшим, обитают вдоль линии, где сливаются материальное и духовное, и некоторые из них в значительной степени являются земноводными - они могут двигаться и действовать в одной из двух аур. Более молодые или менее продвинутые месмеристы, облаченные в плоть, преимущественно пребывают в материальном, в то время как духи имеют свое наиболее благоприятное место жительства, как правило, за пределами того, где простирается осязимо материальное; но любой из этих классов может временами подчинять своему контролю физические системы многих человеческих существ.

С помощью этого психизма, или этого проявления силы души, может поддерживаться взаимное действие или общение между тем, что обычно называют материальным и духовным мирами, оба из которых абсолютно естественны и пронизаны взаимодействующими природными силами, которые находятся на службе у особым образом наделенных, или сформированных, или раскрытых личностей, которые компетентны или могут стать компетентными и расположенными к их использованию. Развоплощенный дух нуждается в особом разрешении или помощи Всемогущества для воздействия на людей и материю не больше, чем ныряльщик - для глубоких спусков под поверхность воды. Естественное разрешение духам перевоплощаться в осязаемую материю или действовать на ней столь же свободно и полно, как человеку - облачаться в подводную броню.

Все это мы сказали для того, чтобы раскрыть наши точки зрения на наблюдения и рассуждения, относящиеся к салемскому колдовству, а теперь перейдем к более непосредственному рассмотрению этой особой темы.

В деревне Салем около дюжины человек, в основном названные ранее девушки, подвергались странным и жестоким мучениям с небольшими интервалами в течение нескольких месяцев. Они часто испытывали конвульсии, судороги и очень острые страдания. Временами многие из них становились глухими, немыми, слепыми и т. д. На взгляд наблюдателей, они лично совершали самые странные и невероятные подвиги силы и симуляции, а также произносили удивительные речи. Из-за этих поступков и страданий их после нескольких недель наблюдения сочли "находящимися под злой рукой" - их объявили *заколдованными* и называли, на языке того времени, "страждущими".

Согласно верованиям того времени, ни один человек не мог быть околдован иначе, чем через какого-то другого воплощенного человека, который вступил в договор с *дьяволом* и добровольно стал его орудием или агентом. Предполагалось также, что страждущие могут понять, кто именно является тем человеком или людьми, через которых дьявол их мучает. Поэтому страдальцев дразнили, уговаривали или побуждали назвать того или тех, кто причиняет им страдания. Тех, кого страдальцы называли виновниками своих недугов, называли обвиняемыми или говорили, что на них "кричат".

Вера в способность страдальцев точно определять своих обидчиков была тогда широко распространена; но, хотя она, вероятно, была порождена фактами из человеческого опыта и сама по себе в корне верна, ее неосторожно и вредно применяли. Медиумическое или психологическое состояние часто делает своих субъектов практически независимыми от времени, пространства и грубой материи, и делает их обладателями способности чувствовать, или, скорее, *ощущать*, контакт со свойствами некоторых особым образом устроенных смертных, даже если такие люди в то время физически находятся за много миль. Люди, от которых исходят такие волнующие эманации, как правило, сами являются медиумами.

Если внутренние или духовные органы восприятия мистера Пэрриса, доктора Григгса, Томаса Патнэма и их коллег-консультантов, о которых мы будем говорить далее, были неразрывно связаны с их внешними телами, так что они были, *par excellence*, немедиумистическими, их присутствие рядом с телами людей, наделенных аномальными свойствами духами, могло бы быть незаметным для очарованных, в то время как бедная, "меланхоличная, рассеянная" (?) Сара Гуд, или "лежачая" миссис Осберн (о которых речь пойдет на одной из следующих страниц), обладающие высоким уровнем медиумизма, могли бы, находясь в то время в своих далеких домах телесно, присутствовать как духи, и их эманации могли бы отчетливо ощущаться страдающими девушками и быть ими зримо прослежены до их источников. Медиумистические состояния или вхождения, как бы они ни были вызваны, часто приводят их субъектов к общению с другими медиумами на расстоянии, в то время как они так же часто закрывают чувствительность к присутствию физически заключенных или очень слабо впечатлительных людей, которые находятся рядом. Поговорка о том, что "птицы слетаются вместе", очевидно, имеет более постоянное применение за пределами доминирующего влияния гравитации, чем внутри него - больше среди относительно свободных духов, чем среди жестко скованных телом.

На то, что существуют особые оккультные силы, действие которых часто позволяет медиумам, находящимся под манипуляциями духов, уверенно знать, что эманации от особых человеческих организмов действуют на них их удовольствия или раздражения, очень ясно

указывает опыт некоторых современных медиумов; ведь часто можно услышать, что они говорят о влиянии, приходящем им на помощь или во вред от конкретных людей, которые, как известно, в это время находятся за много миль от них. Медиумистические интуиции часто очень точно прослеживают влияния до какого-то определенного мирского источника; этот источник часто является тем местом, где развоплощенный действующий дух получает такой эквивалент нервного флюида, который необходим, чтобы дать ему или ей контакт с материей и контроль над ней. Некоторые медиумические системы могут иногда содержать достаточно таких квазинервных элементов, чтобы удовлетворить все потребности управляющего духа, в то время как другие обычно испытывают их недостаток в такой степени, что для восполнения дефицита приходится черпать их из других систем, более или менее удалённых от точки применения. Если на измученных и истерзанных детей в семье мистера Пэрриса воздействовали духи, они могли бы иногда *ощущать*, что силовое воздействие на них исходит от телесных форм конкретных живых людей. Обширные наблюдения и опыт человечества на протяжении веков привели к выводу, что околдованные люди могут определять тех, от кого исходит их воздействие. Поэтому наши отцы с сознанием собственной правоты спрашивали любого, кто, по их мнению, находился под "злой рукой": "Кто причиняет тебе боль?" Они ждали ответа и, если он приходил, считали его правильным. Таким образом, по логике вещей они должны были верить в точность любых ответов, которые могли бы исходить из уст страдальцев, если бы их вера была главной предпосылкой. Насмешки над верой в то, что психологизированные люди знают, от кого исходит сила, порождающая их состояние, могут утверждать, что в мозгу чихающего меньше знаний о силах и агентах, которые иногда действуют на людей, чем в головах тех, кто в прежние времена пытался узнать у заколдованных девушек, какие именно люди их поразили. Мир, узнавая много нового, возможно, забывает некоторые важные знания.

Вера многих наших предков в то, что страдающие обычно знают, что силы, вызывающие страдания, исходят от тех, кого они называли, хотя и была в значительной степени правильной сама по себе, оказалась крайне губительной в своем применении из-за сопутствующей ей ошибочной веры в то, что такие силы могут исходить только от тех, кто находится в согласии с ужасным дьяволом колдовства. В те времена сам факт того, что человек является каналом, по которому могут течь оккультные чудотворные силы, был доказательством того, что он или она присягнули на верность и заключили договор с лукавым. Это была особенно большая и губительная ошибка, породившая колдовство. Восприимчивость, которая на самом деле была лишь природным даром, рассматривалась как приобретение, полученное в результате дьявольского договора. Некоторые законы психологии, частично открытые и постигнутые сейчас, тогда и не снились; а выводы из ложных предпосылок или из ошибочной веры, применяемые тогда здравомыслящими и добрыми людьми для благородных целей, да, для славы Божьей и защиты человека, приводили к невыразимым бедам.

В деревне Салем больше всего *пострадали* Элизабет, дочь мистера Пэрриса, девяти лет; Эбигейл Уильямс, его племянница, одиннадцати лет; Энн Путнам, двенадцати лет; Мерси Льюис, семнадцати лет; Мэри Уолкат, семнадцати лет; Элизабет Хаббард, семнадцати лет; Элизабет Бут, восемнадцати лет; Сара Черчилль, двадцати лет; Мэри Уоррен, двадцати лет: к ним можно добавить миссис Энн Путнам, мать девочки того же имени; также миссис Поуп и миссис Биббер. Почти все они занимали очень хорошее положение в обществе, и многих из них окружали и опекали такие же умные, нравственные и религиозные люди, как в этом или любом другом приходе по соседству. Да, из среды молитвенного дыхания, света разума, сильного авторитета и сдерживающего влияния религии эти уважаемые и, несомненно, в целом приятные, совестливые и добросердечные девушки и женщины в течение всех своих предыдущих лет вдруг стали произносить обвинения, которые тогда считались самыми

ужасными, сначала против своих соседей и знакомых, а затем и против незнакомых людей, живущих в отдалении от них; против низких и высоких, порочных и добродетельных, слабоумных и сильных умом. И в своей странной и опустошающей работе эти люди, прежде отличавшиеся образцовым поведением, шли слаженно, подбадривая и укрепляя друг друга и не выказывая ни малейшего сожаления. Это яркий и поразительный пример того, чего могут достичь смертные языки! И все же эти языки, возможно, лишь описывали то, что воспринимали органы чувств.

История утверждает - нет, не история, а ошибочное предположение - что спортивность, злоба, любовь к дурной славе и тому подобное, присущие умам и сердцам тех молодых девушек и женщин, были главными стимулами и производителями тех ужасных, убийственных обвинений и заявлений, которые срывались с их юношеских уст. Это было не так. С таким же успехом можно назвать карандаш или ручку злобным обвинителем, если они сделаны для записи злобных обвинений, как и назвать этих девушек зачинщиками и исполнителями многих сцен, которые были представлены с помощью их тел.

Мы приводим следующую цитату из церковных записей, написанных самим преподобным мистером Пэррисом, в доме которого произошел великий и ужасный переполох

"Совершенно неоспоримо, что наш Великий и Благословенный Бог, преследуя мудрые и святые цели, допустил, чтобы многие люди в нескольких семьях этой маленькой деревни подвергались тяжким телесным страданиям и мучениям и были сильно искушены, чтобы подвергнуть опасности гибель своих душ, и все эти удивительные подвиги (хорошо известные многим из нас) были совершены с помощью колдовства и дьявольских операций.

"Хорошо известно, что когда эти бедствия впервые начались, а это было в моей собственной семье, недуг был" (существовал) "*несколько недель*, прежде чем были заподозрены такие адские операции, как колдовство; кроме того, он никогда не выходил на значительный свет, пока не были использованы дьявольские средства, путем приготовления пирога моим индейцем, который получил указания от нашей сестры Мэри Сибли. С тех пор явлений стало много, и за ними последовало очень много бед. Но этим способом (похоже) дьявол был поднят среди нас, и его ярость яростна и ужасна, и когда он умолкнет, одному Господу известно".

Только что приведенные высказывания исходили от человека, чье положение и умственные способности позволяли ему быть столь же важным свидетелем, каким мог быть любой другой человек; они исходят от человека острого ума и готового к восприятию, который видел сцены *салемского* колдовства на первых, внешне заметных стадиях их развития, а также на протяжении большинства их последующих разворачиваний и катастрофических действий. Эти заявления были получастными; они были сделаны в *церковных*, а не приходских записях; они были сделаны для того, чтобы их читали те, кто придет после него, а не те, кто был в его собственное время. И в этих записях он утверждает, что "удивительные подвиги" совершались "*с помощью колдовства и дьявольских операций*". Что же это были за подвиги? Про весь салемский круг специалистов по "некромантии, магии и спиритизму" было сказано, что "они пролезали в норы, под скамейки и стулья, принимали странные и неестественные позы, делали дикие и античные жесты, произносили бессвязные и нечленораздельные звуки. Они бились в судорогах, падали бесчувственными на пол или корчились в агонии, испытывая ужасные мучения и издавая громкие и страшные крики" - *История колдовства и деревни Салем*, т. ii. с. 6.

Остроумный наблюдатель, который также точно и методично описал часть упомянутых действий, говорит, что страдальцев "напрасно" лечили медикаментозно; что "они часто были

очень глупы в своих припадках и не могли ни слышать, ни понимать, по мнению стоящих рядом"; что "когда с ними говорили о Боге или Христе... они тут же впадали в ужас"; что "иногда они рассказывали на значительном расстоянии, да, за несколько миль, что такие-то и такие-то люди страдают, что, как выяснилось, происходит в соответствии со временем и способом, которым они это рассказывают; и они говорили, что призраки подозреваемых людей говорили им об этом"; что "они утверждали, что видели призраки нескольких умерших людей"; что "у одной, во время допроса подозреваемой, была проколота булавкой нижняя и верхняя губа, когда ее вызвали говорить, но после того, как ее вытащили, не последовало явного нагноения"; что "некоторые из пострадавших.....в открытом суде... были связаны между собой настоящим шнуром невидимым способом"; что "некоторых страдальцев затаскивали под столы и кровати с помощью незаметной силы"; что "когда они испытывали самые сильные страдания, если их подводили к обвиняемому и клали на них руку подозреваемого, они немедленно избавлялись от мучений"; что "иногда в припадках у них вытягивали изо рта языки на страшную длину,а руки и ноги... выкручивали так, будто они были совершенно вывихнуты, и кровь обильно вытекала у них изо рта в течение значительного времени; я видел, как несколько человек были сильно напряжены и истекали кровью,конечно, все внимательные люди, которые видели эти вещи, должны быть убеждены, что их движения в припадках были сверхъестественными и произвольными, ...они намного превосходили обычную силу тех же людей, когда они были в здравом уме"; что "их глаза были, по большей части, быстро закрыты в припадках транса, и когда им задавали вопрос, они не могли ответить; и я действительно верю, что они не слышали в это время; тем не менее, они разговаривали с призраками, как с реальными людьми" - Деодат Лоусон.

Они утверждали, что "*видели призраки нескольких ушедших людей*" и "*беседовали с призраками, как с реальными людьми*". Это похоже на спиритизм.

Приведенные выше выдержки описывают лишь часть удивительных подвигов.

Мистер Пэррис полагает, что этот обширный дьяволизм начался благодаря тому, что его индеец Джон приготовил особый пирог. Читатель, вероятно, либо усмехнется, либо улыбнется, когда узнает, что один священнослужитель в прежние времена считал вероятным, что оскорбительная для изысканного вкуса смесь (пирог из муки, смешанной с мочой страдающих детей) была настолько аппетитна для дьявола, что привлекла его с привычного расстояния в тесную близость со смертными и увеличила его силу причинять им страдания. Возможно, этот священнослужитель читал то, с чем читатель может ознакомиться, обратившись к заключительной части главы iv книги Иезекииля, где предписывается приготовление пищи для пророка, пока он проходил процесс обучения уступчивости под манипуляциями некоего невидимого разума - приготовление пищи, которая была не менее оскорбительной, чем такой пирог, как предоставил Джон Индиан.

Мы не находим большой производящей причины *удивительных подвигов*, которые совершал мистер Пэррис, и не готовы считать рецепт Мэри Сибли очень эффективным. Тем не менее мы можем допустить возможность того, что настоящий автор этих подвигов присутствовал при том, как Джон замешивал пирог, заквашивал его сверхземными дрожжами и использовал его в качестве инструмента для более тесного, чем прежде, контакта с человеческими телами, из которых была получена часть ингредиентов пирога.

И духи, и развернутые медиумы часто либо предписывают, либо применяют - как Иисус, когда лечил слепого пациента, накладывая пластырь из собственной слюны и уличной пыли - вещи, которые человечество в целом сочло бы либо оскорбительными, либо инертными. Человеческие медиумы могут быть, и, по наблюдениям тысяч ныне живущих, часто бывают,

вынуждены готовить странные составы и прописывать их больным, страдающим и неподатливым медиумам.

Кто был "мой индеец"? Да; кто тот пекарь, чей пирог воскресил дьявола и вызвал необычайное обилие явлений? Мистер Пэррис, до того как стать служителем Евангелия, был купцом на Барбадосе, и во время начала странных подвигов, о которых идет речь, в его семье было несколько слуг, которых он называл индейцами; но, вероятно, это были уроженцы либо одного из Вест-Индских островов, либо соседнего побережья Южной Америки, которых он привез оттуда и которые, несомненно, по своей природе были менее твердыми и самостоятельными, чем обычно бывают наши северные индейцы. Двое из этих слуг, или рабов, а именно Джон Индиан, пекарь, и его жена Титуба, были одними из первых, если не самыми первыми, кто поддался и подчинился тем особым влияниям, которые развили рассматриваемые нами ужасные события. Эти два скромных, невежественных, слабоумных раба могли быть, и мы считаем, что они были, хотя и неумышленно и неосознанно, очень эффективными помощниками во внешнем проявлении того, что их хозяин правильно назвал "удивительными подвигами".

Джон, насколько можно судить по записям, был примерно таким же медиумом, как царь Саул; то есть таким, которого можно было заставить падать и кувыркаться неприличным образом. Возможно, в его составе были, а возможно, и нет, свойства, которые очень помогали духам получать контроль над другими людьми. Однако, как бы то ни было, он не был заметным медиумом и, насколько можно судить, имел мало отношения к событиям, которые так беспокоили его хозяина и соседей. А вот его жена, Титуба, заслуживает подробного внимания и тщательного изучения. Еще до начала наблюдаемых действий она была ясновидящей и яснослышающей, и ее помощи в удивительных подвигах, которые происходили, заранее попросил ночной гость, которому не нужно было открывать дверь. Она вошла за сцену - за завесу плоти, - и ее духовные глаза увидели главного управляющего. Она - главный свидетель в этом деле. Она была медиумом, легко поддающимся контролю, и, подобно Агассису, сохранила свое сознание и память о пережитом, пока ее форма была подчинена чужой воле. Очевидно также, что она была необычайно хорошим развивающимся медиумом, или, другими словами, ее конституциональные свойства были таковы, что значительно помогали духам развивать медиумическую восприимчивость других людей.

Эта скромная, неграмотная рабыня, помимо того, что она, по-видимому, была главным фокусом или резервуаром сверхъестественных сил, породивших салемские чудеса, была одной из первых трех человек, которые были арестованы и предстали перед гражданским трибуналом по обвинению в колдовстве. Ее показания на допросе были очень подробно записаны одним из двух магистратов, которые вели процесс. И переданные слова этого простодушного существа, чей интеллект был неспособен предвидеть последствия ее ответов и заявлений, проливают больше света на происхождение и развитие, а также на природу и истинный характер салемского колдовства, чем все, что исходило из других уст или из-под пера ее современников, или что было получено от последующих историков. Ее медиумические способности позволили ей попасть туда, где она была фактическим наблюдателем настоящего автора и действующих лиц той памятной драмы. Ее знания были получены непосредственно через один набор ее собственных органов чувств, и поэтому она могла говорить и, по-видимому, говорила просто и правдиво о лицах и сценах, которые познали ее внутренние органы чувств. Она *знала* больше, чем все ее обвинители и судьи, вместе взятые, о вопросах, которые рассматривались на ее процессе; и если бы те, кто тогда

председательствовал, были достаточно благородны, чтобы учиться у такого свидетеля, и достаточно одноглазы, чтобы признать в своем уме буквальный смысл ее простых заявлений, ужасы, которые произошли впоследствии, никогда бы не произошли. Но вера тех времен не допускала такого возвышения.

Общая, если не сказать единообразная откровенность Титубы и предельная простота ее ответов вызывают уверенность в намеренной и существенной правдивости ее заявлений. Мы считаем несправедливым сомневаться в ее правдивости. А общая точность ее показаний теперь становится достоверной благодаря тому, что они согласуются с массой фактов, относящихся к спиритизму. Если признать истинность и точность ее слов, - а так и должно быть, - то мы узнаем, что в течение "нескольких недель", на протяжении которых больные дочь и племянница мистера Пэрриса лечились у врача и за ними ухаживали члены семьи и друзья, не подозревая о колдовстве, Титуба была уверена, что нечто, похожее на человека, невидимое для внешнего чувства, посещало ее саму и искало, а иногда заставляло ее сотрудничать в щипании двух маленьких девочек и в производстве их кажущихся болезней. Ее опыт доказал ей, что страдания детей были намеренно причинены разумным существом, похожим на человека. Ее показания доказывают нам то же самое.

Подобные показания, данные такой ничтожной личностью, как она, в суде, члены которого твердо верили в такого дьявола и в такое вероучение, как описано в нашем Приложении, даже если бы они были правильно поняты, заставили бы судей поверить, что она фактически призналась в том, что заключила завет с лукавым. Из их предпосылок они не могли логически сделать никакого другого вывода. Возможно, к несчастью для нее, но не для нас сегодня, ее интеллект был слишком слаб, чтобы понять выводы, которые будут сделаны из ее слов. Не боясь последствий, она могла откровенно рассказать о своих переживаниях и наблюдениях; она сообщила точные факты и подвела прочную историческую базу под утверждение, что странные болезни, обрушившиеся на маленьких девочек в доме мистера Пэрриса, были намеренно и целенаправленно наложены бесплотным духом или группой духов.

Устами не только младенцев и грудных детей, но и взрослых людей со слабым интеллектом факты излагаются порой лучше, чем теми, чей интеллект поколеблен страхом перед ужасными последствиями, которые могут последовать за откровенным и полным раскрытием своих знаний. С сайта Титуба сообщила факты, на которые мы должны обратить пристальное внимание. Прочтение самых полных протоколов ее показаний может утомить, но ее рассказ о том, что она видела, слышала и была вынуждена делать, настолько поучителен, что мы представим его без сокращений, поскольку он был впервые напечатан в полном объеме всего несколько лет назад, вероятно, никогда не был виден Хатчинсону, не был использован Апхэмом и не был тщательно проанализирован Дрейком. Лишь очень ограниченная часть читающей публики когда-либо имела возможность узнать больше, чем малую толику тех откровений, которые сделал этот важный свидетель.

Апхэм, хотя и ознакомился с протоколами показаний, на которые мы ссылаемся, предпочел использовать более краткий отчет о заявлениях Титубы, сделанный Иезекиилем Чивером. Более подробный отчет он изложил следующим образом: "Другой отчет о допросе Титубы сохранился во втором томе" (мы находим его в томе iii, приложение, стр. 185) "сборника под редакцией Сэмюэля Г. Дрейка, озаглавленного "Колдовские заблуждения в Новой Англии". Она написана почерком Джонатана Корвина, очень полная и подробная". Он "полный, подробный", изобилующий фактами, которые должен привести и прокомментировать верный историк. Она была выписана одним из магистратов, перед которыми Титуба предстала перед судом, и поэтому ее авторитет высок. Нас удивляет, что историк,

обративший на нее внимание, не использовал содержащиеся в ней важные факты, которых не было в отчете, который он предпочел этому.

Дрейк, под чьим руководством был впервые напечатан этот расширенный отчет, говорит в книге Вудворда "Историческая серия", № I. Том III. Appendix p. 186, что "он ценен по нескольким показателям, главным из которых является свет, который он бросает на начало иллюзии..... Этот допрос, возможно, в большей степени, чем все остальные, демонстрирует зверский метод, применяемый экзаменатором для того, чтобы заставить бедных невежественных обвиняемых признать то, что им вложили в уста, с помощью такого способа допроса, который должен быть осужден так же, как и само лжесвидетельство, поскольку он непременно приводил к этому преступлению. В этом случае допрашиваемую вывели из тюрьмы и поставили на скамью подсудимых, и вскоре она была настолько растеряна, что едва ли знала, что говорить. Хотя очевидно, что все ее ответы поначалу были правдивыми, поскольку были прямыми, откровенными и разумными. Странность вопросов и долгая настойчивость допрашивающих не могли привести ни к чему иному, кроме как сбить с толку то небольшое, чем обладала обвиняемая. Экзамен проходил перед господами Хаторном и Корвином. Первый записал результат, который был выполнен в его особой хирографии". Апхэм, как можно заметить, утверждает, что отчет был написан Корвином, в то время как Дрейк здесь приписывает его Хаторну. Но поскольку эти два человека присутствовали в качестве совместных держателей экзаменационного суда, авторитет любого из них придает документу большую ценность, мы считаем, что запись была сделана Корвином.

Хотя Дрейк говорит, что эта запись "обследования ценна" тем, что "бросает свет на начало заблуждения", он также называет ее "записью бессвязного бреда". Общественность едва избежала потери возможности ознакомиться с важными и яркими фактами, содержащимися в этом документе. Дрейк в 1866 году пишет: "Оригинал (теперь впервые напечатан) попал в руки редактора примерно пять и двадцать лет назад", и тогда "при первом и беглом ознакомлении с экспертизой индианки, принадлежавшей к семье мистера Парриса, было решено не печатать его, а лишь сослаться на него; то есть сослаться на *выдержки* из него, содержащиеся в "Истории и древностях Бостона". Но когда редакционная работа над этими томами была почти завершена, был проведен повторный просмотр этой экспертизы, и по его результатам редактор решил отвести ей место в этом Приложении". Мы вынуждены усомниться в том, что этот редактор достиг чего-то похожего на справедливое понимание ценности этого документа даже после его повторного прочтения, или что он осознал хотя бы половину того значения, которое факты справедливо придают следующим словам из его пера: "Протокол этого обследования *проливает свет на начало заблуждения*". Да, свет на время, место, источник и природу этого начала, который также раскрывает, кто был инициатором и, вероятно, направляющим агентом всего последующего процесса колдовства вплоть до его кульминации - свет, который в значительной степени оправдывает как отцов, так и их детей - свет, который выявляет истинных актеров и оправдывает их *бессознательные* инструменты. Этот документ, прочитанный так, как он может быть прочитан сейчас, с помощью современных открытий, доказывает, что некий дух или группа духов были генераторами и исполнителями колдовства в Салеме, и указывает на то, что простая Титуба постигла подлинный источник беспорядков более ясно, чем любой другой известный человек того поколения. Она предоставила для передачи ключ, который теперь отпирает дверь в комнату тайн, в которой сто восемьдесят лет назад она и ее соратники разыгрывали захватывающие и кровавые сцены.

Чтобы желающие могли ознакомиться со всеми ее показаниями, которые сейчас, вероятно, можно найти только в очень ценной серии оригинальных документов Вудворда, относящихся к колдовству, - работе слишком объемной и дорогостоящей, чтобы получить широкое распространение, - мы сделаем все возможное, чтобы сделать показания Титубы более доступными для общественности, не искаженными и не сокращенными. Тем не менее, чтобы облегчить и просветить читателя, мы нарушим непрерывность изложения, вставляя по ходу изложения комментарии ко многим частям, но сделаем это в такой форме, что, если читатель захочет прочесть все без комментариев, он сможет это сделать, поскольку для этого потребуется лишь соблюдать наши кавычки. Пропустив наши комментарии, он сможет прочитать в оригинальных словосочетаниях все части того, что Дрейк называет "бессвязным бредом", но что для нас, несмотря на некоторую озадачивающую бессвязность как вопросов, так и ответов, богато поучительными *фактами*.

До 1 марта болезнь, похоже, вышла за пределы пасторали и охватила других людей, поскольку в тот день несколько страдальцев были созваны в качестве свидетелей, или обвинителей, или и тех, и других, в месте, где в то время находились магистраты, рассматривавшие дела трех женщин, обвиненных в колдовстве, арестованных и содержащихся под стражей для допроса. Здесь было положено начало известному безрассудству и варварству, которые вскоре окрасили этот край кровью невинных, мужественных, добродетельных и благочестивых людей.

Сару Гуд, Сару Осберн и Титубу привели в дом собраний как подозреваемых в колдовстве и как виновниц страданий нескольких страдальцев, чтобы допросить в присутствии их обвинителей и публики. Какой путь избрали или были вынуждены избрать магистраты, чтобы вывести факты, подтверждающие обвинение в колдовстве, станет ясно по ходу дела из вопросов, которые они задавали обвиняемым, и видов доказательств, которые они принимали.

Титуба.

"Титуба, индианка, допрошена 1 марта 1692 года.

"В. Почему вы обижаете этих бедных детей? Какой вред они тебе причинили?

"О. Они не причиняют мне никакого вреда. Я не причиняю им никакого вреда".

Первый вопрос магистрата подразумевает присутствие там пострадавших детей и их незримое причинение вреда. Он также подразумевает предположение магистрата, что Титуба причинила им вред. Ее отрицание того, что либо они причинили ей вред, либо она причинила им вред, было вполне определенным. Но мировой судья, похоже, усомнился в его правдивости или достаточности, поскольку далее он спросил

"В. Почему вы это сделали?

"О. Я ничего не делала. Я не могу сказать, когда действует дьявол.

"В. Что? Говорит ли вам дьявол, что он причиняет им боль?

"О. Нет. Он мне ничего не говорит".

Здесь она признала, что *дьявол* мог, и, вероятно, работал над детьми; но его действия были недоступны для ее восприятия. Он ничего не сообщал ей. Таким образом, ее слова свидетельствуют о том, что ее познания в духовных вопросах заставили ее провести различие между *дьяволом* и *духом* или группой духов, которого она и другие медиумы ее времени придерживались, в то время как публика не знала, что факты требуют этого, и по невежеству называла всех посетителей из царства духов *дьяволом*.

Просматривая неопубликованный рассказ Коттона Мазера о Мерси Шорт, мы скопировали из него следующее утверждение: "Как у околдованных в других частях света обычно не было другого стиля для их мучителей, кроме "Они" и "Они", так и у Мерси Шорт". Ясновидящие и все, кто получил знание о духах через восприятие их собственными внутренними органами, редко, если вообще когда-либо, всерьез говорили о том, что видят, слышат или чувствуют *дьявола*. Возможно, иногда некоторые из них делали это, приспособляясь к речевым оборотам неосвященного мира. Но, как говорит Мазер, во всем мире воспринимаемых людей обычно называли "*они*" и "*те*". Этот факт требует внимания. Личные наблюдатели духовных существ никогда не имели привычки называть их плохими именами. Из этого можно сделать справедливый вывод, что такие существа обычно не носили запретных аспектов. Термины "*дьявол*", "*сатана*" и т. п. использовали не те, кто описывал духовные существа, а те, кто их описывал. Мазер понимал общий "*стиль*" околдованных, и все же искажающая привычка христианства заставляла его сохранять неточности в описании; ведь он, как и большинство других в его время, упорно писал "*дьявол*" там, где это имя не произносилось и не должно было вставляться. Титуба не видела никого, кого бы она называла *дьяволом*, хотя история говорит, что она его видела.

"В. Вы никогда не видели, как что-то появляется в той или иной форме? О. Нет. Никогда ничего не вижу".

Этот ответ не соответствует действительности, если понимать его буквально в связи с вопросом. Как вскоре выяснится, она действительно иногда видела ясновидением многие вещи, но никогда - *дьявола*, о котором только что шла речь.

"В. Как вы знакомы с *дьяволом*, или о чем вы с ним разговариваете? Скажите правду, кто им вредит. О. *Дьявол*, насколько я знаю".

Она упорно допускает, что *дьявол может быть и там и тут*, но утверждает, что ничего о нем не знает.

"В. В каком виде или как он появляется, когда причиняет им боль?"

На вопрос о том, как *дьявол* причиняет боль, она ничего не отвечает. Она игнорирует его.

"В. Какой формы или как он выглядит, когда причиняет им боль? О. Как человек, я думаю. Вчера, находясь в приставной палате, я увидел нечто, *похожее на человека*, и оно сказало мне, чтобы я служил ему. Я сказал ему, что нет, я не буду этого делать".

Теперь *дьявол* был исключен из вопроса, и он заменил его. На кого он похож? Затем она быстро упомянула о явлении не только видимом, но и слышимом, которое, если внимательно изучить его, может оказаться главным автором и исполнителем салецкого колдовства. Та, кто видел и слышал его, говорит, что он был "*похож на человека, я думаю*", - был "*чем-то похож на человека*". Согласно ее представлениям, он не был *дьяволом*. Она не знала

дьявола. Другие в то время и с тех пор называли ее визитера дьяволом. Но Титуба, которая видела, слышала и, таким образом, знала его, этого не делала и не хотела делать.

Далее в скобках приводится краткое изложение ее высказываний и поступков.

("Она обвиняет Гуди Осберн и Сару Гуд как тех, кто обижал их детей и хотел, чтобы это сделала она; она говорит, что видела четверых, а двоих не знает; она видела их вчера вечером, когда мыла комнату. Они сказали, что я обидела детей, и хотели, чтобы я отправилась в Бостон. Их было пятеро с женщиной. Они сказали мне, что если я не пойду и не причиню им вреда, то они сделают это со мной. Сначала я согласилась с ними, но потом сказала, что больше так делать не буду").

Согласно этому описанию, видения умножились, так как, кроме мужчины, она видела вокруг себя четырех женщин: эта компания угрожала причинить ей вред, если она не объединится с ними в причинении вреда детям. Двое из них были явлениями ее живых соседей, Гуда и Осберна, находившихся в то время под арестом; остальные трое были незнакомками. Вскоре мы увидим, что она верила в то, что, вероятно, является правдой: оккультные умы могут не только представлять оккультные личности внутреннему зрению, но и приводить их в очевидное энергичное действие, в то время как подлинные личности, представленные таким образом в подделке, не имеют никакого сознания ни присутствия на выставке, ни выполнения, ни тогда, ни в любое другое время, тех действий, которые они, как кажется, совершают.

Представления, которые этот простой ум имел о природе, силах и целях тех, кто явился к ней странным для большинства смертных образом, довольно четко обозначены. Упоминая их как мужчин и женщин и протестуя против того, что они заставляют ее действовать жестоко, она оправдывает вывод о том, что не видит в них ничего запретного, ужасного или сатанинского. Она допускает возможность того, что дьявол мог причинить вред детям, но при этом утверждает, что если это и так, то *его* действия были ей неизвестны. "Нечто, похожее на мужчину", а также эти женщины и она сама под принуждением были теми, кто страдал, насколько она могла определить с помощью зрения или других чувств. Она нигде не применяет термин "дьявол" к своему мужскому явлению. Ни копыта, ни рога, ни хвост, ни соболиный оттенок, ни страшная форма - ничего этого не видно в описании ясновидящей ее оккультных спутников. В ее представлении они были похожи на мужчину и женщину, а не на дьяволов.

Как изменились бы результаты, если бы ее простые слова и поучительные факты были приняты на веру и положены в основу судебных решений! Если бы ее спокойно и рационально выслушали умы, освобожденные от ослепляющей и раздражающей веры в то, что колдовской дьявол христианства был ее спутником и побудителем, ее простое и определенное объяснение действующих лиц, порождающих беды, которые были глубокой тайной для ее превосходящих внешних знаний и проницательности, привело бы все чудеса того дня в область естественных вещей и предотвратило бы ужасы, которые последовали за ними.

"В. Вы бы хотели, чтобы вы причинили вред детям прошлой ночью? О. Да, но мне было жаль, и я сказал, что больше не буду этого делать, но сказал, что буду бояться Бога. В. Но почему вы не сделали этого раньше? О. Мне сказали, что я уже делала это раньше, и поэтому я должна продолжать. (Это были четыре женщины и мужчина, но она не знала никого, кроме Осберна и Гуда; остальные были из Бостона).

Если разобраться, что имела в виду Титуба в только что процитированных словах, то в основном это было следующее: "Они хотели и заставили меня против моей воли присоединиться к ним, чтобы причинить боль детям прошлой ночью. Я сожалела, что меня заставили поступить жестоко, и сказала им, что больше не буду принуждать себя к этому, а буду служить Богу. Раньше я не занимал такой позиции, потому что они сказали мне, что я уже работал с ними и поэтому должен продолжать."

"В. Когда вы начали работать с ними, что вам тогда показалось? На что это было похоже, что побудило вас сделать это? О. Один человек, похожий на мужчину, пришел ко мне, когда я собиралась спать. Это было тогда, когда дети впервые пострадали. Он сказал, что убьет детей и что она никогда не поправится; и он сказал, что если я не буду служить ему, то он сделает это со мной".

Свидетельница, очевидно, рассказала о своей *первой* беседе с автором салемского колдовства. Теперь мы видим ее стоящей у истоков разрушительного потока, который вскоре залил ужасом, страданиями и кровью всю округу. Кто первым явился к ней? Кто был инициатором? И когда его впервые увидели? Последующие показания вскоре показывают, что в пятницу, 15 января 1692 года, за шесть недель и четыре дня до того момента, когда она дала эти показания, *некто, похожий на человека, как раз когда она ложилась спать*, пришел к ней и потребовал ее помощи в причинении вреда детям. Ясно, что за пять дней до вечера среды, когда дети впервые пострадали от духов и должны были заболеть, "*некто, похожий на человека*", когда Титуба собиралась спать, пришел к ней и заранее объявил о своем намерении мучить и даже убить детей. С тех пор она знала источник странных операций в семье своего хозяина.

"В. Это тот же самый человек, который являлся к вам раньше, который явился прошлой ночью и рассказал вам это? О. Да".

В этих двух случаях, произошедших с разницей более чем в шесть недель, ее посетителем был один и тот же человек, и во время ее различных ясновидческих экскурсий и подвигов он часто, если не всегда, сопровождал ее.

"В. Какие еще подобию, кроме человека, являлись вам? О. Иногда в виде свиньи, иногда в виде большой черной собаки - четыре раза".

Вероятно, "человек" принимал или представлял эти зверские формы. Частое наставление визитеров духов состоит в том, что они "могут принимать любую форму, которую потребует случай"; они также часто создавали впечатление, что не могут принимать более яркие *оттенки*, чем присущие их собственному интеллектуальному и моральному состоянию, но об этом у нас пока нет убедительных сведений.

"В. Но что они сказали вам? О. Они сказали мне служить ему, и это был хороший способ. Это был черный пес. Я сказал ему, что боюсь. Он сказал мне, что со мной будет еще хуже".

Ее собака умела говорить. Она и суд, очевидно, понимали, что собака - это то же существо, по сути, что и "тот, кто похож на человека". Например.

"В. Что вы сказали ему после этого? О. Я ответил, что больше не буду вам служить. Он сказал мне, что причинит мне зло".

Может ли кто-нибудь сомневаться, что она считала себя говорящей с тем же самым существом, хотя и в собачьей форме, которому она подчинялась раньше в форме человека?

Нет никаких указаний на то, что *раньше* она служила собаке, и все же она говорит этому существу: "Я больше не буду тебе служить".

"В. Каких еще существ ты видела? О. Птицу. В. Какую птицу? А. Маленькую желтую птичку. В. Где она живет? О. У человека, у которого есть и другие красивые вещи. В. Какие еще красивые вещи? О. Он мне их не показывал, но сказал, что покажет их мне завтра, и сказал, что если я буду ему служить, то получу птичку. В. Каких еще существ вы видели? О. Я видел двух кошек, одну рыжую, другую черную, размером с маленькую собаку. В. Что делали эти кошки? О. Я не знаю. Я видел их два раза. В. Что они говорили? О. Они сказали, что подавайте им. В. Когда вы их видели? О. Я видел их вчера вечером. В. Они причинили вам какой-нибудь вред или угрожали вам? О. Они меня поцарапали. В. Когда? О. После молитвы; они поцарапали меня, потому что я не хотел служить ей. А когда они ушли, я не видел, но они стояли у костра. В. Какой службы они ждут от тебя? О. Они говорят, что надо больше обижать детей. В. Как вы их щипали, когда обижали? О. Другой дернул меня и потащил, чтобы я ущипнул ребенка, и я очень сожалею об этом".

Кошки, а также собака говорили и приказывали ей повиноваться. Она видела их ночью перед экзаменом. "Когда они ушли, - говорит она, - я не могла видеть". Эти слова могут иметь два разных значения. Во-первых, кошки исчезли без того, чтобы она могла заметить их уход; или, во-вторых, перед их уходом она духовно ослепла - "не могла больше видеть" ясновидящей. В последующем заявлении она ссылается на внезапное помрачение внутреннего зрения. Все ясновидящие подвержены внезапным прерываниям их духовной силы видеть.

"Другой" дергал и тащил ее с целью заставить "ущипнуть ребенка". И снова ее очевидное убеждение заключалось в том, что "другой" - это нечто большее, чем просто грубая сила. Она не считала, что кошка тянула и тащила ее, но имела в виду, что, когда кошки посещали ее, "нечто похожее на человека" - "другой" - также присутствовало и побуждало ее к злодеяниям.

"В. Что заставило вас держать руку, когда вас обыскивали? Что у вас там было? О. У меня ничего не было. В. А эти кошки вас не сосут? О. Нет, никогда. Я бы им не позволил. Но они чуть не бросили меня в огонь. В. Как вы причиняете боль тем, кого щипаете? Заставляете ли вы кошек или других существ делать это за вас? Расскажите нам, как это делается. О. *Человек присылает ко мне кошек и просит их ущипнуть*; и я думаю, что однажды я ходил к мистеру Григгсу и ущипнул ее сегодня утром. Человек привел ко мне служанку мистера Григгса и заставил меня ущипнуть ее".

Под "человеком" она, очевидно, имела в виду своего частого посетителя-духа. Именно он привел к ней кошек и заставил ее ущипнуть их, а заодно ущипнуть и "служанку", которая физически находилась на расстоянии многих миль. Таково ее заявление. Из него можно сделать вывод, что свойства Элизабет Хаббард - служанки, о которой идет речь, - которая была среди страдающих и являлась членом круга, были вытянуты из неё "человеком" и стали составными частями призрачных кошек, сформированных силой мысли и воли человека, И когда эти кажущиеся кошки были ущипнуты пальцами духа Титубы, девушка Хаббард, некоторые свойства которой были использованы для создания этих кажущихся кошек, почувствовала ущипы сначала в своем духе, а затем и в своей плоти, хотя ее тело находилось на расстоянии двух или трех миль от ущипнувшего. В этом случае "человек" приказал использовать некоторые свойства Титубы, с помощью которых он производил пытки в физическом организме медиума, находившемся тогда далеко. Указывается и другой способ действия духа. Титуба призналась в смутном сознании, что однажды, в результате какого-то процесса, ее дух-сама попал к доктору Григгсу и ущипнул служанку в ее доме. И снова она

верила, что та же самая служанка была приведена в ее (Титубы) дом и ущипнута там. Кроме того, чуть дальше мы увидим, что Титуба, обвиненная в том, что была в доме служанки в определенный день, отрицала, что была там в то конкретное время, но допускала, что ее явление могло, неосознанно для нее самой, быть увидено там тогда, ибо она говорит: "Может быть, там было что-то похожее на меня".

Мы выражаем явный протест против клеймения таких показаний как "бессвязного бреда". В ответ на просьбу рассказать, *как происходят* таинственные воздействия, эта необученная, невежественная женщина спокойно и с большой отчетливостью указала четыре или пять способов, с помощью которых психологические силы воздействуют на медиумических субъектов. Она видела эти процессы и в своей простой манере рассказывала о том, что узнала из личных наблюдений и опыта; таким образом, она помогает нам сегодня постигать и объяснять тайны колдовства более эффективно, чем все ее современники. Несмотря на ограниченное владение языком, ее высказывания были настолько ясными и поучительными, насколько это вообще возможно в то время; но извращенный дьяволом общественный разум того времени был не в состоянии увидеть буквальный смысл ее свидетельств или обратить ее знания на пользу.

Две другие женщины, Сара Гуд и Сара Осберн, имена которых упоминались ранее, были допрошены 1 марта 1692 года как соучастницы Титубы в колдовстве.

"В. Вы когда-нибудь ходили с этими женщинами? О. Они очень сильные, и тянут меня, и заставляют идти с ними. В. Куда вы ходили? О. К мистеру Патнэму, и они заставили меня обидеть ребенка. В. Кто заставил вас пойти? О. Один очень сильный мужчина и эти две женщины, Гуд и Осберн; но я сожалею. В. Как вы поехали? На чем вы едете? О. Я опираюсь на палку или шест, а Гуд и Осберн позади меня; мы едем, держась друг за друга; не знаю, как мы едем, потому что я не видела ни деревьев, ни тропинки, но вскоре была там, когда мы поднялись".

Ребенком, о котором шла речь выше, была Энн Путнэм, дочь двенадцати лет Томаса и Энн Путнэм, которые жили в двух-трех милях к северо-западу от пастората. Эта девочка, Энн, принадлежала к числу чрезмерно околдованных, то есть была одним из самых впечатлительных и медиумичных членов "Круга". Титуба и две ее сокамерницы, либо все как духи, либо она как сознательный дух, а две другие - как привидения, посетили этого ребенка в ее доме; и, согласно ее собственным ощущениям, все три женщины взобрались на один шест, поднялись в воздух и сразу же оказались у мистера Путнама, не заметив по дороге ни тропинки, ни деревьев. Никто из читателей не догадается, что физическое тело Титубы покинуло дом мистера Пэрриса и зимней ночью отправилось за две мили или даже больше к дому мистера (Томаса) Путнама. Она утверждает, что они "сразу же [мгновенно] оказались там". Это была только ее *форма духа* - форма мысли, - которая ехала на шесте над всеми лесами и тропинками. Но почему именно к Томасу Путнаму? Вероятно, потому, что его жена и дочь, как показали последующие события, оба были ярко выраженными медиумами или подвержены влиянию *мыслящих* существ; они были людьми, над которыми такие существа могли эффективно работать; и это была особая причина, вероятно, для визита к ним. Можно предположить, что "человек" обладал проницательными способностями, позволяющими с большой точностью определить, какие люди во всей округе обладают конституционными свойствами и окружением, которые позволят им стать податливыми и полезными орудиями в осуществлении любой разработанной им схемы. Последующие события доказали, что он выбрал и использовал таких людей, которые позволили ему, через сильные человеческие муки и кровопролитие, разбить на части и упразднить самое судорожное и поработавшее вероучение дьявола, которое, как ужасный и лишаящий сил кошмар, на протяжении веков

угнетало и мучило все христианство. Каков бы ни был его замысел, выбранные им средства способствовали осуществлению широкой и счастливой освобождения от огромного психического зла. Он отменил преследования за колдовство как в Америке, так и в Европе.

Предполагаемая цель этого психического путешествия заключалась в том, чтобы причинить вред ребенку. Таково было очевидное намерение этого человека. Этот человек был "очень сильным", и он добился своего. Энн было больно. Его сила воли была такова, что, завладев стихиями трех восприимчивых и невежественных женщин, они оказались полностью под его контролем. Титуба, которая, похоже, всегда была *сознательным* медиумом, уступила ему поневоле. Ее собственная сущность боролась с его жестокостью, и она сожалела о том, что ее заставили сделать. На допросе она свободно призналась в своем невольном участии в мучительных посягательствах на невинных девушек, чем невольно поставила под угрозу собственную жизнь. Судя по всему, она была откровенна и правдива.

"В. Как давно вы начали щипать детей мистера Пэрриса? О. Сначала я их не щипал, но потом они меня заставили. В. Видели ли вы, как Гуд и Осберн скакали на шесте? О. Да, и они держались за меня; я не была у мистера Григгса ни разу, но, может быть, они прислали что-то вроде меня; я бы тоже не пошла, но они сказали, что причинят мне боль".

Ее заявление о том, что "это может быть послано что-то вроде меня", показывает ее веру и, вероятно, знание того, что ее "очень сильное" "что-то вроде человека" было способно вызвать явление медиумического человека даже там, где этот человек не осознавал своего присутствия. В наше время духи часто производят подобные эффекты, и это свидетельствует о том, что понимание Титубой этого случая, возможно, было в гармонии с природой вещей и строго правильным. Она снова повторяет, что ее участие в делах было вынужденным, что другие заставили ее ущипнуть себя.

"Титуба. Вчера вечером мне сказали, что я должна убить кого-то ножом. В. Кто они были, что сказали вам об этом? О. Сара Гуд и Осберн, и они хотели, чтобы я убила ребенка Томаса Патнэма прошлой ночью. (Ребенок также подтвердил, что в то же самое время они хотели заставить ее отрезать себе голову, потому что, если она не сделает этого, они сказали ей, что Титуба отрубят ее. И в то же время она жаловалась, что ее режут ножом. Когда хозяин спросил ее (Титубу?) об этих вещах, она сказала, что они не позволят ей рассказать, а если она расскажет, то ей отрубят голову). В. Кто вам это сказал? О. Человек, Гуд, и жена Осберна (Гуди Гуд пришел к ней прошлой ночью, когда ее хозяин был на молитве, и не дал ей послушать, и она долго не могла услышать). У Гуди есть одна из этих птиц, желтоклювая, и она хотела бы дать мне ее, но я не захотела. А во время молитвы она затыкала мне уши и не давала слушать. В. Что вы должны были с ней сделать? О. Отдать детям, эту желтую птицу дети видели несколько раз. Я видел, как Сара Гуд держала ее на руке, когда та подошла к ней, когда мистер Пэррис был на молитве. Я видел, как птица присосалась к руке Гуд между указательным и длинным пальцами правой руки".

Эти заявления об использовании ножа, *сделанные* Титубой *добровольно* и подтвержденные ребенком, весьма наводят на размышления. Если предположить, что среди них присутствовал некий могущественный мужской дух, настроенный на силовые действия, который через Титубу и других внушаемых лиц получил ощутимую власть над определенными человеческими формами и делами внешней жизни, то в его власти было возбудить в умах всех, кто был тогда введен в контакт с ним, такие идеи, как те, что касаются ножа, а также заставить психологически настроенную девочку испытать ощущение, что ее действительно режут им. Это теперь считалось бы легким делом для любого честного психолога, как в грубой форме, так и вне ее, если бы у него был благоприятный объект для работы.

Тот же дух, черпая элементы из миссис Гуд и используя их, мог заставить Титубу почувствовать, будто миссис Гуд рядом с ней, и внезапно оглохнуть во время молитвы, хотя сам дух-мужчина закрывал ей уши.

Свидетельства медиумических способностей как у страдающих, так и у страдальцев заслуживают отдельного внимания, и поэтому мы обращаем внимание на утверждение, что желтую птицу "несколько раз видели *дети*". Следовательно, страдальцы были ясновидящими, так же как и обвиняемые.

"В. Вы никогда не занимались колдовством в своей стране? О. Нет; никогда до сих пор".

Этот ответ делает вероятным, что до наступившей зимы она никогда не осознавала присутствия духов, не общалась с ними и не подчинялась им. Возможно, в ней затаилось подозрение, что ее недавние переживания могут быть колдовством. Но ее представления о том, что это такое, вполне могли, если не обязательно, сильно отличаться от тех, что существовали в более развернутых и логичных умах ее хозяина и ее экзаменаторов, которые считали, что главная суть этого состоит в договоре, заключенном с Величественным и Злобным Дьяволом - таким Дьяволом, который по внешнему виду сильно отличался бы от "человека Титубы". Она свободно описала непрощеное присутствие духа-человека рядом с ней в разных случаях, а также свои разговоры с ним и вынужденную службу под его началом. По сути, это было лишь раскрытием того факта, что ее собственный организм и темперамент были таковы и так обусловлены, что развоплощенные разумные существа могли иногда видеть и слышать ее, а также заставлять быть их орудием. Ее колдовство было лишено добровольного договора о служении злу; в его практике отсутствовал злой умысел. Если она и признавала себя ведьмой, то только доброй и любящей, желающей быть правдивой и доброй и причиняющей боль только тогда, когда ее к этому принуждают. Она признавалась только в ясновидении, яснослышании и слабости собственной силы воли.

"В. Видели ли вы, как они это делали сейчас, когда вы проводили осмотр (были осмотрены)? О. Нет, я их не видела. Но я видел, как они причиняли боль в другое время. Я видел, как у Добрая была кошка рядом с желтой птицей, которая была с ней".

Очевидно, что некие выкрутасы, выходки или страдания, которые пострадавшие девочки, присутствовавшие на экспертизе, только что испытали или проявляли в данный момент, привели к вопросу: "Видели ли вы, как они делают это сейчас?" Здесь снова проявляется предположение суда о том, что Титуба могла быть одарена способностями или умениями, которые позволили бы ей различать одушевленных и одушевленных людей, невидимых для внешней оптики. Тогда ее внутреннее зрение было закрыто, но в другие времена оно было открыто.

"В. Что Осберн должен с ней сделать? О. Некая вещь; я не знаю, что это такое. Я не могу назвать ее. Я не знаю, как она выглядит. У нее их двое. У одного из них есть крылья, две ноги и голова, как у женщины. Дети видели то же самое, но вчера, которое потом превратилось в женщину. В. Что еще есть у Гуди Осберн? О. Оно все волосатое; все лицо волосатое, и нос длинный, и я не знаю, как сказать, как выглядит лицо; с двумя ногами; оно идет вертикально, и высотой около двух или трех футов, и идет вертикально, как человек; и вчера вечером оно стояло перед огнем в зале мистера Парриса".

Неясность этого описания полностью повторяет пророк Иезекииль, который, представляя существ, увиденных в первом из своих "видений Божиих", использует следующий язык в главе i: "Они имели подобие человека, и у каждого было четыре лица, и у каждого четыре крыла; и ноги их были прямые, и подошва ног их была как подошва ног тельца; и они

сверкали, как медь обожженная. И были у них руки человеческие под крыльями их с четырех сторон; и были у них четыре лица и крылья их, и крылья их были соединены одно с другим; и не поворачивались они, когда шли, а шли каждый прямо; что касается до подобия лиц их, то у них четырех было лицо человека и лицо льва с правой стороны, а у них четырех было лицо вола с левой стороны; у них четырех было также лицо орла". Эта цитата из Библии недвусмысленно намекает на то, что трудности могут подстергать любого ясновидящего, который берется изложить на нашем языке, созданном для описания материальных объектов, некоторые вещи, которые иногда воспринимаются духовными чувствами. Если пророк был столь туманен и мистичен, мы можем простить невежественную рабыню, если она не смогла быть очень ясной, и если кто-то подозревает ее в попытке изложить что-то, кроме вымысла, потому что она была столь туманна, как он может последовательно удерживаться от подобных подозрений по отношению к пророку?

В заслугу детям мы поставим тот факт, что они также видели нескладного и волосатого сопровождающего Осберна.

"Вопрос: Кто явился Хаббарду, когда она шла от Проктора? *О.* Это была Сара Гуд, и я видел, как она послала к ней волка".

В наше время происходят факты, которые со всей очевидностью указывают на то, что дух может представить видимость духа-зверя или другого духа-объекта видению многих ясновидящих одновременно, а также на то, что он может, по своему желанию, психологизировать одновременно всех ясновидящих, с которыми он находится в контакте, и заставить их всех поверить, что они видят любого зверя или объект, который его разум просто отчетливо представляет себе. Поэтому и видение волка медиумом Хаббардом, и восприятие Титубой того же самого, исходящее от медиума Сары Гуд, могли быть вызваны простым желанием этого "нечто похожего на человека", при условии, что он находился в раппорте со всеми этими тремя чувствительными существами.

"В. В какой одежде появляется человек? *О.* Иногда в черной одежде, иногда в саржевом пальто другого цвета; высокий мужчина с белыми волосами, я думаю. *В.* В какой одежде появляются женщины? *О.* Я не знаю, какого цвета. *В.* Какая у нее одежда? *О.* Черный шелковый капюшон с белым шелковым капюшоном под ним, с завязками; какая женщина, я не знаю, но видел ее в Бостоне, когда я там жил. *В.* Во что одета маленькая женщина? *О.* Сермяжное пальто, с белым чепцом, как я думаю. (В это время у детей начались припадки, и ее спросили, кто их обидел. Она ответила: Гуди Гуд; и дети подтвердили то же самое. Но Хаббарда схватил сильный припадок, и после [палаты] ее (Титубу) спросили, кто ее (Хаббарда) обидел, и она сказала, что не может сказать, но сказала, что они ослепили ее и не дают ей видеть; и после этого она раз или два была в оцепенении").

Этот рассказ об одежде описывает обычные костюмы того времени. Мы рады услышать от нее: "Высокий мужчина, с белыми волосами, я думаю". Это ее описание "чего-то похожего на мужчину" и "того мужчины", который был так демонстративен. Высокий мужчина с белыми волосами не должен быть очень страшным объектом, и мы легко можем представить, что такой ум, как у Титубы, может быть совершенно спокойным и самообладающим в его присутствии, и никогда не подумаем, что более умные умы могут спутать такого человека с дьяволом. Она никогда не называет его дьяволом. Тот факт, что она два или три раза становилась немой, придает ее случаю некоторое сходство с Иезекиилем и Захарией. Ее уши, как уже говорилось, были заткнуты Добром, как она предполагала, однажды вечером во время молитвы. Таким образом, мы видим, что ее органы чувств находились под таким же контролем, какой невидимые разумные операторы осуществляли над пророками или

медиумами в древности и какой духи осуществляют над многими смертными формами сегодня. Ее ясновидение было затуманено, возможно, "человеком", когда на вопрос, кто причиняет боль девочке Хаббард, она ответила, что теперь они ослепили ее.

Второй допрос, 2 марта 1692 года.

"В. Какой договор вы заключили с тем человеком, который приходил к вам? Что он вам сказал?"

Первый из этих двух вопросов был решающим на суде по обвинению в колдовстве. Заключила ли она *договор* с дьяволом или его приверженцем? Это был главный вопрос, который предстояло выяснить. Если да, то, согласно распространенному вероучению, она была ведьмой; если нет, то она могла быть невиновна в колдовстве. Но, похоже, суд не стал дожидаться ответа, потому что на одном дыхании спросил: "Что сказал вам ваш посетитель?"

"О. Он сказал мне, что он Бог, и я должна верить ему и служить ему шесть лет, и он даст мне много хороших вещей. В. Как давно это было? О. Около шести недель и чуть больше; в пятницу вечером, когда Абигаиль была больна".

Этот последний ответ очень поучителен. В нем указано точное время, когда один из детей в семье мистера Пэрриса впервые подвергся нападению. Для этого в среду, 2 марта, был проведен второй день экспертизы. Из приведенных выше и последующих ответов станет ясно, что призраки впервые напали на детей в среду вечером, всего за шесть недель до 2 марта. Мужчина явился Титубе и разговаривал с ней в пятницу вечером, накануне той среды в январе.

Таким образом, свидетельство возвращает нас к 20 января как к началу явного проявления духа, причиняющего страдания. Пять дней назад, то есть вечер 15 января, очевидно, является датой первого узнаваемого появления "человека". Поэтому, пока не будет получена более точная информация, мы будем считать эту дату первым появлением подлинного автора колдовства в Салемской деревне, который, как мы полагаем, также был его регулятором на протяжении всех его душераздирающих событий.

"В. Что, по его словам, вы должны делать больше? Сказал ли он, что вы должны написать что-нибудь? Он предлагал вам какую-нибудь бумагу? О. Да, в следующий раз, когда он пришел ко мне; и показал мне несколько прекрасных вещей, что-то вроде существ, маленькую птичку, что-то зеленое и белое. В. Вы обещали ему это, когда он впервые заговорил с вами? И что вы ему ответили? О. Тогда я сказал следующее: Я сказал ему, что не могу верить, что он Бог. Я сказал ему, что прошу моего господина, и хотел бы подняться, но он остановил меня и не позволил. В. Что вы ему пообещали? О. В первый раз я поверю ему в Бога, и тогда он будет рад. В. Что он сказал вам тогда? Что, по его словам, вы должны сделать? О. Тогда он сказал мне, что они должны встретиться вместе".

В этой цитате есть некоторая неясность, вызывающая вопрос, не противоречит ли свидетельница сама себе, утверждая, что во время первой беседы она верила, что ее посетитель - сам Бог (как Иоанн Откровенный верил, что пророк, вернувшийся из духовных сфер и явившийся ему, - Бог), и снова утверждая, что во время первой беседы она сказала ему, что не может верить, что он Бог, и предложила подняться и спросить своего хозяина, мистера Парриса, что он думает об этом, но ее удержали от этого ее духовные спутники. Мы говорим, что в рассказе нет ясности относительно того, применяла ли она оба этих противоположных утверждения к своим представлениям о посетителе во время первой

беседы с ним, или же не сомневалась в его божественности до последующей встречи. Как сообщается, ее экзаменаторам так же трудно понять и проследить, как и ей самой в ее ответах. Но при внимательном прочтении мы считаем справедливым и правильным вывод о том, что ее сомнения относительно характера ее знакомого были высказаны уже на встрече в среду, 20 января, а не в предыдущую пятницу.

"В. Когда он сказал, что вы должны встретиться? О. Он сказал мне, что в следующую среду, в доме моего хозяина; и тогда мы все [действительно] встретились вместе, и в ту ночь я видела, как они все стояли в углу - все четверо, - а мужчина стоял позади меня, и взял меня за руку, и заставил стоять неподвижно в зале".

Теперь мы должны отбросить сомнения относительно собраний в пасторате, поскольку здесь мы имеем четкое историческое упоминание о *круге*, который собрался "в доме мистера Пэрриса" с целью практического проявления умений и способностей не учеников, а экспертов в чудесах "некромантии, магии и особенно *спиритизма*". Этот кружок собрался, предупредив за пять дней, вечером 20 января 1692 года. Во главе его стоял мужчина или "что-то вроде мужчины", а пять женщин, три из которых были, по крайней мере, воплощенными, были его помощницами или, скорее, резервуарами, из которых он черпал силы для экспериментов над двумя маленькими девочками-медиумами. Если клуб женщин и девочек иногда собирался для таких целей, как утверждается в приведенных выше цитатах, - а возможно, он собирался, но нерегулярно, - мы полагаем, что наставник Титубы постоянно находился среди них, ведя записи, тщательно изучая их свойства, возможности, и обстоятельства, и планируя, когда и как использовать их для наиболее эффективного достижения своих целей. То, что он присутствовал в качестве автора и духа-хозяина при первом акте трагедии в деревне Салем, который проявился в судорогах и конвульсиях двух маленьких девочек, ясно видно из показаний Титубы. Поэтому отныне не может быть ни исторической, ни филантропической справедливости в том, чтобы вменить в вину мозгу и воле маленьких девочек то, что присутствующий и сознающий ясновидящий свидетель вменяет в вину тому, кто выглядел "как человек". Отдайте ему - кем бы он ни был - его справедливое вознаграждение; а также не порицайте и не хвалите девочек за ту помощь, которую их организмы и темпераменты неизбежно оказали ему. Это собрание явлений, следует отметить и запомнить, состоялось непосредственно *перед* началом болезни детей, и во время его проведения детей щипали, и таким образом они впервые стали "страждущими". В ту среду вечером "Эбигейл впервые заболела".

"В. Где тогда был ваш хозяин? О. В *другой комнате*. В. В какое время ночи? О. Немного раньше времени молитвы. В. Что сказал вам этот человек, когда взял вас на руки? О. Он сказал: "Иди в *другую комнату* и посмотри на детей, делай им больно и щипай их". И я пошел туда и долго не трогал их; я не трогал Бетти, я любил Бетти; но они схватили меня и заставили ущипнуть Бетти, а потом Эбигейл; а потом быстро ушли совсем, когда я их ущипнул. В. Вы входили в ту комнату сами, и все остальные тоже? О. Да; и мой хозяин не видел нас, потому что они не позволяли моему хозяину видеть".

Мистер Пэррис и дети, судя по всему, находились в тот вечер в одной квартире, поскольку Титуба утверждает, что он был "в другой комнате", а ее диктатор сказал ей: "Иди в другую комнату", и обидел детей. На то, что хозяин дома присутствовал тогда с дочерью и племянницей, указывает и утверждение, что "они не позволили моему хозяину увидеть"; ведь это означает, что они были в его присутствии, хотя и невидимые. Если она пришла в комнату в своем физическом облике - что не указано и маловероятно, - хотя она и пришла туда "собственной *персоной*", то остальные пришли туда только как духи или призраки; и они не настолько перевоплотились или материализовались, чтобы быть видимыми внешними

глазами, и поэтому не стали видимыми для мистера Пэрриса - они "не дали" ему увидеть. Таким образом, первое воздействие на детей было оказано в самом его присутствии, но невидимыми руками - руками духа или призрачными руками, - которые коснулись духовных форм маленьких девочек-медиумов и через их собственные внутренние формы достигли их физических тел, причинили боль и вызвали судороги. Интересно отметить, что, поскольку Титуба "любила Бетти", она смогла сопротивляться давлению на нее "некоторое время"; но ее слабые силы были неспособны противостоять непреклонному и эффективному сопротивлению сильной воли производителя болезненных переживаний.

"В. Вы пошли с компанией? О. Нет. Я осталась, и этот человек остался со мной. В. Что он вам сказал? О. Он сказал мне, что мой хозяин ходит на молитву, и он читал в книге, и он спросил меня, что я помню: но ты ничего не помнишь".

Этот рассказ не дает убедительных доказательств того, что одна из четырех других женщин в тот раз сознательно присутствовала с Титубой и мужчиной; он лишь указывает на вероятность того, что он черпал свойства от каждой из них, где бы они ни находились - в деревне, в Бостоне или в другом месте, - которые позволили ему представить их явления Титубе в качестве помощниц, а также установить контакт с детьми и получить над ними власть. Когда его непосредственная цель была достигнута, она не могла видеть никого, кроме мужчины. Возможно, он оставил женские явления раствориться, когда его дальнейшая потребность в их свойствах отпадет. Нет никаких доказательств того, что Гуд и Осберн осознавали свое присутствие там, где их видела Титуба, поэтому две другие женские формы могли быть чисто аппаратурующими - ментальными тканями "мужчины". Но важные моменты очевидны. Контролирующая воля мужчины и подчиненное сознание Титубы были там.

"В. Он больше не просил вас служить ему, кроме первого раза? Или во второй раз? О. Да, он снова спросил меня, буду ли я служить ему шесть лет; и он пришел в следующий раз и показал мне книгу. В. И когда же он пришел? О. В следующую пятницу, и показал мне книгу днем, в первой половине дня. В. И какую книгу он принес, большую или маленькую? О. Он мне ее не показывал и не хотел показывать, но она была у него в кармане. В. Он не заставлял вас писать свое имя? О. Нет, еще нет, потому что хозяйка позвала меня в другую комнату. В. Что, по его словам, вы должны сделать в этой книге? О. Он сказал написать и вписать туда мое имя. В. Вы писали? О. Да, однажды, я сделал отметку в книге, и она стала красной, как кровь. В. Он вытащил ее из вашего тела? О. Он сказал, что должен вытащить ее. В следующий раз, когда он пришел снова, он дал мне булавку, привязанную к палке, чтобы я сделал это; но он не позволил мне пустить кровь ею, но намеревался сделать это в другой раз, когда придет снова. В. Видели ли вы еще какие-нибудь пометки в его книге? О. Да, очень много; некоторые знаки красные, некоторые желтые; он открыл свою книгу, и в ней оказалось очень много знаков. В. Он называл вам их имена? О. Да, двоих, не больше: Гуд и Осберн; и он сказал, что они сделали свои пометки в этой книге, и он показал их мне. В. Как вы думаете, сколько там было пометок? О. Девять. В. Они писали свои имена? О. Они делали пометки. Гуди Гуд сказала, что она сделала свою отметку, но Гуди Осберн не сказала. Она была мне неприятна. В. Когда Гуд сказала вам, что приложила руку к книге? О. В тот же день, когда я пришел в тюрьму. В. Вы видели этого человека в то утро? О. Да, немного утром, и он сказал мне, что магистраты пришли меня допрашивать. В. Что, по его словам, вы должны рассказать? О. Он сказал, что я ничего не скажу; если я скажу, он отрубит мне голову".

Вопросы, связанные с книгой и подписями, были основаны на распространенном в то время убеждении, что подпись в книге дьявола означает, что человек подписал договор о том, что отныне будет его слугой. Заявление Титубы о том, что она видела в книге подпись Сары Гуд,

написанную ее собственной кровью, вполне можно было бы счесть веским доказательством того, что миссис Гуд была ведьмой и виновна в колдовстве. Но мы сомневаемся, что свидетельница догадывалась о роковом значении своего заявления. Ее показания о том, что Гуди Осберн был для нее крестом, хотя и забавны, но заставляют задуматься о том, может ли даже явление, созданное с помощью бессознательных элементов, взятых из человеческой системы, быть настолько пронизано существующими умственными и эмоциональными настроениями человека, из которого оно было взято, чтобы эти настроения воспринимались и чувствовались теми, кто мог видеть и получать влияние от явления. "Человек" сказал ей, что магистраты пришли или придут ее осматривать. Возможно, она уже знала об этом, а возможно, и нет. Как бы то ни было, утром в день допроса с ней заговорил ДУХ. Он посоветовал ей ничего не говорить. Этот совет кажется мудрым. Но с ее стороны было не очень "хитро" повторять его и озвучивать его источник "в присутствии авторитета". Хотела она того или нет, но она была вынуждена высказаться. Роберт Калеф в книге "Другие чудеса невидимого мира" сообщает, что она сказала, "что ее хозяин бил ее и применял другие меры, чтобы заставить ее признаться и обвинить (так он называл) своих сестер-ведьм, и что все, что она говорила, признаваясь или обвиняя других, было следствием такого использования".

"В. Скажите честно, сколько женщин приходят к вам, когда вы едете за границу? О. Их четверо: эти две, Осберн и Гуд, и те две незнакомки. В. Вы говорите, что их было девять. Он сказал вам, кто они? О. Нет, он не дал мне посмотреть, но сказал, что я увижу их в следующий раз. В. Какие достопримечательности вы видели? О. Я видел человека, собаку, борова, двух кошек, черную и рыжую, и странное чудовище Осберна, о котором я уже говорил; это был волосатый имп. Человек хотел отдать его мне, но я его не взял. В. Он показал вам в книге, что принадлежало Осберну, а что - Гуду? О. Да, я видел их знаки. В. Но сказал ли он вам имена других? О. Нет, сэр. В. И что он сказал вам, когда вы сделали свой знак? О. Он сказал: "Служи мне, и всегда служи мне". Мужчина с двумя женщинами приехал из Бостона. В. Сколько раз вы ездили в Бостон? О. Я уезжал, а потом снова возвращался. Я никогда не был в Бостоне. В. Кто вернулся с вами? О. Мужчина вернулся со мной, а женщины ушли; я не хотела идти. В. Как далеко вы зашли, в какой город? О. Я не заходил ни в какой город. Я не видел ни деревьев, ни города. В. Он сказал вам, где живут девять человек? О. Да; некоторые в Бостоне, а некоторые здесь, в этом городе, но он не сказал мне, кто они такие".

Теперь мы представили полный текст показаний Титубы, записанных Корвином и напечатанных Дрейком. Если отбросить наводящие и путанные вопросы, которые привлекли ее внимание, и свести их к простому рассказу, ее показания по существу будут выглядеть следующим образом

В пятницу вечером, перед тем как Абигейл заболела, шесть недель или чуть больше назад, ко мне пришло что-то вроде человека, который сказал мне, что он - Бог, что я должна верить ему и что если я буду служить ему шесть лет, то он даст мне много прекрасных вещей. Он сказал, что в следующую среду должно состояться собрание в доме моего хозяина, и вечером того же дня он и четыре женщины пришли туда. Тогда я сказал ему, что не могу поверить в то, что он - Бог, и предложил пойти и спросить мистера Пэрриса, что он думает по этому поводу; но тот удержал меня. Они заставили меня против моей воли и любви к Бетти ущипнуть детей, и мы их ущипнули. Это было первую ночь, когда Эбигейл была больна. Иногда мне являлись собаки, кошки, птицы, свиньи, волки и другие животные, некоторые из которых разговаривали со мной и говорили, как человек. Вчера, когда я была в пристройке, я увидела существо, похожее на человека, - то же самое, что я видела раньше, - которое попросило меня прислуживать ему; а вчера вечером, когда я мыла комнату, мужчина и четыре женщины пришли снова и хотели, чтобы я причинила вред детям; и мы все пошли к мистеру Томасу

Путнаму, и причинили боль Энн, и порезали ее ножом. Однажды я подошла к девочке Хаббард и ущипнула ее, а однажды мужчина привел ее ко мне, и я ущипнула ее; но меня не было там, когда, как говорят, я была, хотя, возможно, мужчина послал туда мое явление без моего ведома. Однажды я видел, как от миссис Гуд вышло нечто, похожее на волка, и побежало к девочке Хаббард. Как мы путешествуем, я не знаю; мы поднимаемся в воздух и мгновенно оказываемся в том месте, куда собираемся отправиться; мы не видим ни деревьев, ни дорог. Мужчина приносит мне кошек или другие вещи, и я щиплю их; при этом щиплют и девочек. Иногда я могу видеть эти вещи какое-то время, а потом мгновенно слепну от них. Сегодня утром пришел человек и сказал, что магистрат пришел меня допрашивать".

Таковы основные моменты в рассказе Титубы о происхождении и авторе беспорядков или "удивительных подвигов" в доме мистера Пэрриса. В основном они просты, прямы и, похоже, правдивы. Они так ясно, как никогда не учили слова, что "нечто, похожее на человека" - "высокий человек с белыми волосами", одетый в "саржевый плащ", - пришло и заставило Титубу ущипнуть детей в то самое время, когда один из них впервые заболел. Они также учат, что этот же человек несколько раз являлся Титубе и был с ней в день ее экзамена. Таким образом, духовный источник первых физических проявлений, породивших великие беды в деревне Салем, изложен с такой ясностью, что вызовет доверие в будущие века, даже если это не удастся сделать в нынешнем саддукейском поколении.

Как уже говорилось, еще одна запись показаний Титубы была сделана Иезекииелем Чивером, которая гораздо менее полна и конкретна, чем представленная выше. В нем полностью опущены несколько очень поучительных и важных частей, особенно те, которые рассказывают о более ранних беседах Титубы с "человеком"; те, которые определяют точное время, когда он впервые пришел к ней; точное время, когда заболела Абилай; и, что еще более важно, те части, которые описывают сборище духов в доме мистера Парриса и их преднамеренное причинение боли детям в то самое время, когда их настигло расстройство.

Используя рассказ Чивера вместо другого рассказа, Апхэм не привел несколько чрезвычайно важных исторических фактов; особых фактов, которые необходимы для честного представления происхождения и природы салемского колдовства. Он нигде не признает, вероятно, острый ум, сильные способности, настойчивые действия и вдохновляющее присутствие *высокого человека с белыми волосами и в саржевом пальто*. Опустив их, он просто дал нам Гамлета с Гамлетом, который остался в стороне. И это тоже не по незнанию, ведь он видел рукопись Корвина, в которой ясно говорилось о присутствии и действиях одного духа-персонажа и приводилось множество других фактов, не согласующихся с его теорией.

Высокий мужчина с белыми волосами, посетивший Титубу вечером 15 января 1692 года, имеет столь очевидную и важную связь и влияние на всех мнимых участников сцен, которые изображали прежние историки колдовства, что может перевернуть их теории и доказать всему миру, что эти толкователи никогда не прослеживали свой предмет до его подлинного основания; что они, по крайней мере частично, строили на песке либо невежества, либо неправильного понимания природы и реального источника того, что они обсуждали.

В двух записях показаний Титубы есть несколько важных различий, даже если слова и факты должны были быть одинаковыми. Следующие параллельные отрывки представляют совершенно разные отчеты о том, что она сказала относительно своего знания о дьяволе:-.

Чивер.

"Почему вы обижаете этих

Корвин.

"Почему вы обижаете этих

детей?"

бедных детей?

Что плохого они вам
сделали?"

"Я не причиняю им вреда".

"Тогда кто же это?"

"They do no harm to me. Я не
причиняю им никакого
вреда".

"Дьявол, насколько я знаю".

"Ты когда-нибудь видел
дьявола?"

"Why have you done it?"

"Дьявол приходил ко мне и
просил служить ему".

"Я ничего не сделал. Я не
могу сказать, когда действует
дьявол".

"Что! Дьявол говорит тебе,
что причиняет им боль?"

"Нет, он мне ничего не
говорит".

Таким образом, Чивер заставляет ее сказать, что "*дьявол*" приходил к ней и заставлял ее служить ему, в то время как Корвин, сообщая о той же части экспертизы, заставляет ее сказать, что "*дьявол*" никогда ничего ей не говорил. Далее Корвин заставляет ее сказать: "Человек сказал мне служить ему". Чивер говорит, что *дьявол* сказал ей это. Сама Титуба и все ясновидящие той эпохи сохраняли различие между дьяволом и людьми, которых они видели, слышали и с которыми разговаривали. Но записыватели их показаний, не соблюдая этого различия, часто извращали свидетельства. Сравнение этих двух записей наводит на мысль, что Корвин, наиболее подробный, передает вопросы и ответы в их первоначальном порядке и последовательности гораздо точнее, чем Чивер, чьи записи, если сравнить их с другими, в некоторых местах выглядят как суммирование нескольких минут разговора в короткое предложение или два, а также свидетельствуют о том, что он принял как очевидный факт, что "вещь, похожая на человека" Титубы была самым настоящим дьяволом. Это вполне вероятно, поскольку в его протоколе она говорит: "*Дьявол* пришел ко мне и предложил мне служить ему" в тот момент, когда, по словам Корвина, она сказала, что *дьявол* "ничего мне не говорит". Таким образом, получается, что Чивер перенесла в прошлое слова, которые *она* впоследствии применила к своей "вещи, похожей на человека", и по своей собственной воле - не по ее - применила их к "*дьяволу*". В рассказе Корвин ее концепция отдельных индивидуальностей "*дьявола*" и ее "вещи, похожей на человека" раскрывается ясно и нигде не опровергается. Но Чивер, почти в самом начале своих записей и в тот момент, когда она, по словам Корвина, заявила, что дьявол *ничего* ей *не* говорил, сообщает, что тогда она применяла к *дьяволу* то, что через несколько минут или часов после этого применила к своей "вещи, похожей на человека". Согласно более полным и более достоверным записям, она ни разу не призналась в беседе с "*дьяволом*", хотя свободно рассказывала о многих разговорах с "человеком". Эти факты важны, очень интересны и поучительны. Как мы их сейчас интерпретируем, они указывают на то, что Титуба никогда не признавалась в общении с дьяволом, не обвиняла миссис Гуд, миссис Осберн или кого-либо еще в знакомстве с его соболиным величием, а только с "высоким человеком с белыми волосами", одетым в "саржевое пальто".

Суд, перед которым ее допрашивали, и окружающие, в целом, несомненно, сочли ее "вещь, похожую на человека" настоящим дьяволом, как это сделал Чивер. Но более точный регистратор ее слов дает все основания полагать, что сама Титуба считала иначе. Она, одаренная способностями, позволявшими ей видеть, слышать и чувствовать действующих лиц, полагала, что одним из них был, по крайней мере, развоплощенный человеческий дух; в

то время как духовно слепые, но физически и логически зоркие люди вокруг нее ошибочно предполагали присутствие с ней их злобного и могущественного дьявола.

Некоторые даты, зафиксированные этим свидетелем в рассказе Корвина и полностью опущенные в рассказе Чивера, интересны и в некотором роде важны. Мы узнаем то, что, насколько нам известно, ускользнуло от внимания всех прежних искателей: именно в пятницу, 15 января, когда она собиралась спать, к ней пришел "некто, похожий на человека" и назначил встречу в доме мистера Пэрриса, которая должна была состояться в следующую среду вечером. Соответственно, вечером в среду, 20 января, пришли "человек" и четыре женщины, а затем намеренно и целенаправленно подтолкнули Титубу к тому, чтобы она стала дочерью и племянницей мистера Парриса; и *в тот же вечер* Абигаиль, по крайней мере, если не Бетти, тоже *"впервые заболела"*. Здесь есть важное и значимое совпадение. Как раз в то время, когда развилась болезнь, духи, в соответствии с ранее достигнутой договоренностью, присутствовали при работе, стремясь добиться именно такого результата, который проявился. Они ли или другие силы произвели эти загадочные расстройствa, которые показались проницательным наблюдателям дьявольскими наваждениями? С учетом всех фактов очевидно, что страдания детей вызвал дух или духи.

Не представив вышеупомянутые моменты, которые, хотя и отсутствовали в скопированном им и последующем рассказе, все же попали в поле его зрения, Апхэм явно не использовал некоторые очень важные исторические факты, которые необходимы для честного представления как времени, в которое и через кого зародилось салемянское колдовство, так и, следовательно, для честного представления его природы. Но эти факты решительно противоречат его теории о том, что воплощенные девушки и женщины были зачинщиками и исполнителями этого великого и ужасающего проявления разрушительных сил. Как крепки цепи домашней теории! Как ослепляют катаракты давно заветных выводов!

Если и есть в мировых анналах более отчетливое свидетельство того, что конкретный человек сознательно и намеренно совершал действия, порождавшие страдания, так это свидетельство Титубы о том, что "существо, подобное человеку", которое пришло к ней однажды, "когда она собиралась спать", однажды "в покоях", однажды "когда она мыла комнату", и которое в пятницу вечером назначило место для встречи в следующую среду вечером и, вместе с помощниками, свое назначение, а затем и там, если и были когда-либо записаны показания, которые более четко указывали на конкретное существо как на главное в планировании и осуществлении какого-либо плана, чем эти показания Титубы, в которых она снова и снова указывает на "высокого мужчину с белыми волосами", одетого "иногда в черную одежду, а иногда в саржевый плащ другого цвета", как на главного исполнителя странного и судьбоносного развития болезней в семье мистера Пэрриса, я не знаю, где эти показания. Пэррис, но я не знаю, где записано это более четкое свидетельство. Тот, кто проигнорировал несколько очень значительных частей того, что сказала Титуба, отверг краеугольные камни, которые необходимы для фундамента подлинно философского раскрытия источника и последующей природы тайн, которые он пытался объяснить. По словам Апхэма, Титуба "в большинстве случаев демонстрировала ум, находящийся на самом низком уровне общего интеллекта", так что любой человек должен быть скорее опрометчив, чем разумен, если вменит ей в вину способность сфабриковать ряд фактов, все из которых кажутся естественными и вероятными с точки зрения психологии.

Мистер Пэррис сообщает нам, что странные недомогания существовали в его семье в течение нескольких недель, прежде чем у него или у других возникло подозрение, что они могут иметь дьявольское происхождение. Титуба датирует их начало вечером 20 января, всего за шесть недель до своего экзамена. Таким образом, "несколько недель" мистера

Пэрриса могли длиться не менее пяти, в течение которых он, его жена, их врач и друзья, вероятно, изучали симптомы, принимали лекарства и следили за их действием, а также всячески ухаживали за детьми, не подвергаясь ни заблуждениям, ни волнениям, как они могли бы это делать в любой другой равный отрезок своей жизни. Медицинское искусство, существовавшее в то время, очевидно, располагало и использовало весьма значительный период времени, не менее четырех или пяти недель, чтобы сделать все возможное, и все же потерпело поражение. Все усилия оказались безрезультатными. Сегодня мы понимаем достаточную причину его неудачи. Она противостояла особому воздействию духа, авторы которого могли либо противодействовать, либо усиливать, либо сводить на нет по своему усмотрению нормальное действие любых обычных лекарств и средств ухода. Родители, врачи и медсестры, несомненно, изо дня в день наблюдали такие аномальные и изменчивые проявления, следовавшие за приемом "лекарств", которые сбивали их с толку и заставляли в конце концов заподозрить "злую руку". Титуба знала причину болезней, но, вероятно, не имела возможности увидеть и оценить непрерывную связь этой причины с длинным рядом ее последствий. Если бы она открыла свои знания, какое внимание было бы уделено словам невежественной рабыни? Каких побоев она могла бы не опасаться, если бы призналась в общении с невидимыми существами? Неудивительно, что она держала свои знания при себе, пока страх перед тростью хозяина не заставил ее рассказать о фактах магистрату.

Как ни малы были умственные способности Титубы, она обладала необычной восприимчивостью, которая позволяла, а точнее, обязывала ее знать о происхождении и развитии, а также о природе и активном производителе бедственных недугов и "удивительных подвигов" в семье ее хозяина больше, чем хозяин, хозяйка, врач и магистраты вместе взятые. Они видели - если можно сказать, что они вообще видели, - только через толстые, грубые и мутные очки, очень тускло; в то время как она, порой, ясно видела живых актеров лицом к лицу. От нее мы получаем свидетельство очевидца, который непосредственно через свои собственные органы чувств узнал то, о чем она говорит; ее свидетельство звучит как кольцо безупречной истины и снимает завесу с давно скрытых тайн.

Хатчинсон, Апхэм и Дрейк стремились доказать, что обычное плутовство, хитрость и злой умысел, действующие на фоне общественного легковерия и увлеченности, побуждали и позволяли хрупким девушкам и женщинам совершать "удивительные подвиги", чудесные конвульсии и все другие ужасные проявления колдовства. Не заметив или проигнорировав очевидный исторический факт, неоднократно подтвержденный свидетельством Титубы, что некие иные интеллекты, чем у девушек, что умы, более или менее полно и окончательно освободившиеся от помех плоти, действительно начали первые проявления колдовских щипков, припадков, и конвульсий в деревне Салем, эти историки несправедливо обвинили девушек и женщин, чьи тела в то время были объектами и инструментами других разумов, в том, что они симулировали болезни и совершали действия, которые, по словам очевидцев и неохотно участвующих в них лиц, были проявлены в повиновении воле или волям не их собственных. Такой недосмотр или такой отказ от фактов, в зависимости от того, что это могло быть, заставил этих писателей так ограничить свои запасы разумных агентов, имеющих больший или меньший доступ к человеку и власть над ним, чтобы поместить вне их собственного охвата и видения фактических производителей колдовских явлений. Это самонавязанное или самосохраненное ограничение заставило их приложить усилия, чтобы показать, что простые дети обладали гигантскими физическими и умственными силами и мозгами, которые придумывали и осуществляли планы, сотрясавшие до основания прочные ткани церкви и государства, - да, заставило их приписать могущественные общественные волнения незначительным операторам.

Титуба, напротив, простым изложением того, что она сама видела, слышала, чувствовала и делала, - изложением того, что она *знала* на самом деле, - определила подлинных и явно компетентных авторов колдовских чудес и рационально объяснила их появление. Поэтому она далеко, очень далеко опережает всех этих историков как компетентный и авторитетный толкователь авторства, происхождения и природы салемского колдовства. Ее "некто, похожее на человека" - *высокий беловолосый мужчина в саржевом пальто* - был его автором. Этот человек был духом, а его работы - спиритизмом определенного качества. Противостояние показало, что он обладает могущественной силой. И каковы бы ни были его мотивы, результатом его затеи стала смерть колдовства во всем христианстве и последующее широкое освобождение от психического рабства.

Некоторые заявления, сделанные и опубликованные Робертом Калефом вскоре после 1692 года, имеют на своей поверхности подобие импичмента или, по крайней мере, сомнения в ценности свидетельства Титубы. Он говорит: "Первой жаловалась упомянутая индианка по имени Титуба; она призналась, что *дьявол* побудил ее подписать книгу, которую он ей подарил, , а также причинить зло детям" и т. д. Мы не находим в отчете Корвина ничего похожего на *признание* в подобных вещах; она четко заявляет, что *дьявол ничего ей не говорит*, а также что книга была предложена ей, и что призывы причинить вред детям были сделаны ей "кем-то вроде человека" - "*человеком*". Она понятия не имела, что дьявол был ее посетителем, и никогда не признавалась, что он искушал ее.

Калеф продолжает: "После этого ее посадили в тюрьму, и она пролежала там до тех пор, пока ее не продали за вознаграждение. Впоследствии она рассказала об этом так: хозяин бил ее и применял другие меры, чтобы заставить ее признаться и обвинить (как он их называл) своих сестер-ведьм; и все, что она говорила, признаваясь или обвиняя других, было следствием такого использования". Это заслуживает доверия и, вероятно, является правдой. Такие действия со стороны мистера Парриса не противоречат его характеру. Другой хозяин Титубы, беловолосый мужчина, велел ей "ничего не говорить"; возможно, поэтому ее действительно побудили произнести "все, что она скажет, признаваясь или обвиняя других", побои, которые она получила от своего видимого хозяина. Но что же она сказала, исповедуясь или обвиняя? В сущности, ничего. Она просто констатировала известные ей факты, и такое заявление не следует называть ни признанием, ни обвинением.

Запись Корвина о показаниях этой рабыни вызывает опасения - да, порождает убеждение, - что Калеф бессознательно ввел ее в заблуждение, когда написал, что "она *призналась*, что *дьявол* заставил ее подписать книгу". Мы не нашли никаких признаков того, что она когда-либо делала то, что можно назвать *признанием*. Мы повторяем, что она вполне полно рассказала о том, что видела беловолосого *мужчину*, беседовала с ним и была вынуждена подчиниться ему, а также о том, что женщины Гуд и Осберн иногда были ее спутницами-операторами, когда мужчина присутствовал рядом. Это откровенное изложение фактов было ее единственным признанием, насколько мы можем судить. Если бы это сделал умный свидетель, который понимал, как его истолкует общественное мнение, можно было бы с полным основанием сказать, что она или он "*признались*". Но в случае с Титубой это было простое изложение истины.

Мы подозреваем, что Калеф, следуя распространенной в его время привычке, невольно написал "*дьявол*" там, где Титуба, по словам Корвина, сказала "человек". Если он следовал отчету Чивера о суде, то, похоже, имел на то основания. То, что Титуба считала дьявола и "высокого человека" двумя разными личностями, совершенно очевидно. Когда ее допрашивали, она признала, что дьявол *мог* причинить вред детям, но она никогда не видела его и он никогда ничего ей не рассказывал. Она не была знакома с этим человеком. Пока

вопросы касались *его* дел, она не могла дать никакой информации; но как только ей представилась возможность представить "высокого человека", она была готова говорить о нем свободно и поучительно. Окружающие ее люди, не обладавшие внутренним просветлением, называли *дьяволом* любой развоплощенный разум, который действовал на их внешние чувства или чья сила проявлялась в них; так не поступали ни Титуба, ни одна из ее ясновидящих сестер-страдалиц или *сестер-обвинительниц*. На протяжении всех двух дней жесткого допроса она упорно называла своего странного посетителя "человеком". Примечательно, что все медиумы того времени, как обвиняемые, так и обвинители, избегали впадения в распространенную привычку обвинять *дьявола*. Их видения встречали другие агенты.

Страх перед мистером Пэррисом, возможно, заставил Титубу рассказать свою истинную историю, которую, если бы не он, она могла бы утаить. Но есть ли вероятность того, что он продиктовал какую-то часть ее показаний или что она что-то сфабриковала? Мы не видим никакой вероятности. Справедливо предположить, что, хотя она была вынуждена говорить, она просто описала то, что видела, и рассказала о том, что пережила. Очевидная быстрота, прямота и общая последовательность ее ответов убедительно свидетельствуют в пользу этого предположения. По ее мнению, как и по нашему, то, что она сказала, не было признанием в знакомстве с *дьяволом*, поскольку она отрицала любое знание о нем; поэтому она не признавалась в колдовстве, как оно тогда определялось, и не обвиняла в нем других женщин.

Калеф приписывает ей последующую позицию, которая может быть истолкована так, что она отказалась отстаивать свои предыдущие заявления. Он говорит, что "ее хозяин отказался выплатить ей "плату за содержание в тюрьме" и таким образом освободить ее из тюрьмы, "если она не будет придерживаться того, что сказала". В этой цитате задействовано все, что мы находим в старых записях, что носит хотя бы подобие опровержения ее показаний или дает нам основания не доверять ее намеренной точности в чем-либо. Мастер не заплатил гонорар. Она "просидела в тюрьме тринадцать месяцев, а затем была продана, чтобы оплатить тюремные расходы". (Drake. Annals, 190.) Но для чего хозяин требовал, чтобы она "стояла"? Калеф говорит, что бил ее, "чтобы заставить признаться и обвинить [тех, кого он называл] своими сестрами-ведьмами; и что, что бы она ни делала, *признаваясь* или *обвиняя* других, было следствием такого использования". В чем она могла признаться или в чем могла обвинить других в другое время, кроме того, когда ее допрашивали, мы не знаем. Ее заявления тогда, как она их понимала и как мы их понимаем сейчас, были далеки от того, чтобы признаться в знакомстве с *дьяволом* или возложить это преступление на кого-то другого; поэтому она не считала ни себя, ни своих спутниц *ведьмами*. Тем не менее ее хозяин, несомненно, как и регистратор Иезекииль Чивер и суд, понял, что она имела в виду *дьявола*, когда сказала "человек", хотя сама она этого не имела в виду. Даже Корвин, очевидно, как судья, принял распространенное толкование ее слов, хотя его добросовестность как регистратора заставила его написать "человек", когда она сказала "мужчина". Эта общая привычка понимать *дьявола*, когда названо и подразумевается какое-то другое лицо, позволяет нам понять, что впоследствии между ней и ее хозяином мог возникнуть спор относительно ее истинного смысла, и он поставил условием ее освобождения то, что она должна была придать своим словам его значение, а не свое собственное. Вопрос о том, отказывалась ли она когда-либо отстаивать свой собственный смысл или истинное значение своих слов, остается открытым. Возможно, она отказывалась придерживаться толкования, которое вера и привычка того времени заставляли

большинство умов необоснованно вкладывать в ее слова; но мы сомневаемся, что она отказывалась придерживаться буквального и предполагаемого смысла сказанного.

Бедная Титуба! Из-за того, что тебя насильно приобщили к замыслу и делам, которые совершенно не поддавались твоему пониманию, из-за того, что тебя заставили рассказать о вещах, которые ты видела и пережила за покровом плоти, твое собственное тело было заключено в тюрьму на тринадцать месяцев, а две невинные женщины были обречены на смерть. Беспристрастная и невинная, насколько это было связано с колдовством, вы были увлечены могущественными силами, чтобы, казалось, добровольно, хотя на самом деле невольно и вынужденно, принять участие в одной из самых страшных сцен в истории человечества. Невежество людей о духовных агентах и силах в ваше время, а также распространенные галлюцинации дьявольского происхождения сделали вас скромным и жалким мучеником за простое изложение истины. Некоторые семена в вашей простой истории, собранные сейчас из мякины, которая покрывала их девятьсот лет, могут вскоре быть разбросаны по земле Новой Англии, с которой, мы верим, вы, наверху, и люди внизу смогут собрать полезные плоды справедливости и истины.

Сара Гуд.

Сестра ведьмы Титубы, которую хозяин рабыни называл Сарой Гуд, возможно, в своем поколении не считалась обладательницей большого количества тех качеств, которые принято обозначать ее именем. Тем не менее соседи обрекли ее на вечную славу, выбрав ее в качестве первого человека, подвергшегося допросу по подозрению в салемском колдовстве. В качестве удобного инструмента в руках сверхъестественного она могла быть, и, вероятно, была, хороша как по качеству, так и по имени.

Указания на то, что ее духовная форма была способна либо легко устраняться, либо широко распространяться от своего материального аналога, содержатся в тех фактах, что 20 января 1692 года внутренний глаз Титубы видел эту Сару; 25 февраля Энн Патнэм, а 28-го Элизабет Хаббард видела ее явление, или ее духовную форму.

Человеческая "естественная" или физическая оптика не различает дух. Дух, когда он не материализован, различим только нашим внутренним или духовным взором; дух "духовно различим". Однако духовные формы воплощенных, живых мужчин и женщин не все одинаково различимы ясновидящими. Как правило, только те из духов, облаченных в плоть, легко видны внутренней оптикой, которые способны проскользнуть, или притянуться, или излучиться из обычных телесных оболочек, или, по крайней мере, только те, чьи оболочки прозрачны для света духа. Лишь немногие, относительно немногие, могут видеть или быть видимыми легко и часто духовными глазами. Существуют орлы, а также совы и летучие мыши. И ясное восприятие предметов первыми среди света, ослепляющего вторых, не является доказательством ни того, что зрение орлов извращено, ни того, что предметы, которые они видят, являются лишь порождениями фантазии.

Медиумистка Сара Гуд, поскольку она обладала высоким уровнем медиумизма, естественно, была бы ярким и привлекательным объектом в поле зрения, которое могли бы исследовать внутренние глаза других медиумов. Расстояние не имеет практически никакого значения в

связи с видением внутренним глазом. Люди и объекты, находящиеся на расстоянии десятков и сотен миль, практически близки для внутренней оптики. Дух-формы, возможно, являются мыслеформами и, подобно мысли, могут пересекать океаны и континенты в мгновение ока.

Мы не ставим перед собой цель исчислять страницы, цитируя подробные отчеты о том, что происходило во время допросов и судебных процессов над теми, кто подозревался в колдовстве; и все же, возможно, будет неплохо представить достаточно полно один из примеров судебных разбирательств. Это первое дело, которому уделили внимание гражданские власти, может послужить этой цели не хуже любого другого.

Арест Сары Гуд был произведен 29 февраля, а на следующий день, во вторник, 1 марта 1692 года, начался ее допрос, который продолжался вместе с допросами Сары Осберн и Титубы до конца той недели. В понедельник, 7-го числа, эти трое были отправлены в тюрьму в Бостоне. 30 июня миссис Гуд предстала перед судом, который вынес ей обвинительный приговор, а 19 июля она, вместе с другими, была казнена.

Сначала мы приводим рассказ Иезекииля Чивера о ее допросе. Чивер был временным клерком или писцом, которого нанимали судьи для записи показаний.

"Сара Гуд, с каким злым духом вы знакомы? *Ответ:* "Ни с каким". 'Не заключали ли вы договор с дьяволом?' Гуд ответила: "Нет". "Почему вы обижаете этих детей? *Ответ:* "Я не обижаю их. Я презираю это". 'Who do you employ, then, to do it?' *Ответ:* "Я никого не нанимаю".

Этот вопрос, несомненно, был основан на существовавшем тогда убеждении, что тот, кто заключил договор с дьяволом, по условиям договора получил власть повелевать дьяволу и его импам совершать любые желаемые злодеяния.

"Какое же *существо* ты нанимаешь? *Ответ:* "Никакого существа, но меня ложно обвиняют".

Ее заявление о том, что она *никого не* нанимает, похоже, не охватывало все классы возможных слуг в таком деле. Поэтому ее спросили, какое *существо* она наняла. Этот вопрос наводит магистрат на вероятное предположение, что собаки, кошки, птицы и волосатые нелюди, которых видела Титуба, могли подчиняться командам ведьмы.

"Почему вы ушли, бормоча, из дома мистера Пэрриса? *Я не бормотала, но поблагодарила его за то, что он дал мне ребенка*". "Вы не заключали договора с дьяволом? *Анс.* "Нет".

Затем судья "попросил детей, всех до одного, посмотреть на нее и узнать, не та ли это особа, которая их обидела; и все они посмотрели на нее и сказали, что это одна из тех, кто их мучил. Вскоре все они были измучены".

"Сара Гуд, неужели ты не понимаешь, что ты сделала? Почему ты не говоришь нам правду? Почему ты так мучаешь этих бедных детей? *Отвечает:* "Я не мучаю их". 'Who do you employ, then?' *Ans.* 'I employ nobody. I scorn it. "Как же они мучились? *Ans.* "What do I know? Вы приводите сюда других, а теперь обвиняете в этом меня". "А кто это был? *Анс.* "Я не знаю, но это были те, кого вы привели с собой в дом собраний". *Ответ.* 'Мы привели тебя в дом собраний'. *Ответ.* 'Но вы привели еще двоих'. Кто же тогда мучил детей? *Ответ:* "Это был Осберн". Что вы говорите, когда уходите, бормоча, из чужих домов? *Анс:* "Если я должен рассказать, я расскажу". Тогда расскажите нам. *Отвечаю.* "Если я должен сказать, я скажу.

Это заповеди. Я могу сказать о своих заповедях, я надеюсь". 'Какая это заповедь?' *Ans.* 'If I must tell, I will tell. Это псалом. 'Какой псалом?' *Заявление репортера.* 'После долгого времени она бормотала какую-то часть псалма'. "Кому вы служите? *Ans.* "Я служу Богу". "Какому Богу вы служите? *Ответ:* "Богу, сотворившему небо и землю".

Комментарии репортера. "Она не желала упоминать слово "Бог". Ее ответы были очень злыми, злобными, она отражала и опровергала авторитет низкими и оскорбительными словами и много лгала. Тут же было сказано, что ее муж заявил, что боится, что она либо ведьма, либо очень скоро ею станет. Преосвященный мистер Хаторн спросил его, почему он так о ней говорит; видел ли он что-нибудь *от* нее. Он ответил, что нет, *не в этом роде*; но ему показалось, что она плохо себя вела; и действительно, сказал он, я могу со слезами на глазах сказать, что она враг всему хорошему".

По словам Чивера, причина, по которой он попросил детей посмотреть на обвиняемого, заключалась в том, что они могли "увидеть, тот ли это человек, который их обидел". Это заявление не охватывает всей сути. Согласно Коттону Мазеру, в то время преобладало убеждение, что "когда подозреваемый смотрит на тех, кого якобы околдовали, и с ними случается припадок... это является доказательством того, что обвиняемый - ведьма, находящаяся в сговоре с дьяволом".

На многих последующих допросах и процессах эти судьи требовали от обвиняемых посмотреть на страдающих, и особое внимание обращали на явное действие предполагаемого сглаза на чувствительных детей. Эти эксперты верили, что если обвиняемый виновен, то его вина может быть установлена по наблюдаемым эффектам эманаций от глаза ведьмы на тех, кого она мучила. Возможно, человеческий опыт и наблюдения позволили узнать факты, которые послужили существенным основанием для такой веры. Глаз могущественного месмериста очень сильно действует на тех, кого он привык подчинять своей воле. Если дети дрожали и страдали под взглядом обвиняемого, можно сделать вывод, что ранее они были приведены в рабство неощутимыми силами, исходящими от этого человека. Силы такого рода, вероятно, исходят из глаза более обильно, чем из любой другой части человека, хотя это не единственная точка их выхода. Любая часть тела может выпускать их наружу. Этот факт, несомненно, издревле принимался на веру потенциальными сыщиками ведьм, поскольку они часто требовали, чтобы обвиняемые прикасались к своим обвинителям или наоборот. И, как правило, контакт сопровождался конвульсиями, спазмами, болями или другими неприятностями, либо прекращением раздражения. Такие результаты являются умеренным доказательством того, что силы, относящиеся к ушедшим духам, действовали на потревоженных; ведь эманации из такого источника часто бывают более возбуждающими и мучительными, или более успокаивающими и приятными, чем те, что исходят от простого месмеризатора. Одна из причин этого усиленного эффекта, передаваемого через уста медиумов, заключается в том, что большее удаление свойств освобожденных духов от однородности со свойствами облаченных в плоть, чем существует между свойствами любых двух смертных, естественно вызывает либо большее волнение, либо большее спокойствие, когда развоплощенные вступают в контакт с облаченными в плоть, чем когда-либо происходит при слиянии потоков исключительно мирских. Следует помнить, что духи, когда они общаются со смертными, обладают способностью не только вызывать агонию и движения, но и командовать и эффективно использовать необходимые для этого приспособления. Если высокий мужчина с белыми волосами Титубы был контролером представлений, то все подобные страдания и выходки, описанные в истории, могли происходить на процессах по обвинению в колдовстве, но лишь немногие из них могли быть вызваны по воле смертного. Отстраненный

от внешнего восприятия, этот могущественный оператор по своему желанию формировал речь, действия и страдания всех впечатлительных людей, будь то обвиняемые или обвинители. Его цели и мотивы не являются предметом рассмотрения на данном этапе нашего расследования.

Судьи, проводившие допрос, Джон Хаторн и Джонатан Корвин, подписались под следующим отчетом об этом допросе.

"Сара Гуд при допросе отрицает факт, а именно, что она когда-либо использовала какое-либо колдовство или причиняла вред вышеупомянутым детям или кому-либо из них.

"Вышеупомянутые дети, все присутствующие, положительно обвинили ее в том, что она причиняла им боль несколько раз в течение двух месяцев, а также сегодня утром.

"Сара Гуд отрицала, что была в их домах в указанное время, или рядом с ними, или причинила им какой-либо вред. Все вышеупомянутые дети, присутствовавшие при этом, обвинили ее лицом к лицу, после чего все они подверглись пыткам и мучениям в течение короткого времени; и когда мучения и пытки закончились, они снова обвинили Сару Гуд в том, что она так мучила их, *пришла к ним и сделала это; хотя она тогда находилась на значительном расстоянии от них.*

"Тогда Сару Гуд спросили: если это не *она* их мучила, то кто? И когда детей снова стали мучить, она посмотрела на них и сказала, что это один из них, которого мы привели с собой в дом. Мы спросили ее, кто это был. Она ответила, что это Сара Осберн; а *Сара Осберн тогда была под стражей, и в доме ее не было.* И дети, быстро придя в себя, сказали, что это была Сара Гуд, а также Сара Осберн, которые причиняли им боль и мучили их, хотя *обе они в то же время находились на расстоянии или вдали от них лично*".

Выделенные курсивом строки показывают, что судьи придали значение показаниям детей о том, что две женщины имели к ним доступ и причиняли им боль, даже если внешне они были далеки от девочек. Как именно Хаторн и Корвин расценили эти факты, мы не знаем. Возможно, они сочли их веским доказательством того, что женщинам помогал дьявол. Факт, если это действительно факт, - а это, вероятно, так, - что эти девочки действительно получили болезненные ощущения от сил, пришедших к ним из форм тех двух женщин, чьи тела в то время были далеки от их собственных, был удивительным, когда он произошел, и остается таковым сейчас для всех тех, кто не знаком с некоторыми поучительными вещами, которые современный спиритизм выводит на первый план. Для одушевленных людей, для духовно просветленных, для ясновидящих расстояние и материальные объекты почти стираются. Между такими людьми, а также между духами и такими людьми, когда их внутренние силы находятся на подъеме, разум действует непосредственно на разум, без помощи внешних чувств и органов, и что бы ни происходило с разумом или духом воплощенного, будь то боль или удовольствие, достигает и влияет на тело земного облаченного изнутри, а затем действует вовне. Все ощущения относятся к разуму или духу. Тело, когда жизнь покидает его, сразу же становится абсолютно бесчувственным. Все боли тела, откуда бы и как бы они ни происходили, ощущаются только духом - телом никогда. Поэтому, когда дух изнутри ущемляется непосредственно духом, боль, хотя физическое тело и не было затронуто извне, ощущается точно так же, как если бы пальцы ущипнули плоть. Ушибленный дух человека, действующий вовне, может окрасить некоторые участки тела точно так же, как и внешний щипок, захват или удар. Обвиняющие девушки могли реально воспринимать и положительно *знать*, что силы, вызывающие боль, исходящие из форм обвиняемых женщин, искажают и сводят в конвульсии их собственные тела и тела других чувствительных людей, хотя воля женщин могла и не посылать эти силы; обвиняемые могли

быть лишь носителями тел или обладателями дарованных Богом организмов и темпераментов, через которые либо высокий человек Титубы, либо какой-то другой дух, либо даже какая-то безличная природная сила получили доступ к духам девушек и через их духи вызвали в их телах признаки сильных страданий. Спиритизм приглашает физиологов и психологов в новые и интересные области для исследований.

Вышеизложенные факты и взгляды побуждают к весьма снисходительным суждениям, как в отношении обвиняемых женщин, так и в отношении их молодых обвинителей.

Во время допроса Сары Гуд многое было взято из показаний Титубы и использовано с целью показать, что Сара Гуд была ведьмой. Титуба обвинила эту женщину в причинении вреда детям, а также в том, что она была одной из пяти тех, кто подстрекал ее к этому. Гуд поехала с ней на шесте к мистеру Патнэму, а затем сказала рабыне, что та должна кого-то убить. Она пришла и заставила Титубу оглохнуть от молитв. У нее была желтая птица, которая сосала ее между пальцами; еще у нее была кошка, а Хаббарду она показалась волком. Титуба увидела имя Гуд в книге, и дьявол (нет, высокий человек) "сказал, что Гуд сделала свой след". Даже ее собственная маленькая дочь, Дороти Гуд, свидетельствовала, что у ее матери "было три птицы, одна черная, другая желтая, и что эти птицы вредили детям и больным людям".

Деливеранс Хоббс видела Гуд на таинстве ведьмы.

Эбигейл Хоббс была с ней в компании и стала от нее глухой, и она знала, что она ведьма.

Мэри Уоррен получила *книгу* от Сары Гуд.

Элизабет Хаббард, Мэри Уолкотт, Энн Путнам, Мерси Льюис, Сара Виббер и Эбигейл Уильямс (все они были членами некромантического *кружка*), были поражены Сарой Гуд и *видели ее облик*.

Ричарду Пэтчу, Уильяму Аллену, Джону Хьюзу она являлась призрачно.

Столь длинный список имен внушаемых существ, имевшихся в Деревне в столь ранний период, когда впервые попытался найти там колдуна, указывает на то, что визитер Титубы умело выбирал место для работы. Он начал свою работу в окружении обильных и подходящих материалов, с помощью которых можно было осуществить свою цель - приблизиться к воплощенным смертным и оказать на них поразительное действие. В дальнейшем можно будет узнать, что он был вдохновителем как видимого, так и невидимого Круга, собравшегося в пасторали; и также узнать, что его силы притягивали членов каждого из них. То, что среди пятисот разбросанных по деревне жителей за "короткие два месяца" было обнаружено так много медиумов, причем большая часть из них была удивительно способной и пластичной, вызывает удивление. Только зоркие глаза и активный поиск могли обнаружить такое количество за столь короткий срок. Зародыши пророков, должно быть, были там в изобилии и быстро развивались под культурой сверхъестественного садовника, который обнаружил их обилие и качество и взял их под свой особый присмотр и уход.

Во время экзамена Сара Гуд сказала: "Здесь никто не видит ведьм, кроме самих страдальцев", то есть никто, кроме страдальцев и обвиняемых; никто, кроме ясновидящих. Под ведьмами она подразумевала духов и подобия смертных и духов; и по существу она сказала, что никто, кроме нас, кто видит внутренним взором, не видит парящих и действующих разумных существ и форм. Затем эта неученая женщина объявила великую и поучительную истину. Она учила, что оба класса - и замученные обвинители, и обвиняемые - обладали способностями видения, которых не было у других людей; что они обладали таким ясновидением и другими временными способностями и восприимчивостью, которые

присущи лишь очень ограниченному числу людей, и что эти физические особенности являются источником существующих тайн.

Следует всегда помнить, что способности, о которых говорила миссис Гуд, как правило, очень непостоянны в своей деятельности. Те, кто иногда видит духов и сцены с духами, редко способны делать это по своему желанию или очень долго без перерыва. Большинство из них могут каждые несколько минут говорить вместе с Титубой: "Я теперь слепая, я не вижу".

Заявив, что обвинители и обвиняемые, и только они и другие подобные им, могли видеть скрытые лица и силы, которые там действовали, действовали или действовали, нанося таинственные удары по страдающим девочкам, Сара Гуд тут же обвинила свою сокамерницу Сару Осберн в том, что та "причинила вред детям". Справедливый вывод состоит в том, что она видела дух или явление своей спутницы, которая, как ей казалось, работала над страдальцами; и миссис Гуд, возможно, лишь описала то, что увидела ее внутренняя оптика. Фактически она призналась, что сама является ясновидящей и, следовательно, очень близкой родственницей ведьмы, если вообще не входит в это страшное братство. Но ясновидение относилось и к обвинителям, и обе группы ясных провидцев, если их способности были преступлением, заслуживали одинакового обращения.

"Смотря на них" (страдающих детей) "в одно и то же время и не будучи страдающей, должна быть, следовательно, ведьмой". Вышеприведенные слова взяты из записей ее экзамена. Очевидно, она смотрела на детей, утверждая при этом, что отсутствовавшая тогда Сара Осберн присутствовала там и причиняла им страдания, в то время как сама миссис Гуд не страдала; это было сочтено доказательством того, что она ведьма. Какие неопределенные предпосылки привели к такому выводу, мы не знаем. У наших отцов было много представлений о колдовстве, которые теперь похоронены в забвении, и зачастую очень трудно найти причины их умозаключений. Мы в недоумении и можем лишь сказать, что есть сведения о том, что при некоторых обстоятельствах неспособность женщины стать заколдованной служила доказательством того, что она сама была ведьмой - раз она не заразилась особой болезнью, значит, она уже была ею больна.

Констебль Брейбрук, который присматривал за ней в течение ночи между первыми двумя днями ее осмотра, показал, что он поставил трех человек в качестве охранников, чтобы следить за ней в своем доме; и что утром охранники сообщили ему, что "ночью Сара Гуд ушла от них на некоторое время, причем босиком и без ног". Из другого источника он узнал, что "в ту же ночь Элизабет Хаббард, одна из пострадавших, пожаловалась, что Сара Гуд пришла и причинила ей зло, будучи босой и босоногой, и Сэмюэл Сиббли, который ухаживал за Элизабет Хаббард, ударил Сару Гуд по руке, как сказала Элизабет Хаббард" -*Woodward's Historical Series, No. I, p. 27.*

Заявление Брейбрука представляет собой побочный инцидент, произошедший в то время, когда ни одна из артисток, прошедших обучение в знаменитой школе для девочек историка, не присутствовала на спектакле - инцидент, который по своей чудесности соперничает с тем, что происходит в главной трагедии, разыгрывать которую им поручено. Когда все девушки-фокусницы отсутствовали, когда только мужчины охраняли и находились рядом с пленницей, она становилась невидимой для них. Никого из группы девушек и женщин, занимающихся магией, тогда не было под рукой. Свидетельства о том, что она исчезла, однозначны: утром охранники сообщили, что "ее не было некоторое время". Так заявил констебль, и это заявление поддержали два помощника охранника, Майкл Даннелл и Джонатан Бейкер. Мы не будем останавливаться на вопросе, откуда они узнали, что она была "босая и босоногая", когда ее не было видно. Возможно, они видели ее чулки и туфли, когда ее не было видно.

Также она была без этой одежды, когда ее видели в ту ночь Элизабет Хаббард и ее любовник в дальнем доме этой девушки.

Умный, проницательный и надежный человек, доктор Х. Б. Сторер из Бостона, которого мы знаем и давно знаем лично, и которого мы уважаем как человека высокого ума, чести и приверженца фактов и истин, дал в газете Banner of Light от 9 января 1875 года поучительный отчет о своих недавних наблюдениях в резиденции миссис Комптон, медиума, в Гаване, штат Нью-Йорк. Мы извлекаем следующее из его заявлений. Он говорит, что в понедельник утром, 28 декабря 1874 г.

"По моей просьбе, которую миссис Комптон выполнила без единого шороха, мои подруги, войдя в ее спальню, увидели, что она полностью лишена одежды, за исключением двух нижних одежд, а затем заставили ее надеть пару панталон мужа. Затем была надета кокетка ее платья из альпаки, без юбки, после тщательного обыска, чтобы убедиться, что никакой лишней одежды не могло быть спрятано. Затем, в моем присутствии, баска была пришита с каждой стороны к панталонам, а лента, которую я завязал двумя узлами вокруг ее шеи, была продета через узлы, и каждый конец ленты был пришит к воротнику баски. Таким образом, на ней были сшитые вместе пальто и панталоны, плотно облегающие фигуру, и так закрепленные лентой на шее, что одежду нельзя было ни поднять, ни опустить. На руки была надета пара черных перчаток, плотно пришитых к запястьям. Затем я обвязал вокруг ее талии кусок хлопчатобумажной бечевки, завязав его сзади двумя крепкими узлами, и тот же кусок бечевки привязал двойными узлами к спинке стула, на котором она сидела".

В субботу доктор Сторер видел, как из кабинета, как и доктор Ф. Л. Х. Уиллис в прошлом, "вышел странный фантом, похожий на женщину и одетый в струящийся белый наряд. На голову ей была наброшена вуаль из тонкой ткани, а в одной руке она держала платок, похожий на ворсистое облако. Ее платье было необычайно белым и блестящим, без единой морщинки или складки". Это описание Уиллиса Сторер назвал "идеальным" и принял его. Эту "странную" особу звали Кэти. Доктор Сторер, зафиксировав медиума в кабинете в понедельник, как описано выше, рассказывает

"Очень медленно дверь [кабинета] открылась, и вскоре мы увидели ее [Кэти] целиком, одетую точно так же, как и раньше - в шлейфовые юбки, вуаль и мантию, но с поясом, который она взяла в руки и потерла, чтобы мы могли услышать, как шелестит его шелковый. Стоя у двери, она обратилась ко мне, сказав, что, когда она полностью отойдет от шкафа, я должен быстро войти и, не двигая стула, пощупать медиума и все вокруг шкафа и посмотреть, смогу ли я найти ее. Она отошла примерно на пять футов в комнату, и я сразу же бросился к шкафу, нащупал кресло, тщательно обшарил пол и стены руками - но не осталось ни *следа медиума* или *чего-либо* еще".

Курсив наш. Мы хотим подражать доктору в откровенности и мудрости - изложить и принять его факты, но не пытаться их объяснить. Мы приводим этот случай, потому что он удивительным образом совпадает с высказываниями Брейбрука. То, что происходит сейчас, возможно, имело место и до сегодняшнего дня. Современный случай превосходит, возможно, древний; ведь мы не знаем, сочувствовали ли охранники своей пленнице или просто не заметили ее. Как они убедились, что она ушла, мы не знаем. Доктор Сторер ощупал кресло, в котором сидела миссис Комптон, ощупал пол и потолок, но никого не обнаружил в маленьком кабинете, который представлял собой треугольник, отгороженный в углу комнаты, внутренние стороны которого были всего по пять футов в длину, так что человек, не меняя положения, мог дотронуться до любой его части, если только потолок над головой не находился выше его досягаемости. Вскоре после этого, - рассказывает доктор

Сторер, - дверь кабинета была открыта, и в кресле, привязанном так, как мы ее оставили, без разрыва нити, без видимого движения ее лица или в каком-либо отношении отличающемся от ее внешнего вида, когда ее видели в последний раз, сидела медиум, в том ужасающе безжизненном трансе, из которого потребовалось почти полчаса, чтобы ее разбудить. Я не буду высказывать никаких собственных предположений по поводу этого чудесного явления. Я привожу факты и ручаюсь за их полную точность".

Были ли заявления Брейбрука правдивы в отношении главного факта? Возможно, да. Если это так, то мы не предполагаем, что физическое тело Сары Гуд было убрано из-под стражи или увидено Элизабет Хаббард в ту ночь. Невидимость могла окутывать ее тело, но не ее туфли и чулки; возможно, ее духовная форма была единственной, которую видел далекий наблюдатель. Мы не решаемся устанавливать границы возможностей. В наши дни духам часто удается, как они говорят и как показывают результаты, сделать определенные материальные объекты, находящиеся в объятиях аур или эманаций некоторых медиумов, временно невидимыми для самых зорких внешних глаз, даже когда такие глаза окружены светом, достаточным для того, чтобы отчетливо видеть другие объекты поблизости. То, что делается сейчас, возможно, делалось и раньше. А поскольку сейчас подобные явления происходят редко, разве что в непосредственной близости от людей, восприимчивых к влиянию духов, напрашивается справедливый вывод: Сара Гуд была медиумом. Элизабет Хаббард видела духовную форму Сары Гуд; этот факт доказывает, что Элизабет была ясновидящей, если только дух Сары Гуд не был тогда материализован. Каждая из пострадавших девушек так многократно описывала восприятие того, что не могло увидеть внешнее зрение, услышать внешнее ухо или почувствовать внешнее осязание, что медиумические способности всех и каждой из них стали очевидными.

Восприимчивость и способности как обвинителей, так и обвиняемых были исключительными и в то же время одинаковыми. Духовно-воспринимающие способности и рецептивные возможности обоих классов могли быть приведены в такое действие, которое превосходило бы результаты, ощутимые внешними чувствами обычных людей. Кроме того, и это особенно важно, каждый класс можно было заставить служить *простыми инструментами* невидимых существ. В этом качестве с ними и обращались, используя их по отдельности в качестве афликтора или афликтора, по своему усмотрению, в рамках психологических законов.

Выбор, который отбирал одних в качестве орудий воздействия, а других - в качестве объектов воздействия, осуществлялся обитателями духовных сфер, знакомыми с психологическими законами и компетентными в определении того, в каком качестве каждый внушаемый может быть наиболее полезен для продвижения целей сверхъестественных операторов. Такая точка зрения, когда ее правильность будет подтверждена, значительно улучшит отношение мира к той группе девушек и женщин в Салем-Виллидж, которые долгое время терпели его презрение и отвращение, и вызовет радость в каждом добром сердце. Когда выяснится, что какие-то врожденные физические особенности стали основной причиной того, что именно одни люди, а не другие, были обвинены в приверженности Сатане, никто не сможет не увидеть, что это было не мошенничество, не хитрость, не злоба, не обида, не семейные, соседские или приходские ссоры, не споры о собственности, ни социальное, моральное или религиозное превосходство или унижение, - нет, ни один из тех низменных мотивов нормального ума и сердца, которые живая фантазия с удовольствием придумывает и приписывает себе, - нет, это не был ни один из этих предосудительных и проклятых мотивов, но врожденная восприимчивость к тому, чтобы быть легко управляемым психологическими силами; В частности, это была конституционная обязанность быть более замеченным,

услышанным и прочувствованным людьми, наделенными такими же способностями, чем огромная масса окружающих их людей.

Энн Патнэм-младшая, проницательный первопроходец среди ясновидящих детекторов ведьм, видела явление и ощущала на себе мучительное влияние Сары Гуд 25 февраля. Ее показания многочисленны; среди обвиняемых было очень мало тех, чьи явления не встречались с ее видением, но мало и тех, кто не причинил ей вреда способами и силами, не ощутимыми внешними органами чувств. Характер и общая суть ее показаний, а также большинства показаний членов Круга, хорошо представлены в первых показаниях, которые мы находим в протоколе; они выглядят следующим образом

"Показания Энн Патнэм-младшей, которая свидетельствует и говорит, что 25 февраля 1691-92 годов я видела явление Сары Гуд, которая мучила меня самым тяжким образом; но я не знала ее имени до 27 февраля, и тогда она сказала мне, что ее зовут Сара Гуд. И тогда она сильно щипала меня, а также с тех пор; несколько раз она настойчиво убеждала меня написать в ее книге. А также 1 марта, в день своего допроса, Сара Гуд подвергла меня жесточайшим пыткам; и с тех пор еще несколько раз. А также в первый день марта 1692 года я видел, как явление Сары Гуд шло и мучило тела Элизабет Пэррис, Эбигейл Уильямс и Элизабет Хаббард. Также я видел явление Сары Гуд, мучившей тело Сары Виббер.

Отметка

"Энн Патнэм".

+

Это показание представляет собой пример того, какие доказательства ищутся, принимаются и применяются для доказательства вероятного сговора с дьяволом. Все вышесказанное относится к первой экспертизе, проведенной в Салеме, и раскрывает распространенные в то время мнения о договорах с лукавым, о силах и склонностях, которые от него исходили, и о существовавших тогда юридических методах доказательства таких договоров. Мало что указывает на то, что опыт, полученный в Салеме весной и летом 1692 года, дал магистратам или суду много нового, если вообще дал, или прибавил мудрости и человечности. Какие бы изменения в процессуальных нормах ни произошли впоследствии и как бы ни изменились решения относительно ценности и допустимости спектральных доказательств, это было скорее к худшему, чем к лучшему. Вероучение и законы, которым следовали тогда, были сформированы и приняты не для этого случая, а существовали ранее и применялись здесь с напряженной энергией твердыми сердцами и ясными головами. Среди всеобщего возбуждения, безумия, увлеченности, заблуждений и легковерия логика сохранила свою силу и руководство и заставила суды и присяжных выполнять требования благотворных статуты английского парламента, касающихся колдовства и колдовского вероучения христианства. Старые законы и верования подверглись здесь испытанию сильными людьми. Некоторое время они держались и приводили к плачевным последствиям, но в конце концов были разрушены.

Сара Гуд была женой неумелого мужа, "Уильяма Гуда, рабочего". Семья была очень бедной, временами не имела дома, кроме того, который им временно предоставляла благотворительность. Калеф говорит о ней, что она "долгое время считалась меланхоличной или рассеянной женщиной". Апхэм говорит, что "она была покинутым, бездомным и покинутым существом, сломленным жалким положением и дурной репутацией". Мы не находим причин не соглашаться с утверждением этого писателя, когда он говорит в другом месте, что "она была несчастной и жалкой женщиной *в своих обстоятельствах и состоянии*"; но мы сомневаемся в правомерности называть ее "покинутой" и "сломленной".

Возможно, она и была такой; но дух и энергия, проявлявшиеся в ее словах и поступках, указывают на вероятность того, что она была скорее беспечной, смелой женщиной, свободной и резкой в использовании своего языка, не очень чувствительной к общественному мнению и не считающейся с ним, но при этом сильной и не унывающей. То, что ее долгое время считали, как говорит Калеф, "рассеянной" женщиной, весьма вероятно, ведь многие простые медиумы, а тем более те из нас, кто в наши дни верит в приход духов, как добрых, так и не очень, долгое время считались *сумасшедшими*.

Мы не встретили никаких признаков того, что она была физически слаба или душевно подавлена. Похоже, она хорошо переносила долгие, утомительные ежедневные поездки верхом в тюрьму Ипсвича и обратно, расположенную в девяти или десяти милях от нее, куда ее отправляли по ночам с тех пор, как она стала невидимой для своих охранников. По словам ее смотрителя, по дороге "она трижды спрыгивала с лошади, ругалась на судей и пыталась покончить с собой". Если она и пыталась покончить с собой, то, скорее всего, не от уныния или тоски, а от гневного настроения, побудившего ее обрушиться на судей.

Когда ее допрашивали, ее ответы были такими же прямыми, ясными и точными, как и у большинства других подозреваемых, которые могли ответить на заданные им недоуменные вопросы; и некоторые из них имеют больше смысла, чем мы обычно находим в словах, звучащих из уст "потерянных и сломленных".

Маловероятно, что ее предыдущая жизнь снискала большую популярность в обществе; однако не было найдено никаких доказательств того, что ее соседи в целом питали к ней враждебные чувства или обладали настроениями, которые побудили бы их радоваться ее преследованию. Мы, как уже стало ясно, объясняем ее арест другими причинами, нежели низостью ее характера и состояния. Не это было главным стимулом для ее "крика". Её организация и существующее на тот момент состояние её способностей делали её либо удобным каналом для передачи, либо фонтаном, из которого можно было черпать силы в системах некоторых других сенситивов, и эти силы могли действовать в них либо для раздражения и страдания, либо для удовольствия и облегчения получателей, в зависимости от свойств, присущих самим силам, либо от целей какого-то интеллекта, который должен был вливать их и манипулировать ими. Чувствительные девушки могут, и, если они хорошо развиты медиумически, безошибочно отследить такие силы, действующие на них самих, до их мирской точки эманации, и с чистой совестью и доброй волей обвинить человека, от которого исходят силы, в том, что он является их мучителем; если они ясновидящие, они могут видеть, если яснослышащие - слышать, и, если они специально не развиты для видения внутренним глазом и слышания внутренним ухом, они могут *чувствовать* человека, от которого исходят чуждые и беспокоящие влияния.

Смелый дух и пророческий взгляд были присущи этой женщине в конце ее земной жизни. Когда она была близка к виселице и ее собирались казнить, мистер Нойес, священнослужитель из Салема, сказал ей, что "она ведьма, и она знала, что она ведьма". Она быстро ответила: "Вы лжец. Я не больше ведьма, чем вы волшебник; и если вы лишите меня жизни, Бог даст вам крови, чтобы выпить". Впоследствии этот человек "умер от внутреннего кровотечения, обильно истекая кровью". (*Hist. of Witchcraft*, vol. ii. p. 270.) Сияние того, что будет, часто встречается с внутренними глазами или глазами медиумов; и, вероятно, именно такие глаза были у Сары Гуд в тот момент и дали ей разрешение на пророческое высказывание.

Доркас Гуд

уже была представлена в отчетах о свидетельствах против ее матери; но в этих отчетах ее называли Дороти, и она свидетельствовала, что у ее матери "было три птицы, одна черная, другая желтая, и что эти птицы причиняли вред детям и страдающим людям". Такие показания, конечно же, поддерживали сторону обвинителей. Слова малышки вредили ее матери и помогали ее притеснителям. Но по какой-то причине она вскоре попала под подозрение в принадлежности к классу околдованных. Уже 3 марта Энн Патнэм увидела явление этого ребенка, а 21 марта то же самое сделала Мэри Уолкотт. Это, конечно, было расценено как доказательство того, что она ведьма; и 23 марта или около того она была арестована, обследована и вскоре после этого отправлена в тюрьму.

Да, маленькая Доркас, дочь медиума Сары Гуд, не достигшая пяти лет, "выглядевшая хорошо и здоровой, как другие дети", была определенно, в юридической форме, обвинена в колдовстве; арестована и доставлена в гражданский магистрат для освидетельствования. В присутствии магистрата выпускницы школы "некромантии, магии и спиритизма" - страдающие девочки - обвинили маленького ребенка в том, что он кусал их то там, то здесь, "а также колол их булавками, щипал и чуть не задушил". В доказательство всего этого они предъявили следы на своей плоти, по размеру и форме соответствующие ее маленьким зубам. Также под их одеждой были найдены булавки именно там, где, как они утверждали, она их уколола.

Такие факты, как отпечатки на руках девочек, точно соответствующие тем, которые могли бы сделать зубы ребенка, и невидимые щипки, уколы и т. д., не выходят за рамки природных возможностей, а потому не являются невозможными. Эти девочки на собраниях своего кружка *или в других местах*, очевидно, стали очень удобными инструментами в спиритизме, стали использоваться духами как объекты для впечатлений и психологически вызванных ощущений. От медиумической маленькой дочери медиумической матери могли исходить формы и силы, которые могли действовать на пластических медиумических страдальцев в точном соответствии с такими переживаниями и приводить к таким результатам, которые описывали девочки или наблюдали другие. Чувства раздраженных людей отчетливо ощущали, что мучительные силы исходят от этой маленькой девочки. Обвинители, вероятно, излагали только те факты, которые были им известны так же хорошо, как любой свидетель когда-либо знал свои факты, когда описывал то, о чем его собственные органы чувств принесли ему знание. Независимо от того, считаются ли вещи, увиденные и прочувствованные духовными чувствами, объективными или только субъективными, они одинаково реальны для сознания человека, который их воспринимает. Утверждения девушек, вероятно, были правдой. Некоторые историки не признают возможности неба и земли, а также тех мест, где соприкасаются их границы. В наши дни есть люди, которые придерживаются столь же ошибочных и заблуждающихся философий, как Коттон Мазер и люди его поколения. Современная мудрость (?) побуждает некоторых дискредитировать любое фактическое появление сверхъестественных фактов - любых фактов, *кажущихся* более чем естественными, - и подвергать сомнению точность или правдивость всех, кто свидетельствует о них, вместо того чтобы признать, что основы их собственной философии могут быть улучшены путем расширения. Пытаясь объяснить многие факты человеческой истории, такие люди, пусть и неосознанно для себя, уподобляются мельничным лошадям, привязанным к неизменному центру и вынужденным двигаться в пределах фиксированной окружности. Привычка вскоре приводит к потере желания, если не смелости, обратить взор

вовне и посмотреть на факты, производители которых работают за пределами проторенных кругов, по которым путешествуют некоторые теоретики. Это плохо сказывается на многих фактах - тех, которые появляются на свет через проспекты, считающиеся аномальными. Есть писатели, которые делают все возможное, чтобы навязать таким фактам Моисееву заповедь: "Не позволяй ведьме жить". Но факты бессмертны; похороненные факты часто всплывают вновь и доказывают свою былую очевидность.

Два века назад претензии великих чудес на то, чтобы быть объективными фактами, были общепризнанными. Но в то время скрытые творцы чудес были ужасно оклеветаны в отношении происхождения: люди считали их одновременно и призраками злобного владыки мрачных областей невидимых царств, и его эмиссарами из столпотворения в человеческие обители.

Вера в подлинность фактов колдовства, хотя во времена Доркас Гуд она скрывала множество грехов, не делала арест простой малолетней ведьмы желанной операцией. По каким-то причинам официозный маршал Херрик отправил констебля Брэйбука на встречу и поимку главного врага человека, когда тот укрылся в младенческом облике. Но помощник шерифа отмахнулся от него и поручил кому-то другому сражаться за Бога и Христа. Его помощник отправился за две-три мили на север через лес к дому Бенджамина Путнама и совершил дерзкий подвиг, доставив на своей спине или каким-то другим способом в суд "здоровую и хорошо выглядящую" девочку неполных пяти лет, виновную в том, что она сотрудничала с дьяволом колдовства и была его заветной служанкой! Тьма заблуждений, которую не смог осветить такой арест, должна была быть действительно густой! Но вероучение того времени, дьявольское вероучение, вероучение отцов, вероучение христианства, настолько обмануло общественный суд, что он потребовал крови ведьмы, даже если она была младенцем.

Состояние общественного сознания спустя очень короткое время после неразумного, недоброго, варварского ареста этого ребенка описано Апхэмом (Upham, vol. ii. p. 112) в предложениях более наглядных, пылких и красноречивых, чем могли бы изложить наши собственные силы, и значительно отличающихся от тех, которые мы бы привели, будь наши ораторские способности равны его. Он утверждает, что...

"Действия, происходившие 11 и 12 апреля, произвели большой эффект, способствуя всеобщему увлечению 'Twas awful to see how the afflicted persons were agitated.... Эти девушки, благодаря долгой практике в "кругу", изо дня в день выступая перед изумленными и удивленными соседями, собравшимися посмотреть на их страдания, и особенно на публичных экзаменах, приобрели непревзойденную смелость и такт. В симуляции страстей, страданий и физических привязанностей, в ловкости рук, в управлении голосом, чертами лица и поведением ни один некромант не превзошел их. В театре редко можно было увидеть лучшую актерскую игру, чем та, которую они демонстрировали в присутствии изумленных и охваченных ужасом правителей, магистратов, министров, судей, присяжных, зрителей и заключенных. Похоже, никому и в голову не приходило, что их действия и страдания могли быть результатом хитрости или самозванства. Деодат Лоусон был человеком талантливым, много повидавшим на своем веку, отнюдь не простаком, затворником или новичком, но он был полностью введен ими в заблуждение. Пленники, хотя и сознавали свою невинность, были совершенно сбиты с толку действиями девушек. Строгие принципы того поколения запрещали все театральные представления и спектакли; но в деревне Салем и в старом городе, в соответствующих домах собраний и у дьякона Натаниэля Ингерсолла практиковались одни из лучших спектаклей, когда-либо создававшихся в этой стране, и в течение нескольких недель и месяцев им покровительствовали в самом центре и сердце пуританства, в "самой строгой секте" этого торжественного ордена людей. Пасторы,

дьяконы, прихожане, доктора богословия, профессора колледжей, государственные служащие толпились день за днем, чтобы увидеть подвиги, которые никогда не были превзойдены на сценах любого театра; которые соперничали с самыми запоминающимися достижениями пантомимистов, тауматургов и театральных артистов, и значительно приблизились к лучшим представлениям древних колдунов и магов или современных жонглеров и месмеризаторов."

Блеск, пылкость и литературная законченность этого описания всеобщего энтузиазма и недоумения поистине достойны восхищения, хотя картина не перегружена и, вероятно, не могла быть перегружена. И все же мы должны усомниться в компетентности предполагаемых авторов волнения в совершении приписываемых им ошеломляющих и безумных действий.

Издревле мы слышали и, пожалуй, могли бы поверить, что горы в труде рожают мышей. Но лишь в редких случаях кто-то искренне и горячо стремился и стремится убедить читающую публику в том, что дюжина *энсинтовых* мышей может зачать и родить огромный и страшный вулкан.

Приходится с изумлением взирать на ту остроту зрения, которая в середине XIX века, проникая сквозь плесень и обломки, которые на протяжении столетия и трех четвертей собирались над судьбоносными событиями, ясно видит, что они были подлинным порождением юношеской "хитрости и самозванства", хотя сам обладатель такого видения и не сомневался, что ни ученому, талантливому и проницательному Деодату Лоусону, ни кому-либо другому из многих способных и проницательных людей, наблюдавших за удивительными подвигами во время их совершения, *и в голову не придет*, что эти деяния и страдания могли быть результатом хитрости и самозванства. День Лоусона и его спутников-наблюдателей был слишком близок к фактам, чтобы о них можно было мечтать. Для возникновения и рождения такой *мечты* требовались особая пластичность современного мозга и промежуток в восемьсот лет. Причина ее отсутствия в 1692 году очень проста. Известные факты не оставляли в мозгу того времени места для хранения вымыслов страны грез.

Вернемся к маленькой Доркас Гуд. Дьявольское вероучение одурманило все взоры. Все вокруг находилось в страшном и обескураживающем водовороте. Спокойное размышление и обдуманное рассуждение о чем-либо новом были невозможны. Если кто-то и задавался вопросом, способен ли младенец вступить в сделку с дьяволом и стать ведьмой, у него не было времени ответить на свой вопрос. В открытом суде таинственные укусы были нанесены зубами этой маленькой девочки, потому что следы подходили именно ей и никому другому. Следы были сделаны зубами обвиняемой девочки. Окулярная демонстрация, таким образом, доказывала, что она - орудие дьявола; ведь иначе она не могла бы незаметно кусать или заставлять кусать зубами тех, кто находился вне пределов ее досягаемости.

Исходя из того, что мы говорили в последней главе о передаче повреждений от духа к внешнему телу, мы считаем, что духи могли так воздействовать зубами маленькой Доркас на конечности страдающих девушек, чтобы оставить следы ее зубов на их плоти.

Ужасно, что вероучение того времени не только разрешало, но и призывало арестовать эту младенческую девочку, исключительно потому, что в соответствии с естественными законами поколения она унаследовала свойства или способности, которые делали ее с момента зачатия и далее очень восприимчивой к психологическому воздействию. Судьи, наблюдая за законными и необходимыми проявлениями ее врожденных свойств, не зная их истинного источника и природы, сочли их таким преступлением, что суд отправил ее в бостонскую тюрьму в качестве заключенной, где она должна была составить компанию

матери, от которой произошли ее особые свойства, чье молоко их вскормило и в чьем магнетизме они раскрылись. Современный век изучает факты, которые говорят о том, что врожденные свойства и восприимчивость, а не договоры с дьяволом, являются причиной появления *ведьм*, некоторые из которых очень милы. Ведьма в младенческом возрасте - это уже не диковинка. Таких можно найти во многих семьях, "чьими устами говорят ангелы" в наши дни, как они говорили устами Эмануэля Сведенборга, когда он был еще ребенком, и который, родившись в январе 1688 года, был точным современником Доркас Гуд.

Сара Осберн

была спутницей Сары Гуд и Титубы в ту памятную первую неделю марта 1692 года. За тридцать лет до этого она была замужем за Томасом Принсом, а во время ареста стала женой Александра Осберна, следовательно, была уже в преклонных годах. Кроме того, она долгое время была инвалидом, прикованным к постели. Ее материальное положение было вполне комфортным - она и ее семья не были ни бедны, ни богаты, не занимали ни очень низкого, ни очень высокого положения в обществе. *Но она слышала слова, исходящие из невидимых уст.* И 25 февраля ее видение явилось Энн Патнэм и вызвало у нее раздражение. В записях нет ничего, что указывало бы на то, что Энн когда-либо рассказывала о своих внутренних ощущениях до этой даты, или что кто-либо из членов кружка, за исключением Титубы, опередил Энн в открытии видения. Последняя видела "высокого мужчину с белыми волосами и в саржевом пальто" еще 15 января. Но голос Титубы, если бы она заговорила, был бы бессилен. Энн занимала высокое положение в обществе; она принадлежала к богатой, культурной, влиятельной и респектабельной семье. Ее мистические слова имели силу. За четыре дня после ее первого сообщения о видении явлений три женщины были арестованы за колдовство, а отец Энн был одним из самых эффективных сторонников преследования за это преступление. Слабая, "прикованная к постели" Сара Осберн, о которой Апхэм говорит как о той, чей "сломленный и расстроенный разум был по сути правдив и невинен" и чье жилище находилось по меньшей мере в полутора милях к северу от дома мистера Парриса и довольно далеко к востоку от дома Энн, на дороге, по которой она вряд ли часто ходила, была среди отмеченных и взорванных троих. Почему? Никто сейчас, пожалуй, не может сказать с уверенностью. Можно привести лишь вероятности. Мы предполагаем, что в тот момент, когда у Энн открылось острое и далеко идущее внутреннее зрение, и духовная субстанция, а не материальный свет, стала ее средством видения, самыми яркими объектами, встретившими ее взгляд во всей округе, были один или несколько медиумически раскрытых людей, обитавших там. От тех, чьи системы были фонтанами эманаций, которые в то время ущемляли её чувствительность и не гармонично сочетались с её элементами, а потому действовали как квазикислоты на её щёлочи или как щёлочи на её кислоты, исходили болезненные шипения, которые могли возникать естественно, без помощи какого-либо манипулирующего интеллекта; Или же, если некое разумное существо наблюдало за течениями и состояниями духовных магнетизмов или сил и было настроено усилить, ослабить или изменить их естественное действие, оно могло это сделать, а также могло манипулировать ими для достижения своих собственных целей, будь то благотворных или злотворных. Тогда и там, даже высокая доброжелательность того, чье видение охватывало далекое будущее, могла предпринять такие первичные шаги, на которые недалековидные

смертные должны смотреть как на неизбежно абсолютно вредные как в непосредственных, так и в отдаленных результатах.

Именно такие естественные законы, царящие в царстве духов, могли привести к выбору уединенной, невинной, "по сути правдивой и невинной" Сары Осберн в качестве одной из мучительниц девочек, которые либо обучались магии по собственному выбору, изучая и практикуя ее, либо по своей конституции были приспособлены к временному общению со своими внутренними органами восприятия, пока жили в своей смертной форме, и чьи тела могли стать инструментами для использования другими умами. Если она была просто добровольным актером, действующим по собственной "хитрости или самозванству", маленькая Энн Патнэм, двенадцати лет от роду, ярчайшая из ярких, член одной из самых интеллигентных и религиозных семей Виллиджа, то она и сама должна была быть *дьяволом*, причем таким дьявольским дьяволом, что даже Кловен-фут счел бы своим долгом передать свой скипетр в ее руки. Но если допустить, что она была медиумом, через форму которого могли действовать другие умы и воли, чем она, собственно, и была, то мы можем рассматривать ее физическую форму как просто инструмент, через который разум, отличный от нее самой, проявлял действие для человеческих чувств; и таким образом мы можем считать ее невиновной, каково бы ни было наше суждение об исполнителе, вторгшемся на ее "арфу с тысячью струн".

Некоторые свидетельства в деле миссис Осберн говорят о том, что она обладала медиумическими способностями. Как у Жанны д'Арк и многих других, так и у этой женщины; внутреннее ухо могло слышать голоса из какого-то источника, непроницаемого для внешних чувств.

" (Некоторые в доме собраний говорили, что она заявила, что никогда больше не будет связана с этим лживым духом).

"В. "Что это за лживый дух? Обманывал ли вас когда-нибудь дьявол и был ли он лжив с вами?"

"А. "Я не знаю *дьявола*. Я никогда его не видел".

"Q. 'What lying spirit was it, then?'

"А. "Это был *голос*, который, как мне казалось, я слышал".

"В. "Что он говорил вам?"

"О. "Чтобы я больше не ходил на собрания. Но я сказал, что пойду; и пошел на следующий субботний день" -Woodward's *Hist. Series*, No. I. p. 37.

Хотя робкая узница сказала только, что ей *показалось*, что она слышала голос, читатель заметит, что она не отрицала, что ранее говорила, "что никогда больше не будет привязана к этому *лживому духу*"; таким образом, она признала, что однажды, если не много раз, слышала голос, о котором открыто говорила, что это голос *лживого духа*; а также, что она была более или менее наставлена и следовала его, ее или ее советам. Тот факт, что ей было предписано больше не ходить на собрания, ничего не говорит ни против духовного источника совета, ни против добрых намерений того, кто его дал. Она уже давно была больной, прикованной к постели женщиной, поэтому такой совет мог дать любой мудрый христианский врач. Нас не волнуют ни моральные, ни религиозные состояния невидимых действующих лиц и ораторов, но мы специально ищем некоторые из наиболее отчетливых доказательств того, что невидимые разумные существа определенного качества

осуществляли салемское колдовство, и, следовательно, ищем особые свойства как воплощенных лиц, так и тех, на кого они непосредственно действовали.

Сара Осберн, хотя и была уединенной, респектабельной, спокойной женщиной преклонных лет, стала ранней жертвой взрыва, пронесшегося над деревней. Слишком слабая, чтобы выдержать тяготы тюремной жизни, она умерла в тюрьме, не дождавшись дня суда. Она, слышавшая голоса из царства безмолвия, обладала внутренними способностями, позволявшими ей испускать потоки, которые достигали и раздражали детей-медиумов, отследивших их до нее, и делала заявления, из-за которых ее заподозрили в сговоре с дьяволом. Такие возможности составляли ее преступление - колдовство - и побуждали людей, борющихся с дьяволом, к преследованиям, которые ускорили ее уход в царство, откуда доносились до ее слуха голоса советчиков.

Марта Кори.

Вскоре после начала судебного преследования подозрение пало на одну из женщин, более утонченную, умную, работоспособную, благочестивую и респектабельную, чем те, что были арестованы первыми. Марта, жена Джайлса Кори, - пожилая, молитвенная, но светлая, не верящая ни в какое колдовство, сомневающаяся в существовании ведьм, отрицающая их поиски, - заявила, что глаза магистратов ослеплены, а она может их открыть. Она обладала духовными и богословскими знаниями, необычными для ее времени и окрестностей, и, должно быть, придерживалась верований и убеждений, почерпнутых из других источников, чем те, из которых черпали ее соседи. Она была далека от распространенных заблуждений, связанных с дьяволом.

Хотя Марта Кори была членом церкви, молитвенницей, известной и, несомненно, искренне благочестивой, она очень рано *почувствовала* Эннов Патнэм, мать и дочь, как источник эманаций, которые мучили их. Следовательно, она должна быть ведьмой. Основания для такого вывода не обязательно были причудливыми и ошибочными. Когда и где естественные проявления медиумических свойств и условий принимались за симптомы колдовства, Марта Кори могла быть легко осуждена за дьяволизм. Мы верим утверждению Энн Патнэм-младшей о том, что миссис Кори досаждала ей и причиняла ей страдания, даже когда они находились за много миль друг от друга. Но мы отказываемся признать, что миссис Кори обязательно или вероятно имела какую-либо добровольную связь со страданиями девочки. Либо неразумные природные силы притягивали к Энн излияния этой женщины, либо "высокий человек" Титубы, либо какое-то другое скрытое разумное существо образовали связи и применили процессы, которые привели элементы этих двух людей в соединение, и таким образом произвели в девочке сильные физические нарушения и страдания, а также сопутствующее освобождение ее внутренних воспринимающих способностей.

Дядя Энн, Эдвард Путнам, вместе с Иезекииелем Чивером, из-за постоянных криков девочки на миссис Кори, всего через неделю после отправки Титубы, Сары Гуд и Сары Осберн в тюрьму, решили обратиться к сестре Кори, которая была "в церковном согласии" с ними, и

узнать из ее собственных уст, что она скажет по поводу подозрений, которые были выдвинуты в отношении нее.

Эти справедливые и внимательные люди - а они были именно такими, - вероятно, предвидя возможность того, что ребенок может ошибаться относительно того, кто причиняет ей страдания, очень корректно подозревали Энн, когда уже собирались отправиться к дому женщины, и попросили страдающую девочку описать платье, в которое была одета миссис Кори. Очевидно, они хотели проверить точность восприятия ребенка. Но эта цель не была достигнута. Ребенок заявил, что не видит, и заявил, что слепота была наложена на нее *самой обвиняемой женщиной*. Дальнейшие события показывают, что миссис Кори предвидела предстоящий ей визит, знала о предполагаемом испытании и о действиях, направленных на то, чтобы помешать его успеху. Хотя эти две женщины жили и находились на расстоянии многих миль друг от друга как физические лица, они могли быть практически вместе как духи и взаимно ощущать мысли, действия и состояния друг друга, насколько каждая избегала намеренного утаивания. Все высказывания Энн могли быть в строгом соответствии с фактами, реально наблюдаемыми и переживаемыми ее внутренним "я". Нет необходимости предполагать, что она притворялась или фальсифицировала, даже если в происходящем не участвовали невидимые операторы; и уж тем более, если "высокий человек" Титубы и его помощники присутствовали и действовали, как это могло быть. Возможно, невидимые актеры, держа оба этих впечатлительных субъекта под психологическим контролем, либо передали, либо скрыли от одного из них именно те знания и представления, которые способствовали достижению целей операторов - что могло быть либо просто проявлением их собственных сил, либо намеком ловким людям, что они имеют дело с чем-то, что будет нелегко перехитрить или предотвратить. Кроме того, ими могли двигать и другие, совершенно иные цели.

Некоторые духи в определенное время имеют способность через смертные уста выражать свои мысли воплощенным и овеять своими эмоциями лица, которые они заимствуют, даже если дух, самость смертной формы, которую они узурпировали, осознает, что делается через нее. Вспомните, что форма сознательного Агассиса против его собственной воли была вынуждена подчиниться разуму Тауншенда. Возможно, выражения мыслей и эмоций мадам Кори были иногда вызваны, а в другое время изменены невидимым разумом, временно сожительствовавшим с ее собственным.

Когда два брата церкви, отправившиеся с торжественной миссией, прибывшие в ее дом, мадам Кори встретила их с *улыбкой*; тем не менее она обладала точным знанием о зловещем характере и цели их визита. Ее приветственные слова звучали так: "Я знаю, зачем вы пришли. Вы пришли поговорить со мной о том, что я ведьма, но я не ведьма. Я не могу помочь другим людям говорить обо мне". Вероятно, это относилось к словам Энн Путнам о том, что она страдала от этого оратора. Вскоре она спросила мужчин, "описала ли Энн, обвинения которой побудили их позвать, одежду, в которой она тогда была". Узнав, что платье не было описано, "на ее лице появилась улыбка". Вероятно, в этой улыбке выразилось чье-то сознание силы, исходящей от ее формы, чтобы затуманить зрение ребенка; а размышления о том, что на ребенка действуют силы внутри или через форму самой миссис Кори, а значит, не обязательно дьявол, и вывод из этого, что девочка не обязательно заколдована, последовали за ее словами: "Она не думает, что здесь есть ведьмы". Она знала достаточно о духовных вещах, чтобы заметить широкое различие, упущенное ее современниками, которое может существовать между некоторыми духами и дьяволом; а также между людьми, чьи внутренние чувства осознавали присутствие и действие духа так же естественно, как внешний глаз - солнечный свет, между этими и другими человеческими существами, если

таковые существуют, а она считала, что нет, которые заключили договор с дьяволом, что было необходимым условием для того, чтобы стать ведьмой. "Она, - очень разумно, - не думала, что существуют такие "ведьмы"; и только *их* искали ее посетители и изумленная публика.

Эта женщина была умной, вежливой и преданной - она была способна понять, что *ведьма*, согласно тогдашнему определению, обязательно означает человека, который добровольно вступил в явный договор с выдуманным дьяволом. Ее *ощущения* в духовных сферах не обнаруживали там никаких чудовищ, и она могла с чистой совестью сказать, что не верит в существование таких ведьм, на которых охотятся ее посетители и прихожане. В то же время она могла знать, а возможно, и знала, что ее собственный дух и дух маленькой Энн Патнэм могут вступать в такие общения, которые позволят им точно и осознанно воспринимать друг в друге многие невысказанные мысли и переживания.

Миссис Кори, как мы видим, была очень медиумистичной, а также женщиной, чьи привычные устремления были направлены на истинные, чистые и прекрасные вещи. Но никакое количество хороших или плохих моральных и религиозных качеств не создает и не сводит на нет способность к взаимной видимости и взаимопониманию между медиумистическими личностями. Все они впечатлительны скорее в силу своих организмов и собственных свойств, внешних и внутренних, чем в силу каких-либо интеллектуальных и моральных приобретений, хороших или *плохих*.

Свойства, исходящие из системы миссис Кори, вероятно, ущемляли и иным образом мучили Энн Патнэм; девушка знала об их особой мирской выдаче и невинно высказала это знание. Она поступила невинно и добросовестно. Но разглашение фактов часто приводит к страшным последствиям.

Когда здравомыслящие логики, будучи также совестливыми и правдивыми людьми, а также обладателями несомненной веры в то, что никто, кроме заветных приверженцев коварного дьявола, не может получить знания и причинить вред с помощью таинственных процессов, - когда такие люди внимательно рассмотрели этот случай, факты, изложенные девушкой, стали для них доказательством того, что миссис Кори была приспешницей дьявола, а потому должна быть обречена на ведьминскую гибель.

Эдвард Патнэм и еще один человек жаловались на нее.

Ордер на ее арест был выдан 19 марта, всего через неделю после визита Патнэма и Чивера. Ее допросили 21-го числа, приговорили 9 сентября и казнили 22 сентября. Допрос на допросе был многословным и затяжным, выходящим за рамки вопросов о том, кто причинил вред детям и как их мучили, поскольку заключенная якобы не верила в колдовство, не одобряла попытки его обнаружить, заявляла, что магистраты, священники и другие люди ослеплены и что она может открыть им глаза. Она отрицала все знания о том, кто причинил вред детям, все знания о дьяволе и неоднократно просила разрешения пойти на молитву, но в этой привилегии ей было отказано. Она вела себя как человек, сознающий свою невинность в том, в чем ее обвиняют, и проявляла много ума, самообладания и такта.

Во время суда в ее поведении обращает на себя внимание одна черта, уже отмеченная в предыдущем случае. Несмотря на страшную участь, которая стояла перед ней, и на то, что судьи и все присутствующие с неослабевающим упорством доказывали ее вину, ее несколько раз обвиняли в том, что она *смеется*. Возможно, этот смех был просто истерическим, но, возможно, он сильно отличался от него.

"Почему вы сказали, что глаза магистратов и министров ослеплены" и "вы откроете их? Она рассмеялась и отрицала это".

"Вы должны были служить дьяволу десять лет? Она рассмеялась".

"Почему вы сказали, что покажете нам? Она снова рассмеялась".

Как уже говорилось, когда Эдвард Патнэм и Иезекииль Чивер пришли к ней, хотя она знала о торжественной цели визита, они сообщают, что "*улыбаясь*, она сказала: "Я знаю, зачем вы пришли". С "нетерпением" она спросила их: "Говорит ли она вам, какая на мне одежда? И когда они ответили, что Энн сказала: "Вы пришли и ослепили ее, и сказали ей, что она не должна больше видеть вас до наступления ночи, чтобы она не могла сказать нам, какая на вас одежда", - она, казалось, *улыбнулась этому, как будто показала нам красивый трюк*". Очевидно, что эти люди были мило обмануты. Но кто был подлинным автором игривых действий в то время, когда дело было таким серьезным и торжественным? И чьи эмоции украшали ее лицо улыбками в суровом и хмуром присутствии "авторитетов"? Ее спокойное и приятное поведение, в то время как другие были взволнованы или торжественно суровы, было очень похоже на то, что часто проявляется в некоторых человеческих формах интеллекта, чье состояние делает их недоступными для человеческих хмурых взглядов, законов, тюрем и эшафотов, и которые, живя вдали от бурь человеческих страстей, могут улыбаться среди сцен, заставляющих человечество содрогаться.

Калеф утверждает, что "Марта Кори, жена Джайлса Кори, протестуя против своей невинности, завершила свою жизнь выдающейся молитвой на лестнице". Апхам (т. ii. 458) описывает ее характер следующим образом: "Марта Кори была пожилой христианской профессоршей с исключительно благочестивыми привычками и принципами. Это действительно *странный факт*, что в своем скромном доме, окруженном, как тогда было, дикой местностью, жена этого мужа должна была достичь высот, настолько превосходящих ее возраст". Странность этого факта убедительно свидетельствует в пользу нашей позиции, что она была настолько развита, что получала наставления непосредственно от сверхъестественных учителей или ощущала их среди сверхъестественных аур. "Но, - продолжает историк, - показания, приведенные против нее, убедительно доказывают, что ее разум был полностью отстранен от заблуждений того периода. Она полностью отвергала доктрины колдовства и решительно и бесстрашно выступала против них. Молитва, которую эта женщина произнесла "на лестнице" и которая произвела такое впечатление на тех, кто ее услышал, несомненно, была выражением просвещенного благочестия, достойного того, чтобы быть названным "выдающимся" по своим чувствам и по демонстрации невинного сердца и жизни".

Вся ее история говорит о том, что эта достойная женщина, чьи пути и способности были несколько своеобразны, была одной из тех редких личностей, чьи внутренние восприятия настолько раскрываются во время пребывания в теле, что позволяют ощущать знания в процессах, а в некоторых направлениях и в степени, недоступной внешнему интеллекту человека. Из-за таких блаженных открытий возраст осудил ее, ускорил ее выход из среды людей, связанных верой, и ее вход в дом освобожденных духов.

Джайлс Кори.

Среди всех страдальцев, подвергшихся преследованиям за колдовство, как никто другой прославился герой группы - Джайлс Кори, муж Марты, более четырехсот лет, но все еще сильный и решительный. Возможно, в юности и ранней молодости он был диким и грубым, но в делах был эффективен и перед концом жизни стал обладателем очень красивого для тех времен поместья в этом регионе. Когда начались преследования за колдовство, он на некоторое время встал на сторону толпы; он был раздосадован тем, что его жена не сделала того же, и в своем волнении, возможно, дал волю таким жестким эпитетам, которые его язык мог свободно излагать в прежние годы; некоторые из них вскоре были использованы против его доброй дамы, когда она подвергалась допросу. По какой-то причине его симпатия к обвинителям угасла, когда он увидел, как они поносят его добрую жену, и вскоре детекторы ведьм стали преследовать и его. Он был арестован и заключен в тюрьму. Его проникательный ум понимал, что оправдание при таком развитии событий невозможно, если только обвиняемый не признает себя виновным; а признание правды, чести и мужественности не позволяло ему сделать это. Если бы его судили и осудили, он лишился бы своего имущества и отнял бы его у своих детей. Но никакого суда и осуждения быть не могло, если он не признает себя виновным или невиновным в предъявленном обвинении. Вскоре решение было принято. Приведенный в суд, он сомкнул уста, и никакая сила не могла их разомкнуть. Из них нельзя было вырвать ни *"виновен"*, ни *"не виновен"*. Крупный, сильный, пожилой мужчина стоял перед судом в спокойном величии, своим молчанием бросая вызов всей гражданской власти провинции, чтобы поколебать его цель. По английскому обычаю в таких случаях - и он, вероятно, знал об этом - отказника подвергали длительным пыткам, полагая, что боль или прострация выбьют из него признание либо вины, либо невиновности. Суд приказал положить этого старика на колени, навалить на него тяжести и посадить на голодную диету, чтобы подчинить его упрямую волю. Но ни тяжести, ни муки голода, ни то и другое вместе взятое не ослабили воли этого сильного человека в достижении своей цели. Единственное, что он произносил тогда, было: "Больше веса, больше веса!".

Сам Кори на предварительном допросе свидетельствовал, а суд пытался представить это как доказательство дьяволизма, что, по крайней мере, дважды, когда он пытался молиться, его речи прекращались в большей или меньшей степени. Было ли это вызвано действием какого-то постороннего интеллекта, воздействующего на него силами духа, не ясно. Изложенный случай вряд ли оправдывает такое предположение, хотя и наводит на мысль, что так оно и было. Немота, которая в прошлом была наложена на пророка Иезекииля и священника Захарию, и то, что часто случается с медиумами в наш век, говорят о том, что невидимые интеллекты иногда могут и временно препятствуют использованию голосовых органов их законными владельцами.

Убедительные доказательства, которые привели к его аресту, были спектральными. Его явление видели многие, и оно причиняло им вред. Острые глаза Энн Патнэм в этом случае, как и в большинстве других, первыми увидели ведьму. Она увидела явление этого старика 13 апреля; Мерси Льюис - 14-го; впоследствии его видели как призрак и он досаждал еще восьми женщинам и двум мужчинам, которые по отдельности дали показания об этом.

Было ли их представление о нем не более чем плодом воображения свидетелей? Были ли все эти заявления ложными? Возможно, но не наверняка; ведь и воображение, и лжесвидетельство часто обвиняются в том, что ясновидение законно видит и разрешает.

Его осмотрели 19 апреля, через пять дней после того, как он впервые увидел явление. Каллеф утверждает, что "16 сентября Джайлс Кори был предан смерти". В сноске на стр. 260 книги

"Салемское колдовство" мы читаем, что "Джайлс Кори был казнен 19 сентября 1692 года, около полудня". Возможно, из этих утверждений можно сделать вывод, что он подвергался давлению с какого-то часа 16-го, даты Калефа, до полудня 19-го, или около трех дней, когда, по словам Фаулера, он умер. "При надавливании, - говорит Калеф, - его язык был предварительно высунут изо рта, и шериф своей тростью заставил его снова вставить, когда он уже умирал".

Выносливость Кори и его призыв к "большему весу", - пишет Апхэм, ii. 340, - для человека более чем восьмидесяти одного года, надо признать, были удивительным проявлением доблести, иллюстрирующим, как ничто другое в истории человечества, силу решительной воли над сильнейшей болью и агонией тела, и показывающим, что Джайлс Кори был человеком героических нервов и духа, который невозможно было покорить". Хатчинсон завершает свой рассказ об этом случае замечанием, что "во все века суеверное легкоеверие порождало большую жестокость, чем та, что практикуется среди хоттентотов или других народов, чья вера в божество ставится под сомнение". И почему "большая жестокость"? Нигде за пределами христианства не было такого жестокого дьявола, как в нем. И поэтому в тех, кто сражался с его приспешниками, было заложено больше стимулов к жестокости, чем в любых других людях в любое время и в любом месте. Дьявольское вероучение, а не всеобщее "суеверное легкоеверие", вызывало у сильных, добрых людей, верных вере своих предков и христианского мира, больше, чем БЕЗУМНАЯ ЖЕСТОКОСТЬ.

Ребекка Нерс.

Обманчивая и леденящая душу сила ложных представлений о дьяволе в сочетании с ясной верой в то, что он может получить доступ к внешним вещам только через людей, заключивших с ним договор, а также с верой в то, что христианские люди обязаны убивать тех, кого даже призрачные свидетельства или заявления ясновидящих указывают на то, что они находятся в союзе с ним, проявилась, пожалуй, так же ярко и печально в случае Ребекки Нёрс, как и в случае любого другого человека, которого судили и казнили в Салеме - или вообще где бы то ни было, в любой век. Дух или явление этой почтенной дамы - почтенной не только за годы, которым тогда было около четырех лет, но и за долгую жизнь, проведенную в активной благотворительности; за сильный здравый смысл; за христианские милости; за то, что она была доброй женой одного и матерью и свекровью нескольких таких же хороших, уважаемых и полезных людей, как и все жители деревни. Характер и домашние связи настолько защищали ее, что ничто, кроме могущественной силы, не смогло бы навлечь на нее взрывное преступление.

Ее духовную форму или явление видели несколько членов кружка и обвинили в том, что она склоняла их к злу и мучила до 23 марта; 24 числа она была доставлена к мировым судьям и подвергнута допросу. Этот случай как нельзя лучше подходил для того, чтобы подвергнуть суровому испытанию существующую верность страшному вероучению. Судья мог бы сказать заключенной, как он это сделал: "Как печально, что член церкви... должен быть обвинен таким образом". Особенно печально это было в данном случае, потому что обвиняемая уже давно и заслуженно считалась одной из самых почтенных и уважаемых "матерей Израиля", проживавших в этом районе и его окрестностях. Ей сочувствовали, и когда она сказала: "Я

могу сказать перед моим Вечным Отцом, что я невиновна, и Бог очистит мою невинность", судья ответил: "В этом собрании нет никого, кто бы не желал этого".

Эта почтенная матрона была тогда, да и на протяжении многих лет, любима и уважаема везде, где известны ее прекрасные домашние, общественные и религиозные занятия. Однако даже такая женщина была втянута и раздавлена яростным и вихревым рвением, которое влекло общество к неистовой борьбе за Бога и Христа против *дьявола*. Возраст и добродетель были недостаточны для того, чтобы остановить или отклонить стремительный шторм, который порождала и приводила в движение дьявольская галлюцинация. Безрадостное вероучение, подобно огромному кошмару, наложилось на разум и все добрые чувства, пробудив и дав волю жестоким и убийственным склонностям. Где природный блеск или естественная привлекательность притягивали ясновидящие взоры, там и обвиняющие девушки устремлялись за ними с непреодолимой силой. Но почему они должны были привести их к любимой и почитаемой миссис Нерс?

Возможно, мы не найдем в старых записях столь же полных и отчетливых доказательств того, что она по своей конституции поддавалась воздействию месмерической или спиритической силы, как многие другие, как теперь выясняется, - возможно, нам не хватит убедительных *доказательств* того, что она была магнитом, притягивающим к себе или бессознательно излучающим психологические силы, а затем либо сама становилась психологизированной, либо выделяла из своей системы вещества, которые могли вызвать заметные изменения в других человеческих организмах или стать их инструментом. Тем не менее, несколько фактов указывают на то, что она может занять место среди сенситивов.

Миссис Нерс, миссис Исти и миссис Клойс - три сестры, чья девичья фамилия была Таун, - были очень умными, работоспособными, уважаемыми и почтенными матронами, но все они были обвинены, судимы, а две старшие казнены, потому что их спиритические формы или явления были замечены ясновидящими. В записях есть заявление, сделанное в то время, в таких словах: "Неудивительно, что они были ведьмами, *ведь их мать была таковой до них*". Зачастую "кровь вырывается наружу" независимо от ее качества. Три благородные дочери говорят о хорошей матери, и все же по какой-то причине миссис Таун называли *ведьмой*. Свойства родительницы вновь проявились в ее детях и стали видимы внутренним или ясновидящим взором окружающих. Восприятие их духовных форм и исходящих от них влияний заставляло обвиняющих девочек называть этих добрых женщин своими мучительницами. Видимость духов или призраков, а также потоки, исходящие из их систем, были их преступлениями.

Хотя члены обвинительного кружка в течение нескольких недель вели себя демонстративно и, вероятно, привлекли к своим постелям или домам почти всех жителей города, способных выехать за границу, на момент осмотра миссис Нёрс не видела ни одной из них. Ее возраст и немощи вполне могли бы ее оправдать. Но когда ее спросили, почему она не навестила страдальцев, она добавила к рассказу о своих годах и немощи, что "из-за *приступов*, которые у нее раньше случались", она не была у них. Воспоминания о собственных прошлых припадках - не недавних, не надвигающихся, а тех, которые "*раньше у нее бывали*", - удерживали ее от посещения страдающих припадками. Вопрос был повторен таким образом: "Почему вы никогда не посещали этих страдальцев?" *Ответ*: "Потому что я боялась, что у меня тоже будут приступы". Почему она боялась такого результата? Очевидно, она испытывала тайное опасение, что соприкосновение с эманациями этих таинственных страдальцев или тесная симпатия с ними снова вызовут у нее приступы, которые "*раньше у нее были*". Из этого спонтанно вытекает вывод, что она подозревала, что природа и источник ее собственных прежних припадков и тех, что происходили тогда в

юности, были настолько близки, что по общему закону, который заставляет подобное порождать подобное, она могла снова породить в себе в старости такие же страдания, какие она испытывала в предыдущие годы. На наш взгляд, она была права, полагая, что сама по своей конституции подвержена именно таким издевательствам, каким подвергались девушки-прыгуни. Ее собственные страхи указывают на вероятность того, что миссис Нерс была очень впечатлительна и обладала не своим собственным разумом - что она была очень медиумистична; и мы приписываем ее преследования ее впечатлительности. Естественный закон привел к тому, что и эта женщина, и ее сестры были названы заветными слугами дьявола. Их вероисповедание ослепило ее преследователей в отношении моральных представлений в некоторых чрезвычайных ситуациях и заставило их ложно рассуждать об источнике и назначении спектральных данных. Предполагаемые медиумические свойства ее матери, а также ее собственные опасения, что присутствие с девочками может привести к возобновлению ее собственных старых припадков, указывают на то, что она, вероятно, была довольно медиумистична. Однако нет никаких явных признаков того, что в какой-то момент она была настолько развита, что могла видеть или слышать духов или призраков, или что ее собственная сущность когда-либо уступала другим людям свои физические органы речи или действия.

Мистер Паррис, который по просьбе магистрата вел протокол вопросов и ответов на суде над миссис Нерс, утверждает, что шум в суде был очень тревожным, и намекает, что было трудно составить очень достоверный отчет о происходящем. Кроме того, миссис Нерс была довольно глухой и немощной, так что сомнительно, что она всегда правильно понимала задаваемые ей вопросы или что она держала свои умственные способности под таким контролем, который позволял ей давать соответствующие ответы в любое время. Сообщается, что она выразила уверенность в том, что обвиняемые девушки "не действовали против своей воли". В этом, если ее правильно поняли, она расходилась с мнением суда и большинства наблюдателей за детьми. Затем суд заметил: "Если вы считаете, что они действовали не по своей воле, а по умыслу, вы должны считать их убийцами". Вероятно, все остальные сделали такой вывод, но обвиняемая этого не сделала. Она категорически отрицала, что считала их *убийцами*, и лишь называла их "отвлеченными". Сумасшествие, но добровольное, - таков был ее взгляд на девушек; они были добровольными, но не ответственными актерами. Их собственная воля, направляемая их собственным интеллектом, находящимся в расстроенном состоянии, породила страшные обвинения. Это была ее милосердная точка зрения.

Сила человеческой воли, способная противостоять приступам, подобным тем, что перенесли страдальцы, становится предметом рассмотрения, когда мы видим, что ослабевшая миссис Нерс боится, что посещение страдающих девочек может вызвать повторение таких приступов, которые у нее "раньше случались". Похоже, она предполагала, что в воздухе, окружающем страдальцев, может присутствовать такая зараза, от которой она в своем слабом состоянии не сможет уберечься; возможно, воспоминания о том, как ей самой удавалось, когда она была сильной, противостоять возбудителям приступов, убедили ее в том, что молодые люди способны противостоять таким операторам, будь то умственным или просто физическим, даже если старики не могут.

То, на что способна человеческая воля, заслуживает самого пристального внимания, и это хорошо видно на примере маленькой Элизабет Пэррис. Ей было всего девять лет, и она была одной из первых, если не самой первой, кто страдал от приступов и щипков в Виллидж, - именно ее любила Титуба, и она особенно не хотела, но была вынуждена щипать. Апхэм говорит: "Похоже, что она играла главную роль на первых этапах этого дела и, должно быть,

была ребенком удивительной расторопности". Дрейк в томе iii, Приложение, говорит: "Пэррис, похоже, очень хотел, чтобы его дочь Элизабет не участвовала в волнениях в деревне. В самом начале галлюцинаций отец отправил ее в Салем к капитану Стивену Сьюоллу. Находясь там, капитан и его жена были очень обескуражены тем, что ее удастся вылечить, так как у нее продолжались болезненные приступы. Элизабет рассказала, что к ней пришел великий Черный человек и сказал, что если она будет под его властью, то получит все, что пожелает, и отправится в *золотой город*. Она рассказала об этом миссис Сьюолл, которая тут же сказала ребенку, что это дьявол, и он лжец, и велела ей сказать ему об этом, если он придет снова; что она, соответственно, и сделала..... Дьявол... не привыкший в те дни испытывать такое сопротивление... никогда не беспокоил ее в дальнейшем". В целом верно, что если человек упорно сопротивляется визитам любого духа, будь то Гавриил или Вельзевул, то он не может долго сохранять близкий доступ. Если только что приведенный рассказ об Элизабет Пэррис верен, она и видела, и слышала то, что она, неискушенный наблюдатель его формы и черт, назвала "черным человеком", который, как утверждает Мазер, ясновидящие обычно говорят, что он "похож на индейца". Но миссис Сьюолл, следуя обычаям того времени, по невежеству назвала это подобие индейца "дьяволом". Да, маленькая девочка после удаления из дома и *Круга*, и, несомненно, без юных единомышленников, продолжала испытывать болезненные приступы, а также видеть и слышать своими внутренними органами чувств в течение довольно долгого времени. "Капитан и его жена были очень обескуражены тем, что смогут вылечиться". Уныние свидетельствует о том, что процесс излечения был медленным и длительным; в конце концов, однако, желаемый результат был достигнут. Указано средство. Сила воли привела к излечению. Собственная воля пациентки была возбуждена и вооружена решительной целью закрыть и держать постоянно и прочно закрытыми лазейки в ее собственном духе, через которые она только и могла видеть или слышать черного человека, или подвергаться его влиянию. Сильная воля, решительно направленная против проникновения бесплотного духа или против его восприятия, обычно, хотя и не всегда, достигает своей цели. Воля компаньонов и советчиков, если они действуют в гармонии с сопротивляющимся, значительно усиливает его сопротивляемость. Миссис Сьюолл, да и капитан, несомненно, держали волю против приезжего чернокожего, пока сила воли не породила ауру, чьи исходящие волны он не смог перебороть, и благодаря которой внутренние восприятия девушки были крепко перевязаны и стали бездействовать. Были ли припадки и видения, которые продолжались у изолированного ребенка некоторое время после того, как ее отправили из дома, не чем иным, как ее собственными добровольными шалостями и притворством? Она не была их автором. Чернокожий человек или индеец действовал через нее и на нее, пока из-за неверия, которое выросло и затвердело в непроницаемую стену уединения, он больше не мог совершать там могущественные дела.

Знания, полученные нами в результате личного наблюдения в 1857 году, позволяют нам с уверенностью утверждать, что покойный профессор Агассис, человек сильный телом, умом и волей, (в то время как для него и нескольких профессоров-совместителей готовилось исследование проявлений духов в Альбионе в Бостоне) с самого начала потребовал для себя освобождения от обязанности сидеть в кругу, и получил это освобождение. На протяжении всех последующих сеансов он большую часть времени находился на ногах, энергично ходил взад-вперед и проявлял симптомы сильного беспокойства. Мы слышали, что в прошлом он был загипнотизирован, и поэтому подозревали, что он боялся, что если он будет спокойно сидеть в присутствии медиумов, то у него "тоже начнутся припадки". Его собственный рассказ об опыте, полученном под руководством преподобного Чонси Хейра Тауншенда, мы подробно привели в недавней работе, опубликованной издательством Colby & Rich, Бостон, под названием "Агассис и спиритизм". Теперь мы с удовольствием воспользуемся

подходящим случаем, чтобы высказать наше собственное мнение, что его требование личного освобождения от соблюдения правил, которые было принято, справедливо и важно соблюдать каждому присутствующему на сеансе, и что его беспокойство и тревожные движения проистекали из мотивов, гораздо более согласующихся с высоким характером и принципами этого выдающегося человека, чем пренебрежительные, которые часто ему приписывали. По нашему мнению, его мотивом была *самозащита*, а не желание нарушить гармонию и тем самым сорвать проявления. Его прежний опыт научил его, что даже при его твердом ментальном сопротивлении чужой разум проникал в его тело и выводил его из-под его собственного контроля; поэтому он вполне мог опасаться, что, если не будет очень осторожен, у него снова "могут начаться припадки" или он может стать "Савлом среди пророков".

Мы уже подробно говорили о том, что ослепляющие, приводящие в ярость и кроважадные убеждения прежних дней, пожалуй, ни в одном случае не проявились более отчетливо и плачевно, чем в незаконном, варварском обращении, которому подверглась добрая Ребекка Нерс со стороны суда и людей, стремившихся и веривших, что они совершают угодное Богу или, по крайней мере, оскорбительное для дьявола служение. Спектральные улики против нее, и только они, были допущены, чтобы перевесить достоинства долгой и благотворной жизни. Сначала присяжные признали ее невиновной. Этот вердикт, удивив суд, заставил его выразить опасение, что присяжные не придали должного значения некоторым выражениям, которые произнесла заключенная; после чего *присяжные сами попросили разрешения* удалиться и продолжить обсуждение; и даже такая привилегия была им предоставлена! Они удалились, отменили свой вердикт, объявили ее *виновной* и приговорили к повешению. После этого губернатор провинции дал ей отсрочку, но вскоре отменил свой милосердный поступок. Вероятно, ни присяжные, ни губернатор не были убеждены в ее виновности в инкриминируемом преступлении; тем не менее и те, и другие были вынуждены по требованию народа отдать репутацию и жизнь этой исключительно хорошей женщины в жертву увлечению и безумию, которые порождало ошибочное вероучение того времени.

Мэри Исти,

О женщине с сильным характером, здравым смыслом и способной понять как опасности, подстерегавшие в то время обвиняемых в колдовстве, так и суть и смысл вопросов, которые принято было задавать в суде, рассказывается в следующем отчете.

"Допрос Мэри Исти на суде, состоявшемся в Салемской деревне 22 апреля 1692 года в присутствии уп. Джоном Хаторном и Джонатаном Корвином.

"Когда привели обвиняемую, несколько человек впали в припадок . "Эта женщина причиняет вам боль? У многих захлопнулись рты, и их охватило еще несколько припадков. Эбигейл Уильямс сказала, что это была Гуди Эсти, и она ее обидела; то же самое сказали Мэри Уолкот и Энн Путнам. Джон Джексон сказал, что видел ее с Гуди Хоббс.

"Что вы скажете, вы виновны? *Ответ:* "Я могу сказать перед Иисусом Христом, что я свободна". *Ответ.* 'Вы видите, что они обвиняют вас'. *Ответ:* "Есть Бог".

"Принесла ли она вам (обвиняющим девушкам) книгу? Их месяцы остановились.

"Что вы сделали с этими детьми? *Ответ:* "Я ничего не знаю".

"Как ты можешь говорить, что ничего не знаешь, когда видишь, как они мучаются и обвиняют тебя? Вы хотите, чтобы я обвинил себя?" "Да, если вы виновны". Насколько ты подчинился сатане, чтобы он воспользовался тобой?

"Сэр, я никогда не подчинялся ему, но молился против него все мои дни. Я не подчиняюсь сатане в этом. Что вы хотите, чтобы я сделал?

"Признайтесь, если вы виновны".

"Я скажу это, если это будет в последний раз: "Я чист от этого греха".

"От какого греха?

"От колдовства".

"Вы уверены, что это та самая женщина?

"Ни один из них не мог говорить о припадках.

Потом Энн Патнэм сказала, что это та самая женщина: она была похожа на нее; "и она сказала мне свое имя".

"Для меня удивительно, что вы иногда считаете их околдованными, а иногда нет, когда несколько человек признаются, что были виновны в том, что их околдовали".

"Что ж, сэр, вы хотите, чтобы я призналась в том, чего никогда не знала?

"Ее руки сжались вместе, а затем сжались руки Мерси Льюис.

"Смотрите: теперь ваши руки открыты, ее руки открыты. Это та самая женщина?

"Они делали знаки, но не могли говорить. Но Энн Патнэм, (а затем и Бетти Хаббард) закричали: "О, Гуди Исти, Гуди Исти, ты - женщина!

"Поднимите ее голову, ибо пока ее голова связана, шеи этих сломаны".

"Что ты скажешь на это?

"Бог узнает".

"Нет, Бог знает сейчас".

"Я знаю, что знает".

"Что вы думали о действиях других людей до того, как ваши сестры вышли на свет? Думали ли вы, что это колдовство?

"Я не могу сказать".

"А почему вы не думаете, что это колдовство?

"Это *злой дух*, но колдовство ли это, я не знаю".

Несколько человек сказали, что она принесла им книгу, и тогда они впали в припадок".

"Деревня Салем, 24 марта 169½ года.

"Мистер Сэмюэл Пэррис, получив просьбу записать показания Мэри Эсти, передал их, как было сказано выше.

"Выслушав вышеизложенное и увидев то, что мы тогда видели, а также по обвинению присутствовавших тогда лиц, мы препроводили указанную Мэри Эсти в тюрьму Их Величества".

"Джон Хаторн,
"Джонатан Корвин, *помощники*".

Среди записей о допросах и судебных процессах по обвинению в колдовстве в 1692 году мы не встретили ни одного более достойного похвалы по своему явному настрою с обеих сторон и по своему постоянному приличию, чем приведенный выше; ни один другой также не показывает более ясно крайнюю глубину общественного убеждения в том, что распространенное вероучение о колдовстве было прочным до основания, и веру в то, что только спектральные свидетельства могут законно доказать обвиняемое преступление. Судя по всему, в миссис Исти было что-то, относящееся к ней, возможно, весь ее характер и интеллект, что удерживало суд и зрителей от грубости в обращении с ней и даже часто связывало языки обвиняющих девушек. Зрелище, представленное на этом экзамене, было на редкость удивительным. Читая записи, мы чувствуем, что и судьи, и население, и обвинители - все жаждали ее оправдания; никто не желал этого, потому что никто не обвинял ее ни в чем, кроме как в том, что она была видна как явление и была причиной припадков, которые испытывали девушки. Девочки называли ее причиной своих припадков, но, похоже, не так охотно, как большинство других в подобных обстоятельствах. Но сочувствие и уважение должны уступить вере; ее эманации, вызывающие приступы, в тот день доказывали, что она заключила завет служить дьяволу. Сделав это, она стала *ведьмой*, а значит, должна умереть.

Ее ясная голова понимала, что страдания девушек должны быть обусловлены некой оккультной силой вне их самих, и приписывала их "злому духу". Такое происхождение, однако, не доказывало, что они были колдовством, то есть действиями, совершенными либо по наущению, либо с помощью какого-то смертного, вступившего в союз с дьяволом. Она опередила свое время и подозревала, что дух может работать над людьми и среди них, не вступая в такую связь со смертным союзником, которая бы свидетельствовала о том, что его действия являются колдовством. Она поняла, что над девочками колдует какой-то дух, и сочла его злым.

Эта благородная женщина была женой Исаака Исти из Топсфилда, пятидесяти восьми лет от роду, и матерью семерых детей. После осуждения и вынесения приговора, когда надежда избежать страшного наказания улетучилась, она обратилась с восхитительным письмом к тем, кто был тогда у власти. Та же врожденная восприимчивость, которая сделала ее жертвой, возможно, также позволила свободному притоку возвышающей силы, которая подняла ее над узкими, эгоистичными и домашними взглядами и побудила ее в великодушных и возвышенных чувствах обратиться от имени всего народа страны с призывом остановить курс, который проводили гражданские власти. Мы считаем это письмо ее собственным произведением и полагаем, что оно свидетельствует о хороших умственных способностях и возвышенной филантропии.

"Смирненное прошение Мэри Исти к его превосходительству сэру Уильяму Фипсу, а также к почтенному судье и коллегии, заседающим ныне в суде в Салеме, и преподобным министрам, смиренно показывает, что, поскольку ваша бедная и смиренная просительница, будучи приговорена к смерти, смиренно умоляет вас принять это к вашему

разумному и благочестивому рассмотрению, что ваша бедная и смиренная просительница, зная мою собственную невинность, да будет благословен Господь за это! и ясно видя коварство и хитрость моих обвинителей, не может не судить милосердно о других, которые идут тем же путем, что и я, если Господь не вмешается. Целый месяц я находился в заточении по тому же делу, за которое меня осудили сейчас, а затем был оправдан некоторыми из страдальцев, как известно некоторым из ваших почестей. А через два дня я был окликнут ими, и меня заключили в темницу, и теперь я осужден на смерть. Господь свыше знает мою невинность тогда, и так же знает сейчас, как в великий день будет известно людям и ангелам. Я обращаюсь к вашим почестям не ради своей жизни, ибо знаю, что должен умереть, и назначенный мне срок уже настал; но, Господь знает это, чтобы, если возможно, больше не проливалась *невинная кровь*, чего, несомненно, нельзя избежать при том пути и курсе, которым вы идете. Я не сомневаюсь, что ваша честь делает все возможное для раскрытия и обнаружения колдовства и ведьм, и не повинен в невинной крови ни за что на свете. Но *по своей собственной невинности я знаю, что вы идете по ложному пути*. Господь в своей бесконечной милости направит вас в этом великом деле, если на то будет Его благословенная воля, чтобы больше не проливалась невинная кровь! Я смиренно прошу вас, чтобы ваша честь соблаговолила строго осмотреть этих страдальцев и некоторое время держать их отдельно, а также испытать некоторых из этих исповедующихся ведьм; я уверен, что некоторые из них обманули себя и других, что проявится если не в этом мире, то, я уверен, в мире грядущем, куда я сейчас направляюсь. Я не сомневаюсь, что вы увидите изменения в этих вещах. Говорят, что я и другие, заключив лигу с дьяволом, не можем исповедоваться..... Господь свыше, который есть искатель всех сердец, знает, как я отвечу на трибунале, что я не знаю ни малейшего колдовства: поэтому я не могу, не смею лгать своей собственной душе. Я умоляю ваших почетных гостей не отказывать в этом моем смиренном прошении бедного, умирающего, невинного человека. И я не сомневаюсь, что Господь благословит ваши начинания".

Калеф говорит, что, "когда она в последний раз прощалась с мужем, детьми и друзьями", она "была, как сообщают присутствующие, настолько серьезной, религиозной, отчетливой и ласковой, насколько это можно выразить, вызвав слезы из глаз почти всех присутствующих". Мы охотно верим этому рассказу; ведь ее поведение и язык на протяжении всех сцен, в которых она предстает, свидетельствуют о сильном, ясном, разборчивом интеллекте, истинном и храбром сердце, возвышенных и великодушных чувствах, твердой вере в Бога и широком милосердии к людям. Когда ее искушенный дух освободился от брэнной формы, она стала желанным ребенком, попавшим в светлый дом наверху.

Сюзанна Мартин.

Носящая это имя вдова, проживавшая в Эймсбери, была судима за колдовство более двадцати лет назад, а потому в 1692 году, очевидно, находилась в добром здравии. Однако ее ответы в суде говорят о том, что она была быстрой, самообладающей, проницательной и, похоже, веселой заключенной. Несколько ее ответов вместе с вопросами, которые их вызвали, выглядят следующим образом

"Энн Путнам в припадке швырнула в нее перчатку. Над чем вы смеетесь?" - спросил суд. *Анс:* "Ну, я могу смеяться над такой глупостью".

"Разве это глупость - видеть, как их обижают?" - "Я никогда не обижаю ни мужчин, ни женщин, ни детей".

"Что, по-вашему, с ними?" - "Я не хочу тратить на это свое мнение". Вы думаете, они околдованы?" - "Нет, я так не думаю". 'Well, tell us your thoughts about them.' 'My thoughts are mine own when they are in; but when they are out they are another's'. "Кто, по-твоему, их хозяин?" "Если они занимаются черным искусством, ты можешь знать об этом не хуже меня" "Как случилось, что твое появление сейчас причинило им вред?" "Откуда мне знать?" "Ты не хочешь говорить правду?" "Тот, кто явился в облике Самуила, может явиться в облике любого другого".

Один Р. П., датированный Солсбери 9 августа 1692 г. и переданный Джонатану Корвину, - документ, принадлежащий к числу наиболее ярких свидетельств против судопроизводства того времени, в котором он говорит: "Я полагаю, все признают, что личность умершего не может появиться, поскольку душа и тело разделяются, и таким образом личность растворяется и перестает быть; и несомненно, что личность живого не может быть в двух местах в одно время". Этот писатель считал, что личность человека прекращается после смерти; поэтому он логически вывел, что личность пророка Самуила исчезла, и сказал: "Эндорская ведьма воскресила дьявола в образе Самуила, чтобы он рассказал Саулу его судьбу". Во многих местах мы видим, как в те дни прослеживается та же идея. Сюзанна Мартин выразила убеждение, что именно дьявол явился женщине из Эндора, а не прославленный Самуил. Предпосылки, которые некоторые люди считали обоснованными в 1692 году, если их применить в этом направлении, подтвердят вывод о том, что Моисей и Илия, явившиеся Иисусу и другим на горе Преображения, были не кем иным, как дьяволом в облике этих старых пророков. Вера в то, что дьявол олицетворял Самуила, представляется нам не более нефилософской, чем вывод Апхэма о том, что "по непосредственной воле Всемогущего дух Самуила действительно возник". Павел учил, что есть - не то, что будет в будущем, а то, что есть сейчас - "*духовное тело*". Все ясновидящие сегодня могут видеть такое тело, принадлежащее человеческой форме, и иногда видят, что оно далеко от формы, к которой его прикрепила природа. Каждый человек теперь обладает как природной, или физической, так и духовной *формой*. Необоснованной была позиция Р. П. и Сюзанны Мартин, которые считали, что физическое тело необходимо для личности. Кроме того, поскольку Всемогущий изначально вложил в природу элементы и силы, допускающие возвращение духов в результате естественных процессов, утверждать, что Сэмюэль был воскрешен непосредственным действием Всемогущего или чудесным образом, так же нефилософски, как приписывать возвращение американского путешественника домой из Европы *непосредственному* действию того же Существа. Природные законы и силы допускали, при возможных условиях, возвращение самого Самуила. Такие условия часто существовали в гостеприимной и отзывчивой женщине из Эндора, которая не была *ведьмой* в общепринятом ныне значении этого слова; в Библии ее так не называют, но лишь человеком, у которого был *знакомый дух*, то есть дух, постоянно присутствующий, и обладающий такой способностью общаться с ней, что дух казался ей одним из членов ее семьи - ее знакомым. Дух, сопровождающий смертного, может быть либо хорошим, либо плохим, либо безразличным, и познать его могут те люди, чье телосложение и развитие таковы, что их внутренние органы чувств могут сообщать об этом внешнему сознанию. Существующие свойства этой женщины, позволявшие какому-то особому духу часто пребывать и разумно общаться с ней и быть познаваемым ее внутренними чувствами как обитатель ее дома, как ее знакомый, - эти свойства позволили бы ей воспринять форму и услышать голос другого духа, который мог быть призван к ней для неотложной цели, так же естественно, как внешний глаз, видящий одну внешнюю форму, способен увидеть другую.

Самуил, когда его позвали, пришел и был замечен ясновидящей женщиной, но не внешними глазами ни Саула, ни его сопровождающих. Этот случай был очень похож на тот, что произошел на первом допросе по обвинению в колдовстве в деревне Салем. Сара Гуд тогда сказала: "Никто здесь не видит ведьм", то есть не видит духов, "кроме страдальцев и самих себя", то есть никого, кроме страдальцев и обвиняемых, к числу которых относилась и она. Другими словами, реальных исполнителей чудесных дел, духов, видят только обвинители и обвиняемые - ясновидящие. Правда, в более современных случаях духи, которых видели, часто, хотя и не всегда, были живыми людьми. Но это не влияет на принципы объяснения. Те люди, которые настолько раскрыты, что могут видеть формы духов, иногда видят их, будь они все еще привязаны к внешним формам или освобождены. Духи, как полностью освобожденные от плоти, так и облаченные в плоть, чьи оболочки были полупрозрачными, могли быть видны членам обвинительного "круга" и некоторым другим людям в подобном сочетании, даже когда суд и масса присутствующих на нем могли не заметить ничего подобного. Огненные кони и колесницы были так же ясно видны Елисею на холмах Дофана, пока его слуга был слеп к ним, как и после того, как внутренние глаза юноши были открыты, и он тоже увидел помогающих и защищающих хозяев. Перемена произошла в самом юноше, а не на холмах. Ушедшие духи находятся там, где они чувствуют наше стремление к их присутствию, и открытие нашего внутреннего зрения, в любое время и в любом месте, может сделать их видимыми.

Возвращаясь к Сюзанне Мартин, отметим, что некий Уильям Браун из Солсбери в 1692 году дал показания, "что примерно один или два с тридцатью годами ранее его жена встретила на дороге Сюзанну, которая "исчезла с ее глаз"... после чего упомянутая Мартин много раз являлась к ней в дом и причиняла ей много беспокойства..... Когда она приходила, это было похоже на то, как птицы клюют ее ноги или колют ее движением своих крыльев; а затем она поднималась в ее живот с колющей болью, как гвозди и булавки, на что она горько жаловалась..... После этого они поднимались к ее горлу кучей, как яйцо пули, и тогда она отворачивала голову и говорила: "Ведьма, ты меня не задушишь"".

Было приведено еще много свидетельств, показывающих, что явление этой женщины видели очень часто; и не только видели, но и причиняли многим людям огромные страдания. Это ничего не говорит против ее характера, но явно намекает на то, что соотношение ее внутренней и внешней форм было таково, что первую могли видеть и чувствовать многие люди, которые либо по конституции, либо по болезни, либо и то и другое, были очень чувствительны. Такие люди часто видели ее дух-форму и страдали от ее психологического воздействия. Эта особенность, возможно, сделала ее настолько светящейся, что она стала заметной, а значит, и обвиняемой "кругом", и это обвинение привело ее на виселицу.

Марта Кэрриер.

Способности и проявления, которые почти два века назад считались колдовством, а также способ получения доказательств этого преступления, очень ярко проявились в истории жены и детей Томаса Кэрриера из Андовера.

Допрос Марты Кэрриер, 31 мая 1692 года.

"В. Эбигейл Уильямс, кто причинил вам боль? О. Гуди Кэрриер из Андовера.

"В. Элизабет Хаббард, кто причиняет вам вред? О. Гуди Кэрриер.

"В. Сьюзен Шелдон, кто причиняет вам боль? О. Гуди Кэрриер; она кусает меня, щипает и говорит, что перережет мне горло, если я не подпишу ее книгу". Мэри Уолкотт сказала, что она обидела ее и принесла ей книгу.

"В. Что вы скажете на это, в чем вас обвиняют? О. Я этого не делала. Сьюзен Шелдон плакала, она смотрит на черного человека. Энн Путнам жаловалась, что в нее воткнули булавку. В. Что это за черный человек? О. Я таких не знаю. Мэри Уоррен кричала, что ее укололи. В. Какого черного человека вы видели? О. Я не видел никакого черного человека, кроме *вашего собственного присутствия*. В. Вы можете смотреть на них и не сбивать их с толку? О. Они расколются, если я посмотрю на них. Вы видите, что вы смотрите на них, и они падают. О. Это ложь; *дьявол - лжец*. Я не смотрел на них с тех пор, как вошел в комнату. Сьюзен Шелдон *в трансе* воскликнула: "Удивительно, что вы могли убить тринадцать человек! Мэри Уолкотт свидетельствовала о том же: там было тринадцать призраков! Все страдальцы впали в нестерпимый крик и агонию. Элизабет Хаббард и Энн Патнэм свидетельствовали о том же: что она убила тринадцать человек в Андовере. О. Это позор, что вы обращаете внимание на этих людей, которые не в своем уме. В. Разве вы не видите их? О. Если я скажу, вы мне не поверите. Вы их видите, говорят обвинители. А. Вы лжете; меня обижают. Ей на ухо шепчет какой-то черный человек, - говорили многие из страждущих. Мерси Льюис в сильном припадке пришла в себя, когда экзаменатор схватил ее за руку. Мучения страдальцы были столь велики, что их невозможно было выдержать, поэтому ее приказали увести и связать по рукам и ногам со всей возможной быстротой; страдальцу при этом чуть не убили, к большому несчастью всех зрителей, магистратов и прочих.

"Примечание. Как только ее связали, все почувствовали странную и внезапную легкость. Мэри Уолкотт сказала магистрату, что эта женщина сказала ей, что она была ведьмой сорок лет".

Вышеприведенная запись показывает, каким страшным испытаниям мог подвергнуться тот, на кого пало обвинение в колдовстве, и как безнадежно было спастись, если признавались и считались достоверными призрачные свидетельства. Здесь была женщина, которая, судя по всему, осознавала присутствие духа рядом с собой на протяжении "сорока лет", и ее конституциональные свойства, позволявшие это, были настолько светлыми в духовной атмосфере или среде видения внутренним взором, что ясновидящие девушки легко уловили ее, легко почувствовали влияние от нее и поэтому обвинили ее в том, что она их мучает.

Общий характер и поведение этой женщины до ее ареста, возможно, не заслужили одобрения общественности. В присутствии судей она держалась уверенно и не была лишена смелости, ведь иначе она не сказала бы судье, что в его присутствии она видела только одного чернокожего мужчину. Она сказала своим экзаменаторам, что им стыдно обращать внимание на "этих людей, которые не в своем уме". Она сказала девушкам: "Вы лжете, а я ошибаюсь". В ее присутствии происходили необыкновенные видения, искажения, страдания и крики, и, вероятно, эманации от нее были особым подспорьем для нежданного оттока.

В трансе один из них увидел тринадцать мертвых тел и обвинил обвиняемого в их убийстве. Именно *в трансе* это было увидено и сказано. Если девушка *была в трансе*, то была ли она добровольным провидцем и оратором? Нет. Здесь действовала сверхъестественная сила. Влечения и одержимость настигали всех этих юных обвинительниц непостоянно, а формы девушек, как правило, были инструментами, управляемыми волей, проникающей извне.

Язык этой одержимой обвинительницы, как и язык Энн Коул, вероятно, был "усовершенствован, чтобы произносить мысли, которые никогда не приходили ей в голову".

Четверо детей миссис Кэрриер были привлечены к суду вместе с ней, либо в качестве обвиняемых, либо в качестве свидетелей против некоторых членов семьи. "Перед судом, - говорит Дрейк, - несколько ее собственных детей откровенно и полностью признались не только в том, что они сами были ведьмами, но и в том, что мать сделала их таковыми". Бесхитростность и простота их *признаний* делают их не просто занимательными, но и более поучительными, чем почти любые другие заявления, сделанные на экзаменах и судебных процессах. Маленькую Сару спросили.

"Как давно вы стали ведьмой? А. С тех пор, как мне исполнилось шесть лет. Сколько тебе сейчас лет? О. Почти восемь лет; брат Ричард говорит, что в ноябре следующего года мне исполнится восемь лет.

"Кто сделал тебя ведьмой? О. Моя мать; она заставила меня взять в руки книгу. Как ты поднесла к ней руку? О. Я коснулась ее пальцами, и книга была красной, а бумага в ней белая. Она сказала, что никогда не видела черного человека... что ее мать крестила ее, и дьявола или черного человека там не было, как она видела. Ее мать сказала, когда крестила ее: "Ты моя на веки вечные. Аминь".

"Как вы причиняли боль людям? А. Я щипала их. Она говорила, что ходила к тем, кого *обижала*, - ходила не телом, а духом. Она не призналась, что когда-либо была на собрании ведьм в деревне".

Признания (?) прекрасны и драгоценны; они облечены во всю уместную наивность *признания* школьницы в том, что она была *ученицей*. Нигде в них не видно оттенка стыда, печали или унижения. Нет ни малейшего признака того, что в понимании маленькой Сары было что-то более порицаемое, чем то, что она была ведьмой, как и то, что современный ребенок учится в воскресной школе. Раскрытие обычных происшествий в ее доме, которые врожденные способности там так же естественно привели в действие, как другие способности там и в других местах заставляют конечности ребенка расширяться, а его интеллект раскрываться, было ее признанием в колдовстве, относящемся к ее матери и к ней самой.

Обычный ум, если его не предостеречь, будет почти вынужден придавать свидетельствам детей Марты Кэрриер значение, которое им не принадлежало. Подробные описания фактов и переживаний, нередких в этой медиумической семье, не были признанием чего-то похожего на то, что общественность в любой век привыкла обозначать термином "колдовство". В библейские времена эти случаи могли называться пророчествами - истинными или ложными, а сегодня они считаются проявлениями духов или близкими к ним.

Признания маленькой девочки *ценны* и прекрасны; они являются поучительными комментариями к вероучению, которого придерживались взрослые ее времени; они дают некоторую поддержку позиции, что общение с каким-то духом было элементом подготовки к совершению чудес. Мать крестила ее, заставила расписаться в книге, а затем объявила свое дитя своим "на веки вечные, аминь". Сама малышка, похоже, расценила это подтверждение притязаний духа матери на ее дух как то, что она стала ведьмой; но такой ведьмой ей не стыдно быть, и она не видела в этом ничего плохого. В самом деле, как может кто-то, кроме извращенного зрения, увидеть вред в сыновнем договоре девушки? Ее ясновидение и другие медиумические способности настолько раскрылись, когда ей было около шести лет, что она и ее мать, как освобожденные духи, могли в сознательном общении путешествовать в

царстве духов; и она, несомненно, чувствовала, что силы, исходящие от матери, помогали ей в ее раскрытии и продолжали оказывать на нее влияние в ее ментальных путешествиях и операциях. Она могла бы с полным основанием сказать, что мать сделала ее ведьмой. И ее случай показывает, что процесс превращения в ведьму может быть гораздо проще и гораздо менее ужасающим, чем представляли себе люди в ее время. Ведь и тогда, и сейчас ведьмовство было ростом или развитием из Божьего посева, а не изготовлением руками дьявола или какой-либо матери. Она не видела ни дьявола, ни черного человека - только ее собственная мать участвовала в превращении ее в ведьму; и мать, вероятно, сделала ее ведьмой с помощью процессов, столь же естественных и законных, как и те, с помощью которых она ранее сделала ее ребенком.

Способность девушки причинять боль была ментальной; ее путешествия и щипки были ментальными; и все же, несомненно, ее хватка так же ощущалась нервами тех, кого она щипала, как и крепкая хватка их плоти ее пальцами, состоящими из костей и мышц. Только дух чувствует боль тела, и ущемленный дух накладывает отпечаток на плоть, которую он оживляет. Показания этой маленькой девочки подтверждают слова Титубы и придают достоверность многочисленным заявлениям обвиняемых девушек о том, что их щипали, кусали и пытали люди, чьи внешние формы в то время были далеки от них. Мы живем среди загадок, которые одна за другой раскрываются с течением времени.

Поучительный пример того, как искажающая сила этих распространенных верований формирует дикцию самых эрудированных описателей фактов колдовства, можно найти в кратком изложении событий Лоусоном, где, комментируя показания маленькой Сары, он говорит: "Несколько человек *признались* против собственной матери, что она была орудием, чтобы ввести их в *дьявольский завет*". Но в свидетельстве девочки говорится о завете *только* с ее матерью, а дьявола там не было, как она видела. Именно Лоусон, а не девочка, ввел дьявола в это дело".

Тот же автор далее говорит: "Некоторые девочки восьми или девяти лет заявляли, что после того, как их матери отдали их во власть *сатаны*, они видели, как *дьявол* в их *собственном облике* отправился причинять страдания другим". Но Сара утверждает, что она сама ходила и страдала в своей духовной форме, а не то, что *дьявол* ходил в ее форме. У культурных людей того поколения *дьявол* был настолько силен в *мозгу*, что они упорно приводили его даже там, где факты, представленные свидетелями, явно исключали его.

Ричард Карриер, восемнадцати лет от роду, сын Томаса и Марты, был допрошен.

"Попадал ли ты в ловушку дьявола?" - "Да".

"Попал ли твой брат Эндрю в ловушку дьявола? Да.

"Как долго ваш брат был ведьмой? Около месяца.

"Как долго вы были ведьмой? Недолго.

"Участвовали ли вы в наведении порчи на страдальцев?" - "Да".

"Вы помогали ранить Тимоти Свона, не так ли? Да.

"Как долго вы были ведьмой? Около пяти недель.

"Кто был рядом, когда вы заключили договор с дьяволом? Миссис Брэдбери.

"Помогала ли она вам в вашем несчастье? Да.

"Кто был на деревенском собрании, когда вы там были? Гудвайф Хау, гудвайф Нарс, гудвайф Уайлдс, Проктор с женой, миссис Брэдбери и жена Кори.

"Что они там делали?" - Ели и пили вино.

"Был ли там священник? Нет, насколько мне известно.

"Откуда у вас вино? Думаю, из Салема.

"Там была добрая жена Оливера? Да, я ее знал".

Высказывания этого свидетеля, а также его вероятные обстоятельства и состояние заслуживают особого внимания. Откровенность светится во всем, что он говорил. Он излагал факты, которые, по его мнению, были безобидны, и почему бы ему не выдать их? Он, вероятно, знал, что его мать всю жизнь привыкла видеть и действовать не только через свои физические органы, и сознавал, что в течение последних пяти недель, по крайней мере, он сам делал то же самое. Способности проявились незаслуженно - они вытекали из природы его матери и его самого и не были преступлением. Долгое знакомство с мнимым проявлением таких способностей через его матери показало ему, что они не являются ни дьявольскими, ни порицаемыми; и почему бы не признать обладание ими и действия, которые они производят, будь то через него самого, его мать или кого-либо еще? Ни мать, ни дети в этой семье не боялись призрачных существ, потому что могли общаться с ними внятно и сочувственно; и признание Ричарда в том, что он помогал причинять боль Тимоти Свону и был на большом собрании ведьм, где они ели, а также пили вино, было не признанием в каком-либо преступлении, а простым изложением фактов. Он был медиумом, а также откровенным и правдивым свидетелем.

Он признал, что попал в ловушку дьявола. Насколько это важно? Он и его брат Эндрю попали в эту ловушку - один примерно за четыре, а другой за пять недель до его заявления. Поскольку определенные атмосферные и другие физические условия часто приводят к эпидемиям или широкому распространению физических заболеваний, а определенные психические и моральные состояния общества часто оказывают сильное влияние на многие умы, можно считать, что сильное общественное возбуждение, вызванное арестом и преследованием ведьм, привело к широкому раскрытию скрытой медиумической восприимчивости; И нет ничего удивительного в том, что у детей Марты-носительницы такие способности внезапно проявились, и что они так же внезапно стали хорошо развитыми ясновидящими, способными широко и быстро перемещаться в воздухе мира, в котором обитают духи; и что они были психологизированы духовными существами, и их заставили принять участие в любой работе, злобной или благожелательной, которую их контролеры намеревались выполнить. Под тем, что они попали в ловушку дьявола, , вероятно, подразумевали не больше и не меньше, чем то, что они стали медиумами. Во всех состояниях, подобных их, общественность обвиняла дьявола, и молодые Носители соглашались с тем, что так было и в их случае. Большинство вещей, не относящихся к земным, земным, обвинялись тогда дьяволом; и умственные способности этих детей не были компетентны показать, что их высказывание из мешающих им тел происходило без его помощи.

Часто упоминаются собрания ведьм в Салемской деревне, на Грин или на пастбище священника, недалеко от дома дьякона Ингерсолла.

Если кого-то из обвиняемых видели в компании собравшихся там ведьм, то этот факт был чрезвычайно разрушительным. Ричард Кэрриер признал, что был там, и свободно упомянул, какие люди были в сборище, но не видел священника.

Записи не дают нам оснований предполагать, что миссис Кэрриер когда-либо занимала очень высокое положение в обществе. Не исключено, что за сорок лет, в течение которых она прожила, внешние влияния часто делали ее жизнь эксцентричной, а многие поступки - загадочными. Даже престарелый и милосердный Фрэнсис Дейн говорил: "То, что некоторые из нас подозревали добрую жену Кэрриер до ее задержания, я знаю; что же касается других лиц, то у меня не было никаких подозрений на их счет". Из этого заявления следует сделать вывод, что она отличалась некоторыми особенностями, к которым не все относились благосклонно; вокруг нее витали подозрения.

Один обвинил ее в том, что она вызвала у себя сильные язвы, заразила свой скот и нанесла ему множество увечий; другие обвиняли ее в том, что она причинила им боль и околдовала их, а также в том, что она присутствовала на собрании ведьм. Обвиняемые девушки, как видно из вышесказанного, испытывали сильнейшие муки, когда находились с ней в суде. Мы считаем, что ее можно справедливо отнести к низшему классу обвиняемых; и все же мы не нашли ничего, что могло бы оправдать вывод о том, что она была совершенно недостойна уважения или даже что она была категорически плоха в каком-либо отношении. Мазер называл ее *буйной каргами*, и поэтому большая часть христианства относилась к ней с отвращением. Но каким бы ни был ее характер, страдания ее и семьи вызывают наше сочувствие.

Если она сказала, что была ведьмой сорок лет, то имела в виду лишь то, что в течение "сорока лет" осознавала происходящие внутри и вокруг себя оккультные процессы. Мы сомневаемся, что она применяла к себе слово "*ведьма*", но охотно верим, что она признавалась в таких опытах и представлениях, которые в ее время часто называли колдовством. То, что она подробно рассказала о некоторых переживаниях Мэри Уолкотт, которые та назвала колдовством, весьма вероятно. Ни обвиняемая, ни обвинители не привыкли говорить о том, что видели дьявола; но это был черный человек или какой-то другой определенный дух - не дьявол, - согласно их собственным заявлениям. И все же, когда дикторы и репортеры брались передать нам суть сказанного или почти дословный отчет, они обычно заменяли дьявола на черного человека или на любого другого невидимого оккультного оператора, независимо от его, ее или ее моральной цели или характера. Так же и все особо чудесные работы назывались колдовством.

Маленькие дети Карриеров были очень поучительными свидетелями. Слишком юные и неопытные, чтобы иначе, чем прямо отвечать на простые вопросы на общепринятом языке, они лучше, чем более взрослые свидетели, показали нам, что было, вероятно, общепринятым применением некоторых терминов, часто используемых в описании чудесных вещей. Когда их косвенно обвинили в том, что они сами являются ведьмами, их ответы признали истинность обвинения. Одна из них, восьми лет от роду, заявила, что была ведьмой с шести лет. Другая, восемнадцати лет, была ведьмой около пяти недель и сказала, что брат Эндрю был ею "около месяца". Мало кто из этих откровенных и, несомненно, правдивых юных исповедников семейного и личного опыта понимал, что они подвергают себя, а заодно и свою мать, смертной казни. Они признавались в том, что часто видели и слышали в своем доме звуки, которые доходили до них так же естественно и невинно, как визиты и слова друзей и соседей. В обществе такие вещи называли колдовством, и почему бы этим детям не поступать так же? Их умственные способности были недостаточно развиты, чтобы даже не догадываться о том, что их слова могут означать, что они заключили договор с

дьяволом, или что простое и правдивое изложение своих непрошенных переживаний может принести вред им самим или кому-либо еще. Столь же неспособны были эти малыши постичь природу того дьявола, который существовал в представлении магистрата, когда он спрашивал, не дьявол ли околдовал свидетеля и брата Эндрю. Они, несомненно, придерживались общепринятого представления о том, что любой работник из невидимых глаз сфер - это дьявол; и, имея опыт - по крайней мере, одна из них, - что ее собственный дух выходил из ее тела и щипал некоторых людей, она понимала, что участвовала в делах, которые вменялись дьяволу. И все же ни один из этих детей не признался и не смог "внушить" себе, что видел *дьявола*.

Очевидно, они и их мать, мы не сомневаемся, часто так же естественно и невинно созерцали формы и сцены духов и так же невинно вели беседы с духами, когда рассматривали сцены и формы внешнего мира или шли в компании с воплощенными людьми в свои общины в доме собраний или где-либо еще. Слова младенцев и грудных детей на суде по делу о колдовстве раскрывали существование более тонких природных законов и сил, а также их действие на некоторых человеческих существ и через них, о чем наука тогда даже не мечтала или еще не готова была признать. Во времена колдовства дьяволу вменялось в вину очень многое, что следовало бы приписать Богу. Ошибочное внесение многих тяжелых статей в великие бухгалтерские книги во времена отцов требует огромного труда и исследований для их правильной и справедливой корректировки сейчас. Марта Кэрриер и ее дети, вероятно, были записаны на неправильной стороне книги нравственности, когда Коттон Мазер навесил на нее ярлык "буйная карга"; и с тех пор они так и стоят.

Преподобный Джордж Барроуз.

Перейдя к последнему из обвиняемых, чье дело наша главная цель побудила нас рассмотреть подробно, мы приводим здесь образец обвинительного заключения по делу о колдовстве.

"Обвинительное заключение по делу Джорджа Барроуза.

Эсcek }
ss.

Anno Regni Regis et Reginae
Willielmi et
Mariæ. Nunc Angliæ, &c.,
quarto.

"Присяжные нашего суверенного повелителя и повелительницы, короля и королевы, *представляют, что* Джордж Барроуз, покойный из Фалмута, в провинции Массачусетский залив, в Новой Англии, клерк, 9-го дня мая, в четвертый год правления нашего суверенного повелителя и повелительницы, Уильяма и Марии, милостью Божьей, Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, короля и королевы, защитников веры и т. д., и в другие дни и времена, как до того, так и после того, определенные отвратительные искусства, называемые колдовством и чародейством, нечестиво и преступно использовал, практиковал и осуществлял в городке Салем, в графстве Эссекс, в отношении некой Мэри Уолкатт, из

деревни Салем, в графстве Эссекс, незамужней женщины, и в пределах этого городка; Которыми указанными злыми искусстваами упомянутая Мэри Уолкэт, 9-го дня мая, в четвертом году, и в другие дни и времена, как до, так и после, подвергалась и подвергается пыткам, страданиям, тоске, изнурению, растратам и мучениям, против мира нашего суверенного лорда и леди, короля и королевы, и против формы статута в этом случае, принятого и предусмотренного.

"Свидетели: Мэри Уолкотт, Сара Виббер,
Мерси Льюис, Энн Патнэм,
Элиз. Хаббард.

"Подтверждено большим жюри, *Billa vera*".

Три других подобных обвинительных акта сопровождали вышеупомянутое обвинение в колдовстве, практикуемом Берроузом в отношении Элизабет Хаббард, Мерси Льюис и Энн Патнэм по отдельности.

S. П. Фаулер в отредактированном им издании "Салемского колдовства" на стр. 278 пишет следующее

"Суд над преподобным Гео. Берроуз, по-видимому, привлек всеобщее внимание благодаря тому обстоятельству, что он был бывшим священником в деревне Салем и, как предполагается, был лидером среди ведьм".

Фаулер добавляет, что...

"Доктор Коттон Мазер утверждает, что не присутствовал ни на одном из процессов по обвинению в колдовстве; как он смог уберечься от суда над Берроузом, мы не можем себе представить. Его отец, доктор Инкрес Мазер, сообщает нам, что он присутствовал только на одном процессе, и говорит: "Если бы я был одним из судей Джорджа Берроуза, я бы не смог его оправдать, потому что несколько человек под присягой свидетельствовали, что видели, как он делал такие вещи, которые не мог совершить ни один человек, не имеющий дьявола в качестве своего знакомого".

"Берроуз был задержан в Уэллсе, в штате Мэн; так утверждают его дети. Они также сообщают нам, что он был похоронен своими друзьями, после бесчеловечного обращения с его телом со стороны палачей на Виселище, в Салеме.

"Его представляют как маленького, черноволосого смуглого человека, с быстрыми страстями и большой силой. Его мускульная сила, проявившаяся еще во время учебы Берроуза в Кембриджском колледже и отмеченная в незначительных опровергающих доказательствах, представленных его друзьями на суде, убеждает нас в том, что он поднял пистолет и бочку с патокой силой своих собственных хорошо напряженных мышц, а не с помощью дьявола, как предполагали Мазеры, отец и сын. Увы, собственная сильная рука человека должна стать его гибелью!"

Вскоре мы покажем, что этот комментатор здесь упустил из виду важный момент. Сам Берроуз в свое оправдание заявил, что индеец стоял рядом и поднял ружье; поэтому главный вопрос заключается не в том, был ли сам Берроуз достаточно силен, чтобы поднять его, как утверждается, а в том, сказал ли он правду, когда заявил, что ему помогли. Главный вопрос заключается в его правдивости, а не в его силе. Мазерс поверил ему в этом вопросе.

В обвинительном заключении речь шла о колдовстве, которое незримо практиковалось над членами знаменитого Круга, а не о видимых силовых подвигах. Все девушки свидетельствовали, что видели его явление и страдали от него. Также некоторые из них признались, что сами были *ведьмами* (ведь некоторых обвиняемых слишком убедили говорить о своих ясновидческих наблюдениях и опыте как о колдовстве, а значит, и о себе как о ведьмах), - некоторые из них свидетельствовали так, как говорит Мазер (стр. 279, *Salem Witchcraft*). "Восемь признавшихся ведьм обвинили его в том, что он был главным актером на некоторых из их адских свиданий и обещал стать королем в царстве Сатаны, которое теперь будет воздвигнуто; девять человек обвинили его в необычных подъемах, ... и в других вещах, ... пока против него не было собрано около тридцати свидетельств".

Рассказ Мазера о колдовстве в Салеме был составлен по просьбе Уильяма Фипса, тогдашнего губернатора провинции; два видных судьи на судебных процессах одобрили его следующим образом

"Преподобный и достойный автор, по указанию его превосходительства губернатора, так далеко обязал общественность, чтобы дать некоторый отчет о страданиях, принесенных стране колдовством, и о процессах, которые прошли над несколькими казненными за это:

"Ознакомившись с ней, *мы обнаружили, что факты и доказательства изложены верно*, а также дана перспектива методов осуждения, использовавшихся в процессе суда в Салеме".

"Бостон, 11 октября 1692 года.

"Уильям Стоутон,
"Сэмюэл Сьюолл".

На предыдущих страницах не было отмечено проявление одного из классов явлений, представленных на этих процессах, а именно: явление духов конкретных умерших многим из обвиняющих девушек. Очевидно, что ясновидящие гораздо чаще видели духов тех, кто все еще обитал в смертном облике, чем тех, кто вырвался из рабства плоти. Но все же были случаи, когда духи тех, кто был известен в этих окрестностях и чьи тела покоились под землей, были и видны, и слышны. Среди прочих были названы две бывшие жены Берроуза. Мазер говорит (стр. 282): "Несколько околдованных дали показания, что их беспокоили явления двух женщин, которые говорили, что они две жены Г. Б., и что он был их смертью..... Итак, Г. Б. был печально известен на всю страну варварским обращением с двумя своими женами, сменявшими друг друга. (р. 286.) ... 'Twas testified, that, keeping his two successive wives in a *strange kind of slave*, he would, when he came home from abroad, pretend to tell the talk that any had with them; that he has brought them to the point of death by his rough dealings with his wives, and then made people promise that, in case death should happen, they would say nothing of it; что он использовал все средства, чтобы заставить своих жен написать, подписать, запечатать и поклясться, *что они никогда не раскроют ни одной из его тайн*; что его жены частным образом жаловались соседям на *страшные явления* злых духов, которыми иногда был заражен их дом" и т. д.

Некоторые из этих обвинений, вероятно, опирались на более твердую фактическую основу, чем принято считать. Хотя мы считаем Берроуза одним из самых добрых и хороших людей, мы не отказываемся полностью от доверия к общему значению таких утверждений о нем. Они указывают как на необычные проявления внутри него, так и на вероятное управление и контроль его внешней формы временами каким-то не принадлежащим ему интеллектом. В те времена "*странный вид рабства*", естественно, возникал, если муж рассказывал жене по возвращении в дом, какие разговоры она вела с другими во время его отсутствия, *если его*

утверждения были правдой; если же это было неправдой, жена лишь посмеялась бы над его претензиями и не стала бы жаловаться соседям. Если же это правда и часто повторяется, то такие загадочные высказывания вполне могут поработить, обеспокоить и приблизить к порогу смерти чувствительную жену; а муж, каким бы ласковым и добрым он ни был, порой может быть так же бессилён определить свой дальнейший путь, как сухой лист под напором сильного осеннего ветра. За поступки, совершенные не им самим, мир возложил бы на него ответственность; и неудивительно, что в его возрасте духовно раскрытый, просветленный человек, да еще и такой, чья форма, как у Агассиса, может быть тронута не его собственной волей, должен был стремиться всеми возможными способами помешать женам и любым другим людям, знающим их, раскрыть какие-либо из его особых и чудесных секретов; Неудивительно, что он пытался заставить своих жен "писать, подписывать, запечатывать и клясться" никогда этого не делать; потому что шум за границей о таких способностях, какими он обладал, и о таких представлениях, которые ему сопутствовали, если бы о них стало известно публично, был бы осквернен, уничтожил бы его полезность и поставил бы под угрозу, если не лишил бы, его жизнь. Спасибо, что в наше время опасность попасть на веревку палача не грозит человеку из-за его высокого духовного просветления.

Джордж Берроуз окончил Гарвардский колледж в 1670 году; до 1692 года он много лет был проповедником и в течение некоторых из них служил людям в деревне Салем. Но еще до вспышки колдовства он нашел себе дом далеко на северо-востоке, на берегу залива Каско, в провинции Мэн, где в то время скромно и тихо трудился по своей профессии, но не в непроницаемом уединении. Ясновидящие - мастера уединения и пространства в удивительной степени. Везде, где особый свет, относящийся к медиумическому или иллюминированному состоянию, обнаруживал своего обладателя и проявлял свою привлекательность, там открытое внутреннее зрение обвиняющих девушек могло сделать их практически присутствующими. Эманации, исходящие от тех, кто проживает в Фалмуте или Уэллсе, могут легко встретиться и смешаться с эманациями, исходящими от сенситивов в их доме в Салеме. Мысль летит быстро и далеко. С такой же скоростью и так же далеко могут быть привлечены незамутненные внутренние восприятия зачарованного или просветленного смертного. Возможно, в данном случае сработали старые воспоминания и неразрешенные психологические привязанности. Одна из обвиняющих девушек некоторое время жила в семье Берроуза, пока он жил в Виллидж. Цепи ассоциаций никогда не рвутся и не становятся навсегда непригодными, хотя часто они сильно ослабевают и перестают быть узнаваемыми в наших обычных условиях. Несколько обвиняющих девушек утверждали, что Берроуз был одним из них, причем главным и авторитетным, в группе призрачных существ, от которых исходили их мучения. Его "кликнули", арестовали, судили, осудили и казнили.

Мнения разных писателей о реальном характере и достоинствах этого человека были весьма разнообразны. Одни считали его лицемерным магом, другие - человеком прекрасной и благотворной жизни. Мазер относился к нему с отвращением и говорил: "Рад был бы я, если бы никогда не знал имени этого человека". Впоследствии тот же автор обвинил Берроуза в "тергиверсах, противоречиях и фальши". Салливан в своей "Истории штата Мэн" утверждает, что "он был человеком с плохим характером и жестоким нравом". Хатчинсон утверждал на недостаточных основаниях, что во время допроса "он был сбит с толку и использовал множество выкрутасов". Но Фаулер утверждает: "Все аргументы против него не могут противостоят благоприятному впечатлению, произведенному его христианским поведением во время заключения и во время казни". Калеф утверждает, что за день до казни Маргарет Джейкобс, свидетельствующая против него, пришла к заключенному, призналась, что солгала ему, и попросила прощения; "он не только простил ее, но и помолился вместе с ней и за нее". Тот же автор "Фактов" утверждает, что, "поднявшись по

лестнице, он произнес речь в подтверждение своей невинности с такими торжественными и серьезными выражениями, которые привели в восхищение всех присутствующих; его молитва (которую он завершил повторением молитвы Господней) была так хорошо сформулирована и произнесена с таким спокойствием и таким (по крайней мере, кажущимся) пылом духа, что произвела большое впечатление и вызвала слезы у многих, так что некоторым казалось, что зрители будут препятствовать казни". *По словам обвинителей, чернокожий стоял и диктовал ему.* Как только его отпустили, мистер Коттон Мазер, сев на лошадь, обратился к народу, частично заявив, что он (Берроуз) не был рукоположенным священником, а частично - чтобы убедить людей в его виновности, сказав, что дьявол часто превращается в ангела света; это несколько успокоило людей, и казнь продолжилась". Его молитвы, все его поведение и дух во время этих последних испытаний свидетельствуют о том, что он обладал спокойной, сильной душой, которая несла его на крыльях невинности и благочестия в область безмятежности, куда его предатели и убийцы не могли войти и о которой не знали. Краткий рассказ о жизни этого человека до мании колдовства, который удалось составить благодаря исследованиям Апхэма, еще больше подтверждает его выдающиеся достоинства. Этот автор говорит: "Документы, хранящиеся в Доме штата, доказывают, что в округе Мэн, где он жил и проповедовал до и после своего поселения в Виллидж, соседи относились к нему с доверием и смотрели на него как на друга и советчика..... Он был самоотверженным, щедрым и общественным духом, трудился в смирении и с рвением посреди больших лишений". Ему была предоставлена земля, , и когда город попросил его обменять часть земли на другие земли, "он свободно отдал ее, не желая ни земли в другом месте, ни чего-либо другого в обмен на нее".

Проанализировав Берроуза настолько, насколько позволяет доступная информация о нем, мы можем судить, что он был тихим, мирным, упорным тружеником на благо своих ближних, - смиренным, доверчивым, искренним слугой Божиим, - редким воплощением преобладающих представлений, чувств, добродетелей и милостей, которые украшали облик назарянина.

Почему люди его времени лишили его жизни? Какие обвинения были выдвинуты против него? Помимо свидетельств о том, что многие девушки ощущали его как мучительный призрак, его обвиняли в том, что он обладает сверхчеловеческой физической силой. Коттон Мазер говорит: "Он был очень тщедушным человеком.

"Он был очень тщедушным человеком, но часто совершал поступки, не под силу даже великану. Ружье со стволом около семи футов и такое тяжелое, что сильные люди не могли бы устойчиво держать его обеими руками, было засвидетельствовано несколькими авторитетными и уважаемыми людьми, что он ничего не делал, когда брал такое ружье за замок одной рукой и держал его, как пистолет, на расстоянии вытянутой руки. В свое оправдание он был *достаточно глуп, чтобы сказать, что там был индеец, и в то же время протянул пистолет*; тогда как никто из зрителей никогда не видел такого индейца; но они *предположили, что* черный человек (так ведьмы называют дьявола, и они обычно говорят, что он похож на индейца) мог оказать ему эту помощь".

Этот абзац очень поучителен. Все последующие историки, начиная с Калефа, упоминали, что, несомненно, верно, что Берроуз был маленьким человеком, но по конституции очень сильным - отличался физической силой даже в студенческие годы; и они воображали, что на этом основании удовлетворительно объяснили его чудесные подвиги; они, кажется, упускали из виду тот факт, что именно сам Берроуз, а не другие люди, говорил, что "индеец", невидимый для других, стоял рядом и держал пистолет наготове. Историки объясняют кажущиеся физические подвиги этого доброго и правдивого человека за счет его

правдивости. Небеса помогут невинным, оказавшимся в руках таких клеветников. Вопрос не в том, что Берроуз мог сделать без посторонней помощи, а в том, *говорил ли он правду*, когда утверждал, что ему помог индеец. Весь его характер и жизнь говорят о том, что он не стал бы говорить так, как утверждается, если бы не осознавал присутствия индейца внутри или рядом с собой, который, по крайней мере частично, придал ему силу, поднявшую и поддерживавшую тяжелую пушку. Он сказал, что так оно и было. А что, если все зрители не видели индейца? Это был развоплощенный индеец - дух-индеец, и поэтому он обязательно должен быть невидим для посторонних глаз. То, что его не видели другие люди, стоявшие рядом, не свидетельствует о том, что индейца-духа там не было; ведь духовные существа различимы только внутренней или духовной оптикой, а не внешней; так учил Павел.

Тот факт, что очевидцы предполагали, что дьявол помог Берроузу или совершил подвиг через него, подразумевает, что они, так же как и он, верили, что было сделано нечто большее, чем просто человеческая сила. В наши дни, когда духи очень часто проявляют силу через формы плоти, которые выполняют представления, столь же чудесные, как и те, которые, как утверждалось, были совершены через Берроуза, его утверждение, что чужой, скрытый интеллект работал внутри и через его форму, Любой набор фактов, доказывающий, вплоть до совершенной демонстрации, что маленький человек был чрезвычайно силен, хотя и указывает на то, что ему не требовалась посторонняя помощь, чтобы поднять и удержать пистолет, ничего не говорит в пользу правдивости его слов о помощи. Конечно, человеку *может понадобиться* помощь в выполнении того, что он мог сделать сам. Если кто-то говорит, что ему помогли в каком-то конкретном случае, его способность совершить особый подвиг в одиночку не дает оснований считать его заявление неправдой; однако дух колдовской истории подразумевает, что это так.

Докажите, что Берроуз по своей конституции был таким же сильным, как самый сильный смертный, который когда-либо жил, - да, таким же сильным, как самый сильный из всех созданных существ, - скажем, таким же сильным, как сам Всемогущий, - и даже тогда вы не сделаете ничего, что показало бы или показало бы, что другой разумный работник не мог сотрудничать с ним в совершении чудесных подвигов. Мы снова говорим, что вопрос, поднятый в его заявлении, заключается не в том, был ли он сам по себе компетентен в своих кажущихся подвигах, а в том, помогал или не помогал ему индейский дух. Берроуз утверждает, что ему помогал такой дух. Посторонние предполагали, что ему помог дьявол; но тот, кто почувствовал присутствие помощника, назвал его индейцем; и он был гораздо более надежным свидетелем того, как этот помощник классифицируется в шкале бытия, чем весь мир людей, лишенных духовного зрения и выдвигающих лишь свои предположения относительно невидимого человека. Приписывание подъемов этого человека исключительно его конституциональной силе - это приписывание ложного свидетельства самому правдивому человеку, а исторические аргументы, если они обоснованы, делают его лжецом.

Кто помог маленькому священнику поднять и удержать тяжелую пушку? Он говорит, что это был *"индеец"*. Но Мазер утверждает, что *"никто из зрителей никогда не видел такого индейца; но они предположили, что черный человек (так ведьмы называют дьявола, и они обычно говорят, что он похож на индейца) мог оказать ему эту помощь"*. Это предложение освещает многие темные пятна в нашем древнем колдовстве. Ведьмы или ясновидящие, будь то обвинители или обвиняемые, не имели обыкновения говорить о том, что видели *дьявола*. Весьма сомнительно, что кто-то из них когда-либо говорил о том, что видел *дьявола*, имел с *ним* беседу или получил о *нем* сведения путем личного наблюдения. Они видели именно *человека*. Они говорили о *черном человеке*. Мазер утверждает, что так они называли

дьявола. Мы сомневаемся в этом. То, что они видели, не представляло собой подобие Кловена с рогами, хвостом и копытами и не наводило их на мысль о *дьяволе*. Подмена дьявола на черного человека или рассмотрение этих двух понятий как синонимов - дело рук Мазера, а не ясновидящих. Кто же был *этим черным человеком*? Мазер сообщает нам, что те, чья оптика могла видеть его, "обычно говорят, что он *похож на индейца*". Если он похож на индейца, то разве не напрашивается вывод, что он и был индейцем? Да. "Черный человек", очевидно, применялся ясновидящими для обозначения любого индейского духа, а духи человеческих существ, вероятно, были единственными духами, которых когда-либо видело их внутреннее зрение. Спасибо вам, Мазер, за то, что вы записали это пояснительное предложение. Дьявол, против которого вы сражались, был вашим братом-человеком, рожденным на земле, и, когда его видели и с ним общались, был не очень грозным. Ваши ясновидящие, или ведьмы, видели и слышали оккультных мужчин, женщин, детей, зверей и птиц, но никогда не говорили о том, что видели вашего церковного дьявола. Человеческие существа, которых они видели, различались по размеру - от маленьких детей до высоких мужчин, и по цвету лица - от черного до белого, вплоть до сияющего великолепия. Ваши информаторы никогда не использовали слово "*дьявол*" в своих описаниях. Вы неверно описали их, как Чивер описал Титубу; Калеф последовал вашему примеру, и последующие историки копировали и у вас, и у него.

Вы также утверждаете, что Берроуз был "достаточно *глуп*, чтобы сказать, что ему помог индеец". Было ли глупостью с его стороны говорить правду? Ваши собственные свидетели в массовом порядке говорят, что его помощник *был похож на индейца* - он сказал, что помощник *был* индейцем. Почему вы не приняли слова ваших собственных свидетелей как подтверждение заявления этого человека? Они, несомненно, были таковыми, и они дают нам истинное представление о деле. Причина вашего поступка очевидна: по вероучению вашего времени любой посетитель или помощник духа считался самым дьяволом".

Последующее обвинение против Г. Б. (Джорджа Берроуза) заключалось в том, что "когда они" (обвиняющие девочки) "кричали, что Г. Б. их кусает, на плоти жалующихся были видны отпечатки его зубов; и тогда на них появлялся точно такой же набор зубов, как у Г. Б.". Как и в случае с маленькой Доркас Гуд, здесь мы имеем обвинение в том, что углубления на плоти жалобщиков соответствовали размеру и форме зубов человека, которого обвиняли в укусе. Если дух-формула или явление Г. Б. заставили подойти к обвинителям и укусить их, - а это, вероятно, так и было, - то зубы его духа, естественно и, как мы полагаем, обязательно должны были иметь точный размер и форму его внешних зубов.

Еще одно обвинение содержится в следующей цитате:...

"Его жены" (он похоронил двух) "частным образом жаловались соседям на страшные явления злых духов, которыми иногда был заражен их дом; и о многих подобных вещах шептались в округе".

Ранее мы уже цитировали, но не комментировали вышеприведенное высказывание, касающееся появления призраков. Это утверждение может с равным успехом свидетельствовать о том, что сами жены или любые другие люди, проживавшие в его доме, были притягивающими или помогающими инструментами для создания "страшных" видений, как и сам Берроуз, при условии только, что кто-то из них или несколько были медиумами. Но есть вероятность, что от него исходили элементы, которые делали такие представления практически осуществимыми.

То, что он рассказывал о сути разговоров, которые велись в доме во время его отсутствия, указывает на то, что его внутренний слух был открыт, чтобы улавливать мирские звуки, или

звуки, издаваемые духами, как это могли делать Маргарет Джонс, Энн Хиббинс, Жанна д'Арк и многие другие. О той же силе в нем говорит следующий отрывок: - "Один мистер Рак, брат.

"Один мистер Рак, шурин этого Г. Б., свидетельствовал, что Г. Б., и он сам, и его сестра, жена Г. Б., отправившись за две или три мили собирать клубнику, Рак со своей сестрой, женой Г. Б., очень тихо поскакали домой" (медленно) "с Г. Б. пешком в их компании. Г. Б. отошел немного в сторону, в кусты. Тогда они остановились и позвали его. Он не ответил, и они пошли домой ускоренным шагом, не надеясь увидеть его через некоторое время. Но когда они приблизились к дому, то, к своему изумлению, обнаружили, что он идет с ними пешком и несет корзину земляники. (Филипп был найден в Азоте.) Г. Б. тут же принялся укорять свою жену за то, что она говорила о нем своему брату на дороге. На что, когда они удивились, он сказал, что *знает их мысли*. Рак, пораженный этим, что-то ответил, намекая на то, что сам дьявол не знает так далеко; но Джи Би ответил: "Мой Бог открывает мне ваши мысли".

Истинный и светлый факт! Смиренный, благочестивый, умный, просветленный Берроуз, далекий соглядатай в царстве причин, наблюдатель вещей за завесой, ограничивающей достигаемость смертных чувств и чистого разума, заявил, что *Бог, а не дьявол*, делает известными ему мысли других и отсутствующих людей. Другими словами, он, вероятно, имел в виду, что Божьи миры и законы предусматривают законное поступление в некоторые умы знаний о мыслях и целях других умов, пусть даже далеких в пространстве. Характер, а точнее, реальные качества этого человека, если мы правильно его поняли, заключались в правдивости, смирении и благочестии. Когда такой человек при таких обстоятельствах, как указано выше, сознательно говорил шурина: "*Бог мой открывает мне мысли твои*", он тем самым показывал, что сам обладает знанием о существовании поучительного и важного факта, относящегося к человеческим возможностям. Лишь немногие люди, сравнительно, имели возможность на личном опыте доказать, до какой степени внутренние восприятия воплощенных смертных могут достигать и впитывать знания посредством процессов, общих для освобожденных духов, и в сферах их обитания. То, что открылось Берроузу, позволило ему сделать и узнать, возможно для многих других, пока они живут в смертных формах. Если он смог, то и некоторые другие могут прийти в то состояние, в котором сама мысль будет слышна, говорящая сама с собой, в котором они станут слушателями "*cogitatio loquens*" - самоговорящей мысли, которой, по словам Сведенборга, изобилуют сферы духов; в котором мысль из сверхъестественных купелей станет известна сознанию воплощенного человека и станет для него предметом знания. Другие, и их гораздо больше, могут открыть внутреннее ухо и услышать слова духов.

С грамотно настроенными ушами кроткий и любящий истину Берроуз иногда мог не только получать необычные знания о мыслях смертных, но и, как мы можем судить, получать духовные истины в изобилии из более чистых источников, чем , к которым обычно могли получить доступ его современники; и он получал такие истины, которые ослабляли в нем многие верительные узы, крепко державшие большинство его современных проповедников за вероучения, формы, таинства и обычаи, распространенные в церквях того времени. Многие вопросы, заданные ему на суде, очевидно, были направлены на то, чтобы получить доказательства его слабого отношения и невнимания к принятым таинствам религии. Он признал, что давно не сидел за столом для причастия и что некоторые из его собственных детей не были крещены. Мы предполагаем, что его внутренне, мудро и благотворно побудили несколько отклониться от узких и губительных для души путей, по которым в то время ходило большинство священнослужителей Новой Англии. Дух Господень давал ему больше свободы, чем большинству его современников. Используя свои более широкие, чем у них, возможности для обучения небесным вещам, он, вероятно, намного превзошел своих

собратьев в опускании *буквы*, то есть опускании форм, церемоний и таинств религии ниже ее божественного духа, и его менее просвещенные собратья заподозрили его в отказе от самой религии и в союзе с великим врагом всего доброго. Некоторые из них, очевидно, считали его еретиком и колдуном, отказывались от всякого сочувствия и ликовали по поводу гибели этого двойного преступника.

Но эта жертва могла быть, и, вероятно, была, настолько выше большинства своих распинателей, насколько свобода выше рабства, насколько дух выше буквы, насколько свет выше тьмы, насколько искренность выше лицемерия. Кровь таких, как Марта Кори, Ребекка Нерс, Мэри Исти, Джордж Барроуз и, возможно, многих других, кто вместе с ними уходил из жизни, окутанный черным туманом колдовства, может стать причиной того, что Виселица превратится в гору Голгофу - место, где ревность призывала худших распинать своих ставленников в истинном благочестии - ставленников во всем, что подходит бессмертным душам для радостного приема в высших мирах.

Резюме.

1648. Маргарет Джонс продемонстрировала поразительную эффективность рук и лекарств, ошеломляющую остроту восприятия, предсказания, которые впоследствии подтвердились, и присутствие исчезнувшего ребенка. Таково было ее колдовство; за это она была казнена.

1656. Энн Хиббинс воспринимала разговоры между людьми, находящимися слишком далеко от нее, чтобы их можно было нормально слышать, ... и была повешена.

1662. В Энн Коул вселился дьявол или другие бесплотные существа и заставил ее выражать мысли, которых никогда не было в ее голове, а также способствовать осуждению и казни Гринсмитов.

1671-2. Внешний облик Элизабет Кнап подвергся странным конвульсиям и агонии со стороны старика, а также был заговорен тем, кто называл себя красивым черным мальчиком.

1680. Уильям Морс в своем доме, где жила его добрая жена, которую называли ведьмой, видел, как горшки, андионы, инструменты и вообще домашняя мебель, казалось, обретали собственную волю и грубо играли во многие оживленные гимнастические игры.

1688. Джон Гудвин видел, как четверо его детей подвергались пыткам сразу после того, как одного из них отругала дикая ирландка; и того же самого ребенка потом заставили играть в дуэли в доме самого Коттона Мазера. Миссис Гловер была повешена за околдовывание; кроме того, она *продолжала мучить тех же детей после того, как ее дух покинул свою внешнюю форму*.

Вышеупомянутые случаи произошли до проведения "Круга" в Салеме, до создания школы, в которой можно было обучиться искусству "некромантии, магии и спиритизма". Как правило, у названных исполнителей не было видимых единомышленников. Если они были единственными актерами, то их гений был огромен, а кувшины злобы или доброжелательности в некоторых из них были очень емкими и обильно переполненными.

1692. Рабыня Титуба призналась, что нечто, похожее на мужчину, и четыре его женских призрачных помощника заставили ее ущипнуть двух маленьких девочек из семьи ее хозяина в то самое время, когда с ними впервые случилось таинственное несчастье. Она представила убедительные доказательства того, что высокий мужчина с белыми волосами и в саржевом пальто, незаметно для окружающих, часто навещал ее, принуждал к помощи, разжигал и долго подливал масла в огонь колдовства в Салемской деревне. За это она была заключена в тюрьму на тринадцать месяцев, а затем продана, чтобы оплатить тюремные услуги.

Сару Гуд видели как призрак, обвиняли в причинении боли оккультными органами и процессами; она становилась невидимой для тех, кто ее охранял; объявила магистратам тот великий объяснительный факт, что никто, кроме обвинителей и обвиняемых, то есть никто, кроме ясновидящих, не мог видеть реальных причинителей причиняемой боли. Также она предвидела факт, который произошел, когда мистер Нойес умер в следующем году. Ее повесили.

Доркас Гуд, которой не исполнилось и пяти лет, была уже достаточно большой, чтобы видеть своих призраков, кусать зубы духов, а также видеть ясновидящими. Маленькую ведьму отправили в тюрьму.

Сару Осберн видели внутренней оптикой обвиняемой, и она слышала голоса из невидимого мира. Эту слабую женщину отправили в тюрьму, где она вскоре умерла.

Марта Кори была обвинена в наведении порчи; кроме того, она заявила о ереси, относящейся к колдовству. Несмотря на то что внутренне она была просветлена гораздо сильнее своих обвинителей и судей и могла улыбаться среди их хмурых взглядов, ее казнили.

Джайлс Кори, которого видели как призрак и обвиняли в причинении вреда многим, не стал оправдываться перед судом. Давление, оказанное на него с целью заставить признать вину, привело лишь к тому, что он призвал: "Больше веса, больше веса", - и его жизнь угасла.

Ребекка Нерс, почтенная матрона, дочь матери, которую называли ведьмой, и сознающая личную ответственность за распространенные в то время припадки, была замечена членами Круга и обвинена в причинении вреда. Поэтому она должна быть повешена - хотя присяжные сначала оправдали ее, а потом, под упреками, признали виновной; и хотя губернатор помиловал, а потом отменил свое милосердное решение. Верность колдовскому вероучению в этом случае восторжествовала, хотя дважды едва не потерпела поражение.

Мэри Исти, благородная женщина, сестра вышеупомянутой и дочь той же матери-колдуньи, однажды арестованная и освобожденная, а затем вновь арестованная, потому что ее видели внутренним взором и обвинили в колдовстве, возвысилась над мыслями о себе и страхе смерти и обратилась к магистратам, используя ясный, сильный и язык, чтобы они изменили свой порядок действий, пощадили невинных и стали мудрыми и гуманными.

Сюзанна Мартин, которую видели призраки и которая более десятка лет считалась ведьмой, мужественно противостояла опасностям, подстерегающим обвиняемую, держалась перед магистратами уверенно, остро, проникательно отвечала на их вопросы, но не снизошла до исповеди и умерла на Виселице.

Марта Кэрриер, будучи ясной провидицей в течение сорока лет и давно замеченная другими такими же провидцами, была смелой, самообладающей и готовой к остроумному отпору. Поскольку ее трудно было усмирить, обвинения в ее адрес со стороны "Круга" сыпались почти в массовом порядке, и она тоже была обречена взойти на лестницу.

Сара Кэрриер, дочь вышеупомянутой, восьми лет от роду, сообщила поучительные факты из своего опыта ясновидящей и, в частности, сказала, что ее собственный дух может приходить к другим людям и причинять им вред; кроме того, дух ее матери был единственным духом, с которым она вступила в договор, сделавший ее ведьмой.

Преподобный Джордж Берроуз, иногда сверхсильный физически, потому что, как он сам утверждал, ему помогал индеец, невидимый для других; способный, как он утверждал, с Божьей помощью читать мысли своего брата; более свободный и менее формальный религиовед, чем большинство священнослужителей его времени, из-за своего высокого духовного просветления; скромный, но благодетельный христианин - как и его образец, был вынужден расстаться с жизнью по призыву тех, кто кричал: "Распни его! Распни его!" Если в час своего ухода он был светел и говорил как ангел света, то это был не преображенный сатана, а Джордж Берроуз, раскрывший свою подлинную сущность.

1693. Маргарет Рул, первая из пострадавших, о которых мы рассказывали на наших страницах, пережила свой странный опыт последней. Вечером перед тем, как у нее начались приступы, она подверглась жестокому обращению и угрозам со стороны старой женщины, чьи исцеления от болезней вызвали у нее подозрения в колдовстве. Маргарет не окончила Салемскую школу, а была самоучкой, если ее вообще учили; и все же она видела множество призраков - видела ночью молодого человека, которому грозила опасность утонуть и который находился за много миль от нее; невидимые существа поднимали ее с кровати к потолку в горизонтальном положении; постилась девять дней без тоски; видела и слышала одного светлого и славного посетителя, который утешал и успокаивал ее. Под особым наблюдением и заботой Коттона Мазера она удерживалась, главным образом, возможно, по его совету, от любых разглашений, которые могли бы поставить под угрозу жизнь других людей. Из-за ее страданий не было пролито ни одной крови.

С 9 июня по 23 сентября 1692 года в графстве Эссекс прямыми действиями государственных чиновников были преданы смерти двадцать человек. Почти или совсем две сотни человек были обвинены, арестованы, заключены в тюрьму, и гораздо больше, чем двадцать казненных, были осуждены. Многие арестованные погибли от тягот тюремной жизни и грызущих душевных переживаний. У других здоровье, дух, домашние узы и мирское имущество были разбиты вдребезги, а их дальнейшая жизнь оказалась самой беспросветной и жалкой. Ни язык, ни перо не в силах передать всю полноту их ужасов. Самыми неистовыми и ужасными должны были быть лишения, страдания, душевные муки и агония почти всех рассеянных жителей лесистой местности в Салемской деревне и вокруг нее, когда могущественный и злобный дьявол-колдун, как считалось, рыскал и свирепо расправлялся в их среде. Ни кровь, ни какие-либо другие следы на дверных косяках не могли предупредить падшего разрушителя, чтобы он прошел мимо и оставил жильцов дома невредимыми. Таинственные и страшные опасности витали вверху, внизу, вокруг, впереди и позади: они постоянно таились здесь, там и повсюду, так что никто никогда не мог быть спокоен.

И теперь мы спрашиваем, признает ли здравый смысл, что в любом графстве Массачусетса или Новой Англии в любую эпоху в каком-либо выносливом, энергичном и умном сообществе царили такие легкоеверие и инфантильность, что девушки и старухи при поддержке нескольких незначительных мужчин, какими бы яркими, хитрыми, плутоватыми, игривыми, самодовольными, жадными до внимания или обидчивыми и злобными ни были их лидеры, могли бы так действовать, чтобы побудить преподобного мистера Уайтинга, Сэмюэла Уилла и других. Уайтинга, Сэмюэла Уилларда, Уильяма Морса, Коттона Мэзера, Деодата Лоусона, Сэмюэля Пэрриса, преподобного мистера Хейла и десятки других умных, проникательных и

передовых людей представить публике в письменном виде такие рассказы, как они сделали, и по существу поручиться за свою собственную веру в положительное происхождение таких "удивительных подвигов", как они описали? Мы также спрашиваем, могли ли такие хрупкие исполнители, какими были группа простых девушек и несколько женщин, придумать и продемонстрировать такие трюки и выдвинуть такие обвинения, исходя из каких бы то ни было побуждений, которые заставили бы ведущие умы значительной части штата считать обвиняемых союзниками существ, восставших из тьмы, и совершающих злобные и проклятые нападения на детей Божьих и Христа, а также на семьи и имущество людей, в таком количестве и с такой силой, что гражданская власть страны была призвана и помогла поставить виселицу над каждым, чей призрак, как говорят, видели и терзали? Удивительные подвиги хорошо засвидетельствованы. Еще более удивительные проступки как обвинителей, так и судов и властей, не вызывают сомнений, если все эти подвиги были порождением простого юношеского и старческого коварства, мошенничества и злобы.

В делах Маргарет Джонс, Энн Коул, Элизабет Кнап, Джона Стайлза и Марты Гудвин в каждом из них есть явные упоминания о присутствии, речи или действии какого-то духа. Мы обнаружили, что Титуба четко заявила, что видела, слышала и была вынуждена помогать ночному посетителю, чьи действия указывают на то, что он был инициатором огромной Салемской трагедии: этот посетитель был духом. Мистер Берроуз, объясняя свои силовые подвиги, говорил, что его помощником был индеец, невидимый для других. Маргарет Рул, как и Мерси Льюис за год до этого, видела, и каждая из них была наполнена блаженством от самого славного светлого духа. В наши дни в каждом городе, поселке и деревне нашей страны, как и на противоположном берегу Атлантики, духи широко признаны авторами представлений, столь же странных и удивительных сами по себе, как и те, что были описаны в XVII веке и называются колдовством. Примитивные записи об американском колдовстве показывают, что некоторые его части, и особенно салемские колдовские подвиги, были придуманы в сверхъестественных мозгах и проводились под их руководством.

Исповедники.

Когда люди, обвиняемые в конкретных преступлениях, признают себя виновными, их заявления обычно считаются неопровержимым доказательством того, что обвиняемые совершили особые деяния, указанные в обвинении. Многие обвиняемые во времена колдовства делали заявления, которые с тех пор называются *признаниями*. Из этого уже давно сделан общий и широко распространенный вывод, что почти такое колдовство, как указано в вероучении наших отцов, имело положительное проявление в их времена. Но мы сильно сомневаемся, что в какой-либо записи заявлений обвиняемого есть четкое признание того, что он или она вступили в завет с тем дьяволом, с которым должны были быть в союзе, чтобы стать такой ведьмой или волшебником, которых должны были арестовать законы против колдовства.

Такие признания, которые были записаны, могли быть правдивыми в основном, но они не соответствуют признаниям в совершении специального преступления; они представляют собой не более чем признания и заявления о том, что исповедующиеся видели, находились

под влиянием и действовали в компании с привидениями или духами, все из которых имели земное происхождение и были членами *человеческой* семьи; они признавались только в том, что были или временами были ясновидящими.

Обстоятельства, при которых обычно делались такие признания, должны быть тщательно изучены, прежде чем можно будет дать справедливую оценку ценности и значимости записанных заявлений.

Хатчинсон полагал, что "те, кто был осужден и не казнен, все признали свою вину" ... и что "самый эффективный способ предотвратить обвинение" (в свой адрес) "это стать обвинителем". Странно - странно и в то же время очевидно верно. Обвиняемый мог избежать смерти - законного наказания за колдовство - только признав свою вину. Признание вины, и ничто иное, освобождало от смертной казни. Это становилось очевидным, и все естественные инстинкты сохранения жизни, все возможные уговоры, настоятельные просьбы и приказы друзей и родственников насильно стремились вырвать признание даже у невиновных. Муж или жена, дети, родители, братья, сестры, доверенные советники, а зачастую и все сговаривались, убеждая обвиняемого признать себя виновным - да, даже осужденного, ведь после осуждения и вынесения приговора это признание было столь же действенным, как и до него. Говорят, что многие признавались. В чем признались? В том, что никогда не заключали договора ни с великим колдовским дьяволом, ни с каким-либо его грозным импом, но в целом в ясновидческих видениях, в мысленных встречах с призраками друзей, соседей и других воплощенных смертных, в некоторых договорах и совместных трудах с такими личностями, - никогда с *дьяволом*. Они не признавались в колдовстве, *как оно тогда определялось*. Ясноглазая Мэри Исти просила магистрат "судить некоторых из признавшихся ведьм, я уверена, что несколько из них солгали себе и другим". Ее ясный и спокойный ум понимал, что между ясновидением и колдовством существует широкое различие. Так же поступили Марта и Джайлс Кори, Джейкобс, Проктор, Сюзанна Мартин, Джордж Барроуз и другие; эти и подобные им не признались, в то время как многие более слабые и невежественные признались.

Маленькая Сара Кэрриер, всего восьми лет от роду, чьи показания мы частично приводили при изложении дела ее матери, проливает свет на некоторые *признания* того дня. Саймон Уиллард, который записал и засвидетельствовал "суть" ее показаний, озаглавил свою запись: "*Исповедь* Сары Кэрриер, 11 августа". Признание девушки? Нет; это просто откровенное изложение фактов из ее собственного опыта, из которого мы узнаем, что, когда ей было около шести лет, ее собственная мать сделала ее ведьмой и крестила ее. Но "дьявол, или черный человек, не был там, как она видела", когда ее сделали ведьмой. Она причиняла людям страдания, щипая их; ходила к тем, кому причиняла страдания, но ходила только "в своем духе". Ее мать была единственным дьяволом, околдовавшим ее, и единственным существом, которому она обязана была служить по крещению. Таково было ее колдовство. Это простое заявление освежает и ценится. Оно показывает, что примерно в шесть лет эта девочка-медиум стала настолько развитой, что ее дух мог общаться с духом ее матери независимо от их тел. Затем она стала сознательным ясновидящим и могла проследить ощущаемые влияния, исходящие от матери, до их источника. Отныне мать и дочь могли вместе оказаться на зелени в деревне Салем, в десяти милях отсюда, или на любом пастбище, или в любом доме, куда бы ни привела их мысль. Сильному разуму матери стоило только пожелать, и ребенок должен был пойти с ней и выполнить ее просьбу; а когда они были в согласии, любой более сильный дух, контролирующей мать, мог заставить ребенка сотрудничать в щипках или любых других болевых ощущениях. Поскольку девочка положила руку на красную книгу, подаренную ее собственной матерью, и таким образом, косвенно,

обязала себя быть послушной этой матери, ее заявление об этом факте было названо *признанием* в колдовстве и сочтено вредным для ее матери. Еще трое или четверо детей миссис Кэрриер были способны видеть сцены с участием духов. Ее дом был домашней школой пророков, и ее собственные дети были в ней способными учениками. Ее моральный облик и влияние нас здесь не касаются.

Эбигейл Фолкнер была осуждена, а двое ее детей, "Дороти десяти и Эбигейл восьми лет, свидетельствовали, что их мать явилась и сделала их ведьмами". Эта мать была дочерью преподобного Фрэнсиса Дейна из Андовера, некоторые из детей и внуков которого были обвинены, что позволяет предположить, хотя и не доказывает, что большая часть медиумической восприимчивости передалась потомству либо через него, либо через его жену, либо через обоих. Его потомки привлекли внимание ясновидящих. Хатчинсон утверждает, что сам мистер Дейн *"нежно затронут в нескольких экспертизах, что"* (нежность?) *"может быть вызвано честным характером; и он может быть одним из обвиняемых, которые"* (обвинение которых) *"вызвало препятствие для дальнейших преследований"*. "Он, которому тогда было *"около четырех лет, кажется, был в опасности"*. Внутреннее сияние и обильные излучения от их внутренних форм, вероятно, делали преподобного мистера Дейна, преподобного Сэмюэля Уилларда, миссис Хейл, жену священника из Беверли, миссис Фипс, жену губернатора, и многих других высокопоставленных лиц видимыми с помощью медиумической оптики и осязаемыми в тех местах, где духи обычно собирались, советовались и манипулировали инструментами для исполнения - не для обучения - *"чудес некромантии, магии и спиритизма"*.

Собрания ведьм, как их называли, или скопления духов или явлений на зелени или на пастбище священника в деревне Салем, упоминаются чаще и с большей конкретностью и согласованностью, чем можно было бы ожидать, если бы они не имели под собой никакой основы. О том, что в наше время духи в огромных толпах не раз являлись провидцу, смотревшему с Хай-Рок в Линне, можно узнать, ознакомившись с видениями А. Дж. Дэвиса. Но он наблюдал только ушедших, в то время как явные личности на собраниях ведьм в старину частично были либо духами воплощенных людей, либо их призраками. В те времена факт присутствия на собраниях явлений доказывал, что сами явленные личности были союзниками дьявола. Некоторые исповедники колдовства намеревались подтвердить истинность своих заявлений, описывая, кого они видели и что наблюдали на таких собраниях. И небезынтересно, что некоторые люди сейчас читают такие признания, как следующее от Энн Фостер из Андовера, а именно: "Она была на собрании ведьм в деревне Салем, когда там присутствовало около двадцати пяти человек; что пришла Гуди Кэрриер и рассказала ей о собрании и хотела, чтобы она пошла, и тогда они сели на палки и отправились в указанное путешествие, и, находясь там, увидели мистера Берроуза, священника, который заклинал их. Берроуза, священника, который говорил со всеми ними;... что вскоре они были в Деревне", когда они ехали на "палке или шесте"; и что она слышала, как некоторые из ведьм говорили, что их триста пять во всей стране, и что они разрушат это место - Деревню. Кроме того, на том собрании присутствовали двое мужчин, помимо мистера Берроуза, священника, и *у одного из них были седые волосы*.

Такие вещи читаются не без интереса, потому что наталкивают на фантазии о том, что возможно в невидимой сфере, которая нависает над всеми смертными и окутывает их. Мог ли седовласый мужчина Энн Фостер быть беловолосым посетителем Титубы - зачинателем и исполнителем салемского колдовства? Кто знает? Не мог ли он и подобные ему разыскать и перечислить множество людей в стране, приспособленных стать удобным инструментом для

его использования, и найти в общей сложности триста пять человек? Не мог ли он своей волей мгновенно собрать вместе, то есть задержать и сконцентрировать внимание столько из них, сколько было в данный момент под его влиянием, непосредственно или через других пластичных смертных, из любой части региона между Пенобском и Гудзоном или даже дальше, и таким образом собрать группу, то есть задержать и зафиксировать внимание, двадцати пяти из них, больше или меньше, которым можно было бы сообщить о его планах на будущее и предвосхитить их относительный ранг, эффективность или важность? Через бессознательные явления или сознательных духов смертных, или обоих классов вместе взятых, не мог ли он разыгрывать сцены, которые ему было угодно, чтобы определенные свидетели видели, и провозглашать, насколько он считал лучшим, свои цели, свои доктрины или что-либо еще, что ему было угодно разгласить или ввести в действие? Возможно. Эти собрания ведь могли быть не просто выдумкой.

Теперь мы рассмотрим другие и совершенно иные признания, а точнее, то, что впоследствии говорили предполагаемые исповедники в объяснение и защиту своих признаний. Шесть уважаемых женщин Андовера совместно подписались под следующим рассказом

"Все мы были схвачены как пленники по ордеру мирового судьи и немедленно доставлены в Салем. И по причине этой внезапной неожиданности мы, зная, что невиновны в преступлении, были крайне поражены и изумлены, ошеломлены и напуганы даже до потери рассудка. А наши близкие и родные, видя нас в таком ужасном состоянии и зная о нашей великой опасности, сочли, что нет другого способа спасти нашу жизнь, как только признать себя такими, какими нас представляли страдальцы: они" (наши друзья) "из нежности и жалости уговорили нас признаться в том, в чем мы признались. И действительно, это признание, которое, как говорят, мы сделали, было не чем иным, как тем, что нам внушили господа, сказав, что мы ведьмы, и они это знали, и мы это знали, что заставило нас думать, что это так; и наше понимание, наш разум, наши способности почти исчезли, мы не были способны судить о нашем состоянии; также и жесткие меры, которые они приняли с нами, сделали нас неспособными к защите; но говорили все и все, что они хотели, и большая часть того, что мы говорили, было, по сути, согласием с тем, что они говорили. Через некоторое время, когда нам стало лучше, они рассказали нам, в чем мы признались, и мы признались, что были невиновны и не знали о таких вещах.....

"Мэри Осгуд, Эбигейл Баркер,
Мэри Тайлер, Сара Уилсон,
Деливеранс Дейн, Ханна Тайлер".

Этот документ, несомненно, очень точно описывает психическое состояние и обстоятельства, при которых было сделано большое количество признаний. Однако были и случаи, которые отличались от описанных выше. Сэмюэл Уордвелл, представленный в некоторых отчетах как невиняемый, признался, а затем отозвал свое признание и был казнен. Маргарет Джейкобс, возможно, под давлением и в недоумении, не меньшем, чем у женщин Андовера, сделала признание, в котором обвинила и своего деда, и мистера Берроуза; но тут же на нее нахлынули угрызения совести, и она очень полно и смиренно отозвала свое признание, предпочтя скорее умереть на виселице, чем не признаться и не покаяться перед Богом истины.

Обвиняющие девушки.

Еще один случай - не обвиняемой, а главной обвинительницы, Энн Патнэм-младшей, - заслуживает пристального внимания. В 1692 году ей было всего двенадцать лет, но она была старшим ребенком в семье, состоявшей по меньшей мере из девяти детей, оба родителя которых умерли, пока они были совсем маленькими; и эта старшая продолжала жить в усадьбе, заботясь о младших, в течение многих лет. В августе 1706 года, через четырнадцать лет после событий, в которых она ярко проявила себя, она сделала следующую исповедь перед церковью, после чего была принята в ее члены.

"Исповедь Анны Путнам, когда она была принята в причастие, 1706 год.

"Я хочу смириться перед Богом за то печальное и унижительное провидение, которое постигло семью моего отца в 92 году; что я, будучи тогда еще ребенком, по такому Божьему провидению *стала орудием* обвинения нескольких человек в тяжком преступлении, в результате которого у них отняли жизнь, и теперь у меня есть справедливые основания и веские причины полагать, что они были невиновны; И что это было великое заблуждение сатаны, обманувшее меня в то печальное время; и я справедливо опасаюсь, что вместе с другими, *хотя и по неведению и нежеланию*, я способствовал тому, чтобы навлечь на себя и на эту землю вину за невинную кровь. Хотя то, что было сказано или сделано мною против кого-либо, я могу искренне и честно сказать перед Богом и людьми, что я сделал это *не из гнева, злобы или недоброжелательства к кому-либо*, ибо я не имел ничего против кого-либо из них; но то, что я сделал, было сделано по неведению, будучи введенным в заблуждение сатаной. И в особенности, поскольку я была главным *орудием* обвинения доброй жены Сестры и двух ее сестер, я хочу лежать в пыли и быть смиренной за это, поскольку я была причиной, вместе с другими, столь печального бедствия для них и их семей; по этой причине я хочу лежать в пыли и искренне просить прощения у Бога и у всех тех, кому я дала справедливый повод для печали и обиды, чьи отношения были отняты или обвинены.

(Анна Путнам.

"Это признание было прочитано перед общиной вместе с ее родственниками 25 августа 1706 года; и она признала его".

"Дж. Грин, *пастор*."

В этом признании она прямо говорит о том, что ее использовали как *инструмент*. Любой смертный может, наверное, правильно поступить так по отношению к каждому совершенному поступку. Но ее история заставляет задуматься, не была ли Энн в самом деле орудием; ее ли собственная воля или воля какого-то другого разумного существа использовала ее губы, когда они выдвигали обвинения в колдовстве. Последнее вполне возможно; ведь однажды, когда мы беседовали с одной дамой, которая отпускала пренебрежительные замечания в адрес конкретного джентльмена, известного медиума, мы в ответ выразили убеждение, что раздражающие ее поступки не были добровольными действиями этого человека, а также что его сознание того, что эти действия, как утверждали правдивые и заслуживающие доверия люди, действительно совершались через его физический организм, делало эти действия еще более тягостными для него, чем для любого из его знакомых. Она сомневалась, в то время как мы утверждали, что смертная форма человека может быть подчинена чужой воле. Прошло не так много минут - не было приведено ни одного аргумента с обеих сторон, - прежде чем ее собственные губы начали

горячо защищать Викторию К. Вудхалл, на которую наша собеседница смотрела и о которой она привыкла говорить с весьма решительным неодобрением. Она сознательно прислушивалась к словам, которые слетали с ее собственных губ, и опыт подсказывал ей, что наша защита порицаемого человека может быть приемлемой; ведь, несмотря на себя, ее собственные уста заставляли благословлять того, кого ее чувства склоняли к проклятию. Ваалам не мог проклинать того, кого не проклинал его Господь. Эта леди - *сознательный* медиум, осознающий, что ее физические органы, без ее согласия и несмотря на ее сопротивление, иногда временно заимствуются и используются интеллектом, находящимся вне ее. Как таковая она является представителем многих других. Конечно, в наши дни она настолько информирована, что видит, что действия и слова духов вменяются ей в вину как ее собственные, поскольку совершаются с помощью ее органов, тогда как на самом деле они принадлежат ей не больше, чем действия и высказывания ее соседей. Но мы сильно сомневаемся, что в 1692 или 1706 году кто-то дошел до знания того, что некоторые человеческие формы могут быть таким образом обработаны и использованы; тогда еще не было найдено оснований, на которых можно было бы с уверенностью сказать: "Хотя мои собственные губы произносят то-то и то-то, но чужие произносят эти слова вопреки мне". Теперь для этого найдено твердое основание; это не новая формация, она существовала, хотя тогда еще не была известна, в 1692 году. Форма Энн Путнам могла быть использована чужой волей во всех обвинениях в колдовстве, и она, насколько это было возможно в то время, была абсолютно безвольным *инструментом*.

Существуют и другие классы медиумов. В данный момент мы вспоминаем четырех дам, все они респектабельные и прекрасные, которых мы знаем и знали в течение многих лет, чьи уста часто произносят факты, мнения и убеждения, в то время как дамы находятся в полном бессознательном состоянии; и высказывания, которые тогда кажутся их, часто сильно расходятся с тем, что либо их знания, либо их чувство права и истины позволили бы их собственной воле объявить. Это *бессознательные* медиумы; они не несут ответственности за то, что их физические формы заставляют их говорить и делать, поскольку абсолютно не знают об этом. Эти люди являются представителями большого класса хороших медиумов.

Одна фраза в исповеди Энн Патнэм указывает нам на то, что она, вероятно, принадлежала к представленному здесь классу медиумов. За несколько лет до этого, как она говорит, она была *инструментом* не только невежественным, но и *невольным*. В детстве Энн была самой яркой из ярких; и, в отсутствие доказательств обратного, справедливо предположить, что по достижении двадцати шести лет она была умной женщиной, способной осознать справедливый смысл любых заявлений, на которые она давала сознательное и торжественное согласие. Мы полагаем, что ее исповедь была составлена очень тщательно, после консультаций с ее умным и прекрасным пастором, преподобным мистером Грином, и что каждое слово в ней было тщательно взвешено. Кажется, тогда она протягивала руку, прося принять ее и дружески представителями тех, чья кровь была пролита из-за обвинений из ее уст; и мы вынуждены предположить, что тогда она находилась в душевных и аффективных настроениях, которые сделали бы ее долгом и выбором взять на себя всю вину за ее участие в колдовских операциях, которую только могли допустить факты и правда. Ее признание особенное. Оно касается ее участия в обвинении невинных людей в том, что в то время считалось тяжким преступлением, и, таким образом, в приведении их к смерти на виселице. Она заявила настолько ясно, насколько это можно выразить словами, что ее действия были совершены "не по злобе, не по злему умыслу или недоброжелательности к кому-либо" с ее стороны; и это делает предположение Апхэма, что семейные, соседские и секционные ссоры, споры, соперничество и т. д. были ее мотивами, очень неправдоподобным.

Кроме того, она совершенно определенно заявляет, что все, что она сделала в этом отношении, было сделано, насколько она могла судить, "*по незнанию и невольно*". Мы знаем, что эти два слова иногда используются как синонимы, или почти так. Но когда первое встречается в тщательно выстроенном предложении, второе, если оно добавлено, должно считаться вставленным с особой целью выразить нечто, выходящее за рамки того, что обычно подразумевает первое. Когда она сказала, что действовала по незнанию, еще не все было сказано. Чтобы выразить оставшуюся часть, она *добавила* - по неведению. Когда это слово было применено, нельзя справедливо предположить, что она имела в виду нечто меньшее, чем то, что она действовала *неосознанно* - то есть без знания или сознания того, что она действовала таким образом. *Невольный* инструмент - инструмент, не знающий, что его используют, - заключает в себе безмолвную, но самую мощную мольбу о снисхождении мира. Когда сознание не замечает действий, совершенных языком или рукой, когда память не может найти никаких записей о них, сострадание не может глубоко загрызть, а совесть - быть суровым обвинителем. Часто совесть может быть спокойна, и Бог может одобрять то, что человек порицает. Свидетельства извне могут заставить человека убедиться в том, что его губы и конечности были использованы для нанесения чрезмерного вреда, хотя сознание этого факта полностью отсутствует. Убеждение, возникшее даже таким образом, естественно и почти обязательно вызовет опасение, что мир считает обладателя этих губ и конечностей виновным в очень больших преступлениях. Это опасение может породить печаль на протяжении всех последующих дней. Общественное мнение сдерживает язык; отрицание вины, каким бы честным и правдивым оно ни было, не может вызывать доверия там, где внешние чувства свидетельствуют об обратном. Отношения Энн с обществом могли быть неизбежно печальными в течение многих лет, даже если она сама не совершила ничего, оскорбляющего ни ее собственную совесть, ни Бога.

Воображение с трудом может представить себе печаль, которая, должно быть, настигла обвиняющих девушек, когда год или два спустя общественное мнение и благосклонность, которые поначалу поддерживали их и благоприютствовали такому использованию их организмов, как это было изображено, начали оборачиваться против них и клеймить их как убийц невинных и добрых. У нас нет возможности проследить за многими из них в последующие годы. Если бы мы могли это сделать, то ожидали бы обнаружить их подавленными, удрученными, опустившимися из-за сильного изменения оценки, в которой впоследствии оказались их поступки, в которых они оказались видными и самыми пагубными участниками. Немногие из них, вероятно, обладали достаточной выносливостью, чтобы стоять прямо и уверенно двигаться под бременем злословия, жалости, ненависти, негодования и т. д., которые израненные сердца семей убитых возлагали на этих, казалось бы, виновников их потерь.

Приятно обнаружить, что чувствительная и яркая Энн Патнэм, как никто другой из группы обвинителей, выдержала такое давление, продолжала долго заботиться о своих осиротевших младших братьях и сестрах и, после того как первые и самые сокрушительные последствия изменения общественного мнения были перенесены в течение дюжины лет или более, протягивала руку в дружеском поклоне тем, кто, казалось бы, больше всего обвинял ее и, возможно, в свою очередь, возлагал на нее самые тяжелые бремена, и стремилась таким образом открыть ей путь к беспрепятственному принятию в церковь и общению с родными и друзьями тех, кого ее язык был использован, чтобы опорочить и привести к бесславной смерти. Ее жизненный опыт был тяжелым, но, возможно, он принес человеку больше пользы, чем можно выразить словами. Возможно, сейчас она имеет благословенную привилегию видеть, как ее форма была использована в качестве *инструмента* для

освобождения христианства от чудовищного заблуждения и прекращения казней за колдовство повсюду.

Обвинители.

Первые ордера на арест за колдовство в Салеме были выданы 29 февраля 1692 года по жалобе Джозефа Хатчинсона, Томаса Путнама, Эдварда Путнама и Томаса Престона на то, что Сара Гуд, Сара Осберн и Титуба с помощью колдовства в течение последних двух месяцев причинили вред Элизабет Паррис, Эбигейл Уильямс, Анне Путнам и Элизабет Хаббард.

Эдвард Путнам и Генри Кени подали жалобу на Марту Кори, 19 марта.

Эдвард Патнэм и Джонатан Патнэм подали жалобу на Ребекку Нерс; и

Джонатан Уолкотт и Натаниэль Ингерсолл - на Элизабет Проктор.

Изучение записей показывает, что среди жалобщиков было очень много самых умных, влиятельных, уважаемых и доверенных людей деревни; также видно, что уже 29 февраля, когда была подана первая жалоба, было четверо пострадавших: двое в семье мистера Пэрриса, один в семье Томаса Путнама, живущего более чем в двух милях к северу от пастората, и один в семье доктора Григгса, живущего более чем в двух милях к востоку от него же. Так распространилась беда, прежде чем закон был призван помочь в ее пресечении. Дома священника, доктора и приходского клерка - тоже способного и хорошего - были захвачены первыми. Не убогие жилища приютили и не люди с низким достатком ухаживали за первыми пострадавшими. Мужчины самого высокого положения были лидерами в предстоящем конфликте с дьяволом. Двое из них были наиболее заметны и настойчивы: Томас Патнэм и мистер Пэррис. И почему? Если бы кто-то из людей тогда знал, чего требует чрезвычайная ситуация, эти двое были бы среди них: никто не был более компетентен, чем они, чтобы понять и выполнить обязанности такого часа. Они же и пострадали больше всех. Ни у кого другого из активных людей не было таких побуждений, как у них, добиваться скорейшего облегчения положения своих домочадцев; и мы отметим этих двоих как представителей прокуратуры.

Томас Патнэм заслуженно занимал высокое положение среди местных жителей и пользовался уважением, почтением и доверием всего общества, которое его окружало. Как получилось, что этот очень умный, влиятельный и полезный гражданин, которому тогда было чуть больше сорока лет и который находился в полном расцвете сил, оказался в числе самых передовых и настойчивых обвинителей? Почему такой человек был любителем жалоб на соседей, высоких или низких, хороших или плохих? Мы ответим, что в его доме любимая и любящая жена, культурная, утонченная, с острыми чувствами, дочь двенадцати лет, яркая и очаровательная, а также Мерси Льюис, молодая домашняя хозяйка, подвергались временами таким загадочным пыткам, что у людей, понимающих вероучение того времени, не возникало сомнений, что автором этих ненормальных мучений является дьявол. Враг должен был получить доступ к этим невинным и любимым людям, говорилось в вероучении,

через некоторых соседей - по крайней мере, через некоторых живых смертных, - которые заключили заветы с лукавым и стали его агентами. Под влиянием вероучения своего времени этот муж и отец не мог питать надежд на то, что его жена и ребенок будут защищены или что комфорт, спокойствие и мир придут к нему и его близким, пока такие заключившие заветы люди будут жить. Его вероучение - общее вероучение времени - призывало его обратиться за помощью к закону, поскольку ни из какого другого источника он не мог надеяться выволочить жену, ребенка и домашних из лап адского владыки и спасти свой собственный костер от продолжения бесконечно долгого неистового столпотворения. Чем выше его мужское достоинство и чем глубже его любовь к жене и детям, тем более бдительным, решительным и неустанным будет его стремление и его усилия использовать все доступные средства для избавления семьи от ада, в который она попала под его крышей.

Страдания близких ему людей, которые тогда неизбежно действовали на его разум и привязанности, были, как мы полагаем, главными стимулами его курса и побуждали его упорно следовать ему. Защита и покровительство жене, детям и всем домочадцам - обязанность любого человека, достойного называться *мужчиной*. Не думайте хуже о Томасе Патнэме из-за его решительных целей и быстрых, а также продолжительных усилий по спасению от страданий и гибели жены, детей и домашних. Поскольку он был выдающимся страдальцем, он стал выдающимся обвинителем - да, самым выдающимся. И хотя этот факт смело вписывается в страницы истории, никто ни в его время, ни с тех пор, насколько нам известно, никогда не вменял ему в вину недостойные мотивы и не прикладывал к его имени пренебрежительных эпитетов. Возможно, он, как и мистер Дейн из Андовера, был "нежно тронут" из-за "честного характера".

Отчасти то же самое можно сказать в защиту преподобного Сэмюэля Пэрриса, что мы привели в защиту его сострадальца и соратника по оказанию помощи. В течение нескольких недель, с 20 января по конец февраля, его маленькая дочь и племянница под его собственной крышей подвергались таким странным и сильным мучениям, что он и все его домашние, должно быть, были измучены, взволнованы и несчастны. Когда медицинская помощь и добрый уход оказались безрезультатными, а медицинский авторитет заявил о действии *злой руки*, кто может удивляться, зная вероучение того времени и места, что мистер Пэррис обратился за помощью к закону, чтобы принести облегчение маленьким страдальцам и всем, кто находился под его крышей? Сэмюэл Пэррис и Томас Путнэм, священник и клерк прихода, были первыми и самыми большими страдальцами, переживавшими нашествие таинственных мучителей, и оба они имеют все основания для того, чтобы с нежностью судить о них в связи с преследованиями за колдовство. Основным видом деятельности священника была работа писцом или репортером в судах, и это потому, что он был более компетентен в этой работе, чем любой другой человек, которого можно было там найти. Такие действия, конечно, не заслуживают порицания. Однако его положение и способности были таковы, что в его силах было остановить все судебные процессы, как и в силах любого другого человека, жившего в то время; и они, несомненно, получили его одобрение и действенную поддержку. И все же мы не находим никаких оснований, из которых можно было бы сделать вывод о том, что мотивы действий священника *в отношении этого особого дела*, как в начале, так и в дальнейшем, были иными, чем те, которые свойственны самым просвещенным и лучшим членам общества. И все же мы не научились любить этого человека. Эгоизм и склонность жестко управлять своим приходом и отдельными людьми, если не сказать обидно и даже злонамеренно, слишком ярко проявляются в записях, чтобы мы могли относиться к нему с большим уважением.

Будучи слугами Бога и Христа, каковыми они себя исповедовали и считали, обвинители вступили в войну и долгое время вели ее, кровавую войну, - не против соседей и людей, а против дьявола, великого врага Бога, Христа и всех добрых христиан. Они были настоящими, искренними, решительными, сильными, бесстрашными людьми, ведущими свою борьбу по совести.

Общество в целом, в котором жили и занимали видное положение эти люди, было не ниже большинства, если не ниже любого другого из равных по численности на континенте. Интеллект там был острым, а мораль высокой. В "Истории деревни Салем" Апхэма, восхищающей своей исследованностью, тщательностью, преобладающей точностью и обширным очарованием, ясно показано, что пятьсот человек, больше или меньше, проживавших там в 1692 году, едва ли могли превзойти жителей любого другого населенного пункта по интеллекту, остроте ума, моральной силе, личной храбрости, твердости намерений и решимости жить в соответствии со своими убеждениями об истине, праве и долге. Салемское колдовство зародилось в домах умных, храбрых, почтенных мужчин, которые в сотрудничестве со своими женами, детьми и прислугой способствовали его росту и вызвали его огромную и ужасную силу, чтобы напугать, привести в бешенство и опустошить окружающую местность. Мир в целом никогда не был хорошо информирован об обстоятельствах, при которых это великое *заблуждение* появилось на поле человеческого зрения, а также о высоком положении, интеллекте и характере его первых сопровождающих и спонсоров. Его жертвы, в целом, тоже были весьма респектабельны. Некоторые из них, правда, не занимали высоких позиций в социальной шкале, но большинство из них были на хорошем счету, а многие занимали высокие позиции среди умных, добродетельных и святых. Широко распространенное и долгое время бытовавшее мнение о том, что эти темные делишки были не более чем проделками нескольких хитрых и озорных девчонок, разыгранных с немощными и прикованными к постели старушками, не имеет под собой никаких оснований. Это самое чудовищное дитя христианского вероучения появилось на свет в 1692 году среди столь же авторитетных обстоятельств и людей, столь же религиозных противников сатаны, как и любое заметное возрождение религии, произошедшее с того памятного дня, когда ведущие люди деревни Салем, получив вызов на защиту своих домов, вооружились гражданским законом и храбро, долго и решительно сражались за Бога и Его против дьявола.

Автор колдовства.

Какая личность или личности и какого ранга в шкале бытия были первичными и главными в зарождении и осуществлении знаменитой Салемской трагедии? Если, как считало жившее тогда поколение, это был некий особый великий контролер и полководец всех невидимых врагов Бога, Христа и христиан повсюду, который, потерпев поражение в Европе, решил удержать Америку от перехода под контроль его врагов, Бога и Христа, и тщательно изгнать ненавистных нарушителей из этих его более эксклюзивных и ценных владений; Если это было то существо, то его стратегия, по-видимому, заключалась в том, чтобы "загнать льва в его логово", смело и яростно напасть на одну из сильнейших крепостей христиан, предполагая, что захват такого поста приведет к легкому изгнанию всех нарушителей со всех его обширных земель по эту сторону Атлантики. Его очевидная политика, если судить по

месту и обстоятельствам нападения, заключалась в том, чтобы сначала покорить сильнейшего и таким образом запугать всех остальных, чтобы они вернулись в свои прежние дома или дома своих отцов. Но *такого* дьявола не было. Многие верования, распространенные два века назад, сегодня уже устарели. Такой дьявол, которому вменялось в вину колдовство и который, как считалось, обладал большей властью над всеми индейскими и языческими землями, чем Бог, сегодня мало кто осознает. Тем не менее вера в присутствие, силу и злобу такого существа, присутствующего и действующего среди них, была главной силой, которая позволила его соперникам невольно покончить с верой в существование какого-то особого врага всего доброго, чья власть и господство над землей и ее обитателями почти соперничали с властью и властью Всемогущего, а злость была почти противопоставлением полной сверхъестественной благосклонности.

Разум требует, чтобы творение было ниже своего создателя, чтобы дьявол был меньше Бога; и в большинстве случаев он отсылает все вещи и события, в конечном счете анализируя причины и агенты, к одному Великому Над-Душе - одному Богу.

Если всевидящий и всемогущий Бог, исполненный милосердия, решил подвергнуть ошибочное и поработаживающее человеческое вероисповедание испытанию, которое должно было сокрушить его до восстановления сил, и таким образом освободить его носителей, высшая мудрость могла увидеть, что яркий интеллект, истинное мужество, крепкие нервы, непоколебимая преданность чувству долга и твердая вера в небеса были необходимыми инструментами для наилучшего осуществления этого замысла. Обитель людей, среди которых не было никого, кто был бы лучше подготовлен, более способен или более желал бороться с самим дьяволом быстро, непоколебимо и настойчиво, могла стать местом, где сверхъестественное предвидение увидело, что люди, как ослепленные орудия, могут быть лучше всего использованы для осуществления их собственного и всемирного освобождения от закаленного временем и губительного общественного заблуждения. Умственная и моральная сила, а также другие хорошие *боевые* качества ее обитателей, возможно, послужили причиной того, что Деревня была выбрана как наиболее благоприятное поле боя для предполагаемой борьбы.

Ни Бог, ни дьявол, однако, не являлись авторами в каком-либо смысле, относящемся к данному расследованию. Наши *"если"* и следующие за ними предложения не отвечают ни требованиям, ни потребностям современного читателя. Вера в прямое личное воздействие на отдельных людей, сообщества и народы со стороны какого-либо непостижимо огромного и вездесущего разумного существа, как злобного, так и благожелательного, сейчас не так распространена, как в прошлые поколения. Бог или могущественный дьявол, как постоянный, непосредственный и личный исполнитель на сцене человечества, не получил широкого признания среди глубоких мыслителей нашего века.

Действительно, современная мысль очень низко пала в поисках автора колдовства. Отвернувшись от Бога и дьявола, которые, как считается, творили великие чудеса в давно минувшие века, наши толкователи ранних чудес Америки воображают, что они обнаруживают былое существование маленьких девочек, чьи способности покорять человеческий разум и будоражить землю настолько приближались к всемогуществу и чьи злодеяния так ощутимо равнялись злодеяниям Кловена, что они по своей воле придумывали и разыгрывали сцены симулированных болей, искажений, потери зрения, слуха и речи; а также подражали движениям птиц и зверей и совершали такие бесчисленные проделки и трюки, которые превращали их дома и окрестности в жуткое столпотворение; при этом они проявляли такую непомерную силу, мастерство и совершенную игру, что эти маленькие необученные и необразованные существа превосходили в мастерстве всех самых искусных

фокусников мира, а в злобе - самых дьявольских человеческих чудовищ, которых когда-либо содержал наш мир, в какие бы века и страны он ни жил.

Где-то между крайностями силы и слабости, доброжелательности и злобы мы, возможно, найдем существ, которые с большей вероятностью могли бы непосредственно создавать чудеса, о которых идет речь, чем Бог, дьявол или маленькие девочки. Сознание и опыт указывают большинству людей на существование всепобеждающей силы, которая ограничивает и ограждает сферы свободы и способностей, занимаемые конечными существами. Нечто, находящееся выше и за пределами всех конечных существ, говорит каждому из них: "Так далеко, но не дальше, ты можешь идти". В пределах ограниченных сфер существует множество классов разумных и аффективных существ, различающихся по силам и склонностям настолько широко, насколько это может представить себе мысль любого смертного. Огромные, бесчисленные сонмы разумных существ, хотя и скрытые от нашего внешнего зрения, могут быть, и есть очень сильные свидетельства того, что такие существа обитают над, под, вокруг и посреди земных телесных обитателей. В своих неосязаемых обителях они могут управлять силами, которые приводят в движение многие менее заметные события, а также все особые провидения, особые суды, так называемые чудеса, и вообще такие чудеса, которые раньше приписывались либо Богу, либо дьяволу в качестве *непосредственного* автора. Мы не верим, что кто-то из них имеет более тесную или особую связь с колдовством, чем с обычными делами человека.

Непостижимый источник всего сущего, содержащийся в огромном творении, испускающий все подряд, подчиняющийся законам, окруженный и пронизанный силами, которые позволяют прогрессирующим обитателям мира, видимым и невидимым, приобретать, посредством изучения, труда, поглощения из обволакивающих аур и прочих приспособлений, знания и силы так же быстро и в таком же объеме, как их прогресс и растущие потребности время от времени требуют больше света и расширения сил.

Конечные существа естественным образом тяготеют к местам, где все инструменты, необходимые для их наивысшего благополучия, могут быть получены благодаря совместным усилиям и стремлениям конечных существ, видимых и невидимых, к познанию законов и манипулированию силами, которые пронизывают места их обитания. Поколения за поколениями, чьи смертные формы давно истлели, могут по-прежнему активно трудиться в современных людях и вокруг них, и могут быть, и всегда были, непосредственными проявителями всего сверхъестественного интеллекта и чудесной силы, исходящей из областей, которые плотский глаз не в силах охватить. Один из древних пророков предыдущего поколения сообщил Иоанну Откровенному то, что тот записал; и агенты подобной природы, то есть ушедшие человеческие духи, могли быть единственными открывателями сверхъестественных истин, фактов и видений для человека и единственными исполнителями знамений или сверхъестественных проявлений силы и знания, которые считались верительными грамотами от Всеведущего и Всемогущего. Мы верим в Бога и в передачу знаний и силы от Него человеку, но не верим в то, что Он может непосредственно лично проявить их, совершив события, которые часто называют особыми провидениями. Такие события происходят - они часто приходят как без спроса, так и в ответ на молитвы - по тоске "произнесенной или невысказанной"; но молитвы и тоска достигают, стимулируют и помогают как окружающим силам, так и вознесенным духам впустить или даровать необходимую защиту или восстановление. Воздух вокруг нас оживлен слушателями молитв, и ни одно смиренное и горячее стремление к помощи, исходящей из мистических обителей духовных существ и оккультных сил, никогда не перестает приносить помощь и возвышение. Чем чище и смиреннее стремление, тем ближе оно к Великому Источнику бытия, жизни и

блаженства, и тем могущественнее и благодетельнее те, чьи отклики и эманации могут достичь просителя и помочь ему.

Те же силы и законы, которые допускают разумное действие добрых духов среди людей, столь же свободно и широко допускают присутствие и действие злых. Бог помогает добрым и сдерживает злых не меньше и не больше по ту сторону могилы, чем по эту. Свобода, будь то соблюдение или противостояние естественному или моральному закону, так же велика в духовных сферах, как и среди нас на земле. Любой дух, доброжелательный или злобный, так же волен использовать силы и законы, позволяющие проявлениям духа, как и любой мореплаватель, будь он морально добрым или злым, может воспользоваться ветрами, течениями, приливами и т. п., чтобы пройти по морям к чужой земле и осуществить там свои характерные цели.

Наша позиция, подкрепленная фактами и рассуждениями, изложенными на предыдущих страницах, заключается в том, что духи - ушедшие человеческие существа - породили и превзошли салемянское колдовство. Это наш ответ на вопрос о его авторстве.

Мотив.

До сих пор мы намеренно избегали вопросов, касающихся характера основных мотивов, действующих в авторах деяний, называемых колдовством. Искались действующие лица и их поступки, независимо от морали. Но читатель должен был снова и снова задаваться вопросом "*cui bono*", "что за благо?". Почему какое-либо разумное существо, будь то смертный или дух, таким ужасным образом вторглось в дома способных, заслуженных, достойных христиан? И особенно зачем совершать такие мучительные жестокости по отношению к светлым, прекрасным и многообещающим детям?

Мир духов, как и наш, вмещает обитателей, сильно отличающихся друг от друга по характеру, вкусам, склонностям и занятиям; в нем есть люди, желающие вновь пообщаться с уцелевшими родственниками на старой материальной родине; в нем есть путешественники, исследователи, ученые, ищущие новинок, фактов и принципов; новых мест, сцен и народов, которые можно посетить; новых маршрутов и приспособлений для путешествий и новых применений известных сил и способностей. Мотивы, побуждающие действовать на смертные формы и через них, могут варьироваться от худших к лучшим, от лучших к худшим.

Моральный характер мотивов не может ни опровергнуть, ни подтвердить то, что было приведено. Мотивы, будь то хорошие или плохие, могут быть приписаны как духам, так и смертным, как смертным, так и духам, ибо и хорошие, и плохие существа обитают сейчас в смертных формах, и оба класса оставили свои внешние формы позади и перешли в место пребывания духов - стали духами, и это тоже без необходимого изменения их моральных состояний. Мотивы в разных случаях и у разных операторов, несомненно, были весьма разнообразны. Правильное изложение их качеств в связи с несколькими случаями, приведенными на предыдущих страницах, явно не в наших силах. Сознывая, что в некоторых случаях мы, вероятно, ошибаемся, мы все же готовы высказать некоторые мысли, на которые наводят факты и внешние проявления.

Возможно, никакие невидимые силы не помогали и не действовали через Маргарет Джонс или Энн Хиббинс; а если и действовали, то их выступления сами по себе никогда не были ощутимо вредны для общества. Однако мы полагаем, что, если бы вся правда была известна, люди увидели бы, что добрые врачи, распрощавшиеся с землей, продолжают практиковать искусство врачевания через мозг и руки Маргарет Джонс.

Те, кто пользовался голосовыми органами Энн Коул, не подавали никаких признаков того, что они были особо благосклонны или наоборот. Мы вынуждены считать их низкими, невежественными, готовыми возбуждать смущение среди людей и очень желающими помочь развратным Гринсмитам, используя недоуздок, поскорее попасть в условия, в которых они могли бы общаться с этими развратными существами более тесно, чем это было возможно, пока они оставались заключенными в плоть. Такая точка зрения не означает, что они были злонамеренными. Желание поддерживать более тесную связь со своими родственниками естественно и не обязательно плохо. Общающиеся по ту сторону порталов смерти обычно отказываются называть каких-либо духов *плохими*; они говорят о многих как о низких, невежественных, заблудших, неразвитых и т. д., но редко называют кого-то одного плохим. Похоже, они относятся ко многим из них примерно так же, как мы относимся к зеленым фруктам. Один из них не называет полусгнившее яблоко плохим, каким бы кислым или крабовым оно ни было, и говорит только, что оно незрелое, недозрелое и т. д., подразумевая, что, хотя в нынешнем состоянии оно не годится для еды, может наступить время, когда оно станет вкусным и питательным.

Посетитель Элизабет Кнап - тот, кому она сказала: "Как дела, старик?" - который, предположительно, был главным оператором через и на ее форме, и пробыл рядом с ней по крайней мере три года, мы рассматриваем как своего рода дух-отшельник, который держался в основном в стороне от других развоплощенных, и находил свое главное удовольствие в сохранении или возобновлении как можно более тесных союзов с внешним или материальным миром, и из эгоистичного желания обеспечить постоянное владение этим инструментом, стремился через пытки привести ее к подчинению; И это, возможно, без желания причинить ей вред, но в основном с целью удовлетворения собственного эгоизма. Другой - симпатичный чернокожий мальчик более живого нрава - находил удовольствие в игривом подтрунивании над серьезным священником и, вероятно, в шутовском настроении пытался преподать честному и доброму человеку несколько уроков милосердия и демонологии. Мы не видим причин, по которым его нельзя рассматривать как доброго отзывчивого человека, желающего сделать мрачную часть человечества более веселой и счастливой.

В Ньюбери, возможно, имело место не что иное, как игривое и самодовольное упражнение конституционных сил группой гимнастов духа - не злобных, но игривых и грубых; любопытно также, возможно, посмотреть, насколько они смогут напугать смертных и возбудить их удивление, пока они будут с удовольствием упражнять свои собственные способности. Мы не считаем их ни хорошими, ни плохими, а просто беспечными и грубыми в своих забавах.

При взгляде на семью Гудвинов все выглядит иначе. Там воплощенный дух старой дикой ирландки первым начал оказывать психологическое воздействие на детей. Ею двигал гнев, или обида, или и то и другое; ее опекуны или родственные духи, несомненно, помогали ей, причем из побуждений, подобных ее собственным. Возможно, мы можем с полным правом назвать и ее, и ее помощников *плохими*. Однако мы не слышим призыва применить это слово с особой силой. Маленькая Марфа только что обвинила дочь старухи в краже одежды, которую та стирала; и если это обвинение было ложным или даже предполагалось старухой, она, очевидно, вспыльчивая и невежественная, возможно, не была чрезмерно дьявольской,

используя все доступные ей способы умственного или эмоционального возмездия. Возможно, невежество и инстинктивное возмездие действовали на нее так же, как и злой умысел.

Впоследствии, когда Марта жила у Коттона Мазера, ее облик часто использовался одним или несколькими духами, которые, похоже, стремились показать ученому человеку, что спорт может существовать и приносить удовольствие за пределами земной жизни, и что тамошние обитатели не прочь поразвлечься за его счет. Вскоре они показали ему, что невидимые лингвисты могут понять его смысл, какой бы язык он ни использовал для выражения своих мыслей; а также укорили сектанта, отказавшись читать книги, которые он одобрял, и с экстатическим восторгом читая те, которые он осуждал. Но и это было еще не все: в его присутствии они демонстрировали подвиги силы и ловкости, а также множество чудесных выходов, способных заставить мыслителя и ученого устоять в убеждении, что в совершении этих чудес принимали участие не только бесхитростные мисс. Развлекаясь, они демонстрировали поучительные факты. В их целях нет ничего плохого.

Случай, представляющий особый интерес и имеющий первостепенное значение, относится к Салему. Апхэм, том ii. с. 429, говорит: "Если в колдовстве 1692 года и было что-то сверхъестественное, если в нем участвовали не только человеческие духи, то одно не подлежит сомнению: это были потрясающе злые духи". *Вне всяких сомнений?* Возможно, в некоторых умах и нет. Но если какие-либо развоплощенные духи, даже *шокирующе злые*, были основными исполнителями судорожных действий в Салеме, теория объяснения историка не только необоснованна, но и досадно жестока и несправедлива по отношению к человеческим инструментам, через которые действовали духи. Если конкретные поступки доказывают, что их авторы, духи, были шокирующе злыми, то то же самое, имея смертных авторов, доказывает, что последние были столь же шокирующе злыми. Нам не хотелось бы применять эту порочащую фразу ко всем тем девушкам и женщинам, которые выдвигаются в качестве главных обвинителей. Были ли все эти молодые женщины шокирующе порочными? Мы надеемся, что нет, и не думаем. Бог правит как в невидимом, так и в видимом мире, и часто движется таинственными путями для осуществления благодетельных замыслов.

Мотив "высокого мужчины с белыми волосами" Титубы, которого мы считаем главным действующим лицом в самой значительной сцене колдовства, которую когда-либо видел мир, трудно понять с достаточной полнотой. Обдуманность, на которую указывает его визит к Титубе за пять дней до начала практических действий, а также назначение им специального времени и места для осуществления задуманного, свидетельствует о наличии определенных и постоянных мотивов определенного качества. Если судить по более ранним и заметным последствиям его действий, мир почти обязательно должен рассматривать его как преднамеренного мучителя невинных детей; нарушителя домашнего, социального, религиозного и гражданского мира; погубителя невинных и добродетельных; суверена ада, исполняющего свое злобное удовольствие над обитателями христианской обители. На первый взгляд кажется, что этим злоумышленником, вторгшимся в пасторский дом, двигала inferнальная злоба. Однако мировой опыт учит, что многие вещи "не такие, какими кажутся". Нас учили признавать одно существо, а в невидимых сферах может быть множество других, для которых "тысяча лет - как один день". Исторические учения и наблюдения показывают, что верховная власть присутствует и направляется далеко идущим предвидением; а также то, что многие величайшие благословения человека происходят от временных зол огромного масштаба. Человеческая злоба пригвоздила Иисуса к кресту. То, что внешне выглядит как злой мотив, часто используется как полезный, если не необходимый, инструмент для освобождения человека от унижения и угнетения.

Когда Джон Браун совершил свой рейд через границу свободы, не только захваченный Юг, но и большая часть Севера считала его безжалостным и злостным посягателем на права наших соотечественников, а значит, достойным кары преступника. Вскоре в форте Самтер прогремел выстрел из пушки, извещавший южан о поступке Брауна, и вскоре война, резня и ужасы самых разных форм и размеров охватили всю страну, от Сент-Джона до южного залива, от Атлантики до Тихого океана. Джон Браун был не преступником, не злобным захватчиком, а филантропическим плановиком, стремившимся снять цепи рабства с четырех миллионов своих братьев-людей; и его шаг, хотя и казавшийся тогда злом, привел непосредственно к освобождению всех, ради чьего блага он шел, казалось бы, со злым умыслом.

Когда Моисей и Аарон с помощью медиумов вызывали и насылали на египтян различные виды чумы, какой египтянин мог предположить, что мотивы невидимого разума, который советовал и управлял ими, могут быть благожелательными? Чума, мор, тяжелые болезни в течение долгого времени и, наконец, смерть первенцев были наложены на каждый египетский дом. Считается, что мотивом этих наказаний было избавление детей Израиля от рабства. Египтяне были судьями, и, должно быть, через Моисея и Аарона на них действовал шокирующий злой дух.

История на большинстве своих страниц показывает, что война - этот безжалостный похититель невинных не меньше, чем обидчиков, - всегда была очень распространенным, если не главным, инструментом, с помощью которого угнетенные люди получали освобождение, а угнетенные поднимались на более высокие позиции. Если наш мир на протяжении всех прошлых веков мудро и благотворно управлялся неким разумом, стоящим выше человека, то далеко идущая мудрость - мудрость небесная - часто видела, что благо многих, а может быть, и благо *всех*, *требует от* немногих страданий, жертв и мук. Был ли Великий Разрешитель многих страданий, порожденных войной, "шокирующе злым"?

Цепи старых порабощающих заблуждений часто становятся невидимыми и неосязаемыми для тех, на кого они были рано наложены доброй материнской рукой, и подобные которым все соратники носят как предполагаемые помощники, а не как предполагаемые препятствия для расширения и здоровья ума и сердца. Ничто, кроме самого напряженного конфликта - ничего, кроме борьбы за жизнь и все, что делает жизнь ценной и дорогой, - не способно в некоторых случаях пробудить понимание того, что такие цепи стесняют и всегда стесняли их обладателей, удерживая их от такого расширения и свободы, которых их Создатель предназначил людям достичь и наслаждаться ими. Мы считаем, что колдовское вероучение было такой цепью.

Внимательно изучая методы, с помощью которых сила, управляющая всеми земными делами, почти неизменно приводила человека к освобождению от рабства и угнетения, можно ли с полным основанием верить, что какие-либо чисто мирные меры, какие-либо проповеди, аргументы, призывы к разуму людей могли бы привести христианство в какое-либо время после двенадцатого или тринадцатого века к осознанию того, что его колдовское вероучение порабощает его разум и препятствует его правильному расширению к небесам? Мы полагаем, что нет; и также мы предполагаем, что в 1602 году сверхъестественный разум увидел, что существует возможность и сила, которые, если бы ими воспользовались, могли бы втянуть смертных в конфликт, который раскрыл бы им присущую колдовскому вероучению ложность и варварство, и таким образом впустить в их умы свет, который со временем привел бы их к сбросу цепей, которыми они были связаны, к достижению более ясных и точных представлений о своих отношениях с Богом и миром духов, и подняться к более высокой и свободной мужественности.

Если бы это было так, мы можем легко представить себе, что сверхъестественная мудрость и благосклонность могли бы разрешить и способствовать началу ужасающей и страшной борьбы, которая должна привести в энергичное действие все скрытые энергии человека, смести многие ошибочные убеждения, мешающие обычая и колеи мышления, и основательно опрокинуть многое, что долгое время считалось незыблемой истиной. Такой ход может оказаться самым благотворным из всех возможных, даже если он повлечет за собой разрушение комфорта, мира и жизней многих невинных и самых уважаемых жителей того места и окрестностей, где будет вестись сражение, и неважно, будет ли сама война явным порождением мести и злобы или храбрым конфликтом за сохранение своих алтарей и каминов в мире.

Некоторое развлечение, да и мало ли что еще, может доставить изложение того, что воображение спиритуалиста, до тщательного изучения фактов, рассказанных Титубой, привыкло считать не только возможным, но и вероятным. Она была рабыней, жившей среди угнетателей своего рода и расы - угнетателей негров, индейцев и вообще тех, кто был "виновен в том, что у них кожа не такого цвета, как у них самих", и в том, что они поклонялись богам, отличным от их собственных. Что может быть более естественным, чем то, что ушедшие, которых белые обманывали, обижали и угнетали, пока жили здесь, и с чьими оставшимися в живых родственниками все еще обращались подобным образом, воспользовались возможностью, которую предоставляли медиумические свойства и жилище Титубы, чтобы совершить возмездие за полученные несчастья? Истинная христианская мораль может осудить такой поступок как "шокирующе злой", но более распространенная в мире мораль - по крайней мере, в более решительных его частях, и особенно в менее просвещенных - может быть готова как одобрить, так и осудить его, и похвалить, так и порицать тех, чей огонь и мужество побудили и позволили им возместить своим угнетателям зло за зло, даже увеличенное с процентами по самым высоким ставкам, которые позволяли их изменившиеся обстоятельства. Выяснилось, что форма Титубы - это портал для возвращения духов, и фантазия увидела, что духи ее предков и множество вознесенных аборигенов земли Массачусетса с нетерпением возвращаются через ее помогающие свойства, готовые и жаждущие бросить свои непробиваемые стрелы и томагавки в любого представителя расы обидчиков, который мог бы быть уязвим таким оружием. Разведчики быстро и широко разнесли по охотничьим уголкам духа весть о наступившей великолепной возможности возмездия и мести, и добровольцы с молниеносной быстротой устремились на манящую сцену. Последовал быстрый хаос, и великое замешательство, недоумение, опустошение, резня, нарушение мира, агония ужаса и трепета, которые произвело вторжение, доставили нападавшим глубочайшее удовольствие, удовлетворение и радость. Возможно, тогда индейские духи начали лелеять надежды изгнать всех белых с земли их отцов, вновь завоевать ее и оставить наследникам краснокожих.

Но белые, как и темнокожие, находились под присмотром духов-хранителей, друзей и помощников, которые, хотя, вероятно, и были застигнуты врасплох и поставлены в невыгодное положение, ни в коем случае не собирались оставлять своих подопечных, родственников и любимых надолго в таком положении. Вскоре невидимые отряды собрались и вступили в войну с другими невидимыми отрядами над и вокруг Деревни; и когда борьба зашла достаточно далеко, чтобы разорвать колдовские цепи, законы *Высшего* позволили хранителям христиан завоевать прочный мир, бальзам которого залечит нанесенные раны, а плодами станут освобождение от сковывающих заблуждений и, как следствие, расширение и возвышение душевных сил.

В качестве, возможно, уместного продолжения наших причудливых взглядов мы представим то, что родилось не в нашем собственном мозгу и что может быть, а может и не быть изложением древних фактов. Мы посвятили совсем немного времени непосредственному поиску информации у духов, относящейся к теме, о которой мы пишем, и все же редко вступали в беседу с каким-либо хорошим ясновидящим в любое время в течение последнего года или двух, не получив описания одного или нескольких духов, присутствовавших при этом и проявлявших желание, чтобы мы их узнали. В большинстве случаев они показывали свои имена. Таким образом Коттон Мазер, как никто другой, дает понять, что интерес к нашей работе приближает его к нам. Мать Мазера, а также Марта Гудвин, Ребекка Нерс и другие подавали свои карточки через людей, не знающих, что люди, носящие такие имена, когда-либо жили. Но Мазер сделал больше. В двух или трех случаях, используя органы речи медиума, он вступал с нами в разговор о своей связи с колдовством. Сейчас он не очень доволен своей слепотой в физической форме и призывает нас быть более строгими в своей критике его курса, чем позволяют исторические факты.

9 февраля 1875 года он находился под контролем медиума, и мы поинтересовались его нынешним мнением о Джордже Берроузе. Он сразу и сердечно описал Берроуза как одного из самых ярких духов, которых он видел, и как "освещающего любую сферу, в которую он входит". Мы спросили Мазера, узнал ли он когда-нибудь, кто был тем духом, который пришел к Титубе и положил начало салемскому колдовству. Он ответил, что нет. Встречался ли он с Титубой? "Да". "Не могли бы вы, - спросили мы, - найти его через нее?" "Возможно", - ответил он, - "и попытаюсь, если вы этого хотите". "Что ж, тогда, - сказали мы, - через две недели после этого дня и часа мы встретимся с вами на этом месте". Все это было устроено через *бессознательного* медиума, который никогда не получает в свое сознание никаких сведений о том, что произносят его губы, когда он находится в оцепенении, а в тот раз так и было. Мы не сообщили ей, да и никто другой из смертных, кроме нас самих, не знал, что мы договорились о последующей встрече с Мазером.

Мы призвали медиума 23 февраля, и сразу же, находясь в нормальном и сознательном состоянии, она сказала, что видит рядом с нами двух духов очень странного вида и неизвестной ей расы или рас. Одного из них она описала как мужчину, некрасивого, с большими пронзительными глазами, очень диким взглядом, одетого в нечто вроде блузы, под которой и ниже которой были короткие штаны, заправленные в обувь; также у него были очень крупные зубы. Другая женщина была неизвестной расы, отличной от той, к которой принадлежал мужчина; цвет ее лица был смуглым, но она не была ни негром, ни индейцем, и на ней была изображена буква Т.

Эта медиум могла знать и, вероятно, знала, что мы пишем о колдовстве; но она не знакома с его историей, не знает ни имен людей, причастных к нему, ни ролей, которые каждый из них по отдельности исполнял.

Вскоре после того, как медиум дала вышеупомянутое описание, она была околдована; вскоре Коттон Мазер, говоря через нее, сообщил, что взял с собой Титубу и ее ночного посетителя, когда она была рабыней мистера Парриса; также он заявил, что, поскольку они не привыкли говорить через заимствованные губы, он предлагает говорить за них и от их имени. Заявление, касающееся этого человека, было в основном следующим: "Его звали Захара.

"Его звали Захара; он был египтянином по происхождению, но ниневитянином, или жителем Ниневии. Он жил на земле несколько раньше Моисея. Вскоре после своей смерти он, дух, заметил, что дух по имени Иегова - не Иегова - творит странные чудеса и совершает

жестокости среди расы, из которой он сам произошел, через некоего Моисея, и таким образом исполняет цели духа по отношению к человеку через форму смертного. Сразу же он, Захара, почувствовал сильную склонность и желание использовать свои собственные силы таким же образом. Это желание цепко ухватилось за него и постоянно заставляло его быть на чеку, чтобы найти смертного, которого он мог бы использовать с эффективностью, сравнимой с той, которую Иехония проявлял через Моисея. Однако ни одно из его многочисленных испытаний не увенчалось успехом, пока он не применил свое мастерство и силу на Титубе и через нее. Его главным мотивом было желание выяснить, насколько он, будучи духом, может получить и сохранить контроль над смертной формой и какое количество и какие чудеса он может совершить с помощью этого инструмента. В этом мотиве не было ни злобы, ни доброжелательности; в сущности, это был мотив ученого, стремящегося получить новые знания о дозволениях природы. Чтобы держать Титубу в хорошем настроении, он свободно давал обещания одарить ее многими прекрасными вещами; и, чтобы доставить ей удовольствие, он говорил и делал все, что, по его мнению, могло увеличить его власть над ней и, через нее, над другими смертными".

Таков был рассказ; и, пока он доходил до наших ушей, он возвращал нас к знакомым рассказам о чудесах древности, и мы чувствовали, что действия Иехонии через Моисея и Захара через Титубу были вызваны мотивами, настолько схожими в очевидном варварстве, что, если один из участников заслуживает вины, трудно понять, почему равная вина не должна быть возложена на другого.

Мазер, выступая от имени Титубы, сказал, что "когда этот человек впервые пришел к ней и попросил ее услуг и помощи, он был очень светлым и приятным; но когда она отказалась выполнить его желания и требования, он стал ужасно мрачным и страшным". Вкратце, Титуба сама управляла голосовыми органами медиума, дала лепетное подтверждение словам Мазера и сказала, пожимая плечами и дрожа: "Он был ужасен, ужасен!"

Последующий разговор на том же сеансе вызвал у духов убеждение, что, как только была открыта дверь доступа к людям через Титубу, многочисленные индейские духи смогли и захотели броситься туда и протянуть руку помощи старому ниневитянину, при этом они были лишены какого-либо сильного желания помогать мягко; более того, они были очень готовы вредить белым под их собственную ответственность. Вскоре, когда бесстрастные поиски знаний о том, какими способностями обладают или могут обладать духи, чтобы вернуться и снова действовать среди земных сцен, стали слишком часто посещать агентов, готовых причинить и фактически причиняющих хаос, слишком сильный, чтобы его можно было больше терпеть, мудрые и сострадательные духи привнесли силу, которая вскоре положила конец тому, что привело к самым мучительным последствиям. Духи утверждают, что им удалось многое сделать для того, чтобы изменить взгляды смертных и предотвратить возобновление судебного преследования на следующем заседании. Понимая, что было совершено достаточно жестокостей, чтобы смертные были готовы задаться вопросом, не противоречит ли человечество и Бог вероучению, которое исповедуют христиане, они обратили умы людей к более рациональным и гуманным взглядам.

Как-то зимой 1874-5 годов преподобный Г. Берроуз, произнеся устами медиума несколько фраз, наполненных милосердием и небесной благодатью, спросил его, что он теперь считает мотивом, побудившим некий дух начать операции, которые привели его самого и многих других к безвременному концу? Он ответил: "Я полагаю, что это было естественное и правильное желание какого-то духа возобновить общение со своими близкими на земле". Ни один дух ни разу не высказал нам подозрения, что духи, чьи действия привели к колдовству, были злонамеренными, цензурными или в каком-либо смысле *шокирующе злыми*.

Неужели сверхъестественное провидение выбрало и направило агентов, специально приспособленных для исполнения колдовской трагедии? Возможно, и так: и, возможно, сэр Уильям Фипс стал губернатором не по чистой случайности. Некоторые высказывания Калефа указывают на то, что сэр Уильям в молодости, возможно, еще будучи учеником корабельного плотника в Мэне, получил письменное сообщение, которое побудило его отправиться в Европу и добыть средства для поиска затонувшего корабля, находка которого принесла ему состояние и титул. Он долго и бережно хранил пророческую бумагу и, когда у него появились средства, заплатил ее автору более двухсот фунтов. Из того же или подобного источника он узнал о своем становлении полководцем, губернатором Новой Англии и других событиях своей жизни. Информация такого рода обычно поступает к тем, кто достаточно медиумен, чтобы быть восприимчивым к руководству или, по крайней мере, к колебаниям со стороны интеллекта, от которого исходит пророчество. Возможно, сэр Фипс и сам был медиумом. Тот вероятный факт, что обвиняющие девушки называли жену губернатора в качестве той, от кого они получали раздражение, говорит о том, что она тоже принадлежала к классу внушаемых. Таким образом, тот, кто склонен к подобным рассуждениям, получает здесь основу, на которой можно утверждать, что Бесконечное Предвидение, допустившее появление салемского колдовства, также нашло подходящие инструменты, чтобы контролировать его ход, а также положить ему конец, как только оно пересилило достаточно кажущегося зла, чтобы породить добро, которое Бесконечная Благосклонность намеревалась даровать смертным. Духи ставят себе в заслугу то, что они изменили мнение и курс властей и народа осенью 1692 года и в первые месяцы следующего года.

Перерыв в работе суда и отсутствие закона, разрешающего проведение нового заседания в течение нескольких месяцев, давали возможность для размышлений. Кроме того, фактические и предполагаемые аресты многих высокопоставленных и уважаемых людей оказали отрезвляющее влияние, так что разум вновь возобладал; больше не судили за колдовство, а всех заключенных отпустили на свободу. Это могло произойти как при особом воздействии духов на общественное сознание, так и без него.

Теперь мы рассматриваем первичный мотив как почти или совсем лишенный моральных качеств. Вероятно, это было либо естественное и правильное желание получить доступ к близким людям, оставшимся на земле, либо экспериментальный или научный импульс, чтобы проверить власть, которую дух может проявить над теми, кто заключен в смертные формы. Когда до появления эфира добрый доктор Флэг крепко зажал щипцами наш разбушевавшийся зуб и долго, сильно тянул, пока не выдохся, наши боли, наша агония, наши сильные удары по его руке и рукам не заставят его отпустить. В тот момент он был потрясюще злым, потому что не только держался и не давал нам мучиться, но и безуспешно тянул снова; и даже тогда он не отпустил, а потянул еще раз, и зуб вырвался". Духи, получив доступ к смертным, возможно, решили, что только через преходящее зло и страдания человек может получить облегчение от тяжелых хронических недугов, и поэтому, когда представилась возможность, их самое доброе возможное обращение с людьми было гомеопатическим - лечить подобное подобным, лечить зло, причиняя зло. Возможно, они были настолько шокирующе злы, что поступали именно так.

Духи часто и, как правило, могут исследовать и действовать, руководствуясь мотивами, не сильно отличающимися от тех, что движут их человеческими собратьями. Преданный вивисекционист редко уклоняется от получения знаний или отказывается от них, потому что скальпель причиняет мучения его живому объекту. Так и дух, стремящийся к знаниям, - если он случайно или в результате задуманного эксперимента обнаружит, что управляет волей и органами Титубы или другого внушаемого смертного, и тем самым откроет новое поле для

исследований, - может быть, он будет склонен увидеть, насколько далеко и эффективно он сможет овладеть силами природы, чтобы самому управлять формами и делами воплощенных людей. Каждое приобретение силы или умения действовать среди земных существ, сцен и объектов, естественно, будет вызывать у него радость и побуждать его продолжать исследования в духе науки. Этот дух склонен смотреть на страдания, которые причиняют его собственные процессы, как на временные происшествия, не имеющие большого значения по сравнению с теми благотворными результатами, которые принесут его победы. Расширение сферы своих знаний и влияния, возможно, было одним из главных мотивов, побуждавших духов совершать чудеса, которые поражали, приводили в бешенство и заставляли мучиться тех, кто наблюдал за их действиями в 1692 году. Другим мотивом могло быть самоудовлетворение от повторного посещения хорошо известных сцен; и еще одним - благодеяние человеку, открывающее для него новый источник знаний и мудрости.

Невидимые царства - обитель как сочувствующих, так и научных существ; и как только ложное вероучение было вынуждено раскрыть свою ложность, первые, возможно, увидели повод отговорить вторых от дальнейших действий в отношении заблудших обитателей смертных форм, пока время не приведет человека к спокойному размышлению и ретроспекции и к обладанию такой душевной свободой, которая позволила бы ему встретить без удивления странных посетителей из невидимых царств и протянуть даже таким дружескую руку. Прошло сто пятьдесят лет, и мы обрели такую душевную свободу, выкупленную страданиями наших отцов, что, не испытывая страха перед удавкой, можем теперь приглашать в наши земные дома любимых и святых, ушедших в вышние сферы, проводить с ними блаженные и возвышенные общения и узнавать их оправдания о чудесных путях Божьих к детям человеческим и через них, а также во всей природе.

Какими бы ни были мотивы главного непосредственного производителя салемского колдовства, непреодолимая сила, движущая все вещи, включая злые побуждения, к достижению конечного добра, привела к тому, что рассматриваемый нами ожесточенный конфликт вскоре положил эффективный конец преследованиям за колдовство во всех христианских странах и разбил вдребезги пагубное вероучение, надолго поработившее христианский разум. Какой бы дорогой ни была эта борьба в виде болей, болезней, пыток, мучений, физического истощения, домашних неурядиц, социального отчуждения, церковных разногласий, томительного заключения в тюрьмах, страхов, исступлений и даже жизни, цена ее, возможно, была невелика за те широко распространенные и неизменные благословения умственной свободы, которые она принесла.

Местное и личное.

Членам Первого прихода в Дэнверсе и всем жителям деревни Салем

Около трех лет назад мне выпала честь кратко рассказать о чудесах 1692 года на месте, где они произошли. Тогда вежливость требовала краткости, и в результате получилась некоторая неясность изложения: мои замечания по этому поводу включены в обращение, приложенное к восхитительной "Истории Первого прихода в Дэнверсе, 1672-1872" преподобного Чарльза Б. Райса - произведению, обладающему гораздо более чем обычными достоинствами.

Настоящий повод предоставлен для того, чтобы указать на опечатку. На страницах 186 и 187 этих двухсотлетних публикаций я утверждаю, что "маленькая решительная группа борцов с дьяволом здесь, в пустыне, стала, хотя и *не по своей воле*, но все же наиболее эффективными помощниками в обретении свободы для более свободного действия более благородных вещей, чем любое вероисповедание" и т. д. - Я никогда не высказывал столь уничижительной мысли в их адрес, как то, что они *не по своей воле* стали эффективными помощниками в обретении свободы. Я говорил, что они *невольны*, то есть сами того не ведая, становятся помощниками в обретении умственной свободы или освобождении от оков заблуждения; и я верю, что большая часть предыдущих страниц стремится сделать истинность моего фактического утверждения очевидной, в то время как оно показывает ложность того, что мне вменяется в вину.

Почва под вами давно освящена и еще долго будет либо освящена, либо проклята на славу; проклята, в дальнейшем, если распространенные современные взгляды на бывших действующих лиц верны; освящена, если мнимые действующие лица рассматриваются как избранные бойцы и орудия на последнем и наиболее широко известном поле битвы колдовства.

Многие из вас знают, что я впервые вздохнул, а также прошел обучение и становление на земле вашего города. Мои отношения с колдовской землей были не по моей воле, и я не чувствую за них никакой ответственности - не испытываю из-за них ни чувства благодарности, ни стыда. Тем не менее, несомненно, они усиливают мое желание представить заслуги бывших жителей Деревни как великие и благородные, а их недостатки - как немногочисленные и незначительные, насколько того требуют достоверные факты; и это не из-за того, что кто-то из моих личных предков совершил или пострадал, никто из них, насколько мне удалось узнать, не был ни обвинителем, ни обвиняемым, ни свидетелем в каком-либо деле о колдовстве. Однако от отца к сыну устно передавалось то, что, возможно, указывает на то, что кто-то из них подвергался аресту. Сразу после прекращения преследований Джозеф Патнэм, отец генерала Израэля, был твердым и эффективным противником того, чтобы мистер Пэррис сохранил за собой пост священника в Виллидже. Предание гласит, что, когда ярость по поводу арестов была велика, он, которому тогда было всего двадцать два года, и его еще более молодая жена держали себя и свою семью вооруженными, а их лошади были оседланы и накормлены у дверей днем и ночью в течение шести месяцев. Это была подготовка к сопротивлению или бегству, в зависимости от обстоятельств на случай попытки ареста. Противодействие распространенным верованиям, таким образом, может быть не новой чертой в истории семьи. У еретика, придерживающегося сегодняшних представлений, возможно, был предок, еретично относившийся к вероучению о колдовстве в 1692 году.

Но если ересь передалась по наследству, милосердие сочетается с ; ибо мое сердце радуется каждому новому открытию, что старший сводный брат Джозефа, Томас Путнэм, великий и беспристрастный прокурор, и Энн, дочь Томаса, великого охотника за ведьмами, - а также что мистер Пэррис и другие бывшие жители деревни, где он жил, были в курсе всех событий. Пэррис и многие другие бывшие жители деревни, - никто из них не принимал никакого участия в колдовстве, которое не было бы вызвано преданностью делу помощи и блага их семей и соседей или не было бы вынуждено невидимыми и непреодолимыми агентами.

Ваши доверенные учителя по этому вопросу - Апхэм, Фаулер, Хэнсон и Райс, хорошо осведомленные в большинстве вопросов и имеющие благие намерения, - в один голос утверждают, что ни сверхземные, ни субземные агенты не были причастны к созданию

ваших сцен колдовства. Их курс возлагает огромную и страшную ответственность как на отцов, так и на дочерей прежней эпохи; и не только ответственность, но и обвинения в порочности на детей, глупости и варварстве на отцов, что делает их всех объектами отвращения и тем, что любой человек может покраснеть, узнав о своем происхождении.

Никто из этих учителей не вернулся к началу странных дел и не проверил свидетельства Титубы, которая лично участвовала в них и была лучшим возможным свидетелем. Никто из них не использовал и, вероятно, никто, кроме Апхэма, не имел под рукой ее простых, но понятных заявлений о том, что дух пришел к ней и заставил ее помогать ему и другим щипать двух маленьких девочек в семье мистера Пэрриса в то самое время, когда их таинственные болезни впервые проявились. Остроумный и точный Деодат Лоусон утверждает, что страдающие "разговаривали с призраками, как с живыми людьми". Упоминания о духах, сопровождающих удивительные произведения, часто встречаются в первобытных записях. Поэтому факты, хорошо представленные и авторитетные, были оставлены вашими учителями без внимания. Однако они являются частью, и очень важной частью, того, что должно быть объяснено. Любая теория объяснения, не учитывающая их, по сути своей ошибочна, вводит в заблуждение и не заслуживает принятия. Справедливое уважение к историческим фактам, и особенно к репутации тех мужчин и молодых женщин, которые принимали в них активное участие, очень корректно и убедительно требует совершенно иного, менее унижительного и отвратительного решения проблемы вашего колдовства, чем то, которое было предложено в нынешнем веке.

Читая эту работу, я не встретил ни внятного упоминания о каком-либо собрании кружка в доме мистера Пэрриса, ни какого-либо заявления, в котором бы, казалось, говорилось о существовании такого кружка, пока не добрался до Апхэма, который много останавливается на нем и его влиянии, но не упоминает источник своей информации. После публикации его "Лекций о колдовстве" многие авторы последовали его примеру.

Знание местности и относительного положения домов этих девушек, а также их положения в этих домах, возможно, более устойчиво у писателя, чьи молодые дни и часть его юности прошли там, чем у других, не так давно знакомых с этим регионом; и, возможно, он более твердо убежден, что собрания, с той частотой и в том объеме, о которых утверждается, с целью обучения искусству некромантии, магии и спиритизма, под крышей такого человека, как мистер Пэррис, были очень близки. Пэррис, были гораздо ближе к невозможности, чем большинство тех, кто в последнее время имел возможность рассмотреть вопрос о том, кто осуществлял салемское колдовство. Если допустить, что обвиняемые девушки путем обучения и практики сами смогли придумать и разыграть огромную и кровавую трагедию, вменяемую им в вину, и если их собственные разум и воля были надлежащими авторами, - если распространенное объяснение колдовства не является чем-то иным, кроме фантазии, - то магическое мастерство и сила, а также жестокие действия, проявленные там, громко требуют признания того, что волчьи отцы породили лис, и были задобрены и подстегнуты своими собственными коварными вульпинами, чтобы совершить такие ужасные разрушения, которые должны наложить неуывдаемое и неизгладимое пятно позора на то место, где они бродили.

Самое черное пятно на страницах вашей истории было выведено пером, которое фактически сделало дочерей Виллидж воплощенными дьяволами, а их отцов - доверчивыми, глупыми и жестокими, принимающими то, что совершали их собственные девочки, за чудесные деяния агентов, обладающих более чем смертными способностями. Боже, храни приходскую землю от пятен, которые современная фантазия стремится наложить на нее! Его мужчин никогда не соблазняли и не побуждали к совершению чудовищных варварств самовольные поступки и

слова их дочерей. Но подлинные и таинственные недуги их детей находили сыновей готовыми мужественно и неустанно сражаться за Бога и избавление своих семей от земных адов, и притом с такой силой и упорством, каких никогда не было в долгой истории колдовства, и с таким успехом, что с тех пор не было возможности расширить этот печальный том.

Это было самое настоящее время, когда испытывались *души* людей; и души, жившие тогда, оказались достаточно храбрыми, чтобы вступить в конфликт с самым могущественным и грозным из возможных врагов, и достаточно сильными и настойчивыми, чтобы заставить его вести такую борьбу, которая напрягла его жизненные силы и парализовала его способность причинять тяжкие страдания в любой будущий век. Неповторимый дьявол колдовства покинул это поле боя Самсоном, лишенным своих локонов; источник его силы был там отрезан, ибо сильно вдавленная оболочка заблуждения, которое за много веков до этого породило его и с тех пор обильно питало, была тогда так основательно расколота, что ее содержимое пошло по пути воды, пролитой на землю, и он проголодался.

Не краснейте за отцов. Они были героями, верными своему вероисповеданию, своим семьям и своим соседям; истинными слугами своего Бога и истинными врагами своего дьявола. И их борьбой была куплена свобода, которая позволяет мне сейчас говорить в их защиту, не опасаясь веревки палача; а также не менее ценной свободой, позволяющей мне говорить без помех, - что было бы невозможно, если бы сейчас преобладало вероучение отцов, и если бы вы сравнивались с ними в преданности *Вере*, - потому что тогда мои методы и способы получения знаний потребовали бы от вас повесить либо меня, либо тех, через кого любимые и мудрые люди говорят с того света, передают свои освящающие уроки опыта в светлых обителях и свои наставления в праведности. Благодарите Бога за то, что вы не придерживаетесь вероучения, призывающего вас к такому варварству! Заявление Хатчинсона о том, что наши преследователи ведьм были более варварскими, чем готтентоты и народы, не знающие Бога, когда-либо были известны, содержит очень важный комментарий к вероучению о колдовстве. Это вероучение сделало наших отцов более варварскими, чем любое племя людей за пределами христианского мира; и если бы это вероучение было вашим сегодня, и если бы вы были ему верны, вы были бы такими же варварами, как и они. Их борьба купила для вас и всего христианства освобождение от их ужасного состояния.

Примите точку зрения - и мы считаем ее правильной, - что обвиняемые девушки были наделены от природы тонкой чувствительностью, особыми организмами и темпераментами, которые делали их тела удобными инструментами, через которые невидимый разум воздействовал на видимую материю и человеческие существа, предположение, что Бог сделал их способными быть хорошими медиумами - хорошими инструментами для использования другими умами и волями, кроме их собственных, и что их тела, помимо или вопреки их собственному разуму и воле, были вовлечены в колдовство, и тогда вы можете рассматривать каждую из них как чистую, невинную, безвредную, сочувствующую и благожелательную, как любую женщину в том или в этом поколении; И ни один их потомок не должен опасаться, что в нем прольется особая дурная и неблагоприятная кровь, унаследованная от них, и каждый может считать свое родное место заслуживающим скорее освящения, чем проклятия славы, потому что там истинные, совестливые люди мужественно и законно сражались за спасение своих домов и общества от самых страшных из всех мыслимых врагов, пока там существовали живые инструменты редкой эффективности, с помощью которых христианский мир был избавлен от карликового и мешающего рабства у

дьявола, созданного монахами. Какая еще битва любого характера, когда-либо происходившая на американской земле, приобрела более широкую свободу или оказала более широкое влияние на психическое освобождение христианства, чем конфликт ваших отцов с *их* дьяволом? Пусть 1892 год сочтет это место достойным памятного монумента!

Ваш последний историк поэтично говорит, что ваша "колдовская тьма - это облако, заметное главным образом по расширяющемуся сиянию самого утра, на чьем челе оно висело". Сияющие черты, качества и поступки жителей Новой Англии семнадцатого века, включая обитателей Виллиджа, несомненно, придавали все большее сияние утру дня нашей нации; и неизменное сияние этого утра, возможно, делает вашу "колдовскую тьму" гораздо более заметной, чем любую другую в других странах. Но для того, чтобы утро излучало такое сияние, которое сделало бы тьму более заметной, чем в других странах, нужны были не только умоляющие отцы и умоляющие дочери. Это утро было обязано своей яркостью совсем другим чертам, чем умоляющие и умоляемые. Ясное восприятие требований вероучения, долга перед Богом, долга перед своей семьей; быстрые, энергичные действия в повиновении Божьим указаниям и королевскому закону, когда дьявол вторгся в дом; бесстрашие и неустанное противостояние самому могущественному и злобному врагу человека; эти и другие родственные им силы, качества и поступки излучали сияние, которое делало черноту колдовства более заметной в Дэнверсе, чем где-либо еще в мире.

Нет. Колдовство бушевало с удивительной свирепостью и закончило свою смертельную борьбу на вашей земле не из-за слабости, а из-за силы ваших отцов; не из-за их трусости, а из-за их мужества; не из-за бессердечия и варварства, а из-за нежности к своим измученным семьям; не из-за недостатка веры в Бога, а из-за веры в Него, настолько сильной, что она могла умерить человечность и удерживать ее до тех пор, пока призыв Бога предать ведьму смерти не будет исполнен.

Такие свойства придавали утру Деревни присущую ей яркость, которая сначала погасила мрачный день колдовства, а теперь предвещает более светлый, в котором, не препятствуя гражданским законам, духи будут общаться со смертными на взаимовыгодных началах. Эта важнейшая и ценнейшая привилегия была завоевана, по сути, на вашей земле в 1692 году. Нация за нацией, наученные результатами в Виллидже, отменили свои пагубные статуты, и широкое христианство стало свободнее и возвышеннее благодаря свету, широко излучаемому из вашей "колдовской тьмы".

Методы Провидения.

Наша планета, Земля, еще сырая. Ее почва, продукты, эманации и ауры грубы и суровы. Хотя она значительно улучшилась с тех пор, как впервые родила человека, сейчас она не приспособлена для воспитания существ столь утонченных, какими они станут столетия спустя. Она постоянно смягчается и постоянно прогрессирует к нынешнему зрелому состоянию старших планет, чьи воплощенные обитатели легко и постоянно общаются с мудрыми ушедшими родственниками, от которых они получают такие наставления и помощь, которые заставляют их жить в тесной гармонии с законами животного здоровья, а потому почти без болезней и мучений, и, когда они созревают для освобождения, безболезненно выходить из своих грубых целостностей. Со времен самой отдаленной

истории, да и во всем нашем мире, духи часто были мимолетно видимы и ощутимы некоторыми смертными. Но атмосфера, в которой живут люди, ощутимо некомфортна и угнетающа для большинства, и особенно для более чистых и развитых духов; тем не менее она становится менее благоприятной из века в век, постоянно набирая такие условия, которые поднимают немного выше ее воплощенных обитателей, и менее угнетающе действует на тех, кто лишен плоти. Его модификации пророчат, что настанет время, когда смертные и духи смогут здесь более комфортно, чем сейчас, постоянно и с взаимной пользой общаться между собой. Ужасающие ментальные конфликты, моральные торнадо, волнения в глубинах общества используются как инструменты для продвижения Земли и ее обитателей к состоянию, которое позволит духам быть нашими постоянными признанными сопровождающими, а также нашими полезными советниками и проводниками на путях духовного развития. Прогресс ускоряется благодаря сильным испытаниям.

Великие изменения и достижения в материальном, ментальном, политическом, социальном или духовном мире, подобно рождению, обычно преодолеваются через муки и страдания. Даже вхождение духов в смертную форму обычно болезненно для обеих сторон. Первая и предыдущие реинкарнации почти обязательно сопровождаются психологическим воздействием, которое заставляет духов по отдельности проявлять и, умеренно, снова претерпевать свои особые страдания в последние часы земной жизни. Смертные тоже сторонятся, волнуются и боятся своих близких друзей, если те лишаются плоти. Такие страхи являются отталкивающей силой, делающей приближение духа трудным, а зачастую и невозможным. В большинстве случаев возвращение дается ценой страданий - но страданий, за которые платят добром, терпением, которое приносит радость как тем, кто приходит, так и тем, кто их принимает. Наша земля и все, кто рождается на ней, получают или зарабатывают многие из своих величайших благословений в поту судорожных мук или тяжелого труда. Отмена широко распространенного пагубного вероучения была потрясающей в 1692 году.

В цивилизованных странах повсеместно, и особенно в протестантском христианстве, возможность возвращения ушедших добрых душ из их невидимых обителей веками подвергалась сомнению. Поэтому самый богатый источник ценных наставлений и помощи оставался неиспользованным. Обращение к нему стало ужасающим; люди считали его исключительно дьявольским бассейном. Но не так с духами. Мудрые и дружелюбные, невидимые, они давно и часто добивались такого признания и приветствия со стороны выживших на земле, которое сделало бы демонстрацию присутствия духа широко применимой на практике. Духи стремились к этому, потому что видели, что свободное и широкое общение между обитателями плоти и теми, кто наделён правами, может значительно способствовать продвижению обоих классов в благодеянии и счастье. О той огромной помощи, которую земные живые, и только они, могут оказать многим несчастным, которых они называют умершими, общественность еще не догадывается. Знание о том, что многие ушедшие вынуждены получать помощь с Земли, прежде чем они смогут эффективно стартовать по небесной лестнице, открывает широкое и интересное поле деятельности для тех, кто тщательно стремился познать взаимную зависимость видимого и невидимого миров.

Возможность получения знаний из невидимых сфер впервые получила практическое подтверждение среди людей, которые в целом способны и склонны внимательно изучать природу и качества интеллектов, передающих эти знания. До 1692 года христианский мир долгое время сторонился конференций с невидимыми собеседниками, считая все это дьявольским по цели и влиянию. Невежество было матерью его страхов. Современный век,

более просвещенный, более расположенный к исследованиям, более склонный верить в господство закона всегда и везде, спрашивает скрытых учителей, кто они такие, откуда, почему и как они проникают в наши дома. Их ответы подтверждают, и каждый год, прошедший без опровержения, подтверждает утверждение, что сейчас они духи, но когда-то были смертными, облаченными в плоть; и что они приходят, некоторые из этих побуждений, некоторые из тех, - некоторые для веселья, забавы, и даже мести и зла; Но больше их для того, чтобы дарить и получать удовольствие и счастье, которые принесут посещения их прежних домов и друзей, и особенно для того, чтобы донести до своих близких здесь тот образ жизни, который лучше всего подойдет им для радости и счастья в особняках и на сценах мира, куда они все должны прийти.

Методы Провидения всегда были однородны; и теперь, когда они привели народы к рассвету того дня, когда человеческое гостеприимство развлекает ангелов, не всегда неосознанно, но часто осознанно и радостно, благотворность сцен колдовства в деревне Салем, благодаря которым рабство христианства перед выдуманным дьяволом было фактически разорвано, становится очевидной. По прошествии времени становится очевидным, что варварство того времени было использовано как инструмент для достижения свободы, которая сегодня позволяет поучительное, полезное и радостное общение между миллионами набожных и ищущих истину смертных и светлыми, благотворными духами. Что с того, что волнение христианства выводит на поверхность его скрытые беззакония и нечистоты? Что с того, что мытари, грешники и блудницы в большом количестве выплывают на поверхность? Поднятие на поверхность отбросов и нечистот обычно является первым продуктом в процессах очищения. Неопытные наблюдатели очень склонны рассматривать неприглядный материал как образец всего того, что лежит в его основе. Другие же, кто лучше понимает причину и цель привлечения внимания к нечистотам, благодушно наблюдают за такими первыми результатами, зная, что последующие эффекты будут наиболее благотворными - очищенные, а значит, более ценные представления о Божественных методах приведения людей к праведности, и обеспечат более эффективную помощь в продвижении человека вверх, чем это было принято до сих пор.

Великие реформаторские истины редко предлагались и принимались сначала мирскими мудрыми и благоразумными людьми. Не правители и фарисеи, а простые люди, рыбаки, скромные женщины, мытари, грешники и блудницы были многочисленны среди первых последователей Иисуса; и именно они с радостью слушали Его. Те же причины, которые привели к этому в древности, действуют и сегодня, и новые откровения и открыватели нашего времени встречают такой же прием, как и столетия назад. Это хорошо. Широкая популярность и ласковые прикосновения могут лишить младенческий *исм* его лучших оздоровительных и реформаторских сил. Всеобъемлющая мудрость позволяет ему закаляться и укрепляться под ударами лидеров преобладающих теологических и научных решений, мнений и мод. Безграничный разум, который всегда действует во благо, терпелив и долготерпелив. Он ждет, пока семена реформ пустят глубокие корни в массах, а затем, со временем, толкает вперед силу, которая ниспровергает династии, иерархии и все устаревшие институты, верования и обычаи, которые больше не приносят пищи, подходящей для существующих потребностей культурного человека.

Дикие и варварские народы, везде и всегда, достигают большей или меньшей веры в присутствие и помощь духов предков; они ищут наставления у усопших. Широкая и постоянная вера в тот или иной факт - далеко не слабое доказательство его позитивного существования. Некультурные умы признают засвидетельствованные факты положительными событиями и не испытывают потребности понять, как они происходят,

прежде чем согласиться с их истинностью. Но культурные люди склонны отрицать проявление любых событий, объяснение которых не связано с разрешением какого-то закона, действие которого им знакомо. Они не могут объяснить факт, а значит, его не существует, или, как сказал Агассис, "его нет в природе". Однако величайший из человеческих ученых далеко не всегда знаком со всеми силами и разрешениями, заключенными в безграничной, непостижимой, непостижимой *природе*. Именно догматизм, а не наука, утверждает, что факты, наблюдаемые органами чувств человека непрерывно с момента рождения его расы и до настоящего времени, не имеют позитивного существования.

Царит закон; и мы не знаем ни одного закона, который бы разрешал возвращаться за пределы могилы; следовательно, ушедшие духи не могут навестить оставшихся в живых на земле. Такова часто позиция и аргументация теологии, науки и культуры. Но мы задаем им вопрос: "Уверены ли вы, что вам известны все законы, силы, агенты и разрешения в обширных хранилищах природы? Исследовали ли вы все сферы Вселенной и можете ли утверждать, что вы точно знаете, что нигде не существует сил, с помощью которых аномальные для человеческой науки вещи могут быть явлены человеческим чувствам? Практически вы говорите: "Да". И таким образом вы укрепляете и быстро расширяете веру в бессмертие.

Стоит ли оплакивать результаты вашего курса? Пожалуй, нет. Истощение и исчезновение старой веры и последующее состояние неверия могут быть предусмотрены методами Провидения, потому что последнее состояние может быть наилучшим для индукции веры, основанной на демонстрации, там, где ранее жила вера, опиравшаяся на догматический авторитет.

Скептицизм нашего поколения в отношении будущей жизни - это результат общего и продвинутого образования, которое требует доказательств как единственного надлежащего основания для веры. Это образование приучило мыслящие массы требовать, чтобы учителя разбирались и либо опровергали, либо принимали разумные факты, о которых много говорят. Миллионы и миллионы жителей христианства день за днем и час за часом наглядно убеждаются в том, что духи ушедших смертных дают знать о своем реальном присутствии среди оставшихся в живых людей в земных формах. Они говорят ведущим умам мира: "Возвращение духов - это факт в природе: оно явлено нашим физическим чувствам; мы знаем, что это правда. Поэтому, приверженцы закона и научных методов, докажите нам нашу ошибку, если мы обманываемся.

Более пяти и двадцати лет мы обращаемся к вам с этим призывом, и вы до сих пор не дали никакого ответа, кроме догматического утверждения, что видимость, которую мы наблюдаем, является результатом мошенничества, фантазии, заблуждения и тому подобного. Это вас не устраивает. Мы утверждаем, что ушедшие духи людей творят чудеса на земле. Это утверждение верно до тех пор, пока не будет доказано, что чудесные события, свидетелями которых мы являемся, - дело рук других агентов. Каждый уходящий год укрепляет это утверждение. И если проверка такого материализма, утверждающего, что человек лишен каких-либо свойств, которые сознательно переживут смерть его тела, и если положительная демонстрация выживания человека за пределами могилы, будут вопросами, которые методы Провидения используются для продвижения, то неожиданное количество возвращающихся духов недавно и сейчас, и частота их появления, вместе с последующей ежедневной и ощутимой демонстрацией жизни за пределами настоящего, приходят к человеку наиболее своевременно - приходят к нему как тогда, когда огромные массы смертных готовы встретить и приветствовать их как друзей и родственников, так и, что

особенно важно, когда их присутствие ослабляет силу ярких и ведущих умов, заставляя мыслителей нашего века предвидеть уничтожение себя, своих сородичей и своей расы и страдать от потери стимулов и радостей, которые сопровождают предвкушение будущих небес.

Столь желанное, эффективное и благотворное пришествие невидимых актеров и учителей, свидетелями которого мы являемся сегодня, по-видимому, было бы невозможно, если бы колдовское вероучение наших отцов оставалось в силе для их потомков. Методы Провидения, по-видимому, включали в себя как отмену этого верования, так и достаточный промежуток времени для воспитания и культуры народа до такого уровня, чтобы большая его часть была приспособлена и расположена принять обратно ушедших именно тогда, когда их доказанное присутствие станет тем великим фактом, который в распоряжении человека и который эффективно удержит прогрессирующих и благодетельных ученых-физиков от выводов и учения о том, что все эмигранты жизни погружаются в безлучевую пучину небытия.

Непрерывная нить методов Провидения, кажется, прослеживается через многие из самых мрачных и шокирующих сцен человеческой истории. Многие из величайших достижений человека были преодолены через муки и пытки, виновников которых мы осуждаем. Не слишком ли много, чтобы сказать, что такая нить связывает в качестве орудий добра фараона, Понтия Пилата, колдовство и многих других выдающихся личностей и сцены, которые были сделаны, чтобы способствовать освобождению угнетенных и страдающих смертных? Разрешение грехов, страданий и несправедливостей исходит от Бесконечного Благодетеля.

В деревне Салем существовали подходящие средства для разрушения того особого вероучения христианства, которое закрывало и запирало ворота, навешанные природой для обеспечения выхода из могилы; и мудрейшие и добрейшие обитатели свыше были в настроении, чтобы позволить страданиям и мукам достаточно обрушиться на смертных там, чтобы пробудить их от глубокого заблуждения и побудить их открыть эти особые ворота. Они сломали решетку, но пыль и мусор еще долго мешали открыть ворота. Потребовалось полтора столетия для такого освобождения смертных от судорог заблуждения и для такого упражнения свободной мысли в стране свободных школ, которое воспитало бы в народе мужество, способное спокойно спросить любого таинственного посетителя, кто он такой, откуда пришел и чего хочет. В свое время это можно было сделать и было сделано. Когда культура и наука широко распространяли убеждение, что для человека нет будущего, один человек вышел из страны ушедших, постучался в стены коттеджей, обрел слух простых людей, заманил множество других духов последовать за ним в человеческие обитатели; и многочисленная группа вернувшихся - теперь единственное воинство, которое может эффективно остановить разрушающее надежды продвижение материализма и предоставить миру осязаемую демонстрацию будущего для душ людей.

В 1692 году беспрецедентное по своей силе напряжение в его применении разрушило давно лелеемое и укоренившееся в христианстве заблуждение, что дьяволы без плоти и воплощенные дьяволы - единственные существа, которые могут действовать и общаться за чертой, разделяющей эту и потустороннюю жизнь. Этот разрыв позволил христианам узнать, что долг призывает их "испытывать духов". Со временем появилось поколение, которое выполнило этот долг. Духи Божьи - добрые духи и другие - посещают человеческие жилища, и их присутствие само по себе является положительным доказательством того, что человек выживет за пределами могилы. Их появление, по общему признанию, кажется божественно своевременным, поскольку оно происходит тогда, когда их присутствие с силой стремится

сдержать и обещает остановить преобладающую сильную тенденцию науки и культуры, согласно которой человек обречен на мрачное уничтожение. Благотворная интенсивность особого воздействия на конкретное заблуждение девять десятков лет назад объясняется силой веры, характера и действий, а также неожиданным размахом и превосходством медиумических средств, существовавших тогда в деревне Салем, чье выдающееся действие и применение сделали это место надолго запоминающимся; и мы считаем справедливым рассматривать его как точку, из которой исходили влияния, плоды которых и сегодня являются выдающимися благословениями для христианского мира. Методы Провидения часто извлекают самое лучшее добро из самого страшного зла.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Дьявол колдовства в христианстве.

Христиане, когда колдовство в Новой Англии имело место, обычно верили, что оно возникло, исходило от *одной* огромной злобной личности, обладающей ужасающими силами, аспектами и эффективностью, и управлялось ею. Справедливое понимание того, что представляло собой это существо, необходимо для того, чтобы иметь хоть какое-то представление о происхождении, росте, силе, выходе и подлинном характере событий, которые переросли такие страшные раздоры, ужасы, кровопролития и душевные муки, какие когда-либо переживали или переживали любые мужественные, умные и совестливые люди.

Христианство во времена наших пуританских праотцов верило в дьявола, характерного для нескольких столетий, в того, кто появился на свет более современно, чем Библия или другие древние истории, кто сильно отличался от любого существа, описанного в еврейских или языческих записях древности, и не имеет аналогов, мы уверены, ни в одном вероучении сегодняшнего дня.

Вероятно, существует множество как злобных, так и благожелательных, невидимых личностей, которые часто влияют на людей и их дела. В невидимых мирах могут существовать могущественные *злые существа*, которые там управляют множеством людей, схожих с ними по нраву. Ни существование множества дьяволов, ни их вмешательство в мир и благополучие человека не ставится под сомнение.

Авторы Библии, используя термины "дьявол", "сатана" и другие подобные, обычно обозначали, как это часто делает наш век, существ, совершенно не похожих на дьявола, которого представляло себе и боялось христианство от двух до пятисот лет назад. До и во времена Иисуса и его апостолов подобные термины часто применялись к тому, что в видимом или невидимом мире искушало людей, побуждало их к несправедливым поступкам или препятствовало их продвижению к добру. Иисус сказал одному из учеников: "Отойди от Меня, *сатана*!" И это только потому, что Петр давал ему советы, скорее плотские, чем духовные, и которые были призваны отговорить Иисуса от следования курсу, к которому его

побуждала совесть. Сам факт дачи неразумного совета сделал Петра *сатаной*. Обратившись к 2 Цар. xxiv. 1, вы можете прочитать, что Господь, разгневавшись, велел Давиду перечислить народ. Снова обратившись к 1 Хрон. xxi. 1, вы найдете описание той же операции, в котором говорится, что "*сатана*... спровоцировал Давида исчислить Израиль". Таким образом, на библейском языке даже Господь, когда гневался, был эквивалентен сатане. Во времена пророков любого обвинителя в суде справедливости или правосудия можно было с полным правом назвать сатаной, поскольку тогда этот термин был применим к любому противнику или оппоненту, какого бы ранга или характера он ни был.

Очень позднее, чем во времена Давида, слово "*дьявол*" часто имело гораздо более мягкое значение, чем то, которое оно обычно имеет сейчас. Иисус сказал (Ин. Vi. 70): "Не двенадцать ли Я избрал вас, и один из вас *дьявол*?" Назвав ранее Петра "сатаной", Иисус здесь назвал Иуду *дьяволом*. Таким образом, высшие христианские авторитеты говорили о неразумных и вероломных людях как о сатанах и дьяволах и тем самым показывали, что эти слова в древности иногда применялись чистыми и мудрыми людьми к другим существам, а не к одному особому великому злобному духу. Дьявол современного *колдовства* был неизвестен Иисусу и всем библейским авторам.

Откуда же, если не из Библии, христиане семнадцатого и некоторых более ранних веков получили те особые представления о нем, в которых дьявол почти уравнивал, по злобе и чудовищности, благость и красоту Бесконечного Бога? Где они его нашли? Насколько мы понимаем и верим, его подобие никогда не признавалось ни за пределами христианства, ни до наступления темных веков. Ни одно существо, воистину похожее на него, не вызывало страха как враг ни у кого, кроме христиан, и не вызывало его до последней тысячи лет. Мы знаем лишь, что во времена Реформации он стал огромным и страшным; И мы верим, что болезненная фантазия в монастырях Европы на протяжении нескольких веков использовала свое лимнистическое словесное мастерство и таким образом очерчивала и чернила по частям свои самые *ужасные* представления о чертах и выражениях существа, настолько чудовищного по форме, настолько могущественного, хитрого и злобного, насколько только могло придумать воображение, и таким образом подарила христианскому миру дьявола, созданного монахами, - отвратительное олицетворение зла. Со временем на это родившееся в монастыре пугало стали смотреть как на воплощенную злобу, как на бессмертную, вездесущую личность, как на живого изверга ужасной силы, за которым должен наблюдать, которого должен бояться и с которым должен бороться каждый богобоязненный человек. Мы смотрим на него как на плод человеческой фантазии. Но не так поступали наши предшественники. Они приписывали своему дьяволу ужасной формы и огромных размеров совсем иное происхождение и природу.

Где он родился и какова его природа, согласно верованиям тех, кто завез его на берега Новой Англии, - важные вопросы, ответы на которые должны быть поняты, прежде чем можно будет оценить положение, в которое их вероучение поставило наших предков, и то направление и силу, которые оно придавало их действиям всякий раз, когда кажущийся дьяволизм не только страшно нарушал частные очаги и социальные отношения, но и угрожал владению землей, а также существованию церкви и государства во всех колониях.

Их Автор колдовства был задуман, в него верили и излагали на языке, как рожденный на небесах - некогда славный ангел, но отступник и изгнанный со своих родных небес; как одна могущественная, злобная личность, почти вездесущая, почти всеведущая, уступающая в могуществе одному только Всемогущему Богу и почти равная Ему. Как цитирует Апхэм, т. i. с. 390, Виериус, ученый немецкий врач, описывает дьявола как человека, "обладающего великой храбростью, невероятным коварством, сверхчеловеческой мудростью, острейшей

проницательностью, непревзойденным благоразумием, несравненным умением скрывать самые пагубные хитрости под благовидной маскировкой и злобной и бесконечной ненавистью к человеческой расе, непримиримой и неизлечимой". "Он, - говорится в "N. А. Сус." Эпплтона, - часто изображался на сцене, "часто изображался на сцене с черным цветом лица, горящими глазами, сернистым запахом, рогами, хвостом, крючковатыми ногтями, и копытами". Многие из ныне живущих видели его почти таким же на некоторых старых иллюстрированных изданиях Библии.

Но всеобъемлющая фантазия и возвышенная дикция одаренного Мильтона, освобожденного, по поэтическому разрешению, от приверженности фактам, вероисповеданию или другим удручающим ограничениям, мастерски и приемлемо изобразили черты и особенности, соответствующие воплощению его самых высоких представлений о сочетании величия, мощи и злобы, и тем самым побудили его самого и будущие века склониться в благоговении перед дьяволом, который по величию намного превосходит все, что монашеские силы были в состоянии придумать и описать. Он вменял Сатане "глаза, сверкающие огнем; другие его части, кроме склонных к потопу, длинные и большие, плавали на много верст", ... "непобедимую волю, и изучение мести, бессмертную ненависть, и мужество никогда не покоряться и не уступать", ... "решимость вести силой или коварством вечную войну, непримиримую с нашим великим врагом, ... вечно творить зло - наше единственное наслаждение, как противоречащее его высокой воле, которой мы сопротивляемся; если же его провидение из нашего зла стремится произвести добро, наш труд должен быть направлен на то, чтобы предотвратить этот конец, а из добра все равно найти средства для зла". Таким был "разрушенный архангел" великого поэта; почти таким было его представление о нем в широких кругах христианства. Он был одним могущественным злым духом - повелителем всех извергов, неустанно причиняющим вред и телу, и душе человека.

Такие представления были распространены как в Европе, так и в Америке. Но в Америке действовал и другой взгляд, не менее ужасающий, чем все вышеперечисленные, и более непосредственно затрагивающий мирские интересы людей, что делало особенно необходимым для всех владельцев собственности противостоять дьявольским наскокам. Коттон Мазер называл этого заклятого злоумышленника "великим землевладельцем"; о нем говорили так, словно он считался не только временным, но и духовным правителем всех индейских племен и их земель, а также соперником Бога и Христа за империю на всех и каждой части американского континента, где христиане посягали на владения его соболиного величества. Бог и дьявол - каждый из них был огромным и могущественным духом, осуществляющим власть и господство в широких пределах, если другой позволял ему это; и эти два могущественных духовных правителя часто вступали в острый конфликт с сомнительным исходом за империю над отдельными частями земли. Дьявол - и такой дьявол тоже - занимал много места не только в теологии и философии ученых, но и в повседневных и мирских мыслях простых колонистов.

Апхэм решительно и правдиво заявил (vol. i. p. 393), что наши отцы "находились под впечатлением, что дьявол, не сумев помешать прогрессу знаний в Европе, оставил свои попытки эффективно препятствовать ему там; удалился в американскую глушь, намереваясь здесь сделать последний рывок; и решил сохранить за собой нерушимую империю над всем континентом и своими языческими союзниками, коренными жителями". Наши отцы объяснили необычное появление и вторжение лукавого среди них в 1692 году, предположив, "что это была отчаянная попытка помешать им принести цивилизацию и христианство в его излюбленное убежище; и их души воспламенились славной мыслью, что, энергично ведя

войну против него и его сообщников, ведьм, они станут избранными и почетными инструментами в руках Бога для разрушения и уничтожения последнего оплота на земле царства тьмы".

Этот могущественный дьявол, главнокомандующий бесчисленным сонмом всех дьяволов, демонов, сатаны, индейцев, язычников, грешников на земле, над ней, на ней и вокруг нее, этот могучий соперник за господство над Богом и Христом и всеми добрыми христианами, был признан автором всех дел, называемых колдовством, производя их через людей, которые добровольно завет служить ему и которые жили среди людей, которым он досаждал; Ибо мы скоро увидим, что философия тех времен не допускала иного доступа к человеку, кроме как через тех, кто был в завете с ним самим.

Любой заключивший договор с таким дьяволом, то есть любой волшебник или ведьма, мог рассматриваться обществом как не менее грозный, чем прожорливый волк, забредший в христианскую овчарню, который, если его немедленно не раскопать и не убить, либо действительно сожрет, либо отпугнет от своих пастбищ всех тех, кто со своими потомками пересек океан, чтобы кормиться на холмах и в долинах Америки. Наши отцы чувствовали, что в колдовском конфликте на карту поставлено владение и ценность их домов и земель, а также временный мир и процветание общества, его религиозные привилегии и спасение человеческих душ. Их вера, их интересы, мирские и духовные, их мужественность и все, что было в них смелого, сильного и доброго, призывали их смело встретить даже такого дьявола, как описанный выше, и бороться с ним любыми способами, которые были опробованы и одобрены в Европе; главным из них было захватить его заветных слуг - его оружие - и заставить их замолчать быстро и навсегда. Ведьмы должны умереть!

Ограничения власти дьявола.

Создатели вероучений до Реформации считали, что, вероятно, это правда, что естественные барьеры во все времена эффективно препятствовали даже самому могущественному дьяволу, а также всем его развоплощенным импам вступать в такой тесный контакт с человеческим телом или любым другим материальным объектом, который позволял бы им производить эффекты, ощутимые физическими чувствами человека. Будучи сами по себе духами, как земными, так и иноземными, дьяволы могли иметь прямой доступ к умам и душам людей, могли вредить им и, без помощи смертных, могли подстрекать людей к злым поступкам и саморазрушению, но при этом, до тех пор, пока им не помогал добровольный союз людей, они были абсолютно неспособны воздействовать на материю - не могли подвергать человеческие формы припадкам, подергиваниям, кувырканиям, превращениям, болезням, болям и т. д., как это было у околдованных в древности, и как это происходит со многими медиумами в наши дни. Дьяволы, раньше, и духи сейчас, чтобы сделать эффекты своих сил наблюдаемыми, или чтобы заставить себя чувствовать внешними чувствами людей, обычно должны действовать сначала и непосредственно на эквивалент такой нервной жидкости или ауры, которая позволяет разуму человека управлять его собственным телом. Любой развоплощенный дух, какого бы уровня или характера он ни был, может быть и, вероятно, редко способен управлять этой промежуточной аурой или *чем-то подобным* - за исключением тех случаев, когда он находится в животном организме или рядом с ним, который обладает теми свойствами или условиями, какими бы они ни были, которые делают человека медиумом. Создатели колдовского вероучения, вероятно, усвоили, что природа всегда и везде делает материю неосязаемой непосредственно духом, из чего они сделали вывод, что дьявол никогда не сможет войти в тесный контакт с человеческими телами без

помощи какого-то духа или придатков какого-то духа, который поддерживает живой союз с материей и, следовательно, имеет в себе или вокруг себя нервную жидкость или ее эквивалент, который может быть использован не его собственным разумом - может быть одолжен или, по крайней мере, может быть абстрагирован.

Проникновенное наблюдение теперь совершенно отчетливо показывает, что управление человеческими организмами развоплощенными духами обычно сопровождается условиями, в корне аналогичными предшествующему завету. Старые создатели вероучения, возможно, рассуждали на основе фактов опыта и наблюдений гораздо более широко и логично, чем это представляется нынешней эпохе. Мы не испытываем особого желания и не видим, чтобы на нас лежала какая-либо особая обязанность смягчать поступки тех монахов, которые в темные века и сфабриковали, и заковали в кандалы дьявола колдовства. Тем не менее мы не отказываем им в таком оправдании, которое может вытекать из проходящих мимо фактов. Мы уже говорили о вероятности того, что природа делает физического человека неосязаемым при помощи духов напрямую. Благодаря длительным наблюдениям за их действиями, мы предполагаем, что духи способны с первого взгляда прочесть свойства каждой формы, которой они уделяют особое внимание, и без труда определяют, какие организмы поддаются их контролю при наличии благоприятных условий. Одним и важным условием является отсутствие сопротивления контролю со стороны разума, к которому относится восприимчивый организм. Настоящий владелец, как правило, *может* удержать свои нервные флюиды, ауру или те свойства, любого рода или названия, которые дух должен использовать в процессе управления; и, следовательно, *квази-согласие*, равносильное, по крайней мере, молчаливому согласию со стороны медиума, обычно является необходимым предварительным условием для любого современного проявления духа, особенно с медиумами, не очень привыкшими к тому, чтобы их контролировали.

Когда и где преобладала вера в то, что все развоплощенные духи, когда-либо действовавшие в человеческих формах, были дьяволом или его импами, вывод о том, что те, кого он контролировал, заключили с *ним* соглашение, был естественным и почти необходимым. Ведь соглашение или консенсус между управляющим духом и волей управляемого человека очень распространены сейчас и, без сомнения, были во все прошлые века. Однако предположение, которое, по-видимому, было распространено в прошлом, что такой консенсус подразумевает вечные взаимные обязательства между дьяволом и человеческой душой или продажу этой души Злому, не может требоваться или предполагаться никакими фактами, доступными современному наблюдению. Несомненно, каждое последовательное использование свойств определенного тела интеллектом извне, как правило, позволяет чуждому духу впоследствии управлять этим телом со все большей легкостью для себя и с большим удовлетворением, вероятно, для обеих сторон; и эта практика, если она взаимно приятна, делает вероятным длительное сотрудничество; но сотрудничество на время не налагает никаких обязательств или необходимости, чтобы стороны оставались соединенными навсегда. Совместное использование одного и того же магнетизма, нервных элементов или чего бы то ни было общего, может привести к тому, что дух и смертный сроднятся в своих вкусах, эмоциях, мотивах и характерах. Это сотрудничество может вызвать между ними такую симпатию, что каждый из них может часто прибегать к помощи другого, и вместе они могут проявлять как физические, так и психические силы, которые ни один из них не смог бы проявить в одиночку. И вполне возможно, что освобожденный дух может быть настолько связан в симпатии с множеством других духов, что к его услугам будут объединенные силы многих из них, так что через одну человеческую форму во внешний мир может быть явлен эффект объединенных сил легионов вознесенных духов, как хороших, так и плохих, в одной согласованной группе.

Очевидно, что духовные существа, какого бы качества они ни были, обычно зависят для любого проявления во внешнем мире от одного или нескольких из класса смертных, обладающих особыми свойствами или восприимчивостью. Природа, похоже, навязывает такую необходимость. Она не позволяет даже собственному духу человека воздействовать на его стабильное тело напрямую, а только через нечто неуловимое перед микроскопом и скальпелем.

Завет с дьяволом

Возможно, самое страшное и губительное из всех заблуждений наших предков - то, которое породило, взрастило и усилило величайшее зло колдовства, - заключалось в том, что ни их огромный дьявол, ни какой-либо подчиненный ему дьявольский дух, не могли получить доступ к внешней природе и человеческим телам ни через какие другие пути, кроме как через какого-нибудь мужчину, женщину или ребенка, который уже *добровольно заключил с ним или с ним явное соглашение быть его послушным и верным слугой в обмен на помощь и благодеяния, которые дьявол обещал оказать в качестве вознаграждения*. Когда такой договор был ратифицирован подписью в дьявольской книге, написанной кровью смертного, дьявол и его хозяева становились подвластны призыву своего нового слуги, а слуга - призыву дьявола, так что любой из них мог использовать силы обоих для сотрудничества в исполнении любой злобы или дьявольского преступления и в отношении любого указанного лица. Предполагаемый факт, что дьявол может использовать способности и свойства человека, не заключившего с ним завет, в сочетании с верой в то, что он должен иметь добровольную помощь какого-то человека, когда он вредит людям, был тем особым убийственным ингредиентом веры, который побуждал добрых и гуманных людей к обильному пролитию невинной крови. Заключение этого завета и открытие тем самым отверстия для входа дьявола через природный барьер, а также принятие в христианское лоно волка, который иначе не смог бы туда войти, составляло суть преступления колдовства. Этот заветный акт превращал мужчину или женщину, заключивших завет, в волшебника или ведьму; а Бог сказал: "Не дай жить ведьме".

Защита дьявола.

Гуманный и справедливый обычай позволяет обвиняемым выступать от своего имени. По общему мнению, даже заключенный, находящийся сейчас у нас на скамье подсудимых, всегда имеет право на свое право, и мы с радостью предоставляем ему возможность защищаться. Под псевдонимом Сатана, используя культурного англичанина в качестве своего амануэнта, он недавно порадовал мир своей автобиографией, в которой он говорит: "Я - сила.

"Я - сила. Я - сила под Богом, и как таковой я выполняю задачу, которая, какой бы нелюбимой и болезненной она ни была, призвана воплотить мудрые и благотворные цели Бога на благо человека..... Я - образ зла, которое есть в человеке и проистекает из его божественно дарованной свободы нравственного выбора. Это зло я дисциплинирую и исправляю, а также представляю; таким образом, я также являюсь божественным учителем, чтобы привести мир к Богу. Мое происхождение - человеческое, сфера моего действия - земная, мой конечный конец - растворение. Зло должно прекратиться, когда добро станет всеобщим. И хотя я не могу похвастаться небесным рождением, я отрекаюсь от дьявольских наклонностей. Хуже самого ужасного человека я быть не могу. Я действительно своего рода дворняжка,

рожденная, выращенная, воспитанная и взращенная человеческой фантазией, глупостью и мошенничеством. Как таковой я обладаю своего рода квази-вездесущностью и квази-всезнанием, ибо я существую везде, где есть человек, и, обитая в человеческих сердцах, знаю все, что люди думают, чувствуют и делают. Поэтому я обладаю властью искушать и вводить в заблуждение; и эту власть, когда я в самом плохом настроении, я с удовольствием использую..... Я олицетворяю темную сторону человечества и Вселенной..... Я существую в каждой стране и занимаю уголок в каждом человеческом сердце.... Я - дитя человеческой спекуляции: Я появился первый день, когда человек задался вопросом: "Откуда этот мир, в котором я живу и частью которого я являюсь?"[1].

Откровенность, ясность, определенность и смысл, взятые в сочетании со спокойным, серьезным тоном и мягким, откровенным духом, в котором его тогдашнее спокойное Величество продиктовал этот рассказ о себе своему преподобному писцу, завоевывают наше доверие и заставляют нас верить, что он говорит только простую правду, когда описывает себя как "олицетворение темной стороны человечества и вселенной", "как того, кто "не может похвастаться небесным рождением", но был "рожден, выращен и воспитан человеческой фантазией, глупостью и мошенничеством", как обладающего "своего рода квази вездесущностью и квази всезнанием", существующего "везде, где есть человек,обитающий в человеческих сердцах", знающий "все, что люди думают, чувствуют и делают", обладающий силой "искушать и вводить в заблуждение" и в своих "худших настроениях с удовольствием пользующийся" этой силой. Такой сатана, или дьявол, несомненно, существует. Но, хотя мы и признаем, что он был могущественной безличной силой во время колдовских сцен, он значительно отличается от рожденного на небесах "падшего архангела", в которого верили, которого боялись и с которым, как предполагалось, боролись добрые люди Новой Англии.

Олицетворение принципа зла, или "темной стороны человечества и вселенной", - единственный дьявол, который одновременно присутствует со всем человеческим родом. Но множество невидимых личностей - земных, расширенных, хитрых, злобных и могущественных - могут действовать на человека, и группы таких личностей могут быть подчинены некоторым более сильным представителям своего вида, которые правят ими как князья темных сил воздуха. Злобные покойные смертные - единственные развоплощенные дьяволы, которые вредят человечеству. Мы верим во *многих* дьяволов, но не в главного колдуна христианства.

Дьявол наших отцов, хотя и выдуманный, был главной причиной бед колдовства, а потому заслуживает внимания в первую очередь при любой попытке подвергнуть этот вопрос новому анализу.

Демонология и некромантия.

Демонология - общение с демонами - подразумевает общение с духовными личностями; но они могут быть как хорошими, так и плохими, и могут состоять полностью или только частично из умерших человеческих существ, если только существуют какие-либо другие категории духов, живущих в земных духовных сферах или способных войти в них: скорее всего, их нет.

В прежние века эти демоны часто считались промежуточными посланниками и связующими звеньями, облегчающими общение между смертными на земле и самыми выдающимися богами наверху. Эта идея, в некоторой степени оговоренная, возрождается сейчас в умах

тех, кто получает от своих ушедших друзей указания и влияния, манящие людей на небо. В старой вере слово "демон" использовалось для обозначения духа, который может быть хорошим; и демонология тогда, отнюдь не заклеянная как дьяволизм или отношения с одним великим Дьяволом и его особыми почитателями, обычно считалась не только невинной, но и полезной;—так же, как сегодня общение человека с его развоплощенными родственниками и друзьями или с заблудшими, покинутыми и страдающими душами, ищущими поддержки и утешения, которые они могут получить не иначе как из земного источника, считается полезным теми любящими и филантропическими мужчинами и женщинами, которые принимают активное участие в подобных демонологических беседах сейчас. Какой бы плохой ни казалась демонология в наши дни, когда это слово стало означать только общение с плохими и деморализующими духами, было время, когда и она, и некромантия, или общение с мертвыми, могли быть законно применены к таким беседам, какие были у Иисуса с Моисеем и Илией на горе Преображения; и поэтому тогда могли импортироваться общения, которые одухотворяли и возвышали того, кто испытал их действие. Строго говоря, мертвых не существует. Моисей и Илия были живыми людьми, когда их видел Иисус. Сократ и многие другие древние и мудрые учителя черпали много глубокой мудрости и вдохновения из заветных глубин демонологии и некромантии, и пример таких мудрых и добрых людей древности имеет практическое подражание со стороны духовно настроенных и филантропических учеников современных коммуникаторов, живущих в сверхъестественных сферах.

Библейская ведьма и колдовство.

Очень большая разница существовала между колдовством библейских времен и колдовством христианства через пятнадцать сотен лет после того, как Иоанн записал Откровение. Разница была почти такой же заметной, как и между дьяволами этих двух периодов.

Слово "ведьма", по-видимому, в первую очередь означает "*знающая*" и, возможно, всегда намекало на знание или силу, приобретенную каким-то таинственным способом. Ведьма обычно означает не только *знающего*, но и любого человека, который получает знания или помощь с помощью таинственных процессов. *Колдовство* было произнесением знания или применением силы, полученной таким образом. Но ни все подобные высказывания, ни все подобное применение силы не назывались в библейские времена колдовством. Это далеко, очень далеко не так. Даниил, Иезекииль и Иоанн Откровенник получали знания таинственным образом из уст ушедших людей; однако их распространение этих знаний называлось не *колдовством*, а *Словом Божиим*.

Писание не говорит о женщине из Ендора как о ведьме или практикующей колдовство, хотя она обладала и духом-знакомцем, и такими ясновидческими способностями, что по ее призыву Самуил стал видеть себя с ее помощью; и он либо использовал ее органы речи, либо внушил ей использовать их, произнося упреки Саулу и предсказывая его грядущую судьбу. Это не было библейским *колдовством*; хотя, отступая от библейского прецедента, современный мир вошел в привычку называть Эндорскую женщину *ведьмой*, хотя в Библии этот эпитет к ней не применяется.

Законодатель сказал Моисею: "Не позволяй жить ведьме", но если этот учитель и дал какое-то четкое определение ведьме или колдовству, то до нас оно не дошло. Насколько мы можем судить, у иудеев колдовством считалось искушение к *духовной блуде*. Израильский народ считался состоящим в браке с Богом Авраама, поэтому люди, которые *знаками*, чудесными

изречениями и действиями склоняли евреев к неверности брачным отношениям с их Богом, были ведьмами. Преступление колдовства заключалось не в простом изложении знаний, знамений и чудес с помощью знакомых духов, поскольку пророки и апостолы часто делали это, когда излагали "слово Божье". Колдовство было применением сверхъестественных знаний и сил с особой целью соблазнить и искусить людей поклоняться Молоху или другому языческому богу. (См. Лев. хх. 5, 6.) Библейское колдовство - это *использование таинственных приобретений для обучения ЕРЕСЬЮ*.

Ведьма и колдовство протестантского христианства.

В семнадцатом веке большая часть библейских понятий "ведьма" и "колдовство", а также "демон" были либо извращены, либо отброшены, и стало распространено убеждение, особенно за пределами католической церкви, что никто, кроме *злых* духов, не может приходить к людям, а также что "дни чудес, или особых проявлений непосредственно от Всемогущего, прекратились". Тогда и личный дьявол, рожденный на небесах, но отступник, а также, возможно, мириады других рожденных на небесах, но мятежных и изгнанных ангелов, могли, и только такие низменные духи, получить доступ в наш внешний мир; и они могли войти туда только через человеческие существа, которые добровольно согласились и согласились сотрудничать с ними. На последующих страницах станет ясно, что любой дух, увиденный ясновидящими глазами, независимо от пола, формы, черт лица, цвета кожи или аспекта, был либо самим дьяволом, либо каким-то наваждением, сформированным и представленным им или им, и он нес ответственность за его представление. Наши отцы пришли к твердому убеждению, что все каналы для вдохновений и могущественных дел, доступные со времен Иисуса и его апостолов, были проходами для притока не что иное, как ядовитые воды. Это было печальным заблуждением; Ибо если бы они осознали беспочвенность своей веры в то, что сверхъестественные источники истины, чистоты и благожелательности запружены плотинами, препятствующими излиянию добрых вод на землю, - беспочвенность своей веры в то, что возможность и осуществимость таких дел и вдохновений, которые они называли чудесами, когда-либо ограничивалась чем-либо, кроме естественных условий, - это восприятие должно было бы показать им, что они должны были бы сделать волшебниками Авраама и Лота, Моисея и Самуила, Даниила, Иезекииля и Иоанна Откровенного, поскольку каждый из них общался с духами.

Наши американские предшественники в семнадцатом веке считали невозможным, чтобы добрые духи могли приходить к человеку из светлых обителей, - сомневались, возможно, не верили, что ушедшие мужчины и женщины когда-либо возвращались на землю, кроме как "по непосредственной воле Всемогущего"; их труды и действия оправдывают нас в том, что для них *колдовство было наведением оккультных сил и учений на человека, через согласных смертных, исключительно в злых целях, и только невидимыми интеллектами*.

Дух, душа и ментальные силы.

Среди пользователей английского языка существует недоуменное разнообразие в применении терминов "дух" и "душа". Одни считают дух лишь тонким, невидимым одеянием сущностного человека; другие говорят о душе как об одеянии, а о духе как о человеке, который его носит. У нас принято считать душу *человеком*, а дух - его нижним одеянием во время земной жизни, а внешним, если у него их будет больше одного, когда он снимет свое нынешнее внешнее одеяние. Эта точка зрения не нова. Иногда ясновидящий Павел говорил,

что существует естественное, или внешнее, и духовное, или внутреннее, тело - да, *тело*. Открытые внутренние глаза сегодня часто видят формы духа, пронизывающие внешние формы окружающих их людей. Их наблюдения согласуются с заявлением апостола.

Сущностная природа духа нам неизвестна. Являются ли материя, дух и душа лишь различными комбинациями и состояниями подобных первоэлементов, мы совершенно не в состоянии определить. Практически мы принимаем, что, вероятно, является общепринятым представлением, что материя и душа различаются фундаментально; и, сделав это, мы не можем элементарно отождествить дух ни с одним из них. Поэтому, не имея никаких определенных представлений о присущих ему союзах, мы говорим о нем как о чем-то, возможно, промежуточном между двумя другими - *tertium quid*. Мысль рассматривает его как субстанцию миров, невыразимо более тонких, чем материальные планеты. Дух, в массе своей, не является живым, сознательным существом, в большей степени, чем материя; это более тонкая субстанция, способная, подобно материи, стать организованной и вырасти в живое воплощение души - воплощение того, что составляет живого человека во всех изменениях облачения. Такова наша нынешняя догадка.

Мы полагаем, что мир, элементарной субстанцией которого является дух, как пронизывает, так и окружает этот материальный мир - мир, скажем мы для обозначения нашей мысли, состоящий из материи духа. Невидимость и непроницаемость такой духовной материи не является убедительным опровержением ее существования в нас и вокруг нас вечно. Кто видит электричество, магнетизм, гравитацию, притяжение, сцепление, отталкивание? Кто видит разум или силу, с помощью которой больной палец на ноге сообщает о себе мозгу и вызывает симпатию всего организма? Многие вещи находятся вокруг нас, но известны только в их ощутимых явлениях. Духовная субстанция может быть вокруг нас; мир духов может находиться в материальном мире, сквозь него, на нем и вокруг него. Многие проявления намекают на существование всепроникающего нечего, которое - поскольку это слово короче, чем атмосфера, и не так часто наводит на мысль об осязаемой материи - мы будем называть *аурой*, которая содержит и снабжает элементами, из которых формируются духовные *тела*, элементами твердого мира, на котором живут духи, а также является средой зрения, звука, прикосновения и всех ощущений для духовного или внутреннего организма человека сейчас и здесь. Душа, заключенная в тело, созданное из этой ауры и внутри нее, может, когда и где ей благоприятствуют условия, жить, свободно двигаться и быть счастливой, будь то у камина своего прежнего земного особняка, в земной атмосфере над нами и вокруг нас, в земле под нашими ногами, под водами океана и в них, в небесах над нами или *везде, куда может долететь мысль*. Она дает тело самой мысли. Кирпичные стены и гранитные горы не могут быть помехой для ее движения, для ее свободы и силы видеть, действовать и наслаждаться. Все эти силы и привилегии, вероятно, относятся и к нам как к духам, даже пока мы живем в этих внешних формах, если только мы можем временно отсоединиться от внешнего, как это часто делают медиумы. И все же, пока два тела человека сохраняют свое обычное соединение, нечего, еще не вполне понятное, в целом либо удерживает духовные чувства от познаваемого контакта с тем, что считается их родной аурой, и поэтому они кажутся эмбриональными, либо удерживает внешнее сознание большинства людей от восприятия многих вещей, которые внутренние чувства могут латентно переживать.

Широкий обзор медиумических феноменов поднимает вопрос: видят ли внутренние силы медиумов - сейчас, в этой жизни, и ежедневно - больше, слышат и узнают о духовных вещах, чем внутренние силы других людей, или же главное различие между медиумами и другими людьми заключается в том, что внутренние способности медиумов активизируются,

вследствие некоторой особенности в относительной силе между внешним и внутренним или в связях между двумя наборами органов, сообщать внешнему сознанию, и таким образом позволять своим внешним способностям воспринимать и сообщать то, что познали внутренне, в то время как в массе человечества такой процесс не познан.

Молодой слуга Елисея (2 Царств vi. 17) не мог увидеть воинства духов на холмах вокруг Дифана, которые были видны его господину; но "Елисей взмолился и сказал: Господи, молю Тебя, открой ему глаза, чтобы он мог видеть. И открыл Господь глаза юноше, и он увидел; и вот, гора была полна коней и колесниц огненных вокруг Елисея". Пророк не просил наделить юношу какими-то новыми органами зрения, но лишь открыть те, которыми он уже обладал. Как только те органы зрения в нем, до которых могла добраться аура духа и осветить их, пришли в действие, и он осознал это, юноша увидел духовных существ; эти существа, поскольку пророк видел их все время, очевидно, были так же близки и так же видимы до молитвы, как и после нее. Возможно, какой-то дух изверг силу духа на юношу таким образом, что помог внутренним восприятиям наложить отпечаток на его внешнее сознание. Духи часто бросают некую невидимую ауру с ощутимой силой на внешние глаза современных медиумов, когда эти сенситивы приводятся в состояние для сознательного различения духов. Пробуждается ли при этом новое видение или просто накладывается отпечаток на существующее внутреннее видение внешнего сознания - вопрос, на который пока нет ответа. Возможно, в разных случаях это одно и то же.

Возможно, фактическое различие земных эмансипированных интеллектов нашими внутренними органами, особенно в часы сна, часто происходит с большинством человеческих существ; то есть "внутренний человек", или внутреннее сознание, каждого смертного может быть хорошо знаком многими духами и сценами с духами, так что при освобождении от плоти появляющиеся духи могут найти себя среди знакомых и дома. У некоторых людей - особенно у пророков и медиумов - их знания, полученные через ощущения, испытываемые внутренними способностями, иногда доносятся до внешнего сознания и накладывают на него отпечаток, становясь ощутимо действующими, что эти люди считаются вдохновенными, ибо они говорят так, как никогда не говорил человек - то есть так, как говорит внешний человек.

Либо физические особенности, либо особые отношения между внешним или природным и внутренним или духовным телами, в большей степени, чем количество умственного или морального развития, кажутся необходимыми условиями для легкого медиумизма. Эта точка зрения часто встречается в заявлениях духов и становится вероятной в результате наблюдения многих фактов. Склонности к медиумизму часто проявляются в семьях, примерно так же, как и музыкальные склонности; и способности к медиумизму или музыкальным представлениям в значительной степени конституциональны и передаются по наследству. Моисей, Аарон и их сестра Мириам пророчествовали или были медиумами, передающими сообщения из царства духов. На наших предыдущих страницах рассказывается, что четверо детей Джона Гудвина, три благородные, взрослые и замужние сестры, Нерс, Исти и Клойс, живущие отдельно друг от друга, чью мать называли ведьмой, Сара Гуд и ее маленькая дочь Доркас пяти лет, миссис Энн Путнам и ее дочь Энн, Марта Карриер и четверо ее детей были медиумами. Мы можем добавить к этому списку семь сыновей Севы и четырех дочерей Филиппа в апостольские времена. Конституциональные свойства, сочетания или наделения, отличающиеся от тех, что наиболее часто встречаются в человеческом организме, относятся к тем людям, которые являются или могут быть наиболее пластичными медиумами. У многих людей организованные свойства их физических или психических структур, или и тех, и других, и отношения этих свойств друг к другу, и их

взаимное действие, становятся, временами, настолько измененными из-за тяжелых болезней, близких утоплений, длительных постов, внезапных испугов, сильного горя, из-за использования анестетиков, наркотиков и стимуляторов, и от многих других причин, что те, кому принадлежат эти свойства, становятся временно медиумами, хотя они не наблюдаются или не осознаются таковыми в их более нормальных состояниях. Наиболее распространенными и более мягко действующими агентами или инструментами таких изменений, а также теми, которые производят более продолжительные эффекты, являются магнитные эманации и психологические влияния от позитивных медиумов, действующие на относительно негативные системы. Такие эманации могут быть семенами, зарождающими новое, или удобрениями, ускоряющими и расширяющими существующий внутренний рост.

Эмануэль Сведенборг был, до и независимо от своего заметного духовного озарения в конце жизни, одним из самых эрудированных и прославленных ученых прошлого века, и, будучи правдивым, совестливым, набожным человеком, приученным к точности наблюдений и высказываний, он был замечательно приспособлен для сообщения внешнему миру фактов, которые попали в поле его зрения как наблюдателя в царстве духов; и мы берем из его работ следующие краткие выдержки, которые имеют некоторое отношение к только что представленной теме.

"Человек ничего не теряет после смерти, но остается человеком во всех отношениях..... Многие после смерти испытывают недоумение, обнаруживая себя в теле, в одежде и в доме... некоторые верили, что люди после смерти будут как призраки, о которых они слышали".

"Воля и разум... представляют собой две *органические* формы, ... формы, организованные из чистейших субстанций. Нет возражений против того, что их организация не очевидна для глаза, будучи внутренней для зрения..... Как могут любовь и мудрость действовать на то, что не имеет субстанционального существования? Как еще может существовать мысль?"

Два набора психических сил.

Невидимые учителя, обращаясь к миру, из которого они ушли, часто говорят, что, находясь здесь, они обладали двумя *телами*, одно из которых погребено под землей, а в другом они вышли вперед и до сих пор пребывают; они также говорят, что обладали двумя психическими системами и двойным сознанием, из которых выжило только одно. Совсем недавно наука, продвигаясь вперед в исследованиях, получила представления об этом последнем факте. В своей восьмой лекции "Метод творения", прочитанной 1 мая 1873 года и опубликованной в газете "Нью-Йорк Трибьюн", выдающийся Агассис говорил следующее: - "Все ли умственные способности едины?"

"Все ли умственные способности едины? Существует ли только один вид умственных способностей во всем животном царстве, различающийся только интенсивностью и диапазоном проявления? В серии восхитительных лекций, прочитанных недавно в Бостоне доктором Браун-Секаром, он изложил своей аудитории *новую философию умственных способностей*. Путем физиологических экспериментов, в сочетании с тщательным изучением и сравнением патологических случаев, он пришел к выводу, что существует *два набора*, или двойной набор, психических сил в человеческом организме, или действующих через человеческий организм, существенно отличающихся друг от друга. Одна из них может быть обозначена как наш обычный сознательный интеллект; другая - как высшая сила, которая управляет нашей лучшей природой, решает, иногда внезапно и неожиданно, а может быть, даже во сне, наши проблемы и недоумения, подсказывает нужные вещи в нужное время, действуя через нас без нашего собственного сознательного действия, хотя и

поддается тренировке и возвышению. Или, скорее, я должен сказать, что наш собственный организм может быть обучен быть более пластичным инструментом, через который эта сила действует в нас.

"Я не вижу причин, по которым эта точка зрения не должна быть принята. Она согласуется с фактами, насколько они нам известны. Эксперименты, с помощью которых мой друг доктор Браун-Секард убедился, что тонкий механизм человеческого организма, о котором мы так мало знаем в его связи с психическими процессами, иногда подвергается воздействию силы, находящейся вне нас и знакомой с этой организацией настолько, насколько мы ее не знаем, не менее остры, чем любопытны и интересны".

Многие люди, включая автора этих страниц, более двадцати лет назад обнаружили среди "явлений, называемых духовными", многие, которые, казалось, настоятельно требовали расширения базы любой психической философии, которую мир в целом представил их вниманию, и предположили, что среди темной работы духов забрезжил свет, который может открыть человеку больше знаний, чем он когда-либо получал как о своей собственной таинственной структуре, так и о своих отношениях и возможных сношениях со своими предшественниками на земле. Многие, понимая это, продолжали вести такие наблюдения и делать такие выводы, какие позволяли их возможности и силы, не обращая внимания на насмешки и холодные плечи; и теперь такие люди с радостью приветствуют прибытие самых передовых ученых мира к *"новой философии психических сил"*; такая философия, как уже давно указывают хорошо изученные проявления, когда-нибудь будет основана на прочном фундаменте доказанных фактов и станет благословением для нашей расы. И спиритизм, и наука, двигаясь разными путями, достигли общей точки, и каждый из них свидетельствует об открытии нового мира в человеке.

"На тонкий механизм человеческого организма, о котором мы так мало знаем в его связи с психическими процессами, *иногда воздействует сила вне нас, настолько же знакомая с этим организмом, насколько мы его не знаем, ... действующая через нас без сознательных действий с нашей стороны, хотя и поддающаяся обучению или возвышению*". Таков вывод доктора Браун-Секара, который поддержал Агассис. Опираясь на такой авторитет, можно смело двигаться вперед в попытках показать, что сама структура человека во все века позволяла определенным человеческим формам контролироваться и использоваться разумными силами вне себя и без собственных сознательных действий, то есть без сознания со стороны индивидуальных умов, к которым эти тела естественно относились. Такие факты являются путеводителями, указывающими пути, по которым производители пророческих, колдовских и спиритических феноменов могут достичь точек стояния для речи и действий, воспринимаемых внешними чувствами людей; эти факты также являются ключами, которые откроют многие камеры тайн, и мы использовали их в поисках среди записей о колдовстве.

Эти выдающиеся ученые не утверждают, а значит, и мы не будем утверждать, что внешняя сила, на которую они ссылаются, - это духи бывших обитателей человеческих тел; но поскольку эта сила *"насколько же знакома с человеческим организмом, насколько мы его не знаем"*, язык, несомненно, подразумевает ссылку на *некую разумную силу*, поскольку ее знакомство с организмом - *это знание*, приобретение которого противопоставляется нашему невежеству. К кому же они могут обращаться, если не к духам какого-то уровня?

Природа вещей предусматривает временные реинкарнации некоторых ушедших духов в физических формах некоторых особым образом организованных и наделенных человеческих существ. Этот факт очень важен, и о нем следует помнить при прочтении данной работы.

Марвел и спиритизм.

Мы неохотно используем слово "чудо", поскольку оно может быть истолковано как обозначающее не только действие, совершенное непосредственно Всемогущим, но и то, что, совершая его, Он действует "вопреки установленной конституции и ходу вещей"; а такой ход, по нашему мнению, никогда не был принят. Поэтому мы будем использовать слово "чудо" для обозначения всех дел, которые, казалось, требовали большего, чем человеческая сила, и понимались как "более чем естественные".

Такое ЧУДО является результатом применения мощных оккультных сил, которые человек не может ни постичь, ни управлять ими.

Спиритизм - это явления, возникающие в результате использования оккультных сил и процессов невидимыми, ушедшими человеческими духами.

Большинство подлинных спиритических явлений - это чудеса; но могут быть, и, возможно, были в колдовских сценах, чудеса, которые не были произведены духами. Мы исключили из определения чуда необходимость в разумном операторе. Безличные притоки многих медиумов могут иногда производить многое из того, что часто приписывают личным духам.

Наше широкое определение позволяет охватить словом "чудо" все сверхъестественные откровения и вдохновения от любого бога, духа или безличных духовных сфер, - все присутствия ангелов или духов, когда-либо воспринимаемые человеком, - все могущественные дела, знамения и чудеса, когда-либо совершаемые пророками, апостолами, магами, колдунами и т. п., - все побуждения, помощь и дела духов, называемых "знакомыми", - все некромантии, колдовство и т. д., и т. п. Как натурфилософия, наш предмет охватывает все это. Его моральные или религиозные аспекты не являются предметом специального рассмотрения в ходе нашего исследования. Спиритизм - как эволюция конечных невидимых интеллектов, использующих не что иное, как природные силы, пусть и оккультные, действующие в подчинении естественным законам и благоприятным условиям - занимает свое законное место среди всего, что появилось в результате действия внутриземных или надземных сил и агентов.

Во все века и во всех странах скрытые разумные существа совершали в присутствии человека многие "могущественные дела" и делали откровения из мира невидимого. На всей Земле раньше и на большей ее части сейчас такие разумные существа были и есть всех характеров и рангов, от очень развитых, чистых и благожелательных до невежественных, испорченных и злобных. Но наши пуританские предки на этом континенте унаследовали и привезли с собой твердую, безоговорочную веру в то, что никакие другие духи, кроме злых, не могут или, по крайней мере, не могут действовать среди христиан, живущих на земле Новой Англии. Таинственные работники и их дела были здесь чрезмерно осквернены чудовищным вероучением, описанным ранее, которое преобладало во всем христианстве в течение семнадцатого и некоторых предыдущих веков, так что знамения, чудеса и могучие дела наших предков принимали формы, характеры и ужасы, которые никогда не были известны среди евреев, христиан или язычников древности и не возрождаются в наше время. Тогда еще не было никаких предположений о том, что те же законы, которые во времена Иова позволяли сатане смешиваться с сынами Божьими, могут позволить сыну Бога - доброму духу - пройти по путям, по которым сыны дьявола - злые духи - подбирались к детям человеческим. Моисей, Илия, Самуил и брат пророка Иоанна были забыты. Мы считаем, что исторические факты свидетельствуют о том, что духи определенного качества действовали на многих людей в американских колониях во второй половине семнадцатого века и через них. Наши отцы не заблуждались на этот счет, но их негостеприимство и яростное хлопанье

дверьми перед лицом этих визитеров вызвало ужасные ответные действия. Одна из главных целей этой работы - опровергнуть позицию последующих историков, согласно которой никакие бестелесные духи не причастны к американскому колдовству.

Поклонение индейцам.

По словам историка Хатчинсона, "предполагалось, что индейцы поклоняются дьяволу, а их колдуны - волшебникам". Подобные предположения в сознании христианства усиливали страх и безжалостные действия на американской земле больше, чем в других местах, всякий раз, когда возникало подозрение в колдовстве. Америка тогда считалась особым владением Злого, и все ее языческие жители рассматривались как его преданные адепты. Поэтому считалось, что его последователи здесь более многочисленны и грозны, чем в других местах, и поэтому его вторжения следовало опасаться больше по эту, чем по другую сторону Атлантики.

Мы должны приписать значительную часть ужасов колдовства таким узким и судорожным религиозным взглядам и чувствам наших отцов, из-за которых все люди повсюду казались им не только изгоями от Бога, но и соратниками Сатаны, не придерживающимися их особого вероучения и не поклоняющимися их процессам. Они практически забыли, что все люди, все народы и племена, являются потомством Неизвестного Бога, о котором Павел говорил афинянам, а также что Его отцовская благосклонность распространяется на Его детей повсюду и привлекает их к Нему методами, соответствующими их обстоятельствам, способностям и потребностям, и, следовательно, что все религиозные вероучения, все способы и формы поклонения могут быть полезны тем, кто ими обладает и пользуется.

История, литература и общественное мнение, относящиеся к религиозной практике североамериканских индейцев, насколько мы помним, очень единодушно приписывают им нечто, близко напоминающее общение и консультации с невидимыми интеллектами. Подобные религиозные обряды проводятся и когда-либо проводились во всех тех первобытных племенах мира, о которых мы достигли хоть сколько-нибудь похожего на точное знание. (Этнология доказывает, что вера в присутствие духов - и, как правило, вера в доступ духов предков - существует среди людей повсеместно, в самых низких по уровню культуры народах, и сохраняется в них по мере того, как они поднимаются в развитии. Доктор Бентли заявил, что "вера в существование невидимых существ если и не является частью каждой религии, то не противоречит ни одной из них". Хатчинсон, цитируемый выше, говорит: "Предполагалось, что индейцы поклоняются дьяволу, а их вожди - волшебники".

Не вызывает сомнений, что подобное предположение относительно поклонения индейцам было распространено в умах жителей Новой Англии вплоть до конца семнадцатого века. Мы также не можем сомневаться в том, что пуритане неправдиво обвиняли аборигенов в поклонении одному великому дьяволу пуританского дьяволизма, поскольку убеждены, что краснокожие люди на самом деле общались со своими предками и другими многочисленными дружественными духами. Ошибочное представление белого человека о том, что его дьявол - это бог краснокожих, оказало немалое влияние на действия общественности во времена колдовства. Идея о том, что их дьявол поддерживает всех аборигенов континента, делала его более грозным врагом, чем он мог бы быть, и усиливала безжалостность белых в их преследованиях тех, кто, как считалось, заключил договор о служении Злому. Возможно, один из современных примеров может со всей ясностью продемонстрировать истинную природу индейского культа в прежние века.

Мы приводим цитату из "Вашингтон Кроникл" за 1873 год, которая приписывается генералу О. О. Говарду, которого часто называют *Христианским солдатом*. Он, как уполномоченный

американского правительства, безоружный и с двумя сопровождающими проник в горные дебри, добрался до жилища индейцев аппачей и попал в присутствие их свирепого вождя Кочиза. После совета с аппачами, "у них было, - как пишет генерал Говард, - молитвенное собрание аппачей, ... один индеец за другим молился или говорил..... Речи Кочиза были, по-видимому, самыми авторитетными; ... Я слышал, как он назвал имя Стагалито, что означает "Красная борода". Из этого я понял, что все наше дело рассматривалось ими в *Божественном присутствии* либо Бога земли, либо Его духов; и, конечно, это были торжественные моменты, ... к счастью, духи были на нашей стороне". Эти слова очень четко указывают на природу того дьявола, которому поклоняются современные индейцы: в одном случае он представляется ни больше, ни меньше, чем вознесенный вождь Стагалито, связанный с другими духами той же природы. Можно ли сомневаться в том, что Хатчинсон искажил факт, если он хотел назвать индейские общения с духами поклонением тому чудовищному существу, для описания которого предназначалось слово "*дьявол*", произнесенное устами священнослужителей или записанное пером интеллигентов в ранние колониальные времена? Мы думаем, что нет. Не было ни правды, ни справедливости в предположении, что краснокожие люди были дьяволопоклонниками в те моменты, когда они консультировались с ушедшими духами; как и в предположении, что их медиумы - их пауверы - были волшебниками. Ложные эпитеты не превращают любое искреннее поклонение, совершаемое даже самыми грубыми из грубых, в дурной поступок. Индейцы двухсотлетней давности, как мы сейчас считаем, имели более правильные представления и лучше знали об общении духов со смертными и о подходящих методах получения полезных стимулов и помощи из царства духов, чем их соседи-христиане, которые неправильно понимали и слепо порицали посвящения, возносимые Великому Духу его детьми в лесах. Индейцы, в меру своих сил, поклонялись Тому, Кто является общим Отцом всех людей любого происхождения и состояния. Они искали доступа к Великому Духу, нашему и их Богу, через общение с духами предков и другими духами. Но предположение, что они поклонялись такому существу, как дьявол христианства, явно неверно.

Коттон Мазер говорил, что "индейцы в целом признавали и поклонялись *многим* богам; поэтому они очень почитали и почитают своих *жрецов*, пау или волшебников, которые считались имеющими непосредственное общение с богами". Преподобный мистер Хиггинсон из Салема говорит, что индейцы в тех краях "поклоняются двум богам - доброму и злему". Мазер и Хиггинсон являются лучшими авторитетами в этом вопросе, чем Хатчинсон. Эти обитатели впечатляющих лесов были спиритуалистами, обученными природой, общавшимися с духами предков, и через них их заманивали и помогали поклоняться Великому Духу Природы - Вездесущему Богу.

Сноска:

[1] Автобиография Сатаны, под редакцией Джона Р. Бирда, доктора философии, Лондон, 1872.